

32. Зорій царевичъ и Елена царевна.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ одномъ государствѣ была у царя дочь Елена прекрасная. Вотъ дошли этой царевнѣ годы замужъ идти, и запроссваталъ царь ее въ Зоріево царство за Зорія за царевича. У царя жила въ придворныхъ баба-яга, у нея были двѣ дочери, вотъ она и стала думать, какъ-бы ей отдать свою дочь за этого царевича. Пришло время отправлять царевну въ Зоріево царство. Нагрузили корабли приданого и отплыли; вмѣстѣ съ царевною въ мамкахъ, поѣхала и баба-яга со своею дочерью. Плывуть день, плывутъ два, скоро Зоріево царство, а баба-яга напустила на царевну и служанокъ сонъ. Вотъ подходитъ къ царевнѣ братъ и говоритъ: „Елена царевна, близко Зоріево царство!“ Царевна проснулась да и говоритъ: „няньки, мамки, вѣрные служанки, что братецъ-то говоритъ?“ А баба-яга ей и отвѣчаетъ: „что братецъ-отъ говоритъ, обернись щукой, кинься въ воду“. Царевна опять уснула. Опять ѣдутъ день, ѣдутъ два, опять подходитъ къ царевнѣ братъ и говоритъ: „вставай, Елена царевна, ужъ больно близко Зоріево царство“. Царевна проснулась и говоритъ: „няньки, мамки, вѣрные служанки, что братецъ-отъ говоритъ?“; А баба-яга опять отвѣчаетъ: „а что братецъ-отъ говоритъ, обернись щукой, кинься въ воду“. Царевна опять уснула. Вотъ подѣхали къ Зоріеву царству; братъ опять подходитъ къ царевнѣ и говоритъ: „вставай, Елена царевна, одѣвайся, ужъ въ Зоріевомъ царствѣ!“ Царевна проснулась и говоритъ: „няньки, мамки, вѣрные служанки, что братецъ-отъ говоритъ“. А баба-яга опять ей отвѣчаетъ: „а что говорить, обернись щукой, кинься въ воду“. Царевна обернулась щукой и кинулась въ море, и вотъ корабль сразу сталъ. Тутъ баба-яга обернула свою дочь въ Елену царевну, върядила и вывела на встрѣчу жениху. Тутъ былъ устроенъ пиръ, и Зорій царевичъ взялъ яги-бабы дочь замужъ. Не могли тотъ корабль сдвинуть съ мѣста и вотъ стали тотъ корабль стерегчи. Вотъ сторожатъ ночь, сторожатъ другую, обмочили сторожа портянки и стали на огошкѣ (такъ) сушить, недосмотрѣли да и сожгли, сидятъ и горюютъ. Вдругъ возмутилось море, подплываетъ къ кораблю щука, ткнулась

носомъ о корабль и стала прекрасной Еленой царевной, стала царевна по кораблю ходить да приговаривать: „свѣтъ мои корабли оснащенные, свѣтъ мои сундуки окованные, собаки по логовищамъ спятъ, курицы по насѣдаламъ сидятъ, а моя-то разлучница спитъ со Зоріемъ со царевичемъ!“ подошла къ сторожамъ „что вы,“ говоритъ, „голубчики, запечалились?“ „Да вотъ сушили портянки да сожгли“. „Не печальтесь, я вамъ новыя дамъ“, отперла сундукъ, нарвала портянокъ, отдала сторожамъ и опять кинулась въ море, уплыла щукой. Вотъ сторожа опять сидятъ ночь, сидятъ другую, обмочили портянки, стали сушить на огошкѣ и сожгли, приплыла Елена царевна щукой, обернулась, нарвала сторожамъ портянокъ и опять уплыла. Дошелъ слухъ до Зорія до царевича. „Дай“, говоритъ, „самъ провѣрю“. Вотъ сидятъ ночь, сидятъ другую, вдругъ возмутилось море, приплыла щука, ударилась о корабль носомъ и стала прекрасная Елена царевна; взошла на корабль, стала ходить по кораблю да приговаривать: „свѣтъ мои корабли оснащенные, свѣтъ мои сундуки окованные, собаки по логовищамъ спятъ, курицы по насѣдаламъ сидятъ, моя-то разлучница одна спитъ, а Зорій-то царевичъ мое добро стережетъ“. Вотъ царевичъ услыхалъ это да за царевной и на корабль, а потомъ и взялъ ее замужъ, а прежнюю жену—дочь яги-бабы на воротахъ разстрѣляли.

Кадниковскій у. 1907 г.

33. Поповна Машенька и Иванъ царевичъ.

У попа и попадьи были три дочери. Старшіе были просужія, а младшая была Машенька дурочка. Попъ поѣхалъ въ городъ, эти сестреницы и наказываютъ по штофнику, а Машенька наказываетъ: „мнѣ привези сосенку“. Попъ уѣхалъ въ городъ, купилъ двумъ дочерямъ по штофнику, а Машенькѣ не можетъ найти сосенки, и пошелъ въ конецъ города и нашелъ сосенку, и привезъ двумъ по штофнику, а Машенькѣ сосенку и отдалъ. Машенька сосенку взяла и унесла въ сѣнникъ. Эти двѣ стали сряжаты къ церквѣ и говорятъ дурочкѣ: „пойдемъ, Машенька, къ церквѣ,“ а она и говоритъ: „не пойду , я лучше пойду погуляю“.

Тѣ ушли къ церквѣ, а Машенька пошла къ Ивану царскому сыну и украла платокъ. Иванъ царевичъ искалъ, искалъ, найти не могъ платка и говоритъ: „ты вѣдь, Машенька, взяла!“, она говоритъ: „нѣтъ,“ схватилъ и нашелъ въ пазухѣ; онъ взялъ да платкомъ-то и поколотилъ. Онъ пошелъ къ церквѣ, а она домой, пришла домой, не отцу, не матерѣ не сказала, прямо въ сѣнникъ въ сосенку, изъ сосенки вынула зайчика, къ зайчику въ ушко слазила, одѣлась и къ церквѣ поѣхала на зайчикѣ и пріѣхала; зайчика подъ церкву, а она въ церкву; пришла въ церкву, попъ обѣдню пересталъ служить, а народъ на нее смотритъ. Когда она пошла изъ церкви, то царскій сынъ нарочно къ дверямъ ушелъ и схватилъ ее за руку и снялъ перчатку и спрашиваетъ: „скажись, откуда да чья?“ Она и говоритъ: „что изъ того суда села, гдѣ платкомъ-то бьютъ и плакать не даютъ“. Онъ не могъ догадаться, она опять домой уѣхала и на печь улѣзла и вся замаралась. Пришли сестры домой и рассказали, какъ въ церквѣ было, и говорятъ: „пойдемъ и ты завтра къ церквѣ.“ Она говоритъ: „не пойду, кого тамъ не видала“. Онѣ до утра дожили, опять эти сестры къ церквѣ, а Машенька опять гулять къ Ивану царевичу, и тотъ сряжается къ церквѣ. Около его вилась да вилась, украла гребень, а онъ искалъ да искалъ, негдѣ нѣтъ, и говоритъ: „Машенька, у тебя опять?“ Она говоритъ: „нѣтъ у меня“. Онъ нашелъ у еѣ въ пазухѣ и опять поколотилъ и домой прогонилъ. Она убѣжала домой, ушла въ сѣнникъ къ сосенкѣ, выняла зайчика, въ ушко къ зайчику слазила, одѣлась и поѣхала къ церквѣ. Пріѣхала къ церквѣ, зайчика подъ церкву, а сама въ церкву; когда зашла, попъ обѣдню пересталъ служить, а царевичъ сталъ къ дверямъ. Когда обѣдню отслужили, она изъ церкви пошла, этотъ Иванъ схватилъ ее за платокъ и сдернулъ платокъ и спрашиваетъ: „скажи, откуда?“ Она говоритъ: „изъ того суда села, гдѣ гребнямъ-то бьютъ да и плакать не даютъ.“ Вышла изъ церкви; видѣли, какъ на зайчика садилась; не видѣли, куда покатилась. Пріѣхала домой, сразу опять въ сѣнникъ, до сестеръ-то опять вымаралась. Сестры пришли и говорятъ: „что какая-то была барышня, дура Машенька не ходила, сегодня еще лучше.“ На другой день эти сестры ушли къ церквѣ, а Машенька ушла опять къ Ивану царевичу.

вичу и украла мыло. Этотъ Иванъ сталъ умываться, не гдѣ не можетъ найти мыла и говорить: „Машенька, ты вѣдь взяла?“ Машенька и говоритъ: „ничего у меня нѣтъ“. Опять нашелъ въ пазухѣ, мыломъ поколотилъ и домой прогонилъ. Когда домой пришла, опять такимъ манеромъ вырядилась и поѣхала къ церкви. Когда пріѣхала, зайчика подъ церкву, а сама въ церкву; какъ пришла, всѣ оглянулись на еѣ, и служить попу пересталъ. Когда обѣдня перешла, Иванушка всталъ ко дверямъ. Когда Машенька пошла изъ церкви, этотъ царевичъ и схватилъ ее за башмакъ да и снялъ и говоритъ: „скажись, откуда?“ Она говоритъ: „изъ того суда села, гдѣ мыломъ-то бьютъ и плакать не даютъ“. До сестеръ пріѣхала домой и разрядилась. Когда тѣ сестры пришли и говорятъ: „ой, Машенько, опять была та барышня,“ а Машенька и говоритъ: „я наплюну на дуру на запечную“. Этотъ Иванъ царевичъ и сталъ ходить по городу да спрашивать, что чей этотъ башмакъ, да перчатка, да платокъ; всѣхъ онъ ужъ обошелъ, не гдѣ не нашелъ и думаетъ, пойду къ попу; пришелъ къ попу и говоритъ сестреницамъ: „не ваше-ли?“ Онѣ и говорятъ: „нѣтъ; не нашо,“ а Машенька и говоритъ: „это мое“. Онѣ и говорятъ: „выдешь-ли за меня замужъ?“ Она говоритъ: „выйду“. Честнымъ пиркомъ да и за сваребку. Сестреницы говорятъ: „ничего мы не дадимъ выряду вѣнчаться“. Когда поѣхали, она взяла въ зайчика слазилъ и вырядилась, а на верхъ надѣла синее худое платье. Когда пріѣхала къ вѣнцу, худое платье сбросила, а эти сестреницы и думаютъ, гдѣ это она платье взяла, и надѣлали отравы. Она услышала, что онѣ уговариваются сдѣлать; когда пріѣхали отъ вѣнца и наказываютъ: „на хлибъна поѣдите, не пейте, не ѣште“. Когда пріѣхали она и говоритъ: „выпустите курицъ!“ Когда выпустили курицъ, она взяла со стола соломаху, высыпала курицамъ; какъ курицы наѣлись, всѣхъ и завернуло. Сказка вся—поцѣлуй гуся.

34. Иванъ купеческій сынъ и царевна Машенька.

Жилъ купецъ съ купчихой, они померли. Остался сынъ Иванушка. Жили съ теткой, и Иванушка сталъ побольше и сталъ у тетки просить денегъ, говорить: „дай, тета, мнѣ сто рублей“. Она ему дала сто рублей, онъ пошелъ въ городъ, шелъ день до вечера, дошелъ ночевать; весь день до вечера гулялъ, ничего по мыслѣ не нашелъ, а что по мыслѣ, то не по деньгамъ, а что по деньгамъ, то не по мыслѣ. Онъ пошелъ изъ города домой, и попадаетъ ему на встрѣчу мужикъ съ собачкой; этотъ Иванушка и говоритъ: „продай собачку,“ мужикъ сказалъ: „купи,“ Иванушка говоритъ: „много-ли надо?“ Онъ парочно спросилъ: „а давай сто рублей“. Этотъ Иванушка и думаетъ: „это по деньгамъ“, и отдалъ сто рублей за собаку. Пришелъ домой съ собакой, тетка и спрашиваетъ: „что, купилъ собаку, а что платилъ?“ „Сто рублей“. Тетка говоритъ: „деньги твои и воля твоя“. На другой день Иванушка опять сряжается въ городъ и проситъ деньги у тетки да опять сто рублей. Иванушка взялъ деньги и пошелъ въ городъ. День гулялъ, до самага вечера гулялъ, ничего по мыслѣ не нашелъ. Пошелъ домой, идутъ ему на встрѣчу мужики, и бѣжатъ за нимъ кошечка. Иванушка говоритъ: „продайте,“ они говорятъ: „купи“. И купилъ за сто рублей, и пошелъ домой, пришелъ съ кошечкой. Тетка опять спрашиваетъ: „что купилъ?“ Онъ говоритъ: „кошечку“, „а что платилъ?“ Онъ говоритъ: „сто рублей“. Немного прошло времени, опять Иванушка сряжается въ городъ и проситъ у тетки денегъ, а тетка опять дала ему сто рублей, и ушелъ въ городъ, весь день до вечера гулялъ, до вечера ничего не нашелъ и пошелъ домой; идетъ дорогой, а мужики косятъ и нашли змѣю и садятъ въ щипцы. Иванушка и говоритъ: „продайте мнѣ“. „Купи“. Онъ спрашиваетъ: „много-ли надо?“ Они говорятъ: „давай сто рублей“. Онъ подалъ сто рублей и пошелъ со змѣей. Змѣя ему говоритъ человѣческимъ голосомъ: „на что меня, Иванъ, купилъ?“ „А нато тебя купилъ, чтобы отъ смерти воротить“. Змѣя говоритъ, что пойдѣмъ со мной къ моей матерѣ въ норы и проси съ правой руки, а тебѣ будетъ давать много золота и серебра, а ты не бери,

а проси съ правой руки кольцо. Они пришли къ матерѣ, эта змѣя и говоритъ: „онъ, матушка, меня купилъ и большія деньги заплатилъ,“ а мать и говоритъ: „какъ ты купилъ, такъ сколько надо золота, столько и бери.“ Онъ говоритъ: „мнѣ не надо не злата не серебра, а отдай кольцо съ правой руки“; ей было жалко кольца, а эта змѣя и говоритъ: „матушка, нешто кольцо твое дороже меня!“ Мать послушала дочери и отдала кольцо. Эта змѣя и пошла провожать Иванушку изъ норъ. „Ну, Иванушко“, говоритъ змѣя, „ты не взялъ не злата, не серебра, а взялъ кольцо, не знаешь, въ немъ какая есть сила?“ А Иванушко и говоритъ: „не знаю“. Змѣя учитъ, что выйди на крылечко и перенаднѣ съ руки на руки колечко и скричи, что вставайте, всѣ живые, всѣ и мертвые, и что велишь, такъ то и дѣлаю. Иванушка распротился и ушелъ. Приходитъ домой къ теткѣ, тетка спрашиваетъ: „что купилъ?“, а Иванушка говоритъ: „кольцо“, а тетка спрашиваетъ: „а что платилъ?“ онъ говоритъ: „сто рублей“. Тетка говоритъ: „деньги твои и воля твоя“. Посылаетъ тетку къ царю сватомъ, а у царя была дочь, звали Марьей. Тетка послушала Иванушка и пошла къ царю сватомъ и говоритъ: „батюшка царь, я буду слово говорить, ты не будь меня за слово казнить“. Царь говоритъ старухѣ: „ну, говори, говори, старуха, что знаешь“. Она говоритъ: „мой племянникъ твою дочь за себя замужъ просить“. Царь говоритъ: „какъ-бы онъ завелъ домъ, какъ у меня“. Старуха пошла домой, идетъ не весела и головушку повѣсила. Племянникъ и спрашиваетъ: „что царь сказалъ?“ „А сказалъ, что выстрой домъ, какъ у его“. Иванушка и говоритъ: „тетушка, напейся квасу и молись Спасу и ложись спать, утро вечера мудренѣе“. Когда легли спать, ночью Иванушка всталъ и вышелъ на крыльцо, перекинулъ съ руки на руку кольцо и сказалъ: „вставайте, всѣ живые, всѣ мертвые, дѣлайте домъ въ семь семерыхъ лучше царскаго дворца и перенесите меня и тетушку мою въ новый домъ“. Вдругъ явилось людей видимо-невидимо, кто что дѣлаетъ, кто глину копаетъ, кто кирпичъ дѣлаетъ, кто что дѣлаетъ, и сдѣлали новый домъ въ одну ночь. Поутру тетка пробудилась и лежитъ на диванѣ; какъ шевелнется и диванъ катнется. Тетка испугалась и стала будить Иванушка. Когда Иванушка разбудила и спрашиваетъ:

„гдѣ мы есть?“, Иванушка отвѣчаетъ: „что мы теперь въ новомъ дому“. Они встали и попили чайку. Тетка пошла къ царю сватомъ и приходитъ къ царю и говоритъ: „батюшка царь, я буду слово говорить, а не будь за слово казнить“. Царь говоритъ: „говори, говори, бавшко (такъ), что знаешь“... Тетка говоритъ: „мой племянникъ вашу дочь за себя замужъ просить“. Царь знаетъ, что выстроилъ такой домъ, царь и говоритъ: „какимъ манеромъ твой племянникъ такой домъ выстроилъ?“ Она говоритъ: „я ничего не знаю“. Царь говоритъ: „скажи своему племяннику, чтобы выстроилъ отъ своего до моего дому мостъ хрустальный, между насъ чтобы была рѣка молошняя и берега кисельныя, а на мосту чтобы были садки, а въ садкахъ птички разнымъ голосамъ пѣли, а когда поѣдутъ къ вѣнцу—яблони цвѣли, а когда поѣдутъ отъ вѣнца, то чтобы яблоки въ колѣни валились“. Тетка пошла домой и головушку повѣсила. Когда пришла домой, Иванушку все обсказала, что царь велѣлъ.

Иванушка теткѣ сказалъ: „напейся квасу, молись Спасу и ложись спать, утро вечера мудренее живеть“. Иванушка вышелъ середь ночи на крылечко и перекинулъ съ руки колечко на руку и сказалъ: „вставайте, всѣ живые и всѣ мертвые, и сдѣлайте отъ моего дому до царскаго мостъ хрустальный, по мосту садки, въ садкахъ чтобы птички пѣли разнымъ голосамъ и яблони, когда къ вѣнцу поѣдемъ, чтобы цвѣли, а когда поѣдемъ отъ вѣнца, чтобы яблоки въ колѣни валились“. Живо мостъ сталъ готовъ и велѣлъ сдѣлать рѣку молочнянную и берега кисельные, и живо все готово. Царь пробудился и подивился, что такъ скоро сдѣлалъ. Когда по утру встали, тетка опять пошла къ царю, когда пришла къ царю и говоритъ: „батюшка царь, я буду слово говорить, а ты не будь меня за слово казнить“.

Царь и говоритъ: „говори, говори, бавшка, что знаешь“. „Мой племянникъ вашу дочь просить за себя замужъ!“ Царь и говоритъ: „что когда поѣдутъ къ вѣнцу, чтобы были лошади воронныя, а кареты золотыя, а кучера молодые“. Тетка пришла домой, все Иванушку пересказала. Иванушка сказалъ: „тетушка, напейся квасу, молись Спасу и ложись спать, утро вечера мудренее живеть“.

По утру встали, лошади и кареты и кучера все готово, и поѣхали за Машенькой. Туда пріѣхали, тамъ и обвѣнча-

лись; пріѣхали домой и легли спать; она стала его спрашивать: „какимъ побытомъ такія завелъ дома и мостъ?“ Онъ и говоритъ: „у меня есть колечко, которое съ руки на руку перекину и скажу, что вставайте, всѣ живые и всѣ мертвые, и что велю, то и сдѣлаютъ“.

Спрашиваетъ опять: „гдѣ ты это колечко держишь?“ Онъ сказалъ, что „я держу подъ подушкой“. Когда Иванушка уснулъ, Машенька не стала ночь спать, а стала кольцо искать и нигдѣ не могла найти. На другую ночь опять спрашиваетъ: „что ты, Ваня, мнѣ мужъ, а я тебѣ жена, скажи какимъ побытомъ все заводишь и гдѣ держишь колечко?“ Онъ сказалъ, что „колечко въ ротѣ“. Она ссучила ниточку и пехнула въ ноздрину, онъ счихнулъ, и колечко изъ роту выпало. Она взяла и вышла, и вышла на крылечко и перенадѣла съ руки на руку колечко и кричала: „вставайте, всѣ живые и всѣ мертвые, и раскатите этотъ домъ, а меня снесите къ татенькѣ въ домъ, а Иванушка на зыбучее болото, а тетушку въ старой домъ“. Иванушка пробудился на зыбучемъ болотѣ, а тетушка въ старомъ дому. Иванушка повернулся, а подъ нимъ мохъ качнулся и думаетъ: „чтобы со мной хоть кошечка да собачка была“. Кошечка и собачка побѣжали къ нему, прибѣжали къ нему, онъ спросилъ: „гдѣ Машенька?“ Они говорятъ: „Машенька у папаша, а бабушка въ старомъ домѣ“. „А гдѣ колечко мое?“ Они говорятъ: „кольцо у Маши“. „А не можете ли вы его сюда достать?“ Прибѣжали къ Машѣ, когда Маша спала, кошка хвостъ пехнула въ ноздрину, Маша счихнула, и кольцо изъ роту выпало. Кошка схватила и побѣжала къ дверямъ и закавказала, кухарки и выпустили и собака побѣжала, а бѣгать-то черезъ рѣку, а кошка плавать не умѣетъ, а собакѣ вѣзти охота, собака и толкуетъ: „ты съ кольцомъ прибѣжишь, до тебя тароватѣе будетъ“. Кошка собакѣ кольца не отдала. Кошка сѣла на собаку и поплыли.

Собака подумала, что Иванушку любѣе кошка будетъ, и тряхнула и хотѣла съ себя спѣхнуть, кошка кавкнула, вывалила колечко въ воду, это кольцо рыба проглотила. Они раздумались, что къ Иванушку бѣжать не съ чѣмъ и къ Машѣ тожѣ. Жили тутъ рыболовы, изловили эту рыбу и стали эту рыбу чистить, а кошка стала ѣсть кишки. Въ кишкахъ кошкѣ попало кольцо, опять кошка и собака по-

бѣжали къ Иванушку и принесли ему кольцо. Онъ взялъ это кольцо, перекинулъ съ руки на руку и сказалъ: „вставайте, всѣ живые и всѣ мертвые, и дѣлайте лучше стараго домъ и перенесите меня и Машеньку и тетку въ новый домъ“. Очнулся Иванушка съ Машенькой и съ теткой. Машенька стала у Иванушка прощенья просить, Иванушка больно жалѣлъ, такъ и простилъ. Стали жить хорошо и богато.

Кадниковскій у. 1907 г.

35. Иванъ крестьянскій сынъ и Марья царевна.

Жили были старикъ со старухой, у нихъ былъ одинъ сынъ Иванъ. Этотъ Иванъ вздумалъ вѣть веревки. Пришелъ на берегъ рѣки и вѣтъ веревки. Вдругъ изъ воды вышелъ чертенокъ и спрашиваетъ: „чего, Иванъ, дѣлаешь?“ Иванъ сказалъ: „веревки вѣю, стану море моршить да васъ чертей корчить“. Чертенокъ сказалъ: „что тебѣ надо за это?“ и пошелъ чертенокъ къ старшему чертенку спрашивать. Старшій велѣлъ: „перво побѣгайте съ Иваномъ“. А Иванъ сказалъ: „у меня есть маленькій сивенькій старичекъ, такъ ты съ имъ побѣгай наперво“. На то время выскочилъ изъ кустовъ заяцъ и побѣжалъ, чертенокъ и кричить: „ой, ой, нѣтъ не угонится“. Чертенокъ и думаетъ, за старикомъ за сивымъ не угонится, а за молодымъ за Иваномъ нечего и думать; этотъ чертенокъ испугался и убѣжалъ опять къ старшему и рассказалъ старшему. „Ну, ступай, покидайте палки“. Этотъ чертенокъ принесъ палку толстую и большую и кинулъ палку высоко. Иванъ сказалъ: „ты низко кинулъ, а я кину изъ виду вонъ“. Чертенокъ думаетъ, что и правду кинетъ высоко, испугался и убѣжалъ. Пришелъ къ старшему и сказалъ; старшій сказалъ: „сходи и поборитесь и узнай силу“. Когда пришелъ къ Ивану, чертенокъ и говоритъ: „давай боротся“. Иванъ сказалъ: „мнѣ не стоитъ руки марать, а у меня есть дѣдъ семидесяти пяти лѣтъ, такъ ты хоть съ нимъ-то справся“. Въ то время изъ лѣсу вышелъ медвѣдь. Этотъ чертенокъ и схватился. Медвѣдь все его изуродовалъ. Чертенокъ говоритъ старшему, когда пришелъ отъ медвѣдя, „больше не

пойду къ Ивану“. Старшій сказалъ: „сходи, что надо еще Ивану“. Чертенокъ пришелъ, а Иванъ тѣмъ временемъ выкопалъ яму, свою шляпу изорвалъ и растянулъ по ямѣ, чертенокъ и говоритъ: „Иванъ, моря не морщи и насъ чертей не корчи, что надо, то и бери“. Иванъ сказалъ: „вотъ эту шляпу наноси полную золота“. Этотъ чертенокъ обрадѣлъ, сталъ носить мѣшкомъ золото, носить, носить, и подачи нѣтъ, и говоритъ Ивану: „какая у тебя большая шляпа-та!“ Иванъ сказалъ: „ничего не велика“. Чертенокъ полную яму наносилъ золота и принесъ колечко и говоритъ: „вотъ тебѣ еще подарокъ, когда тебѣ что надо, все тебѣ будетъ, только съ руки на руку перенадѣнь“.

Иванъ взялъ колечко, распрощались, чертенокъ ушелъ, Иванъ золото увезъ домой. Иванъ и говоритъ своей матерѣ: „сходи сватомъ къ царю“, а у царя было (такъ) дочь, звали Марьей, „не отдастъ-ли за меня“. Мать пришла къ царю и говоритъ: „царь, великой государь, отдай за моего Ванюшку свою дочь Марью, у его денегъ не меньше твоего“.

Царь и говоритъ: „пусть сдѣлаетъ домъ точно такой, какъ у меня, чтобы сегодня ночью, вутрѣ я выйду на бавхонъ, чтобы видно было его домъ“.

Мать когда пришла домой и заплакала и рассказала Ивану. Иванъ и говоритъ: „не тужи, утро вечера мудрѣнѣе“. Мать отстала плакать и легла спать, а Ванюшка вышелъ на улицу, съ руки на руку перенадѣлъ колечко, вдругъ пришло страшнѣ народу и стали работать, къ утру домъ лучше царева сдѣлали. Мать Ивана утромъ встала, смотреть—все не по старому и пошла мать къ царю, пришла къ царю и говоритъ: „вотъ, царь, экой хитрой у меня Ванюшка, въ одну ночь экой домъ заворотилъ“. Царь сказалъ: „пусть въ одну ночь церковь сдѣлаетъ“. Еще пуще запечалилась, пришла домой, сказала Ванюшкѣ. Иванъ сказалъ: „не тужи“. Вышелъ ночью на улицу, перенадѣлъ съ руки на руку колечко, вдругъ сдѣлалась церковь и зазвонили и царя разбудили. Мать пришла къ царю и говоритъ: „вотъ, царь, великій государь, все сдѣлано, отдай твою Машеньку“. „Можно отдать, только съ тѣмъ, чтобы отъ вашего дому до моего дворца были мосты хрустальные и сукнамъ устланы, а по нимъ чтобы ходила карѣта-самоката и всякія птицы пѣли“. Мать испугалась и заплакала и пошла домой, пришла

домой и рассказала Ивану. Онъ и говорить: „утро вечера мудрѣняе, не тужи“. Когда легли спать, вышелъ на улицу, перенадѣлъ колечко, вдругъ стали мосты хрустальные и сукномъ устланные и карѣта-самоката до самаго дворца царскаго, и всякія птицы поютъ, и отдалъ царь за Ивана Машеньку. Не долго послѣ свадьбы пожили, Машенька у Ивана все выпытала, какъ все онъ устроилъ. Когда онъ уснулъ и положилъ колечко подъ подушку, эта Машенька колечко взяла и съ руки на руку перекинула, выскочило нѣсколько молодцевъ: „снесите меня за тридевять земель, въ пятидесятое царство“; когда ее снесли и у Иванушка ничего и не стало. Когда Иванъ пробудился, то все стало худое, и заплакалъ и пошелъ къ тестю: „Машеньки“, говорить, „нѣтъ, не знаю, куда и дѣвалась“; царь испугался, не знаютъ, куда и дѣвалась Машенька. Иванушка сходилъ къ кузнецу, сковалъ три костыля и испекъ три просвиры и пошелъ разыскивать Машеньку. Долго онъ шелъ, подходитъ къ избушкѣ, пришелъ въ избушку, лежитъ баба-яга изъ угла въ уголъ и носъ въ потолокъ, когда Иванъ заходитъ въ избу, и кричитъ баба-яга: „фу, фу, фу, русскаго духа слыхомъ не слыхала и видомъ не видала, а самъ ко мнѣ на домъ пришелъ, съѣмъ-погублю, на бѣлый свѣтъ не опущу“. „Ишь, старая чертовка, не сердись, не ерись, а напой, накорми“. Эта старуха напоила, накормила и стала спрашивать: „куда пошелъ и куда правишься?“ О(нъ) ей: „свою Машеньку розыскиваю“. Она ему говоритъ: „ой, дитятко, трудно тебѣ до нее доступить, она у моей старшей сестры живетъ, она чему пораdѣла, и житье-то, житье ей худое, идти-то назадъ-то нельзя, все съ моимъ племянницамъ ходить“. Она ему дала скатертку-самолѣтку. Онъ пока до нее шелъ, такъ желѣзную трость исподпиралъ и просвиру изглодалъ. Распростився съ бавшкой и направился въ дорожку. Долго шелъ, трость исподпиралъ и просвиру изглодалъ и подходитъ къ избушкѣ и идетъ въ избушку, лежитъ баба-яга, изъ угла въ уголъ и носъ въ потолокъ и говоритъ баба-яга: „русскаго духу видомъ не видала и слыхомъ не слыхала, а самъ русской духъ ко мнѣ на домъ пришелъ, съѣмъ-погублю, на свѣтъ не опущу“. Ванюшка и говоритъ: „ишь, старая чертовка, ты-бы съ дорожки напоила, накормила“. Эта старуха встала, Ванюшку напоила и накормила,

стала спрашивать: „откуда и куда путь-дорогу держишь?“ Ванюшка бавшкѣ обсказалъ все, какъ и какъ стала. Бавшка Ванюшку пожалѣла и дала ему мечъ-складенецъ и говорить: „твоя Машенька живетъ у старшей сестры моей“, она его подчила, и распростились. Ванюшка пошелъ, долго онъ шелъ и опять просвиру изглодалъ и тростъ изподпиралъ; вдругъ подходитъ къ избушкѣ, заходитъ Иванъ въ избушку, лежитъ баба-яга изъ угла въ уголъ и носъ въ потолокъ, когда зашелъ въ избу: „фу, фу, фу, русскаго духу слыхомъ не слыхала и видомъ не видала, самъ русскоѣ духъ ко мнѣ на домъ зашелъ, съѣмъ-погублю, на свѣтъ не опущу“. Онъ говоритъ: „старая чертовка, ты-бы не торопилась со своей поѣжкой, а ты-бы дорожнаго челоуѣка напоила и накормила и на добро поучила“.

Сейчасъ старуха соскочила, напоила и накормила Иванушка и стала спрашивать: „откуда и куда путь держишь?“... Онъ все разсказалъ, какъ что было. Старуха пожалѣла и сказала: „трудно тебѣ до ея доступить, она живетъ у старшей моей сестры, отсюда не далеко“ „Ну, ладно, говоритъ старуха, „скоро твоя Машенька придетъ въ головѣ искать, а ты лѣзь подъ кровать къ ей въ сундукъ и посиди въ сундукѣ“. Когда Иванушка залѣзь въ сундукъ, вдругъ пришла Машенька къ старухѣ, и Ванюшка слышитъ, Машенька стала у бавшки въ головѣ искать, бавшка и спрашиваетъ: „что-же-бы: ты, Машенька, поглядѣла-ли бы ты своего Ванюшеньку?“ „Поглядѣла-бы, хоть однимъ глазкомъ да взглянула-бы“. А Ванюшка сидитъ и слушаетъ.

Машенька отъ бавшки ужъ ушла, Ванюшка вышелъ изъ сундука. Бавшка научила Ванюшку, что: „иди въ садъ и продавай мечъ-складенецъ“, и дала клубочикъ, потомъ, на другой день, клубочикъ станутъ покупать мои племянницы, а ты съ тѣмъ продавай, чтобы ночь спать съ Машенькой, также складенецъ и скатертку“.

Пришелъ въ садъ, расклатъ на скатертку мечъ-складенецъ и клубочикъ; пришли покупать и купили за то, что Ванюшкѣ надобно съ Машенькой ночь проспять. Они взяли Машеньку напоили до пьяна и повалили спать. Ванюшка будиль да плакалъ, что: „Марья-царевна, какъ я до тебя достунавъ, три просвиры изглодалъ и три трости желѣзные изподпиралъ, а ночь прошла“. Тѣ дѣвки пришли и его про-

гонили. Когда Иванъ ушелъ отъ нихъ опять въ садъ, выложилъ скатертку-самолётку и клубочикъ, пришли эти дѣвки, клубочикъ купили съ тѣмъ, чтобы ему съ Машенькой ночь проспать. Онѣ Машеньку опять пьяную напоили и спать повалили и булавамъ у Машеньки платье къ постелѣ приколотили, и Иванушко легъ опять съ Машенькой, а Машенька опять пьяная, онъ будилъ да плакалъ, разбудить не могъ. Опять ночь прошла, Иванушка опять прогнали, а Машенька когда разбудилась, стала допытываться. Этотъ Ванюшка опять въ садъ скатертку послѣднюю продавать, и пришли дѣвки покупать скатертку, и продавъ Ванюшка за то, чтобы ночь съ Машенькой спать. Когда Машеньку стали поить, то она будто пьетъ, а сама въ рукавъ льетъ, она притворилась пьяная и повалили съ Ванюшкой спать. Ванюшка заплакалъ и говоритъ: „какъ я до тебя доступалъ, три просвиры сглодалъ и три трости желѣзные изсподпиралъ“, какъ вдругъ одна слеза попала Машенькѣ на лицо, она пробудилась, сразу воровски вышли и кольцо съ руки на руку перекинули и оказались дома, и у Ванюшки опять домъ сталъ хорошій. Царь увидавъ, что и мосты хрустальные и сукномъ устланные и бѣгаетъ карѣта-самоката, царь обрадѣлъ, сѣлъ на карѣту и прѣхалъ къ зятю и дочери, и сдѣлали пиръ на весь міръ.

Кадниковскій у. 1907 г.

36. Солдатикъ, Марья царевна и нехорошій.

Одинъ солдатикъ служилъ двадцать пять лѣтъ. Вдругъ приходитъ полковникъ и говоритъ: „тебѣ завтра расчетъ“. Солдатикъ и говоритъ: „а много-ли мнѣ дадите?“ Полковникъ говоритъ: „двадцать пять палокъ“. Солдатикъ проситъ: „денегъ дай“. Полковникъ: „не дамъ, двадцать пять разъ желѣзнымъ прутомъ охлестну, а денегъ не дамъ“. Солдатикъ пошелъ изъ казармы и говоритъ: „прости, казарма матушка, я въ тебѣ двадцать пять лѣтъ служилъ“, идетъ дорогой, а денегъ нѣтъ и думаетъ, чтобы меня теперь хоть нехорошій позвалъ, такъ я и то-бы пошелъ, и

вдругъ попалъ нехорошій встрѣчу и говоритъ: „вставай на ногу“. Солдатъ говоритъ: „не встану“. Нехорошій спрашиваетъ: „а ты теперь чего говорилъ?“ Солдатъ говоритъ: „ничего!“ „Ну, такъ ничего, вставай“. Солдатъ всталъ нехорошему на ногу, когда солдатъ всталъ на ногу, очутился въ дому большомъ. Нехорошій сказалъ солдату: „въ этихъ двухъ комнатахъ бѣгай, а въ эту третью не ходи“, а комната мычкомъ заперта, а солдатъ не послушалъ и зашелъ въ комнату, а тутъ на углу сидитъ проклятая дѣвка, эта дѣвка говоритъ: „зачѣмъ ты, солдатикъ-дурачекъ, сюда зашелъ?“ Дѣвка сказала: „вонъ въ заднемъ углу столъ есть, хлѣба краюшка да денегъ рубль да и бѣги, станетъ нехорошій кричать, а ты бѣги, не обвертывайся“. Этотъ солдатикъ бѣжитъ, не обвертывается, а нехорошій кричитъ: „почто ушелъ, обернись, у меня живи“, а солдатикъ бѣжитъ, не обворачивается, шелъ да шелъ, въ одной избушкѣ выпросился ночевать и легъ подъ соштокъ и спитъ, и вдругъ идетъ подъ окномъ барыня богатая, денегъ страсть, и кричитъ: „нѣтъ-ли у васъ охотника играть въ карты?“ Этого ночлежника разбудили, говорятъ: „не станешь-ли играть въ карты?“ Онъ говоритъ: „стану“. Стали играть, солдатъ у барыни всѣ деньги выигралъ. Барыня хозяину говоритъ: „не опускайте этого ночлежника“. Ночлежника не опустили, а барыня идетъ другой разъ и стали играть; барыня опять проиграла и наказала, чтобы еще не опускали. Она пришла; опять стали играть; барыня выиграла все, и тотъ рубль проигралъ солдатъ и пошелъ дорогой и вышелъ къ морю и колонулъ въ камешокъ о камешокъ, вдругъ выскочилъ Антошка на одной ножкѣ, спрашиваетъ: „что солдатикъ надо?“ Солдатикъ сказалъ: „поѣсти надо“. Вдругъ нехорошій принесъ ѣжи. Солдатъ наѣлся. Антошка остатки снесъ опять назадъ. Пошелъ дорогой, подходитъ къ дому, зашелъ въ домъ, просится ночевать; говорятъ: „ночуй“. Онъ сѣлъ на соштокъ, говоритъ: „развѣ закурить съ горя“, колонулъ камешокъ о камешокъ, и выскочилъ Антошка на одной ножкѣ, говоритъ солдатъ Антошкѣ: „гляди-ко, сколько на насъ войско-то“... Антошка говоритъ солдату: „ты одѣвайся въ царскую одежду, а я генераломъ“—и пошли они оба улицей. Кто въ окошко смотрятъ, говорятъ: „кланяйтесь царю и

генералу“, а войска ушли. Опять пришли на квартиру и раздѣлись. Солдатикъ одинъ опять пошелъ въ дорогу съ косаремъ. Идетъ онъ дорогой, попадаютъ ему на встрѣчу двѣнадцать разбойниковъ, одного схватилъ, передняго, и дуется косаремъ, а онъ кричитъ: „пристаньте, здѣсь одинъ!“, а тѣмъ чуется „двадцать одинъ“, тѣ и думаютъ, чего намъ дѣлать, тамъ эстолько народу; такъ солдатъ дуется этого, а тѣ одиннадцать убѣжали. Солдатикъ снялъ съ разбойника колечко, а это колечко съ руки на руки перекинуть, такъ сзади дѣвка бѣжитъ. Этотъ солдатикъ идетъ, сзади бѣжитъ дѣвка, дѣвка бѣжитъ и говоритъ солдату: „я отъ тебя не отстану“. Солдатъ говоритъ: „да у меня нѣтъ не дому, не лому“. Пришли къ себѣ въ деревню, построили келейку, стали жить, а у нихъ ничего на другой день не будетъ ѣсти. Дѣвушка, звали ее Машенькой, стала посылать купить аршинъ полотна, два клубочка шелку. Принесъ солдатъ аршинъ полотна, два клубка шелку; сказала Машенька солдату: „молись Спасу, ложись спать, утро вечера мудрѣнне“. Солдатъ легъ спать, а Машенька стала вышивать, вышила платочикъ и будить солдата: „вставай, не время спать“. Онъ всталъ и пошелъ продавать. Пришелъ къ церкви, генераль далъ четыреста рублей. Купилъ два клубочка шелку и аршинъ полотна и пришелъ домой, сказалъ это Машенькѣ. Купили муки; стало чего ѣсти. Солдатъ опять спать легъ; поутру будить: „не время спать, пора вставать“. Онъ всталъ, а ночью Машенька вышила платочикъ. Солдатикъ понесъ царю. Того дня у царя дочи имянинница, царю подарилъ платочикъ.

Солдатикъ ушелъ домой. Царь пришелъ къ генералу и зоветъ: „пойдемъ у солдата жену смотрѣть“. Они пріѣхали, а солдатикъ колетъ дрова, пріѣхали подъ окно, царь и говоритъ Машенькѣ: „покажись, матушка“. Она показалась, царь такъ и свалился отъ ея красоты, царю захотѣлось къ себѣ заманить и сталъ солдатика посылать: „сходи туды—не знаю и куды, а принеси то—не знаю что“. Пришелъ солдатикъ въ избу, запечалился. Машенька говоритъ: „не тужи, принеси два аршина полотна, два клубочка шелку“, и стала вышивать полотенцо. Взялъ Иванъ полотенцо и пошелъ туда -- не знаю и куда, впередъ опустилъ клубочикъ, куда клубочикъ катится, и онъ туда

идеть. Пришелъ къ дому, а въ этомъ дому жила Машенькина сестра. Когда солдатыкъ проспалъ ночь, всталъ утромъ и сталъ утираться, эта хозяйка увидала полотенце и говоритъ: „за тобой сестра моя Машенька, а ты куда пошелъ?“ „Меня послалъ царь туда — не знаю и куда“ „Ну, ступай“, и катнула клубочикъ и говоритъ: „иди, куда катится и ты иди“. Идетъ солдатыкъ, пришелъ къ дому и въ домъ; ночевалъ; сталъ утромъ утираться, хозяйка узнала по полотенцу, то и сказала: „что иди дальше, есть мой отецъ“. Пришелъ въ избушку, въ избушкѣ двѣнадцать столовъ и на каждомъ столѣ по горшку и по ложкѣ. Солдатыкъ изъ всѣхъ двѣнадцати горшковъ хлѣбнулъ и улѣзъ подъ печку. Потомъ идутъ разбойники, всѣ и закричали: „въ моемъ горшкѣ похлѣбано“, а другой кричитъ: „и у меня похлѣбано“. Всѣ эхъ! и кричатъ: „давайте искать, кто у насъ хлѣбалъ“, и нашли подъ печкой; когда онъ вылѣзъ и хотѣли его убить, онъ говоритъ: „постойте, дайте мнѣ вымыться и утерется, на всѣ четыре стороны поклонится и съ женой простится“. Когда сталъ вытираться, одинъ парень увидалъ и прочиталъ на полотенцѣ, сказалъ отцу, что зять пришелъ. Старикъ пришелъ, спросилъ: „ты куда?“ Отвѣчаетъ солдатыкъ: „царь послалъ туда — не знаю и куда, принести то — не знаю и что“.

Старикъ подарилъ ему трость, а въ трости нехорошій — Филипко. Солдатыкъ и пошелъ, пришелъ къ рѣкѣ, переѣхалъ, а этотъ Филипко перебѣжалъ, какъ и по дорогѣ. Стоитъ на берегу мужикъ, а солдатыкъ сказалъ Филипку что: „сдерни съ него голову сейчасъ“; Филипко сдернулъ голову, а мужикъ стоитъ безъ головы. Солдатыкъ сказалъ: „изладь, Филипко, голову“. Мужикъ заругался и пошелъ. Солдатыкъ сказалъ: „сними, Филипко, съ него голову и брось въ воду, какъ онъ ругается“. Филипко сдернулъ голову и бросилъ въ рѣку, и пошли дорогой, пришли къ царю въ комнату, тутъ сидитъ царь и генералы. Солдатыкъ сказалъ: „Филипко, сдерни съ нихъ головы“. Филипко сдернулъ. Солдатыкъ велѣлъ надѣть. Филипко надѣлъ. Царь и генералы заругались, за что они сняли головы. Солдатыкъ сказалъ Филипку: „сними съ нихъ головы и брось за окошко и пойдемъ“, и пошли домой, и Машенька дома; она была у царя и нездоровая, пока-

мѣстъ ходилъ солдатъ въ дорогу, а Машенька-то была дочь морскаго царя. Коточигъ да палочка, вся и сказочка.

Кадниковскій у. 1907 г.

37. Золотые парнеки.

Жилъ купецъ да купчиха, у нихъ былъ одинъ сынъ Иванушко; и надо Иванушку женится, и пошелъ выбирать невѣсту, вѣздѣ переходилъ, негдѣ не нашелъ и думаетъ, что пойду еще по килейкамъ; онъ сколько ходилъ, по мыслѣ не нашелъ.

Онъ пришелъ къ килейкѣ подъ окошко, въ килейкѣ были три дѣвки, онѣ слышали, что Иванушко прибираетъ невѣсту, эти дѣвки и говорятъ, большая сказала: „меня-бы взялъ, такъ всю Россію-бы одной иглой-бы обшила“, а другая сестра говоритъ: „а меня-бы взялъ, я-бы всю Россію однимъ-бы зернышкомъ прокормила“, а меньшая сказала: „меня-бы взялъ, такъ я-бы родила девяти парнековъ по локоть руки въ золотѣ, а по колѣнъ ноги въ серебрѣ, а въ лобу красно солнышко, а во очахъ свитѣль мѣсяцъ“. Этотъ Иванушко и услыхалъ и пошелъ домой, рассказалъ отцу, отецъ сказалъ: „возмемъ за тебя эту, которая родитъ девяти парнековъ“, и послали сватомъ. Пришелъ сватунъ къ этимъ дѣвушкамъ и спрашиваетъ: „которая говорила, что принесу девяти парнековъ?“ И сказали, что меньшая, Машенька. Высватали и взяли Машеньку за Ванюшку замужъ. Порядочно пожили, эта Машенька стала въ тягостяхъ и родила трехъ парнековъ по локоть руки въ золотѣ и по колѣнъ ноги въ серебрѣ, а въ лобу красно солнышко, а въ затылкѣ — свѣтелъ мѣсяцъ, а въ бавшки созвали ягу-бабу. Ягѣ-бабѣ надо перевести эту Машеньку, а отдать за Ванюшку свою дочь. Эта бавшка взяла этихъ парнековъ, снесла на болото подъ колодину, а въ то время принесла собака щенковъ, бавшка взяла трехъ щенковъ и положила къ Машенькѣ, а сама сказала Иванушку: „твоя жена принесла не парнековъ, а щенятъ“.

Онъ и говорить: „первый разъ прощаю“. Они порядочно пожили, Машенька опять стала въ тягостяхъ, и созвали ягу-бабу въ бавшки. Машенька родила трехъ парнековъ: Эта яга-баба опять снесла, подъ колодину положила, а Машенькѣ опять щенятъ. Сказала Ванюшкѣ, онъ говоритъ: „въ другой винѣ прощается“. Ну, ладно, хорошо, сказка скоро сказывается, а дѣло не скоро дѣлается. Порядочно пожили время, и стала Машенька опять въ тягостяхъ, и созвали въ бавшки ягу-бабу. Машенька родила опять трехъ парнековъ. Эта яга-баба двухъ взяла и снесла опять подъ ту колодину. Пришла и сказала Иванушку. Иванушка велѣлъ заколотить въ бочку свою жену и съ парнекомъ и опустили въ рѣку, изъ рѣки унесло въ морѣ, моремъ качало да качало и прикачало къ берегу. Этотъ парнекъ выростъ порядочной и говоритъ: „мама, я протянусь“. Мать ему и говоритъ: „что какъ протянешся, бочку изломаешь, такъ оба мы съ тобой потонемъ“. Онъ не послушалъ матери и протянулся; лишь у крышки доска выскочила, они сперва испугались, потомъ видятъ, что на берегу, и обрадѣли и вышли изъ бочки. Этотъ парнекъ выстроилъ избушку, чтобы можно съ матерью жить, около избушки выстроилъ садикъ. Долго они тутъ жили, какъ въ одно вышли въ садикъ, онъ гуляетъ, а мать сидитъ на стулѣ да плачетъ. Вдругъ по морю идетъ корабль, на кораблѣ видятъ, что такой молодецъ гуляетъ, и говорятъ: „этимъ мѣстомъ и птицы мало лѣтаютъ, и звѣрье мало сюда заходить, а теперь люди здѣсь живутъ“. Корабельщики удивились и пристали къ берегу и пришли къ этой избушкѣ. Парнекъ ихъ угостилъ и спросилъ „чьи да откуда?“ Корабельщики тоже сказались, что они изъ того городу, откуда этотъ парнекъ съ матерью. Конечно, парнекъ не сказался. Когда корабль поѣхалъ назадъ и сказали, что такой-то человѣкъ женился, то этотъ парнекъ обернулся мушкой и полетѣлъ съ нимъ, прилетѣлъ мушкой и сѣлъ на окошко и слушаетъ, что отецъ не съ родной матерью толкуютъ. Корабельщики имъ сказали, „что у моря есть живутъ такія люди“. Этотъ отецъ и говоритъ: „надо съѣздить, надо увѣзти парнека“. Яга-баба и говоритъ: „не ѣзди, а лучше возми есть подъ колодиной восемь парнековъ“.

Ну, ладно, не поѣхалъ: яга-баба не велѣла. Эта мушка улетѣла къ маткѣ, прилетѣлъ и разсказалъ матери.

Немного времени прожили, парнекъ и говоритъ матери: „мама, испеки пирожокъ получше“. Эта Машенька испекла пирожокъ на своемъ молокѣ. Этотъ парнекъ обернулся мушкой и взялъ пирожковъ. Опять полетѣлъ, прилетѣлъ къ той колодинѣ и положилъ пирожокъ на колодинку, самъ сѣлъ за колодину. Эти восемь парнековъ вышли, стали ѣсти этотъ пирожокъ и говорятъ: „какой сладкой пирожокъ, какъ наша маменька“, а сами маменьки не видали. Этотъ парнекъ вышелъ изъ за колодины, поздоровались они, другъ друга узнали, потому что все равнакія по колѣнъ ноги въ серебрѣ, по локоть руки въ золотѣ, въ лобу красно солнышко, а въ затылкѣ свѣтелъ мѣсяць, и пошли всѣ къ матери. Пришли къ матери, она имъ обрадѣла и все разсказала, что какъ ихъ яга-баба снесла въ лѣсъ, а ее какъ отправили въ морѣ. Немного пожили, вдругъ ѣдетъ тотъ самый корабль, который раньше приходилъ. Эти парнеки, всѣ девять, вышли въ садъ гулять. Корабельщики удивились. Потомъ, когда назадъ корабль поѣхалъ, то эти девять парнековъ обернулись голубками и прилетѣли и сѣли на окна. Корабельщики сказали этому Ивану, что видѣли, возлѣ моря такія девять парнековъ живутъ и съ матерей. Этотъ Иванушко говоритъ своей ягѣ-бабѣ: „я поѣду“. Яга-баба видитъ, что дѣло не ладно будетъ, ничего не сказала. Онъ средился и поѣхалъ. Пріѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ эта избушка, пріѣхалъ къ берегу и пошелъ въ избушку, поздоровался и сталъ звать ихъ къ себѣ. Машенька и говоритъ: „буде не такъ станешь держать“. Онъ говоритъ: „не буду таковъ, какъ прежде“. Они средились да и поѣхали. Пріѣхали къ дому, а та жена, яга-баба, испугалась и встрѣчать не вышла. Когда они пришли въ домъ, то Иванушко этихъ молодцевъ и Машеньку угостилъ, а эту ягу-бабу съ матерей посадилъ на ворота и разстрѣлялъ обѣихъ, а съ этой Машенькой и съ парнекамъ стали жить да поживать да добра наживать.

38. Иванушка дурачекъ и Настасьюшка царевна.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ старикъ со старухой; старикъ былъ колдунъ. У этого старика и старухи были три сына: два умныхъ, а третьяго всѣ считали дуракомъ. Старшія два брата женатые, а дуракъ не женатой. Нѣсколько времени прожили, старикъ померъ, и старуха померла. Старикъ когда помиралъ и наказалъ сыновьямъ, что: „вы, сыновья, придитѣ ко мнѣ на могилу по три ночи“. Когда похоронили старика, пришли домой, пообѣдали немножко, отдохнули, время подходить, надобно идти на могилу къ отцу, стали жеребій метать, которому идти на могилу къ отцу, и досталось старшему брату идти. Сталъ старшій братъ дурака просить сходить на могилу, дуракъ согласился и пошелъ. Пришелъ на могилу, а ужъ темно, сѣлъ Иванъ и сидитъ. Вдругъ изъ могилы стала земля выкидываться, изъ могилы когда земля выкидалась, сталъ гробъ открываться. Старикъ въ гробу всталъ, а Иванушка боится, говоритъ старикъ: „не бойся“; вылѣзъ старикъ, сѣлъ рядомъ съ Ваней, посидѣли, поговорили порядочно, время стало полуночь. Старикъ залѣзъ опять въ гробъ, закрылся, и земля опять засыпалась, могила стала опять по старому. Ванюшка сталъ спать, проспалъ долго, ужъ солнцѣ взошло, онъ не знаетъ, какъ уйти съ могильниковъ; направился покрѣпъ, пришелъ домой, легъ на полати, весь день спалъ. Вдругъ опять вечеръ, нужно идти среднему брату, тому идти неохота и просить опять Иванушка. Иванушка согласился, поужналъ и пошелъ, пришелъ на могилу и сидитъ. Вдругъ стала изъ могилы земля выкидываться, выкидалась земля, и гробъ открылся, и вылѣзъ изъ могилы старикъ. Сѣли рядомъ, поговорили, время подошло полуночь. Старикъ сказалъ: „спасибо пришелъ“ и полѣзъ въ могилу и въ гробъ закрылся, и могила стала опять по старому. Иванушка опять уснулъ, проспалъ и пошелъ домой; пришелъ домой, закусилъ и спать легъ на полати. Проспалъ весь день. Ночь приходитъ. Иванушка, онъ опять пошелъ на могилу, пришелъ и сидитъ. Вдругъ вылѣзъ опять старикъ и говоритъ: „вотъ спасибо, что ты

послушалъ, по три ночи ходилъ ко мнѣ на могилу“, старикъ говоритъ: „вотъ тебѣ подожокъ, сивка бурка, тебѣ нужно ѣхать куда, ты выйди въ полѣ, гаркни громкимъ голосомъ: „сивка-бурка-вѣчный каурка, будь передъ мной, какъ листъ передъ травой“. Иванушка поблагодарилъ отца; время опять къ полуночи; старикъ сталъ прощаться съ Ванюшкой, что ужъ больше не увидятся; старикъ полѣзъ въ гробъ, закрылся, земля опять засыпалась, могила стала по старому. Иванушка пришелъ домой, легъ спать, проспалъ долго.

Въ то время въ томъ царствѣ была у царя дочь Настасья прекрасная и выбирала себѣ жениха, только съ такимъ за-вѣтомъ, что она сядетъ во второй этажъ своего дома въ окно, кто къ этому окну прискочитъ на лошади, и сдѣлаетъ она свою отмѣтку. Назначенъ былъ день, на который собирались изъ разныхъ земель принцы и короли для того, чтобы быть ея женихомъ. Этотъ Ванюшка сказалъ братьямъ что: „поѣду я, братаны“. Братаны Ванины пошли посмо-трѣть. Ванюшка слѣзъ съ печи, взялъ корзинку и пошелъ въ лѣсъ за грибамъ. Вышелъ Ванюшка въ полѣ, корзинку изломалъ и громкимъ голосомъ закричалъ: „сивка-бурка, вѣчный каурка, будь передо мной, какъ листъ передъ травой“. Сивка бѣжитъ, вся земля дрожитъ, изъ подъ ко-пытъ по сѣнной копнѣ огня валить. Ванюшка сивка обра-талъ. Сивка-бурка говоритъ человѣческимъ голосомъ: „что, Иванушка, нужно?“ Онъ сказалъ: „нужно ѣхать къ Настасьѣ прекрасной“. Сивка-бурка говоритъ: „лѣзь въ ушко, напейся, наѣшься и одѣнешся“. Ванюшка слазилъ въ ушко, напился, наѣлся и одѣлся очень чисто, сѣлъ на сивка и поѣхалъ. Братья Ванины тамъ ужъ. Ванюшка сталъ подѣзжать къ царскому дому и видитъ, Настасья прекрасная сидитъ въ окнѣ, хлестнулъ своего коня поводомъ, конь какъ вскочить, прямо къ окну; Настасья съ руки перстнемъ ударила въ лобъ Ванюшки, и весь перстень стало знать на лобу.

Вѣсь народъ удивился, что такой принецъ пріѣзжалъ неизвѣстный, закричали: „держи, держи!“ а онъ неизвѣстно и куда поскакалъ на своемъ конѣ. Пріѣхалъ домой, опу-стилъ своего коня въ зеленые луга, самъ опять на печку забрался.

Тѣмъ временемъ пришли братья и говорятъ: „ой, какой пріѣхалъ принецъ, неизвѣстно и чей“. Ванюшка и говоритъ:

„не я-ли?“ Братовья и говорятъ: „молчи, дуракъ, какъ то похожъ на тебя“. Немного времени прошло спустя, Настасья прекрасная объявила всѣму народу, чтобы всѣ люди мужскаго пола явились въ тотъ городъ, гдѣ Настасья прекрасная, для того, чтобы найти своего жениха. По ея приказанью и стали собираться въ назначенный день. Эти братья тоже пошли. Ванюшка немного подошелъ съ этимъ братьямъ и отсталъ и пришелъ послѣ въ одну по за городу избушку и легъ на печь. Хозяйка подошла, посмотрѣла Ванюшку, заперла избушку и сама пошла смотрѣть на сборищѣ. Смотритъ, Настасья прекрасная изоставила всѣхъ въ ширинки, сама ходитъ по ширинкамъ, смотритъ, нѣтъ-ли ея нарѣченнаго жениха, эта старушка и говоритъ: „у меня въ избушкѣ есть какой-то оборванецъ, дуракъ“. Настасьюшка сказала: „гдѣ твоя избушка?“ и пошли туда. Пришли въ избушку, Ванюшка лежитъ на печкѣ, весь въ грязи замарался. Говоритъ Настасьюшка Ванюшкѣ: „ну-ка, покажись-ка, кто тутъ есть?“ Ванюшка съ печи слѣзъ. Заставили умыться, Настасьюшка стала утирать лицо полотенцемъ и увидала на лобу перстня ея ударъ и сказала: „вотъ мой нарѣченный женихъ“, и пошли съ Настасьюшкой Ванюшка въ домъ царя. Пришли къ царю, Настасьюшка и говоритъ царю: „вотъ, тятя, мой женихъ“. Честнымъ циркомъ да и за сваребку и повѣнчали Ванюшку съ Настасьюшкой царевной.

Немного спустя поры времячко, съ часочикъ, можетъ быть съ годочикъ, какъ вдругъ объявляетъ царю войну трехголовой змѣй. У Настасьюшки были двѣ сестры, только тѣ были выданы немного пораньше замужъ. Царь собралъ своихъ зятѣй и говоритъ: „зятя мои любезные, которой побѣдитъ лихого супостата змія, тому подпишу треть царства своего“. „Хорошо“, сказали, „будемъ стараться“. Далъ царь этимъ двумъ зятевьямъ по хорошей лошади, а Ванюшкѣ не даетъ и говоритъ: „куда тебѣ ѣхать!“ Стали надъ Настасьюшкой и Ванюшкой сестры да зятя смѣются. Настасья стала просить царя: „дай, тятя, ему хоть самую худую лошаденку“. „Ну, хорошо“, говоритъ царь, „пусть беретъ, на которой возять воду“, а лошадь безногая, на трехъ ногахъ скачетъ. Ванюшка взялъ эту лошади (такъ), вывелъ ее въ полѣ, взялъ одной рукой за ногу, другой за другую, разорвалъ лошадь и сказалъ: „сороки да вороны, вотъ вамъ отъ меня обѣдъ“.

Самъ громкимъ голосомъ закричалъ: „сивка-бурка, вѣчный каурка, стань передо мной, какъ листъ передъ травой“. Сивка бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ подъ копытъ огонь валить. Прибѣжалъ сивка къ Ванѣ, остановился, человѣческимъ голосомъ сказалъ: „что, Иванушка, нужно?“ Ванюшка сказалъ: „сослужи службу, трехголовый змѣй просить тестя воевать“. Конь говоритъ: „это не служба, а службишка“. Ванюшка къ коню слазилъ въ ушко, напился, наѣлся, а потомъ и одѣлся и поѣхалъ воевать. Ѣдетъ дорогой, догналъ и тѣхъ свояковъ, какъ съ нимъ сровнялся, сказалъ: „Богъ по пути, добрыя люди!“, а тѣ Ванюшки не узнали и говорятъ: „добро жаловать!“ Какъ вдругъ Ванюшка ихъ обѣхалъ и подѣзжаетъ онъ къ змѣю, вынулъ свой мечъ складенецъ да какъ махнетъ по головамъ, всѣ три головы отсѣкъ у змѣя, взялъ головы, собралъ, на ремешокъ здергалъ, скочилъ на коня и поѣхалъ. А тѣ свояки ѣдутъ къ змѣю, а Ванюшка ужъ обдѣлалъ, и говорятъ: „продай!“ Ванюшка говоритъ: „не продамъ“. — „Да что хочешь бери, только продай“. — „А вотъ что, отрубите у ногъ по пальцу“. Они согласились, отрубили пальцы и подали Ванюшкѣ. Ванюшка взялъ пальцы, завернулъ въ бумажку и платочикъ и отдалъ головы.

Они взяли головы и поѣхали. Ванюшка задолго пріѣхалъ до нихъ и опустилъ своего коня въ зеленые луга, а самъ ушелъ въ баню и уснулъ богатырскимъ сномъ. Тѣ пріѣхали, государь встрѣлъ съ большею честью, такъ какъ сказали, что мы убили. Надъ Настасьюшкой стали смѣяться сестры и зятя. Настасьюшка заплакала и пошла искать своего Иванушку и нашла его, въ банѣ спитъ, сѣла возлѣ голову, горько плачетъ, одна слезка упала Ванюшкѣ на щеку. Ванюшка вдругъ пробудился и говоритъ: „что ты, Настасьюшка, плачешь?“ „Какъ мнѣ не плакать, у тѣхъ сестеръ мужовья убили змѣя, и подписываетъ треть царства“. Ванюшка говоритъ: „не тужи“, и показалъ въ платочкѣ отъ ихнихъ ногъ персты. Настасьюшка стала повеселѣе и пошла къ царю въ домъ. Пришли, а они ужъ пируютъ, и Ванюшка сѣлъ съ нимъ; сидитъ Ванюшка, ничего не говоритъ. Отпировали. Старшія два зятя уѣхали по своимъ домамъ, а этому Ванюшкѣ некуда ѣхать, потому-что у него дома ничего нѣтъ, и остался у тестя. Немного времени прожили въ покоѣ,

какъ вдругъ объявляетъ войну шестиголовый змѣй и пишетъ такъ, что если не пойдутъ съ войной, то все царство пожру. Царь подумалъ, подумалъ, пришлось опять звать тѣхъ двухъ зятевей. Пріѣхали зятя. Царь объяснилъ, что нужно ѣхать на войну, и царь обѣщалъ подписать половину царства. Они опять срядились, взяли самыхъ лучшихъ лошадей и уѣхали. А этотъ Ванюшка сталъ просить у тестя хоть самую худую лошаденку. Царь сказалъ, что въ конюшнѣ есть такая лошадь, что ходить не можетъ. Ванюшка взялъ эту лошадь и повелъ, всѣ надъ нимъ засмѣялись; увелъ кое-какъ за городъ - въ поле, взялъ за ноги и разорвалъ и говоритъ: „сороки и вороны, вотъ вамъ на обѣдъ“, громкимъ голосомъ кричить: „сивка-бурка, вѣчный каурка, встань передо мной, какъ листъ передъ травой“. Сивка бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ подъ копытъ огонь валитъ, прибѣжалъ сивка къ Ванѣ и говоритъ человѣческимъ голосомъ: „что нужно?“ Ваня и говоритъ: „сослужи службу“. Конь говоритъ: „это не служба, а службишка“. Ванюшка слезилъ къ коню въ ушко, напился и наѣлся и, какъ слѣдуетъ быть, одѣлся и мечъ складенецъ взялъ. Поѣхалъ. Ѣдетъ путемъ-дорогой, вдругъ видитъ и тѣхъ двухъ свояковъ, и они его признали, догналъ ихъ и обѣхалъ. Пріѣхалъ, гдѣ этотъ змѣй, наладилъ свой мечъ складенецъ, какъ подѣхалъ, ударилъ змѣя по головамъ, три отлѣтели, немного Ванюшка зѣвалъ, другой разъ ударилъ и тѣ три головы отрубилъ и сдергалъ головы на ремешокъ и поѣхалъ обратно. Тѣ два свояка попали ему встрѣчу, ѣдутъ туда еще, а Ванюшка ужъ совсѣмъ обдѣлалъ змѣя и головы съ собой везетъ. Они Ванюшкѣ и говорятъ: „продай намъ головы, Ванюшка“. Ванюшка говоритъ: „купите“, „сколько тебѣ нужно?“ „мнѣ денегъ не нужно, а отрубите у рукъ по пальцу“. Они отрубили, отдали Ивану. Онъ опять эти пальцы въ платочикъ. Ванюшка опять уѣхалъ впередъ. Пріѣхалъ въ свои поля, широкія луга и коня опустилъ, а самъ опять въ баню спать и съ такого устату (такъ) уснулъ богатырскимъ сномъ. А у царя тѣ два зятя пріѣхали и головы привезли съ собой. Царь обрадовался и сдѣлалъ пиръ на весь міръ, стали пировать да гулять, да надъ Настасьюшкой смѣются. Настасьюшкѣ стало такъ обидно, что не могла посидѣть на піру, пошла въ баню къ Ванюшкѣ,

пришла, сѣла возлѣ его и горько плачетъ, одна слезка попала на Ванину щеку, онъ тотчасъ пробудился и говоритъ: „что ты плачешь?“ Она сказала: „тятя подписываетъ половину царства тѣмъ зятѣямъ, а намъ съ тобой нѣтъ ничего“. „Ну, ладно“, сказалъ Ванюшка, и пошли въ домъ отца. Пришли, они пируютъ, сѣлъ за столъ и Ванюшка, ничего не говоритъ, поппровали и разъѣхались по своимъ домамъ, а Ванюшка опять остался.

Вдругъ опять объявляетъ войну девятиголовый змѣй. Царь еще того больше испугался, что вотъ какое чудовище просить войну. Царь сталъ опять собирать тѣхъ двухъ зятевей, на нихъ и надѣжда вся, такъ больше нѣтъ такихъ храбрецовъ. Приѣхали зятя. Царь сказалъ: „если побѣдите это змѣя, то все царство ваше будетъ“. „Ну, хорошо“ сказали они. Взяли самыхъ лучшихъ лошадей и поѣхали. А этотъ самый Ванюшка и просить тестя хоть самую худую лошадь. Ванюшка взялъ лошадь, увелъ за городъ, раздернулъ на части и сказалъ: „сороки да вороны, вотъ вамъ на обѣдъ“, и закричалъ: „сивка-бурка, вѣчный каурка, встань передо мной, какъ листъ передъ травой. Сивка бѣжитъ къ Ванюшкѣ и говоритъ: „что нужно?“ Ванюшка сказалъ: „сослужи мнѣ службу“. Конь и говоритъ: „это вотъ такъ служба, ну, да ладно, хорошо, лѣзь въ ушко“. Ванюшка улѣзъ къ коню въ ушко, напился, наѣлся и одѣлся и взялъ съ собой мечъ складенецъ и сорокопудную палицу и поѣхалъ, догналъ тѣхъ двухъ свояковъ и объѣхалъ. Приѣхалъ на мѣсто, гдѣ находится чудовище, Ванюшка какъ разъ махнулъ мечемъ, три головы отсѣкъ, другой разъ махнулъ, опять три головы отсѣкъ. Змѣй хочетъ Ванюшку схватить, и конь сподкнулся. Ванюшка покруче хлестнулъ сорокопудной палицей, змѣй откатился отъ него. Тѣмъ временемъ махнулъ мечемъ и остальные три головы отсѣкъ и сдергалъ на ремень головы, скочилъ на коня и поѣхалъ. Попали навстрѣчу ему два свояка тѣ; „воротитесь“, сказалъ Ванюшка, „я обдѣлалъ“. Они говорятъ: „продай“, „купите“, „сколько?“ „Дайте вырѣзать изъ спины ремень“. Они согласились и вырѣзали по ремню. Ванюшка взялъ по ремню и поѣхалъ къ дому; приѣхалъ въ свои зеленые луга, опустилъ коня, а самъ опять въ баню спать. Съ большого устатку Ванюшка уснулъ богатырскимъ сномъ. А тѣ зятя

приѣхали прямо къ царю, и поздравилъ ихъ царь съ побѣдой врага. Они сѣли за столы и стали пировать, а Царь подписываетъ все царство имъ. Настасьюшка заплакала и пошла въ баню, пришла въ баню, сѣла возлѣ Ванюшку и плачетъ, какъ-то капнула одна слезинка на лице Иванушку, онъ проснулся и говоритъ: „что ты плачешь?“ Она говоритъ „какъ мнѣ не плакать, тятя все царство подписываетъ тѣмъ зятьямъ, а тебѣ нѣтъ ничего“; говоритъ Ванюшка: „ступай, скажи, чтобы не подписывалъ“. Настасьюшка пришла и говоритъ: „погоди, тятя, не подписывай“, какъ вдругъ и Ванюшка явился, сказалъ Ванюшка: „пусть они снимутъ сапоги“. Царь приказалъ снять. Они сняли. Смотрятъ, нѣтъ пальцей у ногъ. Ванюшка взялъ изъ платочка пальцы и говоритъ: „это вотъ не ваши-ли за перваго змѣя“. „А пусть снимутъ перчатки съ рукъ“. Сняли перчатки, а у рукъ нѣтъ по персту. Ванюшка говоритъ: „это вотъ за второго змѣя“, вынулъ изъ платка и эти пальцы. Царь удивился, что такое. Ванюшка сказалъ: „снимите-ка рубашки“. Они сняли, изъ спинъ вырѣзано по ремню. Ваня показалъ ремни: „это за третьяго змѣя; не они побѣдили, а я побѣдилъ“. Царь приказалъ обѣихъ зятѣй посадить на ворота и растрѣлять, а подъ Иванушка все царство подписалъ. Съ того времени стали жить да поживать да хлѣбецъ жевать. Коточигъ да палочка, вся моя сказочка.

Кадниковскій у. 1907 г.

39. Иванъ купеческій сынъ и царевна.

Жилъ былъ купецъ съ купчихой, у нихъ былъ сынъ Иванушко. Въ этой деревнѣ былъ бѣдный мужикъ. Пришелъ поразъ мужикъ къ еврею просить денегъ на подати, а еврей ему и говоритъ: „какъ я тебѣ ўзе дамъ, у насъ нѣтъ свидѣтеля?“ Бѣдной мужикъ и говоритъ: „а вотъ на божницѣ стоитъ Никола святитель — икона“, еврей говоритъ: „ўзе возми, какъ ўзе свидѣтель есть“; еврей далъ мужику десять рублей. Мужикъ отдалъ оброкъ и живетъ. Мужикъ долго не несетъ еврею денегъ, еврей пришелъ къ мужику и говоритъ: „что ўзе, ўзе отдай деньги“. Мужикъ и говоритъ: „подожди немного“. Еврей ушелъ домой.

Немного пожилъ еврей, опять пришелъ къ мужику: „уже отдай деньги“. Мужикъ опять сталъ упрашивать: „подожди немного“. Еврей разсердился, пришелъ домой, взялъ икону Николая Чудотворца и давай хлестать да приговаривать: „ты свидѣтель, мужикъ не отдаетъ денегъ“. Въ это время мимо оконъ шелъ Иванушко, услышалъ, что еврей бьетъ икону, побѣжалъ домой къ матери и сталъ просить у матери десять рублей, а отца ужъ не было. Мать дала своему сыну десять рублей, онъ опять бѣгомъ побѣжалъ къ еврею: „что ты, еврейская образина, бьешь икону Николая Чудотворца?“ Еврей и говоритъ: „уже, уже, какъ не бить, мужикъ денегъ взялъ, а онъ свидѣтель, мужикъ не отдаетъ“. Этотъ парнекъ отдалъ десять рублей, еврей и говоритъ: „вотъ теперь не стану бить, какъ деньги отдалъ“. Парнекъ и говоритъ: „отдай и икону“. Еврей говоритъ: „возми, уже какъ отдалъ деньги“. Парнекъ взялъ икону и пошелъ домой. Немного пожили, къ этому купеческому сыну пришелъ сивый старичекъ и порядился къ нему въ работники, а этотъ Ванюшка выростъ порядочный, а его есть два дяди и стали звать Иванушку съ собой торговать. Старикъ говоритъ: „съ нимъ не ѣзди, купи самъ судно, мы съ тобой поѣдемъ двое“. Иванушко сказалъ мамашѣ, что „купи судно“. Она купила судно. Они взяли товару, и тѣ дяди, и поѣхали вмѣстѣ и поѣхали на двухъ судахъ. Нѣсколько земель проѣхали и пристали къ одному городу. Въ этомъ городу былъ царь, у этого царя было умерла дочь и лежитъ двадцать дней въ церкви и каждую ночь ходятъ дежурить. Въ городѣ безъ государева позволѣнья не даютъ торговать. Эти съ судовъ пошли всѣ трое къ царю, одинъ остался на судахъ старичекъ. Пришли къ царю и говорятъ: „ваше царское величество, купите товару“. Государь говоритъ: „купить можно, а и вы вотъ должны мою дочь по ночи дежурить“. Они ужъ услышали, что всѣхъ она заѣдаетъ. Пошли на суда, пришли и сказали старику: „а сегодня надо Иванушку идти“. Старикъ и говоритъ: „возми рубль денегъ, иди въ городъ, и кто первый попадетъ навстрѣчу, что продаютъ, и купи, не торгуйся“. Онъ пошелъ въ городъ. Идетъ городомъ, и попадаетъ ему навстрѣчу мужичекъ, продаетъ „варъ“. Иванушко и говоритъ: „сколько нужно за варъ?“ Тотъ и говоритъ: „сколько даси“. Иванушко по-

далъ рубль, взялъ варъ и пришелъ на судно. Старичекъ сдѣлалъ изъ вару шарикъ. Время подходитъ, надо Иванушку идти. Старичекъ и подалъ книжку и наказываетъ: „ты прочитай до этой страницы, кинь шарикъ черезъ лѣвое плечо, что она будетъ представлять, не бойся“. Онъ взялъ книжку и шарикъ и пришелъ въ церковь. Попъ отслужилъ молебенъ, и оставили Ивана одного. Онъ взялъ наложъ, положилъ книжку и читаетъ до двѣнадцати часовъ. Вдругъ крышка слѣтела съ гробу, и дѣвица встала растрепанная и бѣгаетъ по церкви и хочетъ съѣсть Иванушка, но его схватить не можетъ, онъ очертился, до той странки дочитался, лишь шарикъ бросилъ къ дверямъ, она бросилась за шарикомъ и стала грызть; весь изгрызла и легла въ гробъ. Иванушко дочитался до утра, сторожъ пришелъ и выпустилъ Иванушка. Онъ пришелъ на судно, старику все рассказалъ. Подходитъ вечеръ, надо Иванушкову дядѣ идти, дядя и говоритъ: „сходи, Ванюшка, ты за меня“. Иванушко говоритъ: „давай двѣ тысячи рублей“. Онъ далъ двѣ тысячи рублей. Иванушко взялъ рубль, пошелъ въ городъ, идетъ городомъ, и попадаетъ ему навстрѣчу баба, продаетъ сыръ. Иванушко говоритъ: „много-ли надо за сыръ?“ Она говоритъ: „сколько даси“. Онъ подалъ рубль и взялъ сыръ. Пришелъ на судно, старичекъ сдѣлалъ изъ сыра шарикъ и подалъ книжку и наказываетъ, что дочитаешься до этой страницы, этотъ шарикъ и брось черезъ лѣвое плечо, а что она будетъ дѣлать, ты не бойся. И пришелъ Иванушко въ церковь и сѣлъ и читаетъ. Въ десять часовъ крышка съ гроба слѣтела, и дѣвушка встала и начала все представлять и змѣй подъ Ванюшку подпускать. Иванушко все читаетъ; какъ дочитался до той страницы и кинулъ шарикъ ко дверямъ, она побѣжала и схватила шарикъ, стала грызть, изгрызла шарикъ и легла въ гробъ. Иванушко дочитался до утра, сторожъ выпустилъ Иванушка. Пришелъ на суда, рассказалъ все, какъ было. На третью ночь надо идти другому дядѣ. Дядя и сталъ просить Иванушка сходить ночевать. Иванушко взялъ съ дяди четыре тысячи рублей. Старичекъ велѣлъ взять рубль и купить, съ чѣмъ съ первымъ попадутъ. Иванушко взялъ рубль и пошелъ въ городъ; идетъ городомъ, попадаетъ ему дьяконъ, несетъ свѣчъ. Иванушко спрашиваетъ: „сколько надо за свѣ-

чи?“ Дьяконъ говоритъ: „сколько не жаль“. Иванушко подалъ рубль и пошелъ на суда. Когда пришелъ, старичекъ сдѣлалъ изъ свѣчь шарикъ, какъ золотой, и наказываетъ Ивану: „смотри, сегодня всѣхъ страшная будетъ, а ты не бойся, читай; когда до этой страницы дочитаешься, шарикъ брось черезъ правое плечо, а когда она будетъ по за тебѣ читать, ты одинъ разъ скажи, что отойди отъ меня, а больше ничего не говори“. Иванушко пришелъ въ церковь, отслужили молебенъ. Иванушко остался одинъ и читаетъ. Въ восемь часовъ крышка открылась, и дѣвица встала и давай представлять и змѣй подпускать подъ Иванушка и огонь и бѣсей подпускала. Иванушко, какъ дочитался до той строки, лишь кинулъ шарикъ ко дверямъ, она и бросилась ѣсть шарикъ, изъ рота огонь лѣтитъ, какъ шарикъ съѣла и уснула, поспала и встала, что Иванушко читаетъ, то и она говоритъ, встала подлѣ Ивана, онъ и говоритъ: „отойди отъ меня“. Она говоритъ: „не отойду“. Иванушко опять читаетъ, дочиталъ до утра, сторожъ отворилъ двери и кричитъ: „что, живъ?“ Она говоритъ: „жива“. Сторожъ боится и въ церковь идти. Созвалъ попа и дьякона и идутъ въ церковь, отслужили молебенъ, пошли къ царю, во всѣхъ церквахъ звонъ. Царь обрадѣлъ и отдалъ замужъ за Ивана и далъ имъ много золота. Иванушко взялъ свою жену и пришли на корабль и поѣхали домой. Приѣхали домой и сдѣлали пиръ на весь міръ. Немного прожили, старичекъ и говоритъ Ивану: „мы съ тобой вмѣстѣ наживали и надо раздѣлить“. Иванушко говоритъ: „давай дѣлить“. Раздѣлили товаръ и деньги, говоритъ старикъ: „давай и жену твою дѣлить, какъ-бы не я, такъ-бы и тебѣ не видать“, а Ивану стало жалко и заплакалъ. Старичекъ больше ничего не сказалъ, взялъ саблю и разсѣкъ пополамъ и изрубилъ на мелкія куски, а Ивану стало жалко больно, плачетъ, старикъ взялъ куски, оклалъ въ корзину и пошелъ на рѣку, перемылъ куски; принесъ опять туда, гдѣ рубилъ, оклалъ куски, какъ была, и помазалъ чѣмъ-то, она опять стала живая, и говоритъ старичекъ: „вотъ тебѣ, Иванъ, жена и деньги за то, что ты выкупилъ у еврея икону“. Старичекъ ушелъ, все оставилъ, они стали жить да поживать да добро наживать.

40. М и т о ш к а.

Жилъ старикъ со старухой, и былъ у нихъ сынъ Митошка. Ходилъ онъ рыбу ловить, и когда онъ ловилъ, то мать ему носила ѣсть; придетъ она на бережокъ и закричитъ: „Митошка, Митошка, липовой челнокъ, выйди на бережокъ, мати ѣсть принесла“. Митошка присталъ къ берегу, матери отдалъ рыбу, а у еѣ взялъ пирожки, уѣхалъ опять ловить рыбу. Когда мать кричала Митошку, выслушала яга-баба и пришла къ рѣкѣ и кричитъ толстымъ голосомъ: „Митошка, Митошка, липовой челнокъ, выйди на бережокъ, мати пришла, тебѣ поѣсти принесла“. Митошка узналъ, что яга-баба кричитъ, кричитъ Митошка: „яга-баба, у тебя языкъ толстъ, сходи къ кузнецу и перекуй языкъ“. Яга-баба ушла къ кузнецу. Мать и пришла и кричитъ: „Митошка, Митошка, липовой челнокъ, выйди на бережокъ, мати пришла, Митошкѣ ѣсть принесла“. Митошка пріѣхалъ къ берегу и отдалъ рыбу, а у матери взялъ пирожки. Матерь ушла домой. Вдругъ яга-баба пришла и закричала тоненькимъ голоскомъ: „Митошка, Митошка...“ Митошка не узналъ, что яга-баба кричитъ, думаетъ, что матеръ, и пріѣхалъ къ берегу. Яга-баба схватила Митошку и унесла домой и посадила въ гобецъ. У яги-бабы были три работницы, звали работницъ, одну звали Уляшкой, а другую Матрешкой, а третью звали Парашкой, и посылаетъ яга-баба Уляшку топить баню: „истопи полѣнницу дровъ“. Работница истопила баню и увела Митошку, изладила лопату и садитъ Митошку на лопату, хочетъ пехнуть въ печь, чтобы ожарить. Сталъ Митошка садится на лопату, одну ногу на соштокъ, а другую подъ соштокъ, одну руку на лавку, а другую подъ лавку. Уляшка и говоритъ ему: „ты, Митошка, не такъ садишься“. Митошка и говоритъ: „я лучше не умѣю, поучи меня“. Уляшка сѣла толкомъ на лопату, а Митошка покрѣче взялъ за лопату да и пехнулъ Уляшку въ печь. Уляшка ожарилась. Вынялъ ее изъ печи, положилъ на столъ, а самъ ускрылся. Вдругъ пришла яга-баба и стала ѣсть да и говоритъ: „сладко, сладко, сладко, Митошкино мяско“, а Митошка и говоритъ: „сладко, сладко, сладко, Уляшкино мяско“. Яга-баба и говоритъ: „охъ, онъ мошенникъ,

Уляшку ожарилъ“. Пришла домой и говоритъ: „ступай, Матрешка, истопи баню и истопи жарчая, сожги двѣ полѣнницы дровъ“. Эта Матрешка истопила баню и увела Митошку, хочетъ пехнуть въ печь. Сѣлъ Митошка на лопату, одну ногу на соштокъ, а другую подъ соштокъ, одну руку на лавку, другую подъ лавку, она и говоритъ: „не такъ сядишься“, онъ и говоритъ: „я лучше не умѣю, ты поучи меня“. Матрешка сѣла на лопату и сама себя утыкала и говоритъ: „вотъ какъ“. Митошка недолго думалъ и эту пехнулъ въ печь и ожарилъ, вынялъ и положилъ на столъ, самъ укоронился. Вдругъ яга-баба пришла и стала ѣсть и говоритъ: „сладко, сладко, сладко, Митошкино мяско“, онъ и говоритъ: „сладко, сладко, сладко, Матрешкино мяско“. Яга-баба и говоритъ: „охъ, онъ подлець, и эту ожарилъ“. Пришла домой и говоритъ: „Парашка, иди-ко, истопи баню“. Парашка истопила баню, увела Митошку и говоритъ: „ну, Митошка, сядись на лопату“. Онъ опять сѣлъ, одну ногу на соштокъ, а другую подъ соштокъ, одну руку на лавку, а другую подъ лавку, она и говоритъ: „не такъ сядишься, нельзя въ печь пехнуть,,; онъ и говоритъ: „я лучше не умѣю, поучи меня“. Она стала учить, сѣла на лопату, убрала свой сарафанъ. Митошка покруче пехнулъ въ печь и ожарилъ, вынялъ и положилъ на столъ, и вдругъ пришла яга-баба и стала ѣсть и говоритъ: „сладко, сладко, сладко, Митошкино мяско“. Митошка и говоритъ: „сладко, сладко, сладко, Парашкино мяско“. Она и говоритъ: „охъ, ты плуть“. Сама взяла затопила баню, истопила три полѣнницы дровъ, опять стала садить на лопату Митошку, онъ опять сѣлъ на лопату, одну ногу на соштокъ, а другую подъ соштокъ, одну руку на лавку, другую подъ лавку; ей Митошку пехнуть въ печь нельзя, она и говоритъ: „не такъ сядишься-то“, онъ сказалъ, что „лучше не умѣю“. Она сѣла на лопату, подобрала свой сарафанъ, а Митошка покруче какъ шаркнулъ ягу-бабу въ печь. Она тамъ сдохла. Митошка ушелъ домой; когда Митошка пришелъ домой, отецъ и мать обрадѣли и стали жить да поживать.

41. Дѣвушка-рысь.

Жилъ старикъ со старухой. У нихъ была дочь. Старуха померла. Старикъ и вздумалъ женится и взялъ ягу-бабу съ тремъ дочерямъ: одна была одноглазка, другая двоеглазка, а третья о три глаза. И была у нихъ коровушка послѣ тые старухи. Яга-баба неродную дѣвушку не любила, а коровушку гоняли пасти на пожнѣ, а этой дѣвушкѣ все старую краешку хлѣба давала. Эта-та неродная дѣвушка каждый день ходила пасти, и стали посылать съ той-то дѣвушкой и родную первую, одноглазку. Эти дѣвушки и стали пасти, у одноглазки искать въ головѣ и говорить: „спи, глазокъ“, глазокъ у дѣвушки уснулъ, „спи, ушко, спи, и другое“, и ушки у одноглазки не слышатъ. Эта дѣвушка къ коровушкѣ слазила въ ушко, напилась, наѣлась и вдруге слазила, одѣлась и сидитъ на лужку. Вдругъ идетъ барскій сынъ, онъ съ ей посидѣлъ, поговорили, онъ простился и поѣхалъ. Она опять въ ушко къ коровушкѣ слазила, раздѣлась и сидитъ опять съ той дѣвушкой, и та одноглазка пробудилась. Попасли и погонили домой. Ночку проспали. На другой день опять погонили коровушку, съ этой дѣвушкой пошла двоеглазка. Пригонили коровушку на пожню, и опять стала у этой дѣвушки въ головѣ искать да приговаривать: „спи, глазокъ! спи, другой! спи, ушко! спи, другое!“, и эта дѣвушка уснула. Дѣвушка опять слазила къ коровушкѣ въ ушко, напилась, наѣлась, въ другое слазила, одѣлась. Опять сѣла на лужокъ и сидитъ. Вдругъ идетъ тотъ самый господинъ и сѣлъ рядкомъ, посидѣли, поговорили; опять уѣхалъ. Она опять слазила къ коровушкѣ въ ушко, раздѣлась и сѣла съ той опять дѣвушкой, и дѣвушка проснулась. Въ вечеру погонили дѣвушки коровушку домой. Поутру рано встали. Опять погонили. Пригонили на пожню, а сиротка дѣвушка этой троеглазкѣ и говоритъ: „давай я въ головѣ у тебя поищу“, и стала искать у троеглазки, ищетъ да приговариваетъ: „спи, глазокъ! спи, другой! спи, ушко! спи другое!“ Эта троеглазка прихирилась, будто спитъ. Эта дѣвушка-сиротка слазила къ коровушкѣ въ одно ушко, напилась, наѣлась, а въ другое слазила, одѣлась и сѣла на лужокъ. Вдругъ идетъ барской тотъ сынъ, оста-

новился и сѣлъ рядкомъ, посидѣли, поговорили и опять разстались. Дѣвушка опять слазила въ ушко къ коровушкѣ и раздѣлась и опять сѣла на лужокъ къ дѣвушкамъ, а та будто спала, пробудилась, и къ вечеру опять погнали коровушку домой. Эта троеглазка и сказала все матери. Яга-баба и говоритъ старику: „заколи, старикъ, корову“. Старикъ сталъ колоть корову, а дѣвушкамъ жалко коровушки, да дѣлать нечего, и просить: „тѣтка, дай мнѣ отъ коровушки головушку“, старикъ и говоритъ: „погоди, я спрошу старуху“. Старикъ спросилъ у старухи. Старуха не вѣлела. Дѣвушка и говоритъ: „отдай хоть ушко“. Старуха говоритъ: „не отдамъ и ушка, годятся на студень“. Та: „хоть ножки“. „И ножки не отдамъ“. „Такъ хоть рожка отдай“. „Ну, рожка возми“. Она взяла рожка посадила въ землю, и выросли яблони. Тотъ господинъ поѣхалъ сватомъ и говоритъ: „которая яблоковъ нащиплетъ, та и невѣста моя“. Яга-баба послала своихъ дочерей. Первая сходилла, такъ руку отшибло, а другая ушла, у той ногу отшибло, а у третьей глазъ. И пошла эта дѣвушка. Какъ пришла, у этой сами яблоки въ колѣни навалились. Дѣвушка наклала на блюдечко яблоковъ и принесла жениху. Сразу стали дѣлать свадьбу. Обвѣнчались и уѣхали къ мужику на родину. Этотъ господинъ сталъ уѣзжать кое-куда и наказываетъ, что некуда не ходи. Она некуда не ходила. У нее и родился мальчикъ. Онъ пріѣхалъ домой. Мальчика окрестили. Немного пожилъ дома и уѣхалъ опять. Къ ней пришла яга-баба и говоритъ: „пойдемъ ко мнѣ гулять, кое-что посмотримъ, у меня есть три дочери, первая кружовья плететъ, а другая брани беретъ, а третья вышиваетъ“. Она согласилась и пошла къ ягѣ-бабѣ гулять, а съ ребенкомъ осталась нянька. Она когда пришла къ ягѣ-бабѣ, яга-баба обернула ее рысией. Этотъ господинъ пріѣхалъ домой, у няньки спросилъ: „гдѣ жена?“, а нянька говоритъ: „она ушла къ ягѣ-бабѣ“. Онъ видитъ, что дѣло не ладно, и послалъ къ ягѣ-бабѣ няньку. Та спросила, а яга-баба сказала, что она рысией ужъ. Нянька пришла къ хозяину и сказала и взяла ребенка и пошла къ рѣкѣ, сѣла на бережокъ и стала кричать: „рыси вы, рыси, сѣрые рыси, не видали-ли вы, рыси, младенцовы мати?“ Бѣгутъ рыси; эта младенцова мать прибѣжала къ ребенку и скинула свою шкуру и сдѣлалась опять женщиной, какъ насосила

ребенка, опять одѣлась и убѣжала. Нянька пришла домой и сказала хозяину. На другой день и самъ съ нимъ пошелъ. Нянька сѣла на бережокъ и кричить: „рыси вы, рыси, сѣрые рыси, не видали-ли, рыси, младенцову мать, младенецъ плачетъ, поѣсть просить“, а самъ за кустъ сѣлъ. Прибѣжала эта рысь и скинула шкуру и стала сосить ребенка, а онъ взялъ эту кожуруину и сожогъ. Она насосила ребенка и хватилась кожурины, да вилась да вилась и сдѣлалась веретенцомъ. Онъ взялъ это веретенцо и переломилъ, оно и сдѣлалось, какъ слѣдуетъ, женщиной, и пошли домой. Онъ опять сталъ уѣзжать. Она дома сидитъ.

Кадниковскій у. 1907 г.

42. Мышка.

Жилъ старикъ со старухой, и была у ихъ одна дочь. Старуха и померла. Старикъ женился и взялъ ягу-бабу съ дочерьею. Яга-баба неродную-то дочь и не взлюбила и говорить своему старику, что надо свѣзти неродную дочь въ пустую избу, а въ лѣсѣ была изба пустая. Старуха наклала дѣвушкѣ на мѣсто муки пепелу, а на мѣсто крупы дресвы. Старикъ и запрягъ лошадь и повезъ дѣвушку въ пустую избу, въ лѣсѣ. Привезъ въ лѣсѣ дѣвушку и посадивъ въ избу и оставилъ одну. Дѣвушка затопила печку и стала изъ пепелу пекчи шанежки. Мышка изъ подъ сошточка выскочила и говоритъ: „красная дѣвушка, дай мнѣ шанежку“, а дѣвушка говоритъ: „ой, мышка, мышка, мы съ тобой только двое и въ избушкѣ живемъ“, она и кинула шанежку, „станемъ мы вмѣстѣ жить“. Дѣвушка поѣла шанежокъ и сѣла подъ окошечко и заплакала: „съ кѣмъ мнѣ спать-ночевать“, въ лѣсу отгаркивается нехорошой: „я приду, я приду“, и идетъ старикъ, вышелъ изъ лѣсу, она испугалась и говоритъ: „ой, мышка, мышка, куда-же я дѣваюсь-то? Мышка ее обернула иголкой и въ стѣну влѣпила. Старикъ пришелъ, искалъ; искалъ, такъ негдѣ и не нашелъ и кинулъ сундукъ съ имѣніемъ. Онъ ушелъ. Ночку проспала. Мышка обернула, опять экъ какъ была стала; дѣвушка опять стала пекчи шанежки; шанежокъ напекла, сама поѣла и мышку накормила. Сѣла подъ окошечко, опять

заплакала и говоритъ: „съ кѣмъ мнѣ спать-ночевать“. Вотъ въ лѣсу старикъ и кричитъ: „приду, я приду“, и выходитъ старикъ выше лѣсу. Она испугалась и говоритъ мышкѣ: „куда-жѣ я-то дѣваюсь?“ Мышка обернула шаминкой и положила подъ порожекъ. Старикъ пришелъ, вѣздѣ искалъ, негдѣ ненашелъ и бросилъ два сундука имѣнья, самъ и ушелъ. Мышка опять эту шаминку сдѣлала дѣвушкой. Ночку проспали, опять стала дѣвушка пекчи шанежки; поѣли съ мышкой шанежокъ и сидятъ. Старикъ пріѣхалъ за дѣвушкой; они думали, что дѣвушка мертвая, а дѣвушка бѣленая и мазаная и платкомъ перевязаная. Старикъ привезъ домой дѣвушку. Старухѣ завидно стало, что у этой дочери имѣнія много, а у ее дѣвушки ничего нѣтъ, и велѣла свѣзти старику свою дѣвушку и наклала этой дѣвушкѣ ѣжи, муки хорошей и крупы и масла, всякія всячины. Старикъ свѣзъ эту дѣвушку въ пустую избу. Она стала шанежки пекчи. Мышка выскочила изъ подъ сошточка и говоритъ: „дѣвушка, дай мнѣ шанежку“. Она хлестнула сковородникомъ и мышку убила. Сѣла подъ окошко и зарѣвела и кричитъ: „съ кѣмъ мнѣ спать-ночевать?“ Старикъ въ лѣсу и кричитъ: „я иду“, и пришелъ старикъ и задавилъ дѣвушку. Три дня прошли. Матка и говоритъ своему старику, что, старикъ, съѣзди по дѣвушку. Старикъ съѣздилъ за дѣвушкой и привезъ мертвую. Старуха зарѣвела и умерла.

Кадниковскій у. 1907 г.

43. Горошенько.

Жилъ былъ старикъ со старухой. Было у нихъ двое дѣтей, дочка да сынокъ, а дочь постаршѣ. Старикъ и старуха померли и не оставили имъ ничего поѣсть. Эти ребята и пошли въ амбаръ и назаѣтали три горошенька и принесли въ избу и стали катать по полу, катали да катали, всѣ три горошенька упали въ подпольѣ. Эти горошеньки выросли до полу. Они открыли половицы. Горошокъ все растеть да растеть и вырасть до потолка. Они и потолчину открыли. А горохъ все растеть да растеть и вырасть до крыши. Открыли крышу, тесинку или двѣ. Горохъ растеть выше и выше и вырасть до неба, и стала

туда лѣсенка. Дѣвушка и стала у братца въ головкѣ искать и стала уговаривать: „спи, глазокъ, и спи, другой“. Этотъ парнекъ и уснулъ. Дѣвушка и полѣзла къ верху и залѣзла очень высоко. Прилѣзла, а тамъ мельница, въ сторону вернетъ—шаньги да блины, а въ другую сторону вернетъ, пшеничные пироги, и наклала двѣ корзины и принесла къ брату, и наѣлись. Недолго прожили, какъ это съѣли, она опять стала въ головкѣ искать у брата и уговариваетъ: „спи, глазокъ, спи, другой!“ Этотъ братецъ уснулъ. Она опять улѣзла, прилѣзла туда и наклала опять двѣ корзины и принесла опять къ брату. Покаместъ у ихъ что было ѣсть, они все жили да жили, какъ все съѣли и надо опять уйти, стала искать въ головкѣ и уговариваетъ: „спи, глазокъ, спи, другой“, не могла укласть, какъ полѣзла, и онъ закричалъ: „сестрица, и я съ тобой полѣзу“. Когда она туда улѣзла и сталъ хватать мельникъ ее, она отъ его въ уголокъ да въ другой, въ третій да четвертый, мельнику напостыло хватать и сказалъ: „будь, избушка, и три уголка“. Она опять изъ уголка въ уголокъ стала бѣгать. Мельнику опять напостыло хватать и говорить: „будь, избушка, с два уголка“. Избушка стала о два уголка. Она опять изъ уголка въ уголокъ. Мельникъ не можетъ схватить и говорить: „будь, избушка, объ одномъ уголкѣ“, и сдѣлалась избушка объ одномъ уголкѣ. Мельникъ схватилъ дѣвушку и говорить: „пойдемъ-ко, дѣвушка, ко мнѣ на родину“. Она говоритъ: „да какъ-же братца-то?“ Онъ говоритъ: „и братца съ собой увѣдемъ“. Братецъ подошелъ да и захотѣлъ пить и говорить: „я здѣсь напьюсь“. Сестрица и говоритъ: „не пей, братецъ, въ этой конуркѣ, будешь лошадкой“. Немножко подошли, парнекъ и говоритъ: „я, сестрица, напьюсь?“ Она говоритъ: „не пей, братецъ, будешь коровушкой“. Опять немножко подошли, онъ и говоритъ: „я, сестрица, напьюсь?“ „Не пей, братецъ, будешь овечкой“. Еще подошли немножко онъ напился и сдѣлался козелкомъ и закричалъ: „бя, сестрица, дожди“; она его дождала и говоритъ она козелку: „ой, братецъ, братецъ, какъ я говорила, что не пей, не пей, а ты напился, куда-жъ я дѣваюсь съ тобой?“ Этотъ мельникъ и говоритъ: „что-же дѣлать, станемъ вмѣстѣ кормить“, и дошли до мельниковы родины и стали жить. И сталъ этотъ мельникъ за охотой ходить; и козелка стали кормить.

Этотъ мельникъ когда пойдетъ за охотой и наказываетъ: „ты, дѣвушка, куда не ходи“. Разъ пошелъ за охотой и забылъ наказать, чтобы куда не ходила. Яга-баба пришла и созвала къ себѣ гулять. Она и пошла. Яга-баба привѣла на рѣку и привязала къ кусту, а свою дочь посадила тутъ. Когда мельникъ этотъ пришелъ съ охоты, она и говоритъ: „надо козлика заколоть“. Козликъ и говоритъ своему хозяину: „пусти меня на рѣку погулять, я больно перемарался“. Онъ его пустилъ. Козликъ побѣжалъ и заблеялъ: „бя, сестрица, ножи точать (такъ въ рук.), меня козла хотятъ колоть“. Козликъ пришелъ опять домой. На другой день козликъ опять на рѣку побѣжалъ: „бя, сестрица, ножи точать, меня козла колоть хотятъ“. Сестрица и говоритъ: „братецъ, мнѣ дѣлать нечего“. Этотъ козликъ какъ убѣжалъ, этотъ мельникъ и догадался, что козликъ бѣгаетъ на рѣку, и пришелъ и отвязалъ дѣвушку. Пришли домой, а яги-бабину дѣвку посадилъ на ворота и разстрѣлялъ. Опять стали жить да поживать да добра наживать, а козлика еще стали кормить лучше.

Кадниковскій у. 1907 г.

44. Настюха.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили-были старикъ со старухой. У нихъ былъ сынъ Иванушка. Старикъ вздумалъ своего сына женить. Стали сватать. Высватали. И этотъ Иванушка женился и взялъ Настасьюшку. У этой Настасьюшки было много дружковъ. Дожили до масленицы. Тестъ и пріѣхалъ за Иванушкомъ звать въ гости. Настюшка поѣхала къ отцу въ гости, а Иванушка не поѣхалъ, потому что онъ услышалъ про свою жену, что у нее много дружковъ. Они уѣхали. А Иванушка вечеромъ запрягъ свою лошадь, пріѣхалъ въ ту деревню и присталъ къ сосѣду, а тутъ была старуха, она была колдуньей, она и дала Ивану поясокъ: „ты, Иванъ, возми сядь въ постели на сараѣ и слушай, кто тамъ есть, если есть дружокъ, то возми на этомъ пояску узелокъ завяжи“. Этотъ Иванъ пришелъ къ тестю, сѣлъ на сарай, за постели (такъ) и слушаетъ, кто тамъ въ избѣ. Услыхалъ, что у его жены

есть дружокъ. Этотъ Иванушка взялъ на поясу завязалъ узелокъ. Иванушкова баба съ дружкомъ и срослись. Мать пришла въ избу и видить, что дѣло не ладно. Эта дочь ее Настюшка и кричитъ: „сходи за Мишкой за колдуномъ, онъ, можетъ, поможетъ горю нашему“. Эта мать привела Мишку. Какъ этотъ Мишка пришелъ, Иванушка и взялъ завязалъ другой узелокъ, и Мишка прилѣпился. Мишка и сталъ просить Настюшкину матку: „сходи за Гришкой за колдуномъ, онъ больше моего знаетъ“. Эта баба привела Гришку. Гришка пришелъ и сталъ разнимать. Иванушка опять завязалъ узелокъ, и Гришка приростъ. Этотъ Иванушка пришелъ къ тестю. Тестъ его угостилъ. Немного посидѣлъ и спрашиваетъ у тестя: „а гдѣ моя жена?“ Тестъ ему говоритъ: „незнаю, видно, ушла гулять“. Поискали кое-гдѣ, негдѣ не могли найти, а тестъ не зналъ, что у нихъ въ другой избѣ такъ дѣлается. Иванушка говоритъ своему тестю: „найди-ко мнѣ ременницу“. Тестъ спрашиваетъ: „а на что ременница?“ Иванъ говоритъ: „у меня лошадь худо ходитъ на сарай“. Тестъ принесъ ременницу и вышли на сарай. Тестъ и говоритъ своему зятю: „что у насъ въ той избѣ за шопоть?“ Пришли въ избу, а тутъ четыре человѣка срослись. Этотъ Иванъ и давай свою Настюху драть: „вотъ тебѣ Мишка колдунъ, вотъ тебѣ Гришка колдунъ“. Дралъ, дралъ Настюшку и развязалъ узелокъ. Настюшка отлипилась и убѣжала въ другую избу. Этотъ Иванъ и давай Настюшкина дружка драть и приговариваетъ: „вотъ тебѣ Мишка колдунъ, вотъ тебѣ Гришка колдунъ“. Долго дралъ да развязалъ узелокъ, и дружокъ отлипился. Иванушка тестю велѣлъ у дверей стоять, чтобы они не убѣжали. Иванушка похлесталъ колдуновъ и говоритъ: „вы ничего не знаете, такъ въ чужое дѣло не суйтесь“, ихъ подралъ, тестю велѣлъ отворить двери, а Иванушка узелки развязалъ, они и убѣжали и кричатъ: „не бѣгай, сростемся!“ И разбѣжались другъ отъ дружки на версту и знай кричатъ, что „не набѣгай, сростемся“. Съ тѣхъ поръ Настюшкѣ полно съ дружкамъ ватажится и стали жить хорошо. Настюшка стала любить своего Иванушка.

45. Три брата.

Жилъ былъ старикъ со старухой. У нихъ были три сына, всѣ три женатые. И пошли эти всѣ три брата въ лѣсъ за охотой. Зашли въ лѣсъ, въ лѣсу они заблудились, всю ночь они блудились. На второй день, поутру, всѣ ходятъ по лѣсу, а выйти не могутъ. Одинъ залѣзъ на елку и не видитъ ничего, ни жйла, ни людей. Ну, хорошо, другую ночь выйти не могли. На третій день тоже до вечера выйти не могли. Третій братъ залѣзъ на елку и увидалъ огонекъ. И зашли къ огошку. Пришли къ огошку и видятъ: грудa горитъ, кругомъ груды лежить старикъ сивой. Они и стали просить: „дай, дѣдушка, огошка“. Этотъ старикъ и говоритъ старшему брату: „вѣришь-ли, нѣтъ своей женѣ?“ Старшій братъ и говоритъ: „не вѣрю“. Старикъ и говоритъ: „нѣтъ тебѣ огошка“; второй братъ подошелъ къ старику и говоритъ: „дай, дѣдушко, огошка“. Старикъ и говоритъ: „вѣришь-ли, нѣтъ свой женѣ?“ Онъ говоритъ: „не вѣрю“. Старикъ и говоритъ: „нѣтъ и тебѣ огошка“. Подошелъ младшій братъ къ старику и говоритъ: „дай, дѣдушко, огошка“. Старикъ и говоритъ: „вѣришь-ли, нѣтъ своей женѣ?“ Онъ и говоритъ: „вѣрю“. Старикъ и говоритъ: „вѣришь, такъ скажи черезъ огонь“. Этотъ молодецъ скочилъ черезъ огонь и сдѣлался козломъ. Старикъ взялъ козла и пошелъ съ козломъ въ ту деревню, откуда эти братаны, пришелъ къ тому дому, откуда эти братаны, и просится ночевать. Они пустили. Старика пускали двѣ невѣстки, а эта козликова баба не пускала. Пустили ночевать, старикъ и спрашиваетъ: „куда мнѣ легчи?“ Онѣ говорятъ: „мы пойдемъ спать на повѣть (сарай) и ты, дѣдушко, пойдемъ съ намъ“. Пришли на повѣть спать, а за переборкой стояла кровать, старикъ привязалъ къ кровати козла. Старикъ зналъ, что козликова жена дружилась съ чужимъ мужемъ. Когда привязалъ козлика къ кровати и оставилъ тутъ, а самъ ушелъ спать. А козликова жена пришла и легла за переборку на кровать, а эти невѣстки легли со старикомъ. Когда онѣ всѣ уснули, старикъ отвязалъ козлика отъ кровати, самъ опять ушелъ спать. Вдругъ пришелъ къ козликовой женѣ дружокъ и легъ съ ей на постелю, а у

козлика сердце такъ и токаетъ, козликъ разбѣжится, рогомъ товъ о кровать, хлесь да хлесь, и не далъ спокою всю ночь, этого дружка отъ своей жены и прогонилъ. Она стала дружка выпускать изъ дому, отворила ворота, этотъ дружокъ какъ пошелъ, козликъ какъ разбѣжался да толкнулъ какъ тотъ политѣлъ съ лѣстницы, свалился да сломилъ ногу. Когда эта баба выпустила, пришла, легла спать и уснула крѣпко; старикъ взялъ привязалъ козлика опять къ кровати, самъ опять ушелъ спать. Ночь прошла. Утромъ встали, эти бабы стали пекчи шаньги и подчуютъ старика: „ѣшь, дѣдушко, шаньги“, а козликова жена и говоритъ: „пѣхоть тебя надавалъ и съ козликомъ то, не далъ всю ночь спокою“. Старикъ шанегъ наѣлся, и стала ѣсть козликова жена, а эти двѣ невѣстки козлику и кидаютъ шаньги, а его жена только его пинаетъ. Стала она пекчи шаньги, а козликъ тутъ и лѣзетъ къ ней, какъ-бы что нибудь нашалъ сдѣлать, она его сковородникомъ хлесь да хлесь. А старикъ со своимъ козликомъ въ лѣсъ, на то мѣсто, откуда они пошли. Пришли, опять горитъ огонь, старикъ и говоритъ козлу: „скачи черезъ огонь“. Козликъ скочилъ и сдѣлался онъ опять такимъ-же человекомъ. Старикъ и говоритъ: „ну что, вѣришь-ли своей женѣ?“ Онъ говоритъ: „нѣтъ, не вѣрю“. Старикъ и говоритъ: „ну тото-же догадался“. Тѣ братаны пришли къ огоньку. Старикъ ихъ всѣхъ трехъ накормилъ, имъ показалъ дорогу. Они по дорогѣ пошли. Этотъ меньшой братъ прикинулся немоглымъ и говоритъ: „я итди не могу, прѣзжайте на лошади“. Онъ отсталъ отъ ихъ. Братаны пришли домой и сказали, что тотъ братъ нездоровъ, надо ѣхать на лошади. Эта баба зарѣвела. Когда одинъ уѣхалъ за братомъ, брата меньшого привезли домой, баба ушла про мужика топить баню, и пришелъ дружокъ къ ней; этотъ мужикъ не успѣлъ раздѣться и побѣжалъ въ баню, пришелъ да и давай драть обѣихъ. Этотъ дружокъ отъ бани бѣгомъ побѣжалъ, и баба побѣжала. А этотъ мужикъ сходилъ въ баню, умылся и пришелъ домой, и съ тѣхъ поръ стали жить за согласіе, и баба стала со своимъ мужикомъ жить, стала любить своего мужика. Коточигъ да палочка, вся и сказочка.

46. Какъ быкъ строилъ избу.

Жилъ старикъ да старуха со своимъ сыномъ. Вздумали они женить сына. Было у нихъ скота много. Старикъ и говоритъ: „давай, старуха, заколемъ къ свадьбѣ быка“. Быкъ узналъ, что его колоть хотятъ, взмырчалъ да и убѣжалъ въ лѣсъ. Старикъ и говоритъ: „давай колоть свинку“. Свинка узнала, что ее колоть хотятъ, взрѣвела и убѣжала въ лѣсъ. „Давай“, говоритъ старикъ, „колоть барана“. Баранъ взблѣялъ и убѣжалъ въ лѣсъ. „Ну, такъ давайте“, говоритъ старикъ, „колоть пѣтуха“. Пѣтухъ пропѣлъ и убѣжалъ въ лѣсъ. Въ лѣсу сбѣжались всѣ вмѣстѣ. Быкъ и говоритъ: „давайте строить фатѣру“. Свинья говоритъ: „мнѣ тепло будетъ подъ выскиремъ“. Баранъ говоритъ: „мнѣ тепло будетъ за вересомъ“. Пѣтухъ говоритъ: „я улѣчу на елку, на елкѣ тепло“. Одинъ быкъ думаетъ строить. Сталъ онъ таскать колодины да вершины и сдѣлалъ избушку и сталъ жить въ ней. Стало холодно. Пришла просится къ быку свинья и говоритъ: „пусти, быча, пожить меня“. Быкъ и говоритъ: „видишь, вы строить такъ нѣтъ, а жить такъ пришла, не пущу“. Свинья говоритъ: „непустишь, такъ я подрою стѣну, изба твоя свалится“. Быкъ и говоритъ: „ну, такъ живи“. Свинья стала жить съ быкомъ. Пришелъ баранъ и говоритъ: „пусти, быча, пожить“. Быкъ говоритъ: „не пущу“. Баранъ говоритъ: „я разбѣгусь да толкну и избу твою спѣхну“. Быкъ и говоритъ: „ну, живи и ты“. Потомъ пришелъ пѣтухъ и говоритъ: „пусти, быча, пожить“. Быкъ говоритъ: „не пущу“. Пѣтухъ сказалъ: „я на потолкѣ разгребу землю, мнѣ и на потолкѣ будетъ тепло“. Быкъ думаетъ, пѣтухъ на потолкѣ разгребетъ, всю избу доведетъ, не станетъ тепло держатся, быкъ и говоритъ: „ну, живи“, и пѣтухъ сталъ вмѣстѣ жить. Немного пожили и вздумали шаньги пекчи. Свинья шаньги печетъ, баранъ ѣстъ, быкъ ступни плететъ, а пѣтухъ по грядкѣ ходитъ. Идутъ разбойники и увидали, что тутъ дѣлается, испугались и убѣжали, а скотинка увидала разбойниковъ и тоже разбѣжалась. Когда скотинка убѣжала изъ дому, старикъ и старуха сына своего стали ругать и говорятъ: „мы тебя женить не станемъ, ты какъ хошь женись, ступай въ пу-

стую избу, нѣтъ-ли тебѣ тамъ невѣсты“. Онъ пришелъ въ пустую избушку и говоритъ: „нѣтъ-ли мнѣ невѣсты?“. Въ подпольѣ и говоритъ: „я тебѣ суженая, я тебѣ ряженая“. Парень и говоритъ: „выходи“. Они собрали свадьбу и поѣхали къ вѣнцу. Ёдутъ къ вѣнцу, а поперекъ дороги лежитъ колода. Поѣзжане начали эту колодину рубить, а отъ колоды только огонь летитъ. Какъ сталъ женихъ рубить, вдругъ не колоды не жениха не стало, и поѣздъ воротился назадъ, а невѣста не знаетъ, куда и дѣваться, и пошла къ жениховымъ къ отцу и маткѣ. Они стали ее бранить. Она стала больно плакать; а не далеко отъ нихъ жили старухи въ кѣльяхъ, она стала къ этимъ старухамъ ходить и сказывать старухамъ, что оставилъ меня мужъ не дѣвкой, не бабой, не мужьей женой. Старухи стали учить, что возми хлѣба да иди, гдѣ онъ потерялся, придешь на то мѣсто, увидишь столбъ огненной, ты на этотъ столбъ лѣзь, а хлѣбъ по сторонамъ кидай, онъ на столбу. Она взяла хлѣба наломала большимъ кускамъ, пришла къ столбу и полѣзла, стала кидать хлѣбъ, покамѣстъ хлѣбъ былъ, такъ все лѣзла, а какъ не стало, вдругъ стали ее палить огнемъ, не успѣла до половины залѣзти, пришлось свалиться, она упала на землю. Встала и пришла домой, наломала мелко хлѣба, опять пошла. Пришла и полѣзла она на столбъ и стала кидать хлѣбъ и долѣзла она доверху и схватила своего жениха; когда она схватила, вдругъ очутились они на землѣ и пошли къ отцу и къ матери. Когда пришли и стали собирать свадьбу и собралась свадьба, ихъ обвѣнчали и стали жить да поживать да добра наживать, и живутъ больно хорошо.

Кадниковскій у. 1907,

47. Дѣвка семилѣтна.

Жили старикъ со старухой. У нихъ были три сына. Старшаго поставили въ солдаты, служилъ двадцать пять лѣтъ въ солдатахъ, устарѣлъ, пришелъ домой, а жена родила дѣвушку. Жена и померла. Тѣ братья вздумали его отдѣлить. Отдѣлили. Дали ему худую коровенку. Онъ началъ ее добрить, она стала хорошая. Жалко братьямъ стало

коровы и стали отнимать. Онъ подобру не отдаетъ. Они къ царю съ прошеніемъ пришли. Царь загадалъ имъ три загадки: что на свѣтѣ жирнѣе? что на свѣтѣ нѣтъ милѣе? чего на свѣтѣ нѣтъ быстрѣе? Пошли они къ своимъ женамъ загадки отгадывать, а у старика жены нѣтъ, такъ идетъ не вѣселъ и головушку повѣсилъ, глядитъ, дѣвка семилѣтка говоритъ: „что ты, татенька, не вѣселъ, развѣ коровушка не наша?“ а отецъ говоритъ: „еще не знаю, только царь заганулъ загадки“. Эта дѣвка и говоритъ: „молись Спасу да ложись спать“. Ночь прошла. И будить дѣвка отца: „вставай и къ царю ступай“. „А съ чѣмъ-же я, матушка, пойду, я не отгадалъ?“ Дѣвка семилѣтка ему рассказала, что на свѣтѣ нѣтъ жирнѣе,—нѣтъ жирнѣе земли, она насъ поить и кормить; что на свѣтѣ нѣтъ милѣе—нѣтъ милѣе сну; чего нѣтъ быстрѣе—нѣтъ быстрѣе глазъ—они вѣздѣ все видятъ. Этотъ старикъ выслушалъ и пошелъ къ царю. А тѣхъ братановъ жены научили: что на свѣтѣ жирнѣе нашихъ свиней, а милѣе своихъ женъ, а быстрѣе нашихъ лошадей нѣтъ на свѣтѣ. Пришли всѣ трое къ царю. Сталъ царь спрашивать загадки. Они всѣ трое сказали, какъ ихъ научили дома, а старикъ отгадалъ. Царь и говоритъ старику: „твоя корова, а кто тебѣ эти загадки научилъ?“ Старикъ сказалъ: „дѣвка-семилѣтка“. Царь остановилъ старика, наклалъ въ корзину печеныхъ яицъ и говоритъ: „снеси къ дочери, чтобы она выходила циплять“. Принесъ старикъ яицъ, а дѣвушка стала эти лица поѣдать. Старикъ и говоритъ: „зачѣмъ ѣси эти яйца?“ Дѣвка насыпала въ печь пшены и пережгла и сказала: „снеси къ царю и скажи, чтобы пусть пашню вспашетъ и насѣетъ этой пшены и выраститъ и выжнетъ и намолотитъ и принесетъ мнѣ кормить циплять“. Онъ принесъ къ царю. Царь сказалъ: „завтра пріѣду ее смотрѣть“. Старикъ сдѣлался не веселый; идетъ домой, дѣвка и говоритъ: „что не веселъ?“ Онъ сказалъ, что царь пріѣдетъ ее смотрѣть. Она и говоритъ: „слава Богу, какъ пріѣдетъ; дѣды и богатые, да царь не идетъ къ нимъ, а мы и бѣдные, да къ намъ идетъ“. „Чѣмъ-же потчивать-то будешь?“ А дѣвка говоритъ; „есть у насъ пѣтушокъ, мы заколемъ, я зажарю; есть у насъ коровушка, накормимъ молочкомъ“. Царь пріѣхалъ и кричитъ: „дѣвка-семилѣтка, куда лошадей?“ Она кричитъ: „привязывай хоть къ зимѣ,

хоть къ лѣту“, а царь выпучилъ глаза и говоритъ: „ну что, дѣвка-семилѣтка, куда лошадей?“ Дѣвка говоритъ: „у насъ на сарай заѣхать нельзя, такъ вотъ дровни и телѣга, привязывай; васъ дуракомъ назвать нельзя, а и просужимъ не за что, и привязывай къ дровнямъ—это къ зимѣ, а къ телѣгѣ—это къ лѣту“. Царь оставилъ лошадей и пришелъ въ избу, а дѣвка спрашиваетъ: „а чѣмъ васъ подчивать, убыльей али прибылей?“ Сказалъ царь: „чѣмъ накормишь, и скажи, что прибыль, что убыль“. Она сказала: „быль пѣтушокъ да мы ожарили, ты съѣси, этого не будетъ—это убыль, а прибыль—есть у насъ коровушка, надоимъ молочка, хоть и выхлебаешь, а еще надоимъ“. Царь говоритъ: „чѣмъ покормишь“; онъ поѣлъ и говоритъ: „пріѣзжай отгацивать не конемъ, не пѣшой, не нагая и не въ одеждѣ, не босая и необутая“. Ночку проспали. Утромъ встаетъ и спрашиваетъ: „тятя, гдѣ послѣ мамы коты да старая ремешка?“ Ремешкой опутала сама себя и на ноги обула коты, а сѣла на барана, взяла съ собой кошку и поѣхала къ царю въ гости. А царь глядитъ въ подзорную трубу, дожидаетъ гостью и увидѣлъ и послалъ двухъ собакъ, чтобы ее разорвали. Когда собаки попали ей встрѣчу, она бросила кошку, собаки за кошкой и побѣжали. Дѣвка пріѣхала къ дому, встала переднимъ ногамъ на дворъ, а заднимъ по за двору. Царь вышелъ встрѣчать и думаетъ, надо ее къ себѣ взять, и взялъ царь дѣвушку и старика къ себѣ, сталъ держать очень хорошо.

Кадниковскій у. 1907 г.

48. Пѣтушокъ и Курочка.

Жили были пѣтушокъ да курочка, жили то онѣ дружно, дружно. Только вотъ разъ имъ, какъ на бѣду, приходится ходить на улочкѣ.

Пѣтушокъ-то нашѣлъ бобовое зернышко и закокоталъ: ко-ко-ко, курочка, ко-ко-ко, курочка. Курочка прибѣжала и увидѣла зернышко, хотѣла съклюнуть, да и одумалась, сказала пѣтушку: ко-ко-ко, пѣтушокъ; поѣшь самъ зернышко.

Пѣтушокъ: ко-ко-ко, курочка, поѣшь зернышко.

Пѣтушокъ поугovarивалъ такъ курочку, да ничего не могъ пособить съ ней. Она навалила ему, онъ и съѣлъ зернышко; только онъ съѣлъ, то чтоже вышло? Вдругъ сталъ вертѣться на ногахъ, покачиваться, палъ и померъ. Курочка сама не своя; сидитъ надъ пѣтушкомъ долгое время, прикликиваетъ. Только вдругъ откуда ни возмись, явилась къ ней неизвѣстная курочка, ровно изъ земли передъ ней выросла и говоритъ, что „тужить очень не надобно, курочка, я знаю средство: пойди къ рѣкѣ, попроси у неяживой воды; и когда она дастъ, то ты сложи косточки пѣтушка и прысни его водой трижды — онъ оживѣтъ“. Обрадовалась курочка, разставшись съ неизвѣстной, повѣданной ей тайнѣ, и накруто побѣжала къ рѣкѣ, прибѣжала и говоритъ: „рѣка, рѣка матушка! выручи меня несчастную изъ бѣды, дай мнѣ живой воды—подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ“. Только чтоже? Рѣка ей отказала, говоритъ: я бы рада была дать тебѣ, курочка, живой воды—да некогда, не имѣю листву: пойди къ березѣ; когда она дастъ, прійди, я возьму его отъ тебя и дамъ тебѣ живой воды. Пѣтушокъ твой отъ неѣ оживетъ“. Вотъ и побѣжала курочка къ березѣ, прибѣжала и говоритъ: „береза, береза! дай мнѣ листву, листь дать рѣкѣ, рѣка дастъ живой воды,—подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ“. Береза отказала ей и говоритъ: „я бы дала тебѣ листву, да не имѣю вида, пойди къ дубу и попроси у него видъ; и тогда я дамъ тебѣ листву“. Дѣлать нечего, курочка побѣжала къ дубу и говоритъ: „Дубъ, дубъ! дай мнѣ видъ, видъ дать березѣ, береза дастъ листь, листь дать рѣкѣ, рѣка дастъ живой воды—подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ“. Дубъ говоритъ: „я бы далъ тебѣ видъ да некогда,—не имѣю клыка; пойди къ вепрю и попроси клыкъ—я тогда дамъ тебѣ видъ“.

Вотъ курочкѣ дѣлать нечего, побѣжала и туда, прибѣжала къ вепрю и говоритъ: „вепрь, вепрь, дай мнѣ клыкъ, клыкъ дать дубу, дубъ дастъ видъ, видъ дать березѣ, береза дастъ листь, листь дать рѣкѣ, рѣка дастъ живой воды—подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ“.—Вепрь сказалъ ей: „я бы далъ тебѣ клыкъ, да некогда—не имѣю молока, пойди къ коровѣ, попроси молока, принеси, и я дамъ тебѣ клыкъ“. Хотя тяжело и грустно курочкѣ, да дѣлать нечего, пѣтушка жалко.

Побѣжала къ коровѣ, прибѣжала и говоритъ: „корова, корова! дай мнѣ молока, молоко дать веprü, веprü дастъ клыкъ, клыкъ дать дубу, дубъ дастъ видъ, видъ дать березѣ, береза дастъ листь, листь дать рѣкъ, рѣка дастъ живой воды—подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ“. Корова сказала: „я бы дала тебѣ молока, да не имѣю, не ѣдала два дни, поиди къ сѣно-косамъ, попроси сѣна, принеси, и я дамъ тебѣ молока“. Побѣжала курочка къ сѣнокосамъ, прибѣжала и говоритъ: „сѣнокосы, сѣнокосы! дайте мнѣ сѣна, сѣно дать коровѣ, корова дастъ молока, молоко дать веprü, веprü дастъ клыкъ, (клыкъ) дать дубу, дубъ дастъ видъ, видъ дать березѣ, береза дастъ листь, листь дать рѣкъ, рѣка дастъ живой воды—подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ“. Сѣнокосы сказали ей: „мы дали бы тебѣ, курочка, сѣна, да неимѣемъ косъ—травы много, да косить нечѣмъ, поиди къ кузнецамъ, попроси косы, и мы дадимъ тебѣ сѣна“. Побѣжала курочка къ кузнецамъ, прибѣжала и говоритъ: „кузнецы, кузнецы! дайте мнѣ косы,—косы дать сѣно-косамъ, сѣнокосы дадутъ сѣна, сѣно дать коровѣ, корова дастъ молока, молоко дать веprü, веprü дастъ клыкъ, клыкъ дать дубу, дубъ дастъ видъ, видъ дать березѣ, береза дастъ листь, листь дать рѣкъ, рѣка дастъ живой воды—подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ“. Кузнецы сказали: „у насъ желѣза есть, да сковать косъ не на чемъ, не имѣемъ уголья; поиди къ угольникамъ, принеси уголья;—тогда мы накуемъ косъ и дадимъ тебѣ“.

Побѣжала курочка къ угольникамъ, прибѣжала и говоритъ: „угольники, угольники! дайте мнѣ уголья, уголье дамъ кузнецамъ, кузнецы дадутъ косы, косы дать сѣно-косамъ, сѣнокосы дадутъ сѣна, сѣно дать коровѣ, корова дастъ молока, молоко дать веprü, веprü дастъ клыкъ, клыкъ дать дубу, дубъ дастъ видъ, видъ дать березѣ, береза дастъ листь, листь дать рѣкъ, рѣка дастъ живой воды—подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ“. Угольники сказали: „у насъ нѣтъ дровъ—неимѣемъ уголья—если нужно, поиди къ дроворубамъ, попроси дровъ, принеси—мы нажжемъ и дадимъ тебѣ“. Курочка и туда махнула, прибѣжала и говоритъ: „дроворубы, дроворубы! дайте мнѣ дровъ, дровъ дать угольникамъ, угольники дадутъ уголья, уголье дать кузнецамъ, кузнецы дадутъ косъ, косы дать

сѣнокосамъ, сѣнокосы дадутъ сѣна, сѣно дать коровѣ, корова дастъ молока, молоко дать вепрю, вепрь дастъ клыкъ, клыкъ дать дубу, дубъ дастъ видъ, видъ дать березѣ, береза дастъ листъ, листъ дать рѣкѣ, рѣка дастъ живой воды—подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ“.

Дроворубы сказали: у насъ дрова и топоры есть, да нѣтъ хлѣба—не имѣемъ мы дать тебѣ дровъ—пойди къ хлѣбникамъ, попроси хлѣба, принеси—мы поѣдимъ и дадимъ тебѣ дровъ“. Дѣлать нечего, курочка побѣжала и къ нимъ, прибѣжала и говоритъ: „хлѣбники, хлѣбники! дайте мнѣ хлѣба, хлѣба дать дроворубамъ, дроворубы дадутъ дровъ, дровъ дать угольникамъ, угольники дадутъ уголья, уголье дать кузнецамъ, кузнецы дадутъ косъ, косы дать сѣнокосамъ, сѣнокосы дадутъ сѣна, сѣно дать коровѣ, корова дастъ молока, молоко дать вепрю, вепрь дастъ клыкъ, клыкъ дать дубу, дубъ дастъ видъ, видъ дать березѣ, береза дастъ листъ, листъ дать рѣкѣ, рѣка дастъ живой воды—подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ“. И какого же? Хлѣбники-то, вѣдь, дали ей хлѣба. Вотъ она хлѣба дала дроворубамъ, дроворубы дали дровъ, дровъ дала угольникамъ, угольники дали уголье, уголье дала кузнецамъ, кузнецы дали косъ, косы дала сѣнокосамъ, сѣнокосы дали сѣна, сѣно дала коровѣ, корова дала молока, молоко дала вепрю, вепрь далъ клыкъ, клыкъ дала дубу, дубъ далъ видъ, видъ дала березѣ, береза дала листъ, листъ дала рѣкѣ, рѣка дала живой воды. Прибѣжала въ радости курочка къ пѣтушку, склала его косточки, косточка къ косточкѣ, прыснула живой водой—онѣ сольнулись, второй разъ прыснула—перушки появились, а въ третій разъ прыснула и пѣтушокъ ожилъ, съ радости полетѣлъ, да „кукуреку, кукуреку, кукуреку“ и запѣлъ. Вотъ сколько приняла хлопотъ курочка, за то воскресила пѣтушка, и они по сіе время живутъ съ ней дружно по людски и постоянно между ними тишь да гладь, да божія благодать—(такъ заключила старуха свою сказку).

С л о в а р ь

къ сказкамъ Вологодской губерніи.

берчатый—узорчатый.

блябля—тумакъ, ударъ.

божѣтка—крестная мать.

буклѣя—глубокое и тихое мѣсто въ рѣкѣ, заводь.

выскірѣ—вывороченный землею корень дерева.

выторокать—натереть, натирать.

дружолобить—говорить ласковыя слова.

сдрѣный—здоровый, крѣпкій, сильный.

запустить—пропустить.

крехтитъ—кряхтѣть.

крошни—корзина для сбора милостыни.

малѣнка—четверикъ (мѣра).

„Ахъ, мѣча-куча“ — эта фраза употребляется въ смыслѣ: „о, какая роскошь!“, „ахъ, какъ прелестно!“ или: „ахъ, чортъ возьми“, но что собственно значать слова: „мѣча-куча — неизвѣстно.

отъ Божіей милости—отъ грозы.

награть—надсмѣяться, надругаться.

окóненка—рама со стеклами.

не оправляйсе—не оправдывайся.

осѣкъ—изгородь вокругъ скотскаго выгона.

перепаласе—испугалась.

ражій—большой, здоровый.

скрой—вуаль.

суша или сушица—сухоподстойное дерево.

былъ въ толку—былъ умный.

укурнуть—нырнуть.

укабарило—опрокинуло.

ухожи—входы.

чадъ—дымъ.

ширмованье—шушуканье, шопоть вообще.

шишецька—комокъ смерзшейся грязи или кáла.

шурупъ—винтъ.

шúхома—споръ, ругань, вообще шумъ.

Олонецкая губернія.

49. Сказка про нужного и про богатого.

Нé въ которомъ царевнѣ, нé въ которомъ государствѣ, имянно въ томъ, въ которомъ мы живёмъ, на ровномъ мисти, какъ на боронѣ, жило два брата. Одинъ жилъ нѣжной, а другой былъ оцнѣ богатой. У богатого не было дѣтей, а у нужного былъ сынъ. Богатой у нужного сталъ просить этого сына, говоритъ: „братъ, пожалуста, уволь ты мнѣ этого сына на годъ“. Енъ говоритъ: „нѣтъ, я даромъ не уволю“.—„Дакъ што же ты за ёго просить станешъ?“ Ёнъ 300 руб. денёгъ запросилъ. Тотъ потомъ 300 р. денёгъ далъ. Ёны и собирающе ѣхатъ за границу и уѣхали. Ёхали ёны долго ли коротко, близко ли далёко, сонця не знаютъ—низко ли высоко; покрай моря увидали фатеру, околъ ей какъ садъ! Въ эвтомъ саду всяки разные птици и веселье тако, какъ жаръ горитъ. Ёны и заходя въ эвту фатеру. Тутъ старицекъ ихъ стратилъ и говоритъ: „фу, фу, фу, русскимъ духомъ пахне. Слыхомъ не слыхано, видомъ не видано—русская тварь ко мнѣ въ домъ пристуцать, миня съ дому выживатъ“.—„Нѣтъ, дѣдушко, мы тибя съ дому не выживаемъ, ты насъ напой, накорми да спать положи“. Дѣдушко налайлъ ихъ и говоритъ: „куды вы идете, въ каки въ края и въ каки въ страны?“ Ёму отвицяють: „идёмъ мы за границу“. Старикъ этого сына Ванюшку и облюбовалъ, сталъ этого Ванюшку енъ звать къ себѣ: што этотъ Ванюшка былъ оцнѣ красивъ и проворой. Прилюбилосе Ванюшки ёго житѣе, што не тамъ, не здѣ, не подъ солнышкомъ—негдѣ такой красоты нѣту, енъ и согласилсе. Рядилъ онъ за сибя 500 р. Эты денёжки енъ съ дядѣй послалъ роднымъ, самъ остался у ёго на годъ. Дѣдушко ёго всякими разныма весельямы углаждалъ: енъ ёго водилъ за охвотой, научилъ ёго на скрыпкахъ играть и на всякихъ музыкахъ. Прожилъ Ванюшка годъ, годъ концаецце, время къ строку приближаецце, енъ затымъ и говоритъ: „Ванюшка, намъ бы съиздѣть за границу съ тобой“, и стали ёны собирацце. Поѣхали. Жили ёны тамъ долго ли, коротко ли, близко ли далёко—самы не знаютъ. Приѣждяють край синёго моря, становя ёны свой караб(л)ь на крутой бережокъ, на жёлтой песокъ; и потомъ ёны розложилисе спать, и говоритъ дѣдушко Ванюшки: „спи крѣпко, покуль бу-

дить не стану“. Ёнъ и спитъ самъ себѣ приспокойно. Сидясь налетаетъ птица орёлъ и овернула его сырой кожей, здынула его на золотую гору. Затымъ ёнъ на горы то на этой профатилсе и говорить: „какже сюды то я попалъ, дѣдушко?“—„А вольнимъ воздухомъ занесло“.—„А што же мнѣ здѣ дѣлать?“—„А пѣхай золото да гребь сюды на берегъ“. Ёнъ нагребъ цѣлой карапъ, дѣдушко и отцялилъ карапъ, а ёнъ и спрашивать: „дѣдушко, я то отсеюль какъ?“—„А много васъ туды захо(д)ить, да мало выхоить“. Ёнъ и осталсе на горы круцинѣнъ, пецялѣнъ, хо(д)илъ да былъ, хоилъ да былъ на горы и увидалъ ёнъ одинъ кус(т)ъ, называецце золота верба; подъ этимъ кустомъ, гляить, е нора. Ёнъ самъ себѣ и думать: „дай ко я полѣзу въ эфту нору“, и поплылъ туды, што глубже иде, то дорога шире. Ёнъ сидясь шёлъ былъ, шёлъ былъ, не знае сколько время. Прихоить — опять стоитъ садъ; въ эфтомъ саду всякого разного украшенья е, и смотрить, тамъ сидить опять дѣдушко и бае: „фу, фу, фу! сидѣлъ я кольки лѣтъ, кольки зимъ, а слыхомъ не слыхано здѣ русскаго духу было, надо его же съисъ“. Ёнъ ему и отвицяе: „здрасвуй, дѣдушко, не спѣшишь ты йись миня, дай мнѣ сись да розска- зывать, а ты изволь у мяя порозспрашивать: сколько я свѣту не ѡждаля, нехто миня живкомъ не съѣдалъ“. За- тымъ ёнъ и бае: „пойдемъ же, Ванюшка, въ избу; я тибя напою, накормлю и накруцю, какъ мнѣ надо, ды выуцю“. Ёны жили тамъ долго ли коротко, ёнъ сталъ круцин- ной и пецяльней—этотъ Ваюшка. Дѣдушко и спрашивать: „въ цѣмъ же ты, Ванюшка, круцинной, пецяльней“. Ёнъ и бае ему: „нѣтъ ли, дѣдушко, оружья, схоить бы мнѣ за офотой, розогнать тоску?“ Далъ ему оружье и отправляе ды наказывать: „какъ выдешъ на берѣжокъ, на желтой пе- сокъ, дакъ прилетя три лебеди, вси въ розноцвѣтныхъ платьяхъ, ты не стриляй въ ихъ, а стой за кустамъ, смотри, какъ ёны стануть роздевацце. А ты бери платье не само- луццѣ, а среднѣ“.—Ёнъ и взялъ это платье и пошѣлъ самъ себѣ приспокойно; прихоить къ дѣдушку и говорить: „куды же мнѣ это платье?“—„Ты клаи его въ коробейку, а самъ пой на берѣкъ ды стань за кусъ, ды стой, слухай; какъ ёны— эты лебеди прилетя на берѣкъ, повернуцце красныма диви- цями да двѣ лебеди надѣнуцце, а третья буетъ въ одной ру-

башки да какъ эта стане молице: „ежели красна дивиця мое платье обрядила, дакъ пусть буе моя сестриця, я пойду, тибя всобой возьму; а ежели стала старушка, дакъ пусь моя бабушка, а ежели старый старицекъ—пусь мой дѣдушко; а ежели молодой молодець—пусь мой богосуженой“. Енъ и выде съ-за куста: „я тутъ и е“. Ена и стане ему молице: „отдай ты мое платье“.—„Нѣтъ у меня платья всобой, у меня обрядилъ дѣлушко, а пойдѣмъ такъ“. Приходя ѣны и здоровкающе съ дѣдушкомъ: „здравствуешь, дѣдушко?“—„Охъ, жилъ я одинсѣ, а нынѣ Богъ вмѣсто одного и внуку мнѣ далъ“. Ваюшка далъ, далъ своей богосуженой на платье ситцу какой ни, а цвѣтного ейного платья всё не отдава. Ёны жили весело, а потомъ Ваюшка закручинилсѣ, сталъ висить свою буйную голову, а дѣдушко и спрашава: „цѣго ты кручиниссе, пецялиссе?“—„А потому, што какъ бы съиздить мнѣ въ свою родину“.—„А цего ѣхать въ свою родину“.—„А провѣдать родныхъ—я давны годы ихъ забылъ“.—„А справляйсе же, Ванюшка!“ Далъ дѣдушко Ванюшки санки-самокатки, коня-самолѣта, и поѣхали. Спустились ѣны церезъ синей морѣ выше лѣсу стояцѣго, ниже оболока ходяцѣго и приѣхали въ берѣкъ въ свою родину. Ёхали ѣны берѣгомъ по борамъ, по оргамъ, переѣждяли ѣны боры дремуци, болота зыбуци, примцилсе доброй конь противъ маленькой хаты; ѣны выходя съ санокъ-самокатокъ. Мать въ окошки ихъ увидала и сына своего спознала, выхотъ ихъ стрѣтать. „Здравствуй, мамушка!“—„Здорово, Ванюшка!“ Приходя въ фатеру, мать и плаце: „сколько лѣтъ-зимъ тибя не видала“, на невѣску смотрить—невѣска у ей дакъ всеруссѣйска красавиця, што не тамъ, не здѣ, негдѣ такой нѣтъ не подъ солнышкомъ. Въ тое время у ёго крѣсного—которой ёго отвезъ—собрасѣ (такъ) перъ, и пришелъ этой крѣсной, ёго позвалъ на перъ, а жѣны то и не позвалъ. Ванюшка одинъ и пошелъ. Невѣска свекровы и говорить: „не то я, мама, хороша, што въ эфтомъ платьи, а то я хороша, кабы была въ цвѣтномъ платьи“. „Дакъ ты же, дитятко, надѣже“. „Я бы давно ёго одѣла, да ёго у меня нѣту“.—„Да гдѣ же у тя, Манюшка?“—„А у твоего сына ёно въ коробейки“.—„А гдѣ у ёго ключъ?“—„А ёнъ носилъ всё въ старыхъ штанахъ“. Мать штаны сыще, ключъ достане и коробейку отомне, выне ей цвѣтно платье.

а ена и одѣнецце ды говорить: „любуй, мама!“ Мама любовала да была вышла въ сини, а ена пласью пала, лебедемъ повернулась ды такова и была. Прихоить Ванюшка съ перу съ того, спрашиваетъ: „а же, мама, гдѣ же моя Маня?“—„О, дитя рожено, улетѣла лебедемъ“. Сицясъ сѣлъ Ваня насвоего улѣта — доброго коня и поѣхавъ къ дѣдушку, розсказаль ёму всё, а тотъ и говорить: „вотъ тебѣ, Ваня, колода картъ, ключъ и замокъ, шило и молотокъ, може пригодяще“. И поѣхаль Ваня за синее море къ своей Марьюшки. Тамъ ёму Марьюшки не дали заразы, а ежели ёнъ сдѣла, што веля, дакъ полуцитъ, а ежели не сдѣла — голова долой. Велили ёму обрядице трожды въ волшебномъ доми такъ, штобы ёго немошно было найти. Закручинилсѣ Ваня: вездѣ было свѣтло, куды денессе, да спомнилъ ёнъ про карты, потасоваль ихъ. Вдрукъ розступилсѣ камень, Ваня туды и сѣлъ. Волшебники взяли свои книги, вси гадали-искали Ваню, не могли найти, послидня Марьюшка нашла; дрўгой разъ Ваню подняль въ небо орелъ-птиця въ своихъ коктахъ, опять ёго богосужона нашла; третей разъ ёнъ поколотилъ по каменю молоткомъ о шило, явилсе левъ-звирь и закопаль ёго за дворъ подъ дѣръ, и тамъ его Марьюшка нашла. Закручинилсѣ Ваня, а Марьюшка та и вели ёму обрядице ище въ доми въ средней комбаты за зеркало. Искали да были волшебники — не можуть найти. Топерь только Ванюшка полуциль свою Марьюшку, и ёны сицясъ цѣснымъ церкомъ да и за свадѣбку. Я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по губамъ текло, въ ротъ не попало. *Присказка.* Тамъ дали мнѣ красну шапку, синь кафтанъ, цѣрны рукавици, козловы(вы) сапоги, дали ледяну кобылу, горохову плетку, а рѣпно сиделко. Ъхаль, ѡхаль — ворона сидить на огороды и крычить: красна шапка, я думаю — крашена шапка, — роспротивилсѣ и кинулъ; ёна — синь кафтанъ, а я — што скинь кафтанъ, взялъ да и кинулъ; ёна — цѣрны рукавици, а я думаль цѣртовы, опять и кинулъ; ёна — козловы сапоги, а я — козляцѣи сапоги, ну крѣпки; взялъ да и бросилъ. Подѣждяю къ селенью — увидалъ пожаръ, пошелъ туды, поставилъ кобылку близко къ жару, а пока въ пожарѣ былъ, той-порой кобыла растаяла, рѣпно сидѣлко бабы росфатали, а горохову плетку робята рѣстаскали, и осталсѣ я просъ матросъ гонять козъ, голъ, какъ обтоцѣнъ.

Новгородская губернія.

50. Богъ и баринъ.

[Марко богатый].

Жилъ былъ на свѣтѣ одинъ богатой баринъ. Въ семействѣ у его была жена да дочка. У барина была своя фабрика, на которой плавилъ чугуны и лили желѣзные вещи. Баринъ былъ жадной до денегъ и все богатѣлъ.

Разъ баринъ приходитъ на кухню и говоритъ кухарки „приготовь къ завтраму хъ обѣду всякой всячины и какъ не можно лучше, такъ какъ завтра хъ намъ въ гости будетъ самъ Богъ“. „Што это, подумалось ей: „видно баринъ-то съ ума спятилъ!“ Однако поперечить не смѣла и стала готовить. А баринъ вышелъ, созвалъ своихъ рабочихъ, приказалъ всю дорогу отъ крыльца дома до конца своихъ владѣнiевъ выслать сукномъ; поставилъ вездѣ сторожовъ и приказалъ, чтобы по этой дорожки не пускали никого окромѣ Бога. Вишь, на столько онъ былъ гордъ, што думалъ, што хъ ему придетъ въ гости Богъ.

Проходитъ день, другой, наконецъ девять день. Сторожа все стоятъ и никого не пускаютъ, а Бога все нѣтъ и нѣтъ. На десятой день идетъ старикъ въ рваномъ кафтаникѣ, въ лаптяхъ и прямъ по сукну. Сторожа стали его гнать, пехать, а назорой старичекъ идетъ да идетъ, никакъ не могутъ съ имъ ничего сладить. Когда старикъ дошелъ до воротъ, тамъ сторожъ и говоритъ ему: „старичекъ, сойди ты съ сукна ради Бога, а то увидитъ хозяинъ, убьетъ и тибя и миня“. Старикъ сошелъ и спряталсе за скотской дворъ. Разгнѣвалсе хозяинъ, когда увидалъ слѣды лаптей на сукнѣ, приказалъ найти старика и привести хъ ему. Но старикъ какъ сгинулъ, не могли найти его. — Вечеромъ, когда ссумерилось, приходитъ старикъ на кухню хъ кухарки и говоритъ: „пусти миня на кухню ночевать“. — „Ой нѣтъ, старичекъ, зайдетъ сюды на кухню баринъ, то

бѣда будетъ, не живатъ ни тибѣ, ни мнѣ. А ты лучше поди въ курятникъ и ночуй тамъ. Да ты не куришь?“— „Нѣтъ“, отвѣчалъ старичекъ. „Ну и ладно. Да смотри, не моги дуть огонечка, а то баринъ увидитъ и догадается“. Старикъ ушелъ. Немного погодя, кухарка взяла хлѣбца, молочка и постелю свою и пошла въ курятникъ. Вишь, пожалѣла она старичка. Подходить хъ окну и видитъ, што въ курятникѣ огонекъ. Заглянула, сидятъ три старичка, а на супротивъ ихъ горятъ три свѣчки. Вошла скоро въ курятникъ и говоритъ: „што же ты, старичекъ, я тибя пустила одного, а ты еще двоихъ сюды пустилъ“. „Да, вить, и оны, тетушка, ночевать то хотятъ“.— „Я тибя, старичекъ, просила не дуть огонечка, а ты сдулъ три свѣчки. Шабашъ будетъ, если баринъ увидитъ“. — „Ничего, говоритъ, не узнаетъ баринъ“. Кухарка вышла изъ курятника, подошла хъ окну и слухаетъ. „Господи! говоритъ одинъ старичекъ. У мужика въ такой то деревни родитсе въ эту ночь сынъ. Какое щасье нарѣчь ему?“— „Онъ замѣститъ хозяина въ этомъ имѣньи“, говоритъ тотъ старичекъ, котораго она пустила ночевать.— „Господи! говоритъ другой, у кресьянина въ такой то деревни (другой, а не въ той же, гдѣ робенокъ) ягнилась овца двумъ ягненкамъ. Какое будетъ пріодѣленье имъ?“— „Одинъ будетъ волку, а другой хъ пользу хозяину“, сказалъ тотъ. Кухарка ушла домой спать, а по утру, когда пришла спровѣдать старичковъ въ курятникъ, то не нашла тамъ никого.

Когда хозяинъ всталъ, кухарка и говоритъ ему: „Гостя то ждали, гость пришелъ, а его и прогнали.“— „Когда былъ гость?“ говоритъ хозяинъ. „А старичекъ то въ лаптяхъ—это и былъ Господь“.— „Што врешь то, дура-баба. Если бы это былъ Богъ, такъ не въ рваной бы одежѣ онъ пришелъ. Рази у Бога мало одежды!“— „Нѣтъ Богъ“, говоритъ кухарка и рассказала барину, какъ она пускала одного старичка въ курятникъ, а очутилось три, и какъ подслухала у окошко, што оны говорили. Баринъ разсердился. „Какъ такъ, штобы мужицкій сынъ наслѣдовалъ мое имѣнье! Не бывать этому!“ Накладъ ѣнъ денегъ хъ пазуху и поѣхалъ въ ту деревню, гдѣ долженъ по предсказанью родитце робенокъ. Пріѣзжаетъ и спрашиваетъ у мужика: „родила у тебя баба?“— Родила.— Кого?— Мальчика.— Продай его мнѣ.— Не, што ты, баринъ, кто же робятъ продаетъ. Да мнѣ самому робята

надобны“. А у самага робятъ то куча. „Ну такъ отдай его. Я его воспитаю, а когда вырастетъ, поженю на своей дочери“. Мужикъ отпѣкивалсе пѣрво, а когда баринъ задарилъ его деньгамъ, онъ съ радостью отдалъ ему робенка. Взялъ баринъ робѣночка и дорогой бросилъ его въ оврагъ, а дѣло то было зимой въ стужу.—Поѣхалъ потомъ въ ту деревню, гдѣ должна была ягнитце овца, и спрашиваетъ у бабы (хозяйки ейной): „а што у тибя ягнилась сигодня овца?“—Ягнилась.—Сколько принесла ягнятъ? — Два. Ну, думаетъ баринъ, все такъ, какъ говорилъ Богъ.—Продай одного мнѣ.—Оно не што бы продать-то, да малъ больно, вить, и до дому не довезешь.—Это ужъ не твое дѣло. Сказывай, что возьмешь?“—Баба назначила три цалковыхъ (цѣна взрослой овцы). Баринъ уплатилъ деньги и приказалъ бабѣ немедленно его заколотъ и зажарить. Когда баба подала жареное, баринъ сидитъ и похваляетце.—„Вотъ говорилъ Богъ, што ягненокъ будетъ волку, анъ съѣмъ то его я, а не волкъ“. Но только что молвилъ онъ это слово, вдругъ окошко разбилося, выскочилъ изъ его волкъ, тяпъ съ латки ягненка, глонулъ да и былъ таковъ. Баринъ не веселый вернулсе домой.

О той поры вечеромъ ѣхали путемъ-дорогой мимо оврага, куды бросилъ баринъ робѣночка, купцы съ обозомъ и видять, што въ оврагѣ огонекъ горитъ. „Робята, говоритъ купецъ своимъ прикащикамъ, видите огонекъ въ оврагѣ“.—„Видимъ“, говорятъ. Тогда купецъ скинулъ съ себя шубу и полѣзъ по свѣгу въ оврагъ. Спустилсе и видитъ: лежитъ на логу мальчикъ, держитъ въ ручкѣ цвѣточекъ, вертитъ его эдакъ (разсказчикъ дѣлаетъ видъ, что цвѣтокъ находится у него между указательнымъ пальцемъ и большимъ, и третъ одинъ о другой), а самъ усмѣхаетце. Въ головахъ у его и съ боковъ теплятце свѣчки, и свѣгъ кругомъ оттаявше. Купецъ взялъ въ охачку робѣночка, сѣлъ съ нимъ въ сани, завернулъ его въ шубу и продолжалъ путь дальше. Заѣзжаетъ купецъ на ночлегъ къ богатому барину и разсказываетъ о своей чудной находки. Баринъ догадалсе, што это за робѣнокъ и проситъ купца уступить его ему.—„Нѣтъ, говоритъ купецъ. Эту находку мнѣ самъ Богъ послалъ. Я его буду пелеговать-ростить“. Баринъ чуть не со слезамъ умоляетъ купца, обѣщаетъ сдѣлать его замѣсто

сына. Купецъ долго не соглашалсе, наконецъ отдалъ за 9 тысячъ.

Купецъ уѣхалъ, а баринъ осталсе и умствуеть, какъ бы извести робѣнка. Наконецъ надумалъ. Положилъ въ бочку, задѣлалъ ее, замазалъ сѣрой и бросилъ въ море. Долго ли, коротко-ли плавала бочка, не знаю. Только мальчикъ подросъ тамъ. И принесло эту бочку хъ монастырю. Манахи нашли ее, разбили и достали мальчика. Стали оны этого мальчика учить грамоты и пѣть на клиросѣ. И такой то ѣнъ вышелъ удачливой, што никто супротивъ его не могъ спѣть, и всѣ пріѣзжающіе въ монастырь слушали его и дивились.

Задумалъ разъ баринъ ѣхать по монастырямъ, грѣхи замаливать. Оставилъ дома жену съ дочкой, а самъ отправилсе на 2½ года. Заѣзжаетъ онъ между прочимъ и въ тотъ монастырь, гдѣ живетъ брошенный имъ мальчикъ. Заходитъ ѣнъ хъ службы, зрять на пѣвчаго и удивляетсе: никогда еще не слыхалъ ѣнъ такого голоса. Спрашиваетъ ѣнъ у игумента: „што это за дѣтина поеть у васъ такъ прекрасно на крылосѣ?“ Игументъ и рассказалъ, какъ оны нашли находку хъ бочки, воспитали и вырастили его. Баринъ догадалсе, што Господь спасъ бочку съ его замѣстителемъ. Рассказалъ ѣнъ игументу про предсказанье Божье и про то, какъ онъ дважды хотѣлъ сгубить младенца. „А теперъ, говоритъ, раскаялсе, хочу исполнить Божье рѣченье; отпустите мнѣ молодца, я его поженю на своей дочки, передамъ все огромное хозяйство и напишу, штобъ обращали, какъ ѣнъ хозяинъ имѣнья“. Игументъ отпустилъ. Тогда баринъ позвалъ пѣвчаго, сказалъ ему, што онъ хочетъ женить его на дочки и сдѣлать наслѣдникомъ своимъ и велить ѣнъ снести поклонъ женѣ и запечатанное письмо. А въ томъ письмѣ было написано: „Милая моя жена! Придетъ такой то человекъ. Ты пошли его на фабрику и пусть тамъ сварятъ его въ котлѣ“. Дѣтина взялъ это письмо и пошелъ. Попадается ему навстрѣчу дорогой старичекъ и спрашиваетъ: „куды ты идешь“? — Къ такому то барину. — Зачѣмъ? — Съ письмомъ. — А знаешь ли ты, што тамъ написано? — Знаю. — Што? — Написано, штобъ женить меня на дочки его. — Нѣтъ! тамъ не это написано. Ты прочитай - ка письмо! — Не могу, говоритъ, не мнѣ писано. — Дайка мнѣ

письмо, говоритъ старикъ“. Молодецъ далъ. Старикъ распечаталъ письмо и показалъ ему. Тотъ перепугался, што его велѣно сварить.—„Ничего, говоритъ, старикъ, поправимъ“, и дунулъ на письмо. Старое писанье стерлось, а намѣсь его появилось новое. Написалось упрячь барской рукой: „Милая моя жена! Придетъ такой-то человекъ. Ты его какъ ни можно скорѣ жени на нашей дочери и отдай ему все хозяйство, чтобъ всѣ обращали бы, какъ енъ хозяинъ“.

Запечаталъ старикъ письмо и отдалъ молодцу, а тотъ съ имъ пришелъ въ имѣнье и отдалъ барынѣ. Барыня прочитала письмо и заревѣла, што велить мужъ отдать дочь незнамо за кого. Однако не смѣетъ послушатца хозяина и на другой день съиграла сварьбу. И сталъ нашъ молодецъ за хозяина, похаживаетъ по имѣнью и фабрикѣ да посматриваетъ: все ли ладно. Прошло наконецъ два съ половиной года. Баринъ возвратилъ съ богомолья домой. Жена и зять съ дочерью встрѣчаютъ его на крыльцѣ. Баринъ входитъ и удивляетца. Енъ ужъ думалъ, што пѣвчій давно сваренъ въ котлѣ, анъ видитъ его зятемъ. Однако не показываетъ виду, здороваецца и зоветъ жену въ свою комнату. Жена идетъ за имъ. „Растрепалъ говоритъ онъ ей, куды у тебя умъ дѣвался. Я тибѣ велѣлъ сварить молодца въ котлѣ, а ты его въ зятя придѣлила“.—„Я, говоритъ жена, только исполнила твою волю“. Приноситъ и показываетъ ему его письмо. Баринъ читаетъ и дивитца. Затѣмъ идетъ на фабрику. Рабочіе тумаромъ собираютца хъ ему. Баринъ осмотрѣлъ все, приказалъ нагрѣть котелъ, какъ ни можно сильнѣе и наказалъ схватить и бросить въ котелъ того, кто придетъ вечеромъ осматривать (такъ) фабрику. Возвращаетца баринъ съ фабрики домой и рассказываетъ женѣ, какое онъ сдѣлалъ распоряженье. А дочь, будь не плоха, подслушала, о чемъ оны говорили.

Вечеромъ, когда зять хотѣлъ идти на фабрику осмотрѣть и запереть ее, дочь не пустила мужа и рассказала ему, какъ отецъ хочетъ его сгубить. Мужъ осталъ дома. Прошелъ часъ, другой. Барину не иметца, хочетца сходить и посмотреть, што стало съ зятемъ. Приходитъ енъ на фабрику, а рабочіе тяпъ барина да въ котелъ.

Жена ждатель пождатель барина, но нѣтъ и нѣтъ его. Она приходитъ къ дочери и спрашиваетъ у ей:—„Дома ли зять?—

„Дома“, отвѣчаетъ та. Мать испугалася еще пуще.—„Пошли, говоритъ, его на фабрику узнать, отчего отца долго нѣтъ“.—„Нѣтъ“, отвѣчаетъ дочь, хотите, чтобъ съ имъ было тоже, что съ папашей“.

Утромъ идетъ зять на фабрику, собираетъ рабочихъ и спрашиваетъ: „а кого вы сварили ночесъ“. Тѣ дивятца, бѣгутъ хъ котлу и достаютъ изъ его одежду и кости самага барина.

Такъ и сталъ зять хозяиномъ имѣнья, какъ рѣченъ былъ Богомъ.

Боровичскій у. 1903 г.

51. С и р о т а.

Жила была на свѣтѣ одна бѣдная вдова съ мальчикомъ сыномъ. Жили оны такъ бѣдно, што имъ нѣнашто даже было купить иконы. Наступило лѣто. Вдова отдала на лѣто сына въ другую деревню въ пастухи за три цѣлковыхъ. Когда лѣто прошло, малецъ получилъ три рубля и идетъ домой. Идетъ это енъ по деревни и видитъ: стоитъ посередѣ улицы осталившие толпа людей. Енъ подходитъ. Народъ стоитъ кружкомъ, а въ кругу лежитъ образъ и мужикъ. Малецъ спрашиваетъ: „што это вы туточку дѣлаете, мужички“?—„А вотъ хотимъ наказать мужика и Миколу“.—За што?—„А за то, што слова не держать“.—Дѣло то жъ было такъ. Приходитъ одинъ мужикъ къ другому и говоритъ: „дай мнѣ въ займы три цѣлковыхъ до Покровѣ. — Дать-то оно не што, да вить, не отдашь.—Отдамъ.—Врешь, не отдашь.—Отдамъ, за миня Микѡла поручитце.—Ну, если Микола поручитце, то дамъ. Пойдемъ хъ часовню“. Пришли. Мужикъ, што просилъ денегъ въ долгъ, бухъ на колѣни предъ Микѡлаемъ Чудотворцемъ и молитъ: „Святитель милосливой! поручись за миня ему, што отдамъ хъ Покрову три цѣлковыхъ“. И заговорила икона голосомъ человѣчьимъ: „повѣрь, мужичекъ, ему три цѣлковыхъ, енъ отдастъ, а если не отдастъ, то я заплачу“. Мужикъ „повѣровалъ Богу“ и далъ въ займы три рубли. Наступилъ Покровъ. Мужикъ идетъ къ должнику и спрашиваетъ долгъ.—„Охъ, другъ ты мой любезной, отдалъ бы со всимъ удовольсьвомъ, да денегъ нѣтъ“. Товда

мужикъ пошелъ въ часовню и спрашивать у иконы: „ты поручилсе за Ивана, такъ давай долгъ“. Но молчитъ икона. Онъ вдругорядъ сталъ требовать, а икона ни слова. Товда мужикъ собралъ обчесво и пожаловалсе на мужа и на образъ. И присовѣтовало обчесво отодратъ розгамъ мужа, а икону продать за то, што смотала.

Малець выслухалъ и говоритъ: „продайте, мужички, мнѣ образъ. — Да што, говорятъ: оно и впрямъ продать, а то какой же ето Богъ, коль онъ смоталъ“. И продали мальцу икону за три рубли. Приноситъ малецъ образъ домой, мать обрадовалася, што хоть теперъ у ихъ Богъ будетъ въ домѣ.

Въ тотъ же день постучалсе хъ имъ старичекъ и попросилсе обогрѣтца. Мальчикъ пустилъ старичка. Пока старичекъ грѣлсе на печки, вдова собрала на столъ, поставила похлебку, положила остатнею краюху хлѣба и думать: „а што, какъ хлѣбушка то на троихъ не хватить?“ Позвала старичка: сѣли и стали ѣсть. Только смотреть вдова, а краюха, сколь оны ни ѣдятъ, все та же: нисколько не уменьшаетсе.

Передъ вечеромъ мальчикъ собираетсе идти за дровами. Хочетъ идтить съ имъ и старичекъ. „И, што ты, дѣдушко! Гдѣ же тибѣ дрова рубить, да тибѣ и не дойтить до лѣсу“. — „Ничего мальчикъ! Какъ нибудь съ Божьей помощью“, говоритъ старикъ. Пришли въ лѣсъ. Глядитъ мальчикъ: гобзить старикъ дрова, словно молодой. Нарубили дровъ и пошли домой. Утромъ мальчикъ всталъ и хотѣлъ итить въ лѣсъ за дровамъ. Глядь, а дрова то у его стоятъ подъ окошкомъ. — „Дѣдушко! Кто же это дрова-то привезъ хъ намъ? — Видно, зоблитсе о насъ Господь“, говоритъ старикъ. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Старикъ все еще живетъ и работаетъ вмѣстѣ съ мальцемъ.

Вотъ разъ старикъ и говоритъ: „пойдемъ въ городъ“. Городъ стоялъ на берегу моря. Тамъ люди строили корабли и ѣздили на ихъ торговать разнымъ товаромъ загранишнымъ. Старикъ съ мальчикомъ купили маленькихъ досокъ и стали строить карапъ. Смотрятъ на ихъ другіе корабельныи мастера и дивятсе: „што за чудныи мастера! Кажисъ и досочки то у ихъ маленьки и сами двое, старой да малой, а какъ все садитсе у ихъ склеписто и хорошо“. Наконецъ построили карапъ.

Въ ту пору два купца собирались на суднахъ ѣхать за море въ чужое царство. Поѣхали вмѣстѣ и старикъ съ мальчикомъ. У купцовъ товару всякого пропасть, а у старца съ мальчикомъ на суднѣ пусто. Дорогой старецъ и говоритъ: „пристанемъ хъ острову да надѣлаемъ кирпичей“. Такъ и сдѣлали. Нагрузили судно кирпичомъ и поѣхали упять въ ту же сторону. Дорогой догнали купцовъ и вмѣстѣ (испр. вмѣсто вмѣстѣ) съ имъ приплыли въ заграничное царство.

Въ той земли былъ обычай — подносить царю подарки, штобъ ѣнъ дозволилъ безошлинно торговать. Купцы отсбрали самага лучшаго товару и отправились хъ царю. Вмѣстѣ съ имъ пошелъ и малецъ, захвативъ съ собой по совѣту старца грузной узелокъ. — „Ты што несешь царю?“ спрашиваютъ у его дорогой купцы. — Кирпичину, отвѣчаетъ малецъ. — „Што ты, выбрось скорѣе, а то изъ за тебя царь пожалуй и насъ прогонитъ вонъ“. — „Нѣтъ, говоритъ малецъ: какъ велѣлъ мнѣ дѣдушка, такъ я и сдѣлаю“.

Приходятъ. Купцы поднесли царю свои подарки. Подносить свой и малецъ. Царь приказалъ развернуть узелокъ. Вдругъ осіялъ весь дворецъ. Оказалось, што кирпичина обратилась въ огроматной самоцвѣтной камень. Царь осталсе очень доволенъ подаркомъ, но не разрѣшилъ купцамъ торговать, пока оны не прокараулятъ три noci у его умершей дочери.

А хъ царской дочери сидѣла окаянная сила. Днемъ царевна спитъ, а какъ наступитъ ночь, встаетъ изъ гроба. Царь кажинную ночь приставлялъ хъ ей новой каравуль и кажинную ночь поѣдала она каравульщиковъ. Жители города были очень недовольны этимъ и ставили по очереди на каравуль стариковъ. Царь обѣщалъ огромныи деньги тому, кто еѣ излѣчитъ, но не находилось лѣкаря.

Когда купцы получили отъ царя приказъ караулить дочь — а отъ людей той земли оны уже слыхали о томъ, што царская дочь вѣдьма, — оны страшно перепугались. Не хотѣлось имъ итить на вѣрную смерть, а ослушатце царя не смѣли. Поискали оны въ городѣ охотниковъ, но не нашли. Тогда обратились къ мальцу: „возьми съ насъ по тыщи рублей и покаравуль за насъ“. Малецъ по совѣту старичка, согласилсе прокараулить за ихъ и за сибя подрядъ три noci.

Вечеромъ малецъ, захвативъ съ собою, по наученью старичка, книжку и лозья, пришелъ въ церкву, гдѣ лежала царевна, очертилъ около себя кругъ, положилъ лозье и сталъ читать книжку. Вдругъ обручи на гробѣ лопнули, крышка слетѣла, и царевна поднялась и сѣла въ гробу. — „Ага! надоѣло мнѣ старье да храпье, такъ батюшко прислалъ мнѣ на ужинъ молоденькаго да красиваго. Вотъ полакомлюсь то“. Вылѣзла изъ гроба и прямъ къ мальцу. Волосы растрепаны, глаза окрачены (испр. изъ окорачены), ротъ распяленъ, сама страшѣнная. Ужъ руки протянула, чтобы сцапать мальчика и сглотать, да черта не пускаетъ. Малецъ схватилъ лозье и давай ее бить лозьемъ-то на отмашку. Начала она давить, и полѣзло изъ ей все гадье, да все мѣдяницы. Когда запѣли пѣтухи, царевна убралась въ гробъ и заснула.

По утру приходитъ хъ церкву сторожъ по обыкновенью подбирать костье и хъ удивленью увидѣлъ мальчика цѣлымъ и невредимымъ.

На слѣдующую ночь малецъ упять каравулилъ. Старецъ далъ ему на этотъ разъ другую книжку и мѣдное прутье. Малецъ отстегалъ царевну мѣднымъ прутьемъ и еще больше выгналъ гадья. На третью ночь старецъ далъ мальцу третью книжку и стального прутья, которымъ малецъ выгналъ все гадье до остатку изъ царевны, такъ што она послѣ пѣтуховъ ужъ не легла въ гробъ, а стала дремать.

Когда по утру донесли царю, што царевна оживилась, онъ очень обрадовалсе, приказалъ читать надъ ей евангельскія книги, пока не спало съ ей все волшебсво. Гадье же хъ церкви велѣлъ скопляютъ и хъ печки жечь. Потомъ когда царевна совсѣмъ выздоровѣла, онъ порѣшилъ отдать ее замужъ за мальчика. Тотъ было хотѣлъ отказатце, но старичекъ, онъ же Миколай Чудотворецъ, велѣлъ взять ее, но съ условіемъ, чтобы сразу же послѣ свадьбы ѣхать съ ей домой хъ матери. Царь согласилсе отдать дочерь и на этомъ условьи, „все, думаетъ, лучше хотъ въ чужихъ людяхъ жить, да живой, чѣмъ въ своей, да больной“. Послѣ сварьбы наградилъ зятя съ женой и старичка деньгами и имѣньемъ и отправилъ ихъ по морю домой.

Дорогой старецъ и говоритъ: „вотъ што, малецъ, мы съ тобой деньги вмѣстѣ добывали, такъ давай вмѣстѣ и подѣлимъ“. — „Давай, подѣлимъ“, отвѣчаетъ малецъ. Старецъ раз-

ложилъ деньги на три равныя кучи. „Дѣдушко! говоритъ малецъ: мы съ тобой двое деньги добывали, зачѣмъ же третья куча?“—А это твоей женѣ.—Да вѣдь она ихъ не добывала.—„А ужъ это мое дѣло“, говоритъ старикъ. Такъ и подѣлили. Старикъ унять и говоритъ: „мы съ тобой и жену вмѣстѣ добывали, давай раздѣлимъ и жену пополамъ“ Жалко было мальцу жену, но не смѣлъ перечить старцу.— „Какъ же, дѣдушко, дѣлать то ее?“—„Руби пополамъ!“ отвѣчаетъ тотъ. Малецъ разрубилъ жену пополамъ, а старецъ взялъ обѣ половины тѣла ея, вымылъ внутренности въ воды и унять приставилъ одну хъ другой обѣ половины. Оны срослись, и стала царица живая, красивая и здоровая, еще лучше, чѣмъ до болѣзни.

Когда прѣхали хъ дому, старецъ отдалъ мальцу свою часть денегъ, простилсе съ имъ и ушелъ. А малецъ съ молодой женой и съ матерью стали жить да поживать, да добро наживать.

Воровичскій у. 1903-г.

52. С у д ь б а.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ-былъ царь съ царицей и молодымъ царевичемъ. Когда царевичъ выросъ, царь и говоритъ ему: „вотъ что, сынъ мой дорогой, ты теперь большой и потому пора тебѣ ума набираться. Погуляй-ка по бѣлому свѣту да посмотри, какъ люди живутъ. А чтобъ съ тобой чего не случилось, такъ возьми съ собою дядьку“.

Царевичъ съ дядькой помолились Богу, сѣли на коней и поѣхали. Обѣхали они всѣ царства и наконецъ добрались до синяго моря, въ которое текутъ рѣки со всего свѣта. На берегу моря стояла большая гора. И слышатъ они, что въ горѣ той что-то стучить, какъ въ кузницѣ.— „Пойди, говоритъ царевичъ дядькѣ, узнай, что тамъ за кузнецы куютъ!“ Подходитъ дядька къ горѣ и видитъ окошечко; заглянулъ туда и увидалъ, что два человѣка куютъ безъ молотковъ.—„Богъ помочь! говоритъ онъ имъ.—Просимъ милости.—Что вы тутъ дѣлаете?—Куюмъ судьбу.—

Какъ такъ?—Посмотри на море, видишь тамъ двѣ лодки. Это волосы крещенныхъ ловятъ и везутъ сюда. А мы сплетаемъ волосы мальчиковъ и дѣвочекъ и куемъ. И кому съ кѣмъ скуемъ, тому на той и жениться“. „Вотъ такъ кузнецы!“ подумалъ дядька. Вернулся къ царевичу и рассказалъ ему.—И захотѣлось царевичу узнать свою судьбу. Подошелъ онъ къ окну и спрашиваетъ: „А мою сужену знаете?—Знаемъ, отвѣчаютъ изъ горы. Твоя невѣста не царевна, не королевна, а купеческая дочь въ такомъ-то городѣ, которая три года лежитъ въ гноищѣ. Отъ нея ужъ отступились доктора, а приглашены деревенскіе шептуны и коновалы“. Разсердился царскій сынъ и пошелъ прочь отъ окна. А какъ отошелъ немного, молвилъ самъ себѣ: „чтобъ моя невѣста была купеческая дочь да еще гнилая — нѣтъ, не бывать этому!“ Потомъ сѣлъ на коня и поѣхалъ съ дядькой дальше. Ѣдетъ царевичъ, а у самого въ головѣ сидитъ одна думушка, сидитъ и покою не даетъ, такъ что лицомъ онъ измѣнился и голову опустилъ. Замѣтилъ это дядька и говоритъ: „о чемъ ты, царевичъ, закручинился?“— „Да вотъ не знаю, какъ избавиться отъ своей невѣсты. Видишь, моя невѣста, говорятъ кузнецы, не царевна, не королевна, а купеческая дочка въ такомъ-то городѣ и лежитъ въ гною; и ходятъ за ней не доктора, а шептуны и коновалы“.—„Достань себѣ, Царевичъ, коновальскую одежду и инструментъ и поѣдемъ въ тотъ городъ, гдѣ живетъ твоя невѣста. Тамъ нарядись коноваломъ, а когда допустятъ тебя къ невѣстѣ, ты ее и убей“, говоритъ дядька.

Сшилъ себѣ Царевичъ коновальскую одежду, купилъ инструментъ, взялъ съ собою карманный тесакъ изъ игольной стали и поѣхалъ въ тотъ городъ, гдѣ по предсказанью живетъ его невѣста. Дядьку оставилъ за городомъ и велѣлъ ему держать коней наготовѣ, а самъ нарядился въ коновальскую одежду, взялъ коновальскій инструментъ и тесакъ и пошелъ въ городъ. А по улицѣ города ходитъ взадъ и впередъ мужикъ-караульщикъ, увидалъ коновала и говоритъ: „Здравствуй, коновалъ“? — Здорово, говоритъ царевичъ.—Не умѣешь-ли ты колдовать? Въ городѣ у насъ у богатѣйшаго купца третій годъ дочка лежитъ въ гноищѣ. Лѣчили ее доктора и фѣршела и отступились, а теперь позваны къ ней деревенскіе шептуны и коновалы. И никто

не можетъ вылѣчить ее. Такъ не возьмешься ли ты?—Я, говоритъ царевичъ, вылѣчу. Веди меня къ ней“. Мужикъ привелъ коновала въ домъ къ купеческой дочери. Коноваль вѣлѣлъ провести его къ больной и говоритъ роднымъ ея: „идите вы вонъ отсюда, и пока я не приду къ вамъ, не приходите.“ Всѣ ушли.

Подошелъ онъ къ больной и видитъ, что всю ее раздуло на столько, что вмѣсто глазъ однѣ щели виднѣются. Вытащилъ онъ изъ кармана тесакъ и ударилъ суженую по животу: затѣмъ, бросилъ на лавку мѣшокъ съ деньгами на погребенье и потихоньку бѣжалъ изъ дому. Выбѣжалъ за городъ, сѣлъ на коня и уѣхалъ съ дядькой домой.

Долго ждали родители купеческой дочери коновала, все не смѣли его беспокоить, наконецъ, осмѣлились и пошли спровѣдать. Приходятъ и видятъ, что дочь сидитъ на лавкѣ, гной изъ нея уже вылился, а она вышла изъ кожи, какъ цыпленокъ изъ скорлупы. И говоритъ она родителямъ: „принесите иголочку съ ниточкой и зашейте мнѣ кожу“.— Зашили и стали спрашивать: „куда дѣвался коноваль? и какъ онъ вылѣчилъ ее?“ — „Вынулъ, говоритъ она, изъ кармана коноваль перо зеленое и широкое, мазнулъ, а изъ меня болѣзнь и вылилась“.

Купецъ нашелъ на лавкѣ деньги и удивился: „что это, говоритъ, за чудной коноваль: денегъ не взялъ да еще и свои оставилъ!“ И послалъ во всѣ концы отыскивать коновала, чтобы вернуть ему деньги и поблагодарить за лѣченье. Только коновала и слѣдъ простылъ.

Прошелъ годъ. Купеческая дочка поправилась и стала первой красавицей на свѣтѣ. А царскому сыну нейдетъ, хочется узнать, что случилось съ его суженой. Долго терпѣлъ онъ, наконецъ, поѣхалъ. Приѣзжаетъ въ тотъ городъ, гдѣ жила купеческая дочь, оставляетъ коней съ дядькой, а самъ идетъ прогуливаться по городу. Проходитъ онъ мимо дома купца и видитъ, стоитъ на крыльцѣ такая красавица, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Сердце у него разгорѣлось, умъ разступился, и онъ въ нее влюбился. Подошелъ онъ къ ней и говоритъ: „скажи мнѣ, красавица, кто ты такая?“—„Я купеческая дочь“, отвѣчала та.—„Какъ же ты говоришь, что ты дочь купца? Вѣдь, у купца, я слышалъ, дочь умерла?“—„Нѣтъ, не умерла, а только

была долго больна, да явился въ прошломъ году коновальъ, неизвѣстно откуда, вынулъ изъ кармана перо зелено, мазнулъ меня, я и поправилась“. Видитъ царевичъ, что отъ судьбы не уйдешь, и говоритъ ей: „пойди, позови своихъ родителей: я, царевичъ, хочу жениться на тебѣ“.—„Полно тебѣ, царевичъ, смѣяться надо мной. Гдѣ это видано, чтобы царскій сынъ женился на купчихѣ!“—„Ужъ это мое дѣло“, говоритъ царевичъ. „Пойди и позови родителей!“ Повела купеческая дочь за ручку царевича къ себѣ въ домъ. А когда пришли родители ея, объявилъ царевичъ имъ свою царскую волю.

Царь съ царицей не хотѣли было, чтобы царевичъ женился на купеческой дочери, но когда узнали, что она была предречена ему, благословили ихъ на бракъ и задали свадебный пиръ на весь міръ. На этотъ пиръ было приглашено много царевенъ и королевенъ, но не было краше купеческой дочери. И я тамъ былъ, медъ вино пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

Боровичскій у. 1903 г.

53. Бѣдный мужичекъ и Николай Чудотворецъ.

Одинъ мужичекъ дожилъ до такой бѣдности, что не на что было купить хлѣба. И взмолился онъ Николаю Чудотворцу: „Николай Чудотворецъ, пойдя я отъ бѣдности красть къ богачу, а ты спаси меня, если не попадусь, такъ свѣчку поставлю тебѣ“. Приходитъ бѣднякъ къ богачу, вошелъ въ клѣтъ, взялъ деньги и сталъ выходить вонъ, да нечаянно задѣлъ онъ ногою за что-то—загремѣло, застучало и сталъ появляться свѣтъ. Воръ отъ страху безъ оглядки побѣжалъ въ поле и видитъ, что за нимъ бѣгутъ два мужика. Бѣжитъ онъ дальше, не зная, куда спрятаться. Видитъ вдали мелкій лѣсокъ, онъ туда. А въ лѣсу лежитъ корова палая. Не долго думая, онъ залѣзъ въ нее. Мужики пробѣжали мимо, не замѣтивъ его. Когда мужики скрылись, бѣднякъ вышелъ изъ коровы и пошелъ домой. А въ воскресенье пошелъ въ церковь и поставилъ Николаю Чудотворцу свѣчку въ 10 коп. въ благодарность за спасеніе. Выходитъ онъ изъ церкви и встрѣчаетъ незна-

комаго старенького. Старичекъ и спрашиваетъ у бѣдняка: „а что, мужичекъ, исполнилъ ли ты завѣтъ то свой?“—„А развѣ ты знаешь про мой завѣтъ?“—„А если бы не зналъ, такъ у тебя не спрашивалъ“, отвѣчаетъ встрѣчникъ. — „А коли знаешь, такъ скажу тебѣ, что исполнилъ“.—„А каково тебѣ было лежать въ падинѣ то?“ — „Желанный ты, мой батюшка! ужъ коли ты знаешь про мое дѣло, такъ не говори никому. Лежавши то въ падинѣ, я вѣдь чуть не померъ“.—„Ты чуть въ падинѣ не задохся, а я отъ твоей свѣчки, которую ты поставилъ въ церкви, чуть не задохся. Такъ вотъ что я тебѣ скажу: трудись ты до поту лица, а никогда не давай завѣта никакому святому и никогда не ставь свѣчи, когда идешь на кражу; ужъ больно тошно было стоять въ церкви отъ твоей свѣчи“. Видить тутъ мужикъ, что передъ нимъ стоитъ самъ Николай Чудотворецъ, палъ передъ нимъ на колѣни и со слезами просить: — „прости меня грѣшнаго, никогда больше не буду!“ Николай Чудотворецъ оградилъ мужика крестомъ и скрылся.

Боровичскій у. 1903 г.

54. [Илья Пророкъ и Николай Чудотворецъ].

Жили два брата, сначала вмѣстѣ, а потомъ раздѣлились. Послѣ раздѣла одинъ братъ сталъ жить богато, а другой бѣдно. Бѣдный братъ срубилъ сучье, сожегъ его и вспахалъ, а сѣять было нечего. Купилъ онъ полмѣшка пшеницы и полмѣшка жита, положилъ на лошадку привезъ на полосу, сталъ сѣять, думая такъ: „на одной половинѣ посѣю пшеницу, а на другой жито“. Въ это время подъѣхали къ нему верхами и съ ружьями два полѣсовника: на одной лошаdkѣ Илья Пророкъ, а на другой—Николай Чудотворецъ. Сошли они съ лошадей и говорятъ: „что ты, мужичекъ, думаешь, тутъ дѣлать?“ „Да вотъ на одной половинѣ сучья думаю посѣять пшеницы, а на другой жита“. А Илья пророкъ и говоритъ: „ты такъ больно много изведешь сѣмянъ, а ты вотъ какъ сдѣлай: посѣй одну шляпу пшеница, а на другой половинѣ одну шляпу жита“. — „Что ты, кормилецъ, такъ будетъ ужъ больно

рѣдко“. „Не будетъ рѣдко, а сѣй: бѣгай по полосѣ и сѣй“. Мужикъ послушался его, такъ и сдѣлалъ.—„А изъ остатка, говоритъ Илья пророкъ, жена тебѣ крупы надеретъ на все лѣто. Теперь ты свою лошадку спусти на травку, а мою возьми и спашь одну половинку,—гдѣ ишеница; а на другую половинку возьми лошадку у моего товарища и запашь жито. Мы же пойдемъ пока, побьемъ птицъ“. — Поблагодаривъ ихъ, мужичекъ сталъ запахивать свою полосу. Передъ самымъ концомъ запашки выходятъ Илья пророкъ и Николай Чудотворецъ и говорятъ: „ну что, запахалъ свою полосу?“ — „Кончилъ, родимые, благодарю васъ за лошадокъ“. Илья пророкъ и спрашиваетъ: „а которая изъ лошадей получше, моя аль моего товарища?“ — „Да обѣ хороши“. — „Нѣтъ, всетаки, ты намъ скажи, которая изъ нихъ лучше въ пашнѣ“. Мужикъ и говоритъ: „Твоего товарища-то немного лучше“. Сѣли эти два мужичка на лошадей и поѣхали. Дорогою Николай Чудотворецъ и говоритъ Ильѣ пророку: „вотъ ты стараешься около мужичка, далъ ему лошадей вспахать, а между тѣмъ твою то лошадь онъ похаялъ, а мою похвалилъ“. Илья и говоритъ: „если онъ мою лошадь похаялъ, такъ я ему отомщу, когда вырастетъ хлѣбъ“. Передъ жатвой Николай Чудотворецъ и говоритъ Ильѣ пророку: „поѣдемъ посмотримъ: каковы у мужичка жито и пшеница, что при насъ онъ сѣялъ“. Смотрятъ, жито и пшеница у мужичка выросли чуть не въ ростъ человѣка. Илья и говоритъ Николаю Чудотворцу: „вотъ что я сдѣлаю: напущу небольшую тучку на эту полосу мужичка, и зальетъ она весь хлѣбъ его, такъ что и снимать ему будетъ нечего“.

Увидалъ эту пшеницу и жито богатый братъ и говоритъ бѣдному: „братъ, тебѣ вѣсть нечего — продай мнѣ на корню жито и пшеницу. Вѣдь когда еще они вырастутъ?“ „Нѣтъ, не отдамъ, я и самъ радъ, что такія хорошія уродились“. Такъ и не отдалъ. Идетъ однажды бѣдный братъ и попадаетъ ему на встрѣчу Николай Чудотворецъ и говоритъ: „продай жито-то и пшеницу брату, а то вѣдь Илья пророкъ думаетъ послать грозу — заполощетъ тебѣ эту полосу, ничего ты и не получишь съ нее. А когда богатый братъ будетъ просить у тебя обратно деньги, такъ ты половину то ему отдай, а другую возьми себѣ, вотъ и по-

правишься. А я (Николай Чудотворецъ) пошлю солнышка да маленькій дождичекъ, у тебя опять жито и пшеница поднимутся“. Послушалъ бѣднякъ этихъ рѣчей и запродалъ эту полосу своему богатому брату. Илья пророкъ не зная, что полоса продана, напустилъ грозу: пошелъ дождь какъ изъ ведра и занолоскалъ эту полосу такъ, что грязью все взялось. Видитъ богатый братъ, что оплошалъ, даромъ отдалъ деньги бѣдному брату; приходитъ къ нему и говорить: „что, братъ, пожалѣй ты меня, поднимемъ грѣхъ пополамъ, отдай мнѣ хоть половину то денегъ“. Попадается ему опять Николай Чудотворецъ и говоритъ: „отдай брату, что онъ проситъ, т. е. половину денегъ, но возьми трехъ постороннихъ (троихъ понятыхъ) и при нихъ уговорись съ братомъ, чтобъ онъ не касался болѣе къ этой полосѣ, а что выростетъ послѣ, такъ было-бъ твое. А пошлю солнышко да малый дождь“. Такъ и сдѣлалъ бѣдный братъ. Послѣ грозы Николай Чудотворецъ послалъ солнышко да сталъ помачивать, и жито и пшеница опять отросла, да такія хорошія, что всѣ сосѣди съ завистью смотрятъ. Когда бѣднякъ выжалъ хлѣбъ и поставилъ въ суслоны, Николай Чудотворецъ зоветъ Илью пророка посмотрѣть на полосу. Приѣхали на полосу Николай Чудотворецъ и говоритъ: „ну что, Илья, а вѣдь хлѣбъ то выросъ хорошій у мужичка, хоть ты и наслалъ грозу“. „А вотъ что, говоритъ Илья, отниму у его хлѣба споркость: съ каждаго овина, сколько бы онъ не посадилъ, будетъ получать только по 5 мѣръ“. Николай Чудотворецъ встрѣтилъ одинъ бѣднаго мужичка и говоритъ ему: „хлѣбъ съ поля ты не убирай въ кучу: Илья обѣщалъ отнять у него споркость. Такъ ты сади на овинъ по 5 сноповъ; 4 снопа на овинъ, а пятымъ заткни; и съ пяти сноповъ ты все пять мѣръ намолотишь“.—„Да правда ли это?“—„Дѣлай такъ, будетъ по моему“. Весь хлѣбъ обмолотилъ такъ мужичекъ и намолотилъ столько хлѣба, что всѣ дивятся, откуда что берется—два засѣлка насыпалъ хлѣбомъ. Когда мужикъ обмолотилъ хлѣбъ, Николай Чудотворецъ зоветъ Илью Пророка закупать хлѣбъ въ ту деревню, въ которой жилъ бѣдный мужичекъ. Приѣхали, пораспросили и узнали, что у бѣднаго мужика хлѣба выросло больше всѣхъ. И сталъ Николай Чудотворецъ подсмѣиваться надъ Ильею. Что отнял у мужикова хлѣба

споркость? „Не поддразнивай ты меня, говоритъ Илья, я и теперь съумѣю отнять у него споркость“. „А какъ же ты это сдѣлаешь?“—„А вотъ какъ: зозьметъ мѣрку и уйдетъ пять“. Тогда Николай Чудотворецъ встрѣчаетъ мужичка, сообщаетъ ему о бѣдѣ, которую грозитъ послать Илья, и говоритъ: „въ это воскресенье ты иди пораньше въ церкву, а мы попадемъ тебѣ встрѣчу на лошадяхъ. Я у тебя спрошу: „далеко ли ты идешь, мужичекъ?“ а ты отвѣчай: „иду къ обѣдни, вотъ еще лѣтомъ завѣтъ далъ поставить свѣчу Ильѣ пророку въ 10 коп., а Николаю Чудотворцу въ 5 коп.“ Наступаетъ воскресенье. Мужичекъ идетъ и встрѣчаетъ Николая Чудотворца и Илью пророка. На вопросъ Николая Чудотворца мужичекъ отвѣчаетъ, какъ велѣлъ Чудотворецъ. Тогда Илья пророкъ и говоритъ Николаю Чудотворцу: „ну, вотъ, Николай, сколько ты добра ни дѣлалъ мужику, а свѣчку-то онъ мнѣ поставитъ дороже, чѣмъ тебѣ“. Тогда Николай Чудотворецъ и говоритъ: „такъ ты теперь не отнимай у него споркости!“ На томъ и порѣшили.

Воровичскій у. 1903 г.

55. Мельникъ.

Въ нѣкоторомъ государствѣ, въ нѣкоторомъ царствѣ, именно въ томъ, въ конемъ мы живемъ. На берегу одной рѣчки жилъ мельникъ. Долго ли онъ жилъ—неизвѣстно, но только по смерти его остался сынъ въ молодыхъ годахъ съ матерью. Черезъ эту рѣчку, на которой стояла мельница, моста не было, а когда нужда была, такъ людей и хлѣбъ мельникъ перевозилъ на суднѣ. Злая мать бранила сына, что онъ перевозитъ хлѣбъ и людей даромъ на суднѣ, а сынъ не слушался матери и продолжалъ перевозить и размышлялъ въ себѣ: до тѣхъ поръ буду я перевозить даромъ, пока Христа не перевезу чрезъ эту рѣчку.

Вотъ въ воскресенье, когда помельцевъ никого не было, сидитъ мельникъ съ матерью въ избѣ и слышитъ крикъ на другомъ берегу — просятъ мельника перевезти черезъ рѣчку. Мельникъ сѣлъ въ судно, переѣхалъ на другой берегъ и никого не видитъ, поискалъ, поискалъ, да и отправился обратно. Лишь только опрокинулъ онъ судно,

какъ опять слышитъ: „мельничекъ, перевези меня пожа-луйста, я озябъ“. Мельникъ опять поѣхалъ на другой берегъ, а мать въ это время выглянула въ окно и давай ругать сына, что онъ понапрасну только ѣздитъ да время тратитъ, да и съ самимъ что можетъ приключиться. — Между тѣмъ, сынъ велѣлъ матери замолчать, а самъ продолжалъ ѣхать на тотъ берегъ. Опять никого не оказалось. Въ третій разъ слышитъ онъ зовъ и думаетъ ѣхать, а мать еще болѣе давай ругать сына и того, кто кричитъ на томъ берегу. — Лишь только онъ отчалилъ отъ берега, какъ поднялась страшная буря. Переѣхалъ и давай искать; вдругъ въ ямѣ, подъ колодой онъ видитъ человѣка, который проситъ взять его. „Что-же, дѣдушка, я въ третій разъ сюда пріѣзжаю за тобой, а ты все молчишь и отвѣта не даешь“. „Да вотъ, дружокъ, пока ты переѣзжаешь рѣчку, я и засну, а потомъ опять проснусь, когда ты уѣдешь“. Сѣли они оба въ судно, буря тотчасъ стихла, и переѣхали благополучно. Взялъ мельникъ этого дѣдушку и принесъ въ избу. Пуще прежняго заругалась matka причитывая: „охъ, ты, соплякъ, три раза у меня парень то съѣздилъ, а ты и голосу еще не подаешь; да въ такую то пулюгу“. — „Брось!“ говоритъ мельникъ (сынъ), останавливая мать. Вотъ сынъ проситъ у матери теплой воды, чтобы обмыть старика; мать опять съ руганью набросилась на сына и не даетъ воды. Тогда дѣдушка самъ сталъ просить: „дай мнѣ водички, вѣдь тебѣ нагрѣтся еще водичка на тѣсто“. Не посмотрѣлъ сынъ на свою злую мать, вынулъ котелъ съ водой изъ печки, обмылъ старика и посадилъ ужинать. А мать еще больше давай укорять и его и старика, что сынъ за нимъ такъ ухаживаетъ. Кончили ужинать, мать и говоритъ: „ну, вотъ теперь мнѣ вода то и нужна, всю извелъ на этого старика, что-же я буду дѣлать съ холодной-то водой, дожидай, когда она нагрѣтся!“ А старикъ и говоритъ: „да попробуй-ка, хозяйюшка, можетъ быть вода то и горячая. Сунула хозяйка два перста въ чугунъ да такъ обварила ихъ, что кожа сошла съ пальцевъ. Пуще прежняго заругалась хозяйка и давай ругать старика, что у нее съ обѣда грѣлась вода и такъ не нагрѣвалась, а теперь даже пальцы обварила. Хозяйка стала мѣсить, а старичекъ и говоритъ мельнику: „одѣнь почище рубашку да балахонъ и пойдемъ со мной“. Одѣлся мельникъ

какъ слѣдуетъ въ дорогу, а старичекъ говоритъ: „теперь присядь на лавку!“ А мать въ чуланѣ продолжаетъ мѣсить тѣсто; затѣмъ перекрестились и вышли изъ избы. Увидала мать, что старикъ увелъ сына, и давай плакать: „дѣдушка, дай мнѣ взглянуть въ окошко, очемъ моя маменька плачетъ, ужели обо мнѣ?“ „Такъ погляди“. Взглянулъ мельникъ въ окно и видитъ, что старикъ, котораго онъ обмывалъ, лежитъ на лавкѣ мертвый, а подлѣ него сидитъ мать и плачетъ. „Что-же это, дѣдушка? Ты тамъ лежишь, а вмѣстѣ съ тѣмъ на улицѣ здѣсь говоришь со мной“. — „Пусть она плачетъ, говоритъ старичекъ. Тѣло тамъ осталось, а душа со мной. Итакъ пойдемъ“. Они отправились въ путь, и наконецъ приводятъ старичекъ мельника къ кельѣ, садитъ его въ передній уголъ и говоритъ: „сиди здѣсь, вотъ тебѣ столикъ и сиди до тѣхъ поръ, пока я не приду къ тебѣ!“ Сидитъ мельникъ и думаетъ: „не я же одинъ здѣсь сижу, дай-ка я посмотрю, нѣтъ-ли еще кого здѣсь“. Отворилъ дверь налѣво въ другую келью и видитъ онъ озеро, покрытое льдомъ, а на льду сидятъ грѣшныя души и мучаются, а подъ иными, менѣе грѣшными, лежитъ войлокъ, который и согрѣваетъ ихъ. Затѣмъ, отворилъ дверь вправо въ другую кѣлью, видитъ прекрасный лугъ, покрытый всякими благоуханными цвѣтами; на немъ сидятъ маленькія дѣти, которые еще ходить не могутъ, а которыя побольше, срываютъ цвѣты и подносятъ меньшимъ дѣтямъ. Отворяетъ дверь въ третью келью рядомъ съ первой, въ которой ледъ, и видитъ колесо, какъ на мельницѣ, половина котораго опускается въ смолу, а другая поднимается на сушу; на спицахъ онъ видитъ души грѣшниковъ. Увидаль онъ и свою мать въ числѣ грѣшниковъ, которые постоянно при поворотѣ этого колеса то поднимаются, то опускаются внизъ, а въ рукѣ у ней поблекшую луковицу, которой при поднятіи колеса вверхъ она взмахиваетъ. Испугался мельникъ, затворилъ дверь въ эту келью и сѣлъ опять на прежнее мѣсто дожидать старичка. Приходитъ старичекъ и говоритъ: „ну, что, мельникъ, посмотрѣлъ ты въ другія кельи, или нѣтъ?“ — „Посмотрѣлъ, старичекъ, вотъ въ эти три кельи и видѣлъ я тамъ вотъ свою матушку, которая на колесѣ со смолою постоянно вертится, видѣлъ еще у ней луковицу. Что это луковица означаетъ?“ „А вотъ что: у

твоей матери только одно и есть доброе дѣло, именно: шли нищіе мимо огорода, въ которомъ твоя мать полола лукъ, и попросили у ней, она-же между тѣмъ пожадничала и дала только вотъ эту поблекшую луковицу. Вотъ она теперь въ рукахъ и находится, какъ знакъ добра“. — „А жалко тебѣ свою мать?“ — „Очень жалко, дѣдушка“. „Пойдемъ же, я повиатащу ее и переведу въ другое мѣсто!“ И вотъ, когда они вошли въ келью, и лишь только при поворотѣ колеса показалась мать, Христосъ (этотъ стари-чекъ) взялъ ее за руку и хотѣлъ ее вести. Въ это время другіе душеньки ухватились на нее, каждая желая освободиться изъ ада, а мать вмѣсто жалости руганью отпихивать ихъ. Тогда Христосъ и говоритъ мельнику: „вотъ сколько она зла: на бѣломъ свѣтѣ никому не дѣлала добра да и здѣсь въ аду, въ мученьи, тоже. Пусть она мучается весь вѣкъ“. И пустилъ Христосъ эту злую женщину въ смолу горячую на самое дно, откуда она выйти не можетъ и вздоха не можетъ перевести. „А это что значитъ“, спрашиваетъ мельникъ, указывая на двѣ другія двери кельи. Христосъ и отвѣчаетъ: „на прекрасномъ лугу сидятъ старушки съ дѣтками,—это спасенныя души; а на льду — это души грѣшныя, изъ нихъ болѣе спасенныя на войлокѣ. А тебѣ, какъ человѣку доброму, дамъ мѣсто пресвѣтлое и прекрасное“.

Боровичскій у. 1903 г.

56. [Спящіе отроки].

Б ы л ь.

Въ одномъ селеньи жилъ богатый мужикъ, который праздниковъ не зналъ, кромѣ Рождества Христова да Свѣтлаго Христова Воскресенья, Бога худо почиталъ и нищимъ милостины никогда не подавалъ. Имѣлъ онъ троихъ сыновей малолѣтокъ. Вотъ старшій сынокъ, гуляя по улицамъ, сталъ замѣчать, что нищіе ко всѣмъ сосѣдямъ заходятъ и получаютъ милостыню, только домъ его родителей почему-то обходятъ. Вотъ онъ однажды приходитъ домой и спрашиваетъ у своей матери: „отчего это нищіе ко всѣмъ ходятъ,

а нашъ домъ мимо проходятъ“. А мать и говоритъ ему: „сынокъ! отецъ твой не любитъ и не почитаетъ нищихъ; всегда ихъ прогоняетъ и не даетъ имъ милостыни, а потому они проходятъ“. Сжалился этотъ мальчикъ надъ нищими, и когда увидитъ ихъ на улицѣ, прибѣжитъ домой, возьметъ потихоньку хлѣба отъ родителей и всѣхъ нищихъ обдѣлитъ такъ, чтобы и сосѣди не увидали. Такъ онъ продолжалъ дѣлать до тѣхъ поръ, пока отецъ не бралъ его на работу. А когда онъ подросъ и отецъ сталъ его брать на работу, тогда сынъ его, чтобъ не оставить нищихъ безъ милостыни, научилъ второго своего брата дѣлать такъ, какъ онъ поступалъ съ нищими. Выросъ и этотъ братъ и онъ сталъ ходить съ отцемъ на работу. Тогда они научили меньшаго брата поступать такъ же съ нищими, какъ они дѣлали, когда еще были маленькими. Наконецъ, подросъ и младшій братъ, и всѣхъ троихъ сыновей отецъ сталъ посылать на работу, не разбирая ни воскресенья, ни праздничка. Все время были за работой изъ дня въ день, никогда не видали отдыха.

Вотъ однажды послѣ ярового посѣва, въ воскресенье отецъ посылаетъ своихъ трехъ сыновей рубить лядину. Вышли они въ чистое поле и залились горючими слезами. „Братцы, что у насъ за отецъ: всѣ люди и товарищи идутъ сегодня въ храмъ Божій къ обѣднѣ, а насъ на работу; нѣтъ намъ для отдыха ни одной обѣдни, ни одного воскресенья. Пойдемъ вотъ сюда, ляжемъ да отдохнемъ; а когда увидимъ, что народъ пойдетъ съ погоста, встанемъ и начнемъ рубить лядину“. Пошли, свернули въ сторону отъ того мѣста, куда имъ надлежало идти рубить лядину, увидали чистое мѣсто, посреди на краю ракивовъ кустъ стоитъ. Вотъ они положили свои топоры подъ кустъ, а сами легли и заснули крѣпкимъ, богатырскимъ сномъ. Вотъ проходитъ часъ, другой, народъ уже съ погоста воротился, а они все спятъ; наступаетъ и вечеръ, а ихъ все нѣтъ. И отецъ уже сталъ беспокоится объ нихъ. Пришла и ночь, а дѣти все не приходятъ. На другой день отецъ всталъ и, позавтракавъ, пошелъ отыскивать своихъ сыновей. Приходитъ онъ въ поле и видитъ, что лядина не тронута, а и сыновей нѣтъ. Давай искать ихъ, всѣ кустики обходилъ и осматрѣлъ, а ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Приходитъ домой, собираетъ весь

народъ въ деревнѣ и сообщаетъ о своемъ горѣ. Весь народъ пошелъ на поиски; цѣлую недѣлю ходилъ, искалъ, кажется, всѣ кустики въ поляхъ и въ окружности обходили и по нѣсколько разъ осмотрѣли, а молодыхъ ребятъ не нашли. Дошла эта вѣсть до начальства, вся волость была собрана на поиски ребятъ, но походили, походили, искали, искали, нигдѣ не нашли. Затѣмъ, дали объявки по дальнимъ волостямъ о потерѣ этихъ молодцовъ, чтобы сообщили, не видалъ ли ихъ кто либо. Но все было напрасно. Погоревалъ, погоревалъ отецъ, да уже черезъ многое время и позабылъ. Такъ прошло 30 лѣтъ, какъ потерялись тѣ молодцы. Наконецъ въ 31-й годъ, въ то самое воскресенье, когда они заснули, одинъ изъ нихъ, младшій братъ просыпается и видитъ огромный лѣсъ кругомъ себя и удивляется, чтобы это значило. Будить своихъ братьевъ и говорить: „что это, братцы, ложились мы спать на чистомъ мѣстѣ, а теперь мы точно въ какой островинѣ; да и кустъ-то этотъ раковый былъ небольшой, а теперь смотрите! Точно насъ кто перенесъ!“ Удивляются братья и не понимаютъ, въ чемъ дѣло: что за исторія, мѣсто все то незнакомое, не знаютъ, гдѣ они и находятся. Вотъ наконецъ рѣшили они идти, куда глаза глядятъ — „авось куда нибудь да выйдемъ“. Лишь только они немного поотопили отъ того мѣста, гдѣ спали, видятъ знакомую тропинку. Они и пошли по ней. Затѣмъ видятъ, скотъ пасется въ парянинѣ, а тутъ и деревня. Приходятъ въ деревню, узнаютъ ее и приходятъ въ домъ родителей. „Здравствуйте, батюшка и матушка!“—Закричалъ на нихъ отецъ: „что вы за люди-чужестранцы? Какіе вы дѣти; у меня дѣтей вотъ ужъ 30 лѣтъ какъ нѣтъ“. Переглянулись сыновья между собою и дивятся: что это за 30 лѣтъ, про которые отецъ говоритъ, не понимаютъ они, въ чемъ дѣло, почему отецъ ихъ не признаетъ за сыновей. Увидала мать родимое пятнышко на одномъ изъ сыновей и говоритъ отцу: „вѣдь, это наши дѣтки; не отпирайся,—вонъ видишь у Васеньки то родимое пятнышко“. Обрадовался отецъ, когда призналъ, что это его дѣтки. „Ну, здравствуйте, дѣтушки! Садитесь за столъ, пообѣдайте—поди, голодны, 30 лѣтъ то не ѣвши“. Дѣти сѣли обѣдать и дивятся, какихъ это 30 лѣтъ вспоминаетъ отецъ. Послѣ обѣда отецъ и говоритъ женѣ: „теперь уложи спать, пусть они отдохнутъ, а завтра я допросъ

съ нихъ сниму: гдѣ они 30 лѣтъ пропадали“. Наступаетъ вечеръ. Жена собираетъ ужинъ и говоритъ мужу: „не разбудить-ли сыновей поужинать“. А мужъ и говоритъ: „нѣтъ, ужъ не тревожь ихъ, пусть они спятъ; они можетъ быть 30 лѣтъ не спали, а если въ полночь или раньше они проснутся, такъ ты накорми ихъ ужиномъ и опять уложи ихъ спать“.

Поужинали хозяинъ съ хозяйкой и опять легли спать. Въ полночь просыпается меньшакъ и слышитъ подъ окномъ голосъ, который гласитъ имъ: „эхъ, вы, братцы, въ непріятномъ дому легли вы на упокой. Вамъ тутъ не мѣсто и не домъ, а гдѣ вы 30 лѣтъ спали, такъ утромъ, возьмите топоры и идите на то мѣсто, и срубите себѣ келью, тамъ вамъ вѣковѣчный покой“. Подошелъ меньшакъ къ окну, но видитъ, что никого нѣтъ, легъ на постель и опять заснулъ. Наступаетъ утро. Всѣ поднимаются. Отецъ и спрашиваетъ свою жену: „а что, хозяйка, просыпались дѣтки, кормила ихъ ужиномъ?“—„Нѣтъ, не просыпались, и не кормила ихъ“, отвѣчаетъ хозяйка. Когда отецъ и мать повышли изъ избы, меньшакъ и спрашиваетъ у своихъ братьевъ: „А что братья! вы не слыхали сегодня какъ ночью, насъ гласили?“—Нѣтъ, отвѣчаютъ старшій братъ и середнякъ. — Такъ вотъ что, намъ велѣно идти туда, гдѣ мы 30 лѣтъ спали съ топорами, и строить тамъ для себя келью; тамъ для насъ вѣковѣчный покой“. Подумали про себя братья, услыхавъ это, и рѣшили, что должно быть они и на самомъ дѣлѣ 30 лѣтъ проспали.

Приходитъ отецъ и мать въ избу; сѣли всѣ за столъ позавтракать. Послѣ завтрака дѣти и говорятъ: „ну, теперь, батюшка, наряжай, куда намъ идти и что дѣлать“.—„Нѣтъ, я сначала сдѣлаю допросъ: скажите мнѣ, гдѣ вы 30 лѣтъ пропадали?“ А меньшакъ и говоритъ: „да ужъ допросъ-то, батюшка, послѣ, вечеркомъ, а теперь наряди насъ, поди, лядина-то не рублена у тебя, батюшка, такъ дай хлѣбца, а мы пойдемъ, порубимъ“. Согласился отецъ; велѣлъ хозяйкѣ дать хлѣба, и дѣти отправились съ топорами въ лѣсъ. Приходятъ они на прежнее мѣсто и давай рубить себѣ келью. Наступаетъ вечеръ; дѣтей нѣтъ. Отецъ сомнѣвается. Проходитъ и ночь, а ихъ все нѣтъ. На другой день отецъ пошелъ туда, куда послалъ своихъ сыновей, и видитъ, что болѣе десятины лядины положено, а сыновей

нѣтъ. Безпокоится отецъ о своихъ дѣткахъ: не убило ли ихъ лѣсомъ, когда они рубили лядину, думаетъ онъ, и давай осматривать каждый кустъ. Но какъ ни искалъ, а сыновей не нашелъ. Приходитъ въ деревню, собираетъ сосѣдей, проситъ ихъ поискать своихъ дѣтей. А сосѣди и говорятъ: „вотъ, дядюшка, воскресенье и празднички ты работаешь, а насъ вздумалъ въ будни просить искать твоихъ сыновей. Досугъ-ли теперь искать! Ну, да ладно, пойдемъ ужъ, ребята, дѣлать нечего“. Цѣлую недѣлю они проискали, а ребятъ не нашли.

Вотъ проходитъ двѣ недѣли послѣ потери сыновей. Одинъ сосѣдъ вспомнилъ, что видѣлъ, куда направились эти ребята, и рѣшилъ одинъ доходить до той тропочки. Идетъ по тропочкѣ, приходитъ на поляну и видитъ рубленый лѣсъ, затѣмъ келью. И видитъ черезъ окно, что, всѣ они трое на лавкѣ мертвыми лежатъ: руки скрещены, а передъ каждымъ изъ нихъ лампадка горитъ. Стукнулся въ дверь — не отворить; пошелъ домой и говорить отцу: „дядюшка! я твоихъ дѣтей нашелъ; вонъ тамъ они въ кельѣ лежатъ мертвыми, а передъ каждымъ изъ нихъ горитъ лампадка“. Собралъ отецъ народъ и приходятъ на то мѣсто; отворилъ отецъ дверь, входитъ въ келью и видитъ: въ правой рукѣ большака зажатъ листъ бумаги писанной. Отецъ беретъ этотъ листъ и читаетъ: „родимый батюшка! родимая матушка! простите насъ, что мы хотѣли одну обѣднюку поспать, отдохнуть, а послѣ обѣдни поработать. Насъ за обѣдню Господь усыпилъ на 30 лѣтъ. А за то, батюшка, что мы кусочки потихоньку брали и нищей братіи подавали, попали во святые. Съ этого мѣста не троньте, а заявите начальству и пусть здѣсь строятъ монастырь“.

Боровичскій у. 1903 г.

57. [Два брата и вѣдьма-мать].

Жили два брата, каждый на раздѣлѣ, другъ противъ друга. Старшій жилъ съ матерью и человѣкъ былъ богатый. А младшій, имѣя большое семейство, обнищалъ до того, что ни хлѣба, ни скотины, кромѣ одной или двухъ коровъ, не имѣлъ. Повадились два борова богатаго брата ходить во дворъ къ меньшому брату и тамъ иногда по цѣлымъ днямъ проживали. Чувствуя большую нужду во всемъ,

младшій братъ задумалъ убить одного борова и имъ воспользоваться. Вотъ онъ сдѣлалъ длинное шило, пошелъ на дворъ, подкрался къ одному борову, ткнулъ шиломъ въ сердце такъ, что боровъ и ноги загнулъ. Чтобы скрыть слѣды, кровь съ борова повытеръ, пообмылъ и запихалъ его подъ ясли. На другой день старшій братъ видитъ, что одинъ боровъ со двора вышелъ, а другого нѣтъ, пошелъ на дворъ къ меньшому брату и видитъ борова подъ яслями. Толкнулъ ногой, боровъ не крикнулъ, толкнулъ другой, не тутъ то и было; взялъ его за ноги и вытащилъ его изъ-подъ ясель. Видитъ хозяинъ, что боровъ задохся, не будешь же мертвичину ѣсть. Позвалъ младшаго брата и говоритъ: „что, братецъ, вотъ какой грѣхъ случился, боровъ-то подъ твоими яслями должно быть задохся, помоги пожалуйста стащить его и закопать въ землю“. А младшій братъ и говоритъ, что „братецъ, обнищаль я совсѣмъ, чѣмъ тебѣ зарывать борова, отдай ты его мнѣ, все хотъ ребятушки поѣдятъ да свой голодъ утолятъ, только ужъ не говори никому, чтобъ люди не смѣялись“.—„Да неужели ты, братъ, будешь ѣсть мертвичину и не побрезгуешь“.—„Да вотъ ничего не сдѣлаешь, голодъ не тетка, поневолѣ будешь мертвечину ѣсть, коли больше нечего“. Согласился старшій братъ, отдалъ борова брату, далъ слово никому не говорить и пошелъ домой. „Да помоги мнѣ, братецъ, говоритъ младшій братъ, стащить борова въ избу, вѣдь одному мнѣ онъ не подъ силу“. Взяли, хватили борова и внесли въ избу. Старшій братъ пошелъ домой, а младшій братъ съ хозяйкой принялся палить борова; а когда опалили его, то стали и поѣдать.

Погоревалъ, погоревалъ старшій братъ съ матушкой о такомъ несчастіи, да дѣлать нечего. А матушка, горя о боровѣ, думаетъ: „ужели будетъ ѣсть мертвичину младшій сынокъ“. Не вѣрится ей, чтобы боровъ самъ задохся; не сдѣлалъ ли тутъ чего-нибудь сынокъ, не подшутилъ чего-либо онъ. Вотъ она рѣшила испытать его. Наступаетъ деревенскій праздникъ у тестя старшаго брата, и наканунѣ этого праздника мать и говоритъ сыну: „сынокъ, положи ты меня въ сундукъ и снеси къ младшему сыну, какъ-будто это ты добро похранить, пока вы ходите на праздникъ. Ужъ проговорятся его дѣтки, какъ будутъ ѣсть щи изъ этого бо-

рова“. — „Да что ты, матушка, вѣдь ты тамъ задохнешься; нѣтъ, на что“.

Положили матушку въ сундукъ и понесли съ хозяйкой къ меньшому брату. „Вотъ, братецъ, мы всё уходимъ на праздники къ тестю, и матушка вздумала идти; боимся мы, чтобы не утащили наше добро изъ сундука; ребятъ то вѣдь нѣтъ, не на кого оставить домъ караулить, такъ не возьмешь ли пожалуйста похрани, пока мы гуляемъ на праздникѣ. Вѣдь ты знать не пойдешь нику [такъ]“. — „Куда мнѣ идти, такъ что положи сундукъ подъ лавку, пусть тамъ лежитъ“. Вотъ старшій братъ съ хозяйкой ушелъ на праздникъ, а матушка осталась лежать въ сундукъ у младшаго сына. Наступаетъ вечеръ, младшій братъ съ ребятишками сѣлъ за столъ поужинать. Вотъ хозяйка налила щей, накрошила говядины и подала на столъ. Съ такою жадностью, съ такимъ аппетитомъ стали ребятишки поѣдать щи да поглаживать косточки, что за ушами пищитъ, да подхваливаютъ. Одинъ изъ нихъ за столомъ и говоритъ: „заколи-ка, батюшка, ты и другого борова у дя-дюшки, мы и того съѣдимъ, ужъ больно вкусно“. Услыхала старуха въ сундукъ, не вытерпѣла: „ахъ ты, такой-сякой, вотъ онъ что сдѣлалъ, самъ закололъ борова, а говоритъ, пропалъ, задохся подъ яслями, да еще и другого то думаетъ зарѣзать“.

Услыхалъ сынъ ругань своей матери и, не долго думая, говоритъ своей хозяйкѣ: „затопи печку, ставъ чугунокъ и грѣй“, а самъ вытащилъ изъ подъ лавки сундукъ и сталъ буравчикомъ наворачивать дырочки. Видитъ мать, что дѣло не миновать ей смерти и давай молить сына: „не дѣлай ты ничего, сынокъ, оставь душу на покаянье, ужъ я никому не скажу — ѣшьте на здоровье, только ужъ другого то не тронь“. — „Нѣтъ, псовка, ужъ ежели ты на такую выдумку рѣшилась, такъ не утерпишь, чтобъ не сказать тебѣ“. Закипѣли котлы, беретъ ихъ сынъ и давай поливать кипяткомъ въ дырочки и до тѣхъ поръ лить, пока до смерти не ошпарилъ въ сундукъ свою матку. А затѣмъ поза-дѣлалъ дырки и поставилъ сундукъ на прежнее мѣсто. Приходитъ старшій братъ съ праздника и идетъ прямо за маткой. „Ну что, братецъ, живо ли мое добро?“ — „Да куда ему дѣться“. Взялъ на плечи сундукъ, понесъ домой. На

крыльцѣ своемъ потихоньку и спрашиваетъ: „что; матушка, жива ли ты тамъ, не задохлась ли?“ Ни чуть, никакого отвѣта. Принесъ въ избу и торопитъ свою хозяйку, давай скорѣй ключъ, никакъ матушка то не жива. Открыли сундукъ и видятъ матушку мертвою. Взвыли они оба. „Вотъ какое горе приключилось, не сажать бы ее туда, такъ была бы жива, вотъ какой грѣхъ попуталъ насъ“. Вотъ сынъ вынулъ ее изъ сундука, снялъ мокрую одежду, надѣлъ на ее свѣжую новую и положилъ на лавку, а хозяйку послалъ за братомъ. Приходитъ хозяйка къ деверю и говоритъ: „пойдемъ поскорѣе къ намъ, вотъ что то случилось съ матушкой, пришла съ праздника, схватило у ней съ чего сердце, никакъ и душу Богу думаетъ отдать. Иди скорѣе, чтобъ она благословила тебя передъ смертью“. Улыбнулся деверь и пошелъ къ старшему брату. Лишь только вошелъ онъ въ избу, какъ невѣстка и говоритъ: „вотъ ты, деверекъ, и не успѣлъ получить благословенье, вотъ только сейчасъ вздохнула послѣдній разъ и Богу душу отдала“. А меньшой братъ и говоритъ старшему: „что же, братецъ, вѣдь это дѣло дрянъ, вы не окормили ли ее тамъ на праздникъ“. Испугался старшій братъ пуще прежняго и давай упрашивать меньшого: „ужъ ты пожалуйста, братецъ, никому не говори, вотъ тебѣ мѣшокъ муки, будемъ говорить, что матушка скончалась“. На томъ и порѣшили. „А теперь, братецъ, помоги снести ее въ амбаръ, пусть тамъ ее душенька покрасуется, ужъ больно то мнѣ ее жаль“. Взяли ее обое брата, снесли въ амбаръ, подставили стульчики, наклали доскокъ [такъ] и положили на нихъ свою матушку. Уходя изъ амбара, старшій братъ и говоритъ меньшаку: „амбаръ то вѣдь я не думаю запираť на ночь, пусть душенька матушки покр(ас)уется, ужъ больно мнѣ ее жаль“. Старшій братъ пошелъ домой и сталъ дѣлать домъ, а меньшакъ взялъ обѣщанный мѣшокъ муки и пошелъ домой. „Слава Богу, хозяйка, бѣдь на насъ не пригнали, а еще я на нихъ напустилъ, вотъ и мѣшокъ муки за это получилъ“.

Наступила первая ночь, всѣ въ деревнѣ спятъ, а этотъ бѣднякъ и говоритъ женѣ: „амбаръ то, хозяйка, гдѣ матушка лежитъ, не запертымъ оставленъ, пойдѣмъ-ка покр(а)суемся тамъ; тамъ есть чѣмъ поживится“. Вотъ прихо-

дять они въ амбаръ и все, что тамъ было, все переносили въ свою избу: муку всякую [такъ] сорты, масла, яйца, говядину и пр. пр., а матушку поставили въ засѣкъ, гдѣ была мука, прислонили ее къ углу, въ зубы дали мѣшокъ, въ правую руку савокъ, а самую всю перепачкали мукою и пошли домой, оставивъ амбаръ чуть чуть припертымъ. Утромъ встаетъ старшій братъ, идетъ спровѣдать въ амбаръ свою матушку и, поднимаясь на крылечекъ, видитъ, дверь поотперта, и говорить: „у родимой-то у матушки, видно, похожено изъ амбара въ амбаръ, покросовалася [такъ] еѣ душенька; пусть она покрасуется“. Вотъ входитъ онъ въ амбаръ и видитъ, что всѣ засѣки пусты, а матушку въ засѣкѣ съ мѣшкомъ въ зубахъ и съ совкомъ въ рукѣ, всю перепачканую въ мукѣ. „Ахъ ты, псовка этакая, никакъ ты весь хлѣбъ у меня переносила, ишь, жадная, и мѣшокъ то въ зубахъ держитъ, до остатка всю муку хочетъ переносить на тотъ свѣтъ“. Схватилъ мужикъ въ сердцахъ колъ и какъ дастъ по хребтинѣ [въ подл. пропускъ] вверхъ ногами, самъ побѣжалъ скорѣй домой и сообщаетъ хозяйкѣ о всѣхъ проказахъ матушкиныхъ. Приходитъ старшій братъ къ меньшому и говорить: „пойдемъ поскорѣе, братецъ, помоги мнѣ перенести матушку хоть на сарай, вѣдь она у меня, подлая, весь хлѣбъ перенесла на тотъ свѣтъ, да мало того и при мнѣ то, жадная, не постыдилась, знай нагрѣбаетъ мѣшокъ; да ужъ я ей далъ хорошую— полетѣла она у меня, ловко ткнулась носомъ о земь“. Вотъ приходятъ оба брата въ амбаръ; народу набѣжало, кто смѣется, кто боится, а кому и горе; въ особенности старшому брату, ему не до смѣха. Взяли они свою матушку, снесли ее на сарай и положили въ гробъ; „сиди же теперь здѣсь на холоду“, говоритъ старшій сынъ; „теперь не унесешь, нечего красть“, а меньшакъ полызливаетъ про себя.

Вотъ наступаетъ вторая ночь; всѣ въ деревнѣ легли спать, а меньшаку не спится, думаетъ про себя, какъ бы поживиться теперь свѣженькимъ мясомъ. Въ самую полночь взялъ ножикъ и пошелъ на дворъ къ старшему брату. Зарѣзалъ одну корову, а на корову посадилъ верхомъ матушку, въ правую руку вложилъ ножикъ и нагнулъ руку къ самому горлу; остальныхъ коровъ выпустилъ на улицу, а самъ ушелъ домой. На разсвѣтѣ хозяйка видитъ своихъ

коровъ на улицѣ, будить хозяина и говорить: „поди, посмотри на дворъ, не матка ли выпустила коровъ то на улицу“. Вскочилъ хозяинъ съ постели, побѣжалъ на дворъ и вдругъ видитъ, ворота отворены, лежитъ корова зарѣзаной, а на ней матку съ ножомъ. „Ахъ ты, жадная псовка: муку то всю переносила на тотъ свѣтъ, а теперь за корову принялась, мяса захотѣлось ей“. Хватилъ засовъ, что есть силы ударилъ матку по головѣ и свалилъ ее съ коровы. А самъ побѣжалъ къ брату съ жалобой на свою матушку. „Пойдемъ, братецъ, поскорѣй, погляди, что у меня матка то надѣлала—корову зарѣзала“. Прибѣжали на дворъ, подняли матку, снова обрядили, положили въ гробъ и снесли въ избу въ передній уголъ. Вотъ старшій братъ и говоритъ младшему, что „братецъ, бѣги поскорѣй за священникомъ, полно намъ съ ней маятся, пусть онъ подниметъ тѣло да похоронитъ ее поскорѣй, да попроси батюшко-то [такъ], чтобы онъ на своей лошаdkѣ пріѣхалъ, ужъ дѣлать нечего, поплотимся съ нимъ“. Приходитъ меньшакъ къ священнику и проситъ поскорѣй пріѣхать на своей лошаdkѣ къ покойнику, а самъ побѣжалъ домой, чтобы пораньше батюшки кое-что посправить къ выносу. Непріятно было батюшкѣ ѣхать на своей лошаdkѣ, да дѣлать нечего, тѣмъ болѣе что кобыла то у него была съ жеребенкомъ. Пріѣхалъ батюшка въ деревню, меньшакъ встрѣчаетъ его подлѣ избы, снимаетъ его съ сѣдла и уводитъ кобылу съ жеребенкомъ въ хлѣвъ, а батюшка пошелъ своимъ чередомъ въ избу. Отслужилъ панихиду, окропилъ гробъ, велѣлъ нести тѣло на улицу, а самъ съ пѣніемъ сопровождаетъ покойника. Вынесли тѣло, стали укладывать да привязывать гробъ съ тѣломъ къ телѣгѣ, а меньшакъ привелъ кобылу и помогаетъ батюшкѣ сѣсть верхомъ. Лишь только онъ сѣлъ, схватила кобыла и понеслась домой, да вспомнилъ батюшка, что жеребенка то нѣтъ, и кричитъ мужику, чтобъ онъ выпустилъ изъ хлѣва жеребенка и махнулъ его за нимъ. Меньшакъ вывелъ изъ хлѣва жеребенка, посадилъ на него матушку привязалъ ее веревками, къ рукамъ привязалъ по палочкѣ и пустилъ жеребенка. Схватилъ жеребенокъ со всей моченьки за маткой и догоняетъ ее. Оглянулся батюшка назадъ и видитъ жеребенка, а на немъ покойницу. Перепугался батюшка до смерти и давай пристегивать свою

кобылку приговаривая: „охъ ты, Господи, вѣрно я худо по ней панихиду отслужилъ, вотъ она и несется за мной“. Дѣвѣзаетъ онъ до рѣки, видитъ мостъ, а за нимъ жеребенокъ съ покойницей недалеко; куда дѣваться, вотъ онъ и рѣшилъ пустить кобылку въ плавь, думая, что авось покойница свалится съ жеребенка и утонетъ, когда онъ поплыветъ за маткой, а самъ побѣжалъ пѣшкомъ домой. Вотъ подѣвѣзжаютъ сыновья къ мосту и видятъ кобылу съ жеребенкомъ, которые ходятъ по травкѣ, а на жеребенкѣ свою матушку. Отвязали они ее, уложили въ гробъ и повезли на погостъ. Привезли и просятъ батюшку поскорѣе отпѣть матушку. „Нѣтъ, говоритъ батюшка, не пойду, вишь какая у васъ матушка, въ погоню пустилась за мной“.— „Нѣтъ батюшка, ужъ теперь мы ее изъ гроба не выпустимъ“. Создавали весь причетъ, отпѣли покойницу и опустили въ землю, а батюшка велѣлъ еще пригнести ее большимъ камнемъ чтобы она по ночамъ не ходила по погосту.

Послѣ похоронъ братья уѣхали домой и стали жить да поживать, только меньшакъ сталъ побогаче старшаго брата.

Боровичскій у. 1903 г.

58. Загадка.

Двѣнадцать человѣкъ бурлаковъ идутъ мимо большого сада и видятъ они, что въ саду гуляетъ дѣвица съ молодымъ парнемъ. Вотъ бурлаки и говорятъ: „какъ тебѣ, дѣвица, не стыдно съ такимъ молодцомъ гулять по такому саду“. А дѣвица отвѣчаетъ: „отчего мнѣ стыдно гулять съ этимъ молодцомъ, коли молодцова мать моей матери свекровь“. Пять верстъ прошли эти двѣнадцать бурлаковъ и все время разбирали, какъ же этотъ молодецъ будетъ родня этой дѣвушкѣ. Рѣшали, рѣшали, рѣшить не могли; вотъ они послали двухъ человѣкъ обратно къ той дѣвицѣ допросить, какъ этотъ молодецъ приходится родня этой дѣвицѣ, или съ кѣмъ же она гуляла. Возвращаются эти два молодца и рассказываютъ остальнымъ это родство, и оказалось, что родство то между ними было большое. Итакъ отгадайте, господа, какое между ними родство. (Отв. гуляла съ отцомъ).

2-ая загадка. Шуриновъ племянникъ, какъ зятю родня. Отвѣтъ—сынъ.

Боровичскій у. 1903.

59. [Вороватый мужикъ].

Долго ли, коротко ли жилъ Доронъ, неизвѣстно; только послѣ его смерти осталась жена и сынъ холостой. Вотъ черезъ пять лѣтъ приходитъ однажды къ этой вдовѣ старичекъ въ бѣломъ балахонѣ, въ бѣлыхъ лапоткахъ и самъ такой бѣленькій. Сынъ въ это время былъ на работѣ. Вотъ вдова и спрашиваетъ этого старичка: „откуда ты, старичекъ, не съ того ли свѣта выходецъ?“ — „Съ того, хоззяшка, съ того свѣта“, отвѣчаетъ старичекъ. — „Не видалъ ли ты тамъ Доронюшку?“ — „Видѣлъ, видѣлъ, хоззяшка, какъ не видать. Твой Дороня, хоззяшка, у Христа боронить безъ креста и безъ пояса: ужъ больно онъ оборвался“. Сжалилась вдова надъ своимъ мужемъ и говоритъ: „снесешь ли пожалуйста, какъ ты пойдешь туды, гостинчиковъ“. — „Отчего не снести, давай!“ Вотъ она положила въ катомку нѣсколько рубашекъ, [?] конецъ, портяночки, балахонъ новенькій“. — „Да ужъ положь туда, хоззяшка, говоритъ старичекъ, и деньжонокъ. Вѣдь, вотъ онъ и въ трубочку сталъ покуривать и въ праздничекъ иногда вздумаетъ зайти и въ кабачекъ, а вѣдь тамъ ему негдѣ взять и заработать“. Положила хозяйка въ котомочку послѣдніе 15 рублей, заработанные ея сыномъ. „А теперь, хоззяшка, говоритъ старичекъ, одолжи и рыжка твоего, вѣдь мнѣ не снести такую катомичу, а я послѣ приведу его тебѣ“. Снарядила вдова старичка, сѣлъ на рыжка и, распрощавшись, отправился, будучи доволенъ что надулъ вдову.

Вотъ приходитъ сынъ съ работы, а мать и сообщаетъ ему съ такой радостью, что вотъ, дескать, „былъ у меня съ того свѣта выходецъ и сообщилъ, что тятенька твой, мой Доронъ, у Христа боронить безъ креста, безъ пояса и безъ рубашки, что я послала ему гостинцевъ и между прочимъ твои 15 руб. да рыжка довести эту поклажу“. — „Ахъ ты, матушка, матушка! Что мнѣ съ тобой дѣлать? бить тебя грѣшно—мать родная, худыми словами обзывать тоже грѣшно. А вотъ что, уйду я завтра отъ тебя, живи ты, какъ знаешь. И если я найду глупѣе тебя, то приду, а

если нѣтъ, то не ожидай меня!“ Со слезами мать упрасиваетъ своего сына, чтобы онъ не отлучался: „На кого же я останусь? Кто меня будетъ кормить?“—„А какъ хочешь, такъ и живи“, отвѣчаетъ сынъ. На слѣдующій день сынъ всталъ, одѣлся, закусилъ и отправился въ дорогу. Верстъ черезъ 30 подходитъ онъ къ усадьбѣ, видитъ огромный садъ, а въ немъ свинью съ 12-тью поросятами. Вотъ онъ сталъ на колѣни и давай кланяться свиньѣ. Въ это время на балконѣ сидѣла барыня и, увидала этого мужичка, приказала позвать его въ домъ.—„Зачѣмъ ты кланяешься свиньѣ? о чемъ ты ее просишь?“ спрашиваетъ барыня. А мужичекъ отвѣчаетъ: „матушка сударыня! Ваша свинья пестра мнѣ мать крестна, такъ благословенья прошу, жениться хочу“.—„Да ужъ если она тебѣ мать крестна, такъ нужно ее взять тебѣ домой: за столомъ вѣдь благословляютъ“.—„Такъ не отпустите ли, сударыня, вашу свинью съ поросятками, я ихъ не заморю; да ужъ позвольте и лошадку довести ее съ дѣтками“.

Приказала барыня запретъ лошадь и уложить на телѣгу свинью съ поросятами; а, отпуская мужика въ дорогу, говоритъ: „встрѣтишь ты, можетъ быть, по этой дорогѣ барина, такъ ты спроси и Расскажи“. Смекнулъ мужикъ и, не долго думая, отправился со свиньей и поросятами въ свою деревню. Ъдетъ онъ дорогой и слышитъ колокольчикъ. Догадался мужикъ, что ѣдетъ баринъ, свернулъ лошадь въ лядинку и пропустилъ барина, а потомъ опять ѣдетъ.

Вотъ пріѣзжаетъ это баринъ домой и узнаетъ о проказѣ своей жены, тотчасъ запрягаетъ лошадей и отправляется въ погоню за мужикомъ. Догоняетъ мужика и видитъ, что тотъ сидитъ и держитъ что-то подъ шапкой, а лошадь то у мужика въ лядинѣ то спрятана. „Что, мужичекъ, не попадался ли тебѣ на моей рыжкѣ съ телѣгой и со свиньей съ поросятами мужикъ?“ — „Нѣтъ, баринъ, не видалъ“.—„А что ты тутъ держишь?“—„Да вотъ, баринъ, купилъ въ Питерѣ соловья и несу его въ усадьбу“.—„А не догонишь ли ты, мужичекъ на моихъ лошадяхъ“.—„Отчего нѣтъ, баринъ, только ужъ вы покарауйте моего соловья, да не упустите“. Сѣлъ мужикъ на тройку и погналъ, а баринъ съ кучеромъ остались держать шапку. Надоѣло барину сидѣть да и любопытство взяло. „Давай, кучеръ, посмотримъ-ка соловья,

каковъ онъ? — „Да не опустить бы намъ его, баринъ. Я буду поднимать шляпу, а вы, баринъ, съ боковъ руками прихлопните и схватите соловья“. Вотъ кучеръ поднимаетъ шляпу, а баринъ хватъ... и вмѣсто соловья-то оказалась пропавшая ворона. Видитъ баринъ, что мужикъ его надулъ, да дѣлать нечего, и пошелъ домой. А нашъ мужичекъ сталъ жить да поживать со своей матушкой еще лучше прежняго.

Боровичскій у. 1903.

60. Непрощенный сынъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, а именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, былъ случай такой — что сынъ матери нагрубилъ, и она его не простила, и этого дитище ставятъ на службу царскую, а она его не простила. Енъ отслужилъ 30 лѣтъ на царской службѣ, потомъ онъ и померъ, ну вотъ, какъ онъ померъ, мать сыра земля не принимаетъ его, потому его мать не простила, а почему узнали, что мать сыра земля его не принимаетъ, такъ подошелъ случай: къ этому мѣсту пригнали солдатъ стоять, что пришло эту могилу разрыть. Съ этими же солдатами пригнали полковника и поставили его къ мужику, который побогаче, гдѣ фатера почише. У этво хозяина дочка, значить, была молоденька и очень она красавица. И этому полковнику, видишь ли ты, желательно съ ней познакомиться, а не осмѣлится ей сказать, что она не приметъ его разговоровъ. Енъ сталъ просить рядового солдата: „Вы, говорить, попроче, спросите у квартирниковъ, нѣтъ ли въ этой деревнѣ шептуньи эту дѣвицу пришептать“. Ну, вотъ этотъ рядовой солдатъ спросилъ у своей фатерницы, что нѣтъ ли въ вашей деревнѣ шептуньи или ворожей. Этому солдату объяснила фатерница: „есть, говорить, у насъ служебный, старуха, ото всячины излѣчаетъ“. Ну, этотъ солдатъ сказалъ полковнику: „Ваше благородіе, есть, говорятъ, такая шептунья старуха, что всячины можетъ знать“. Ну, этотъ полковникъ, значить, и сошелъ къ этой бабкѣ, ну енъ

и просилъ ее: „бабушка, можешь ты сдѣлать, что мнѣ съ этой дѣвушкой познаться. Такъ я дамъ тебѣ кусокъ хлѣба до смерти“. Ну эта старушка говоритъ: „если ты мнѣ запла-тишь, а я что то на прочее пошепчу, то не могу увѣрить, согласится она съ тобой или не. А сходи ты въ ограду, найдешь ты свѣжую могилу, которой недавно зарытъ по-койникъ, и разрой ты ту могилу и достань ты того песочку, который священникъ на одежду кидаетъ, и достань ты три счепоточки этой земли, я на ее и пошепчу, а на что прочее увѣрить не могу“. Ну, этотъ полковникъ самъ въ ограду не пошелъ, а послалъ розыскивать рядового солдата. Ну, сол-датъ сошелъ послѣ ученья, розыскалъ такую могилу, гдѣ покойникъ сутки трои только закопанъ. Этого же солдата полковникъ послалъ: „принеси, говоритъ, той землицы, что священникъ на одежду покойника сыплеть“. Ну, солдатъ пошелъ, ночью разрываетъ и разрылъ до гроба. Ему стало страшно, онъ и взялъ съ гроба земли и говоритъ: „почему старуха узнаетъ, откуда я земли взялъ“, и завязалъ въ по-совой платокъ. Принесъ и отдаетъ полковнику, а онъ къ этой бабкѣ снесъ. Бабушка взяла эту землицу и сразу узнала, что не съ одежды, а съ гроба, и говоритъ: „на эту, батюшка, и пытаться не стану, а ужъ коль онъ разрылъ могилу, такъ пошли его на другую ночь, пусть онъ рас-кроетъ крышку и принесетъ земли съ одежды“. Ну, полков-никъ принесъ эту землю солдату и говоритъ: „бабка узнала, что не той земли ты принесъ, принеси съ одежды“. Этотъ солдатъ отвѣчалъ, „что очень страшно, ваше благородіе“. „Ну, тебѣ, дуракъ, и здѣсь не легче (ему ученье не дава-лось), а если достанешь, я тебѣ оставку выправлю и домой отправлю, а хоть страшно, а тебя вѣдь не съѣли“. Ну, онъ и пошелъ на другу ночь разрывать эту могилу. Ну, онъ эту яму разрылъ, снимаетъ крышку и ставитъ ее въ ноги лубомъ, повернулся и увидалъ, что покойникъ сѣвши. Онъ и упалъ за гробъ на другую сторону—ужъ очень онъ испугался. Покойникъ и говоритъ ему: „землякъ, не пугайся, я тебя не трону, а Расскажи-ка ты мнѣ, изъ какихъ ты мѣстъ“. Этотъ солдатъ и сталъ рассказывать, и такъ они сказались, что съ одной стороны, что ихъ деревни черезъ рѣку да черезъ два поля. Мертвый и спрашиваетъ: „ну давно ли ты, землякъ, служишь“?—„Я служу второй годъ“.

„Что тебя ставили, моя мать жива была или нѣтъ, хворая она была“.—„Оставше, а я какъ родивше, она все хворая и отъ меня оставше—хворая“. Мертвый и говоритъ: „я тридцатый годъ лежу, и меня земля не принимаетъ, а ей Богъ смерти не даетъ, за то меня не простила. Тебѣ, землякѣ требуется землицы, ты возьми, а полковникъ тебѣ отставку выправить, и тебѣ полкъ денегъ дать, и ты ямщика наймешь и поѣдешь домой на тройкѣ съ колокольчиками и съѣдешь ты домой и сходи ты къ моей матери и снеси поклонъ. Она не повѣритъ, гдѣ ты меня нашелъ, а ты расскажи и попроси, чтобъ она меня простила. Если она меня проститъ, то Господь ей смертушку пошлетъ, а если не проститъ, ей Богъ смерти не пошлетъ, а меня мать сыра земля не принимаетъ. Ежели она на первые сутки не проститъ, приди ты на вторые и на третьи. Если она меня въ трои сутки не проститъ, то награди ты ее своимъ крестомъ и подойди ты къ ней и скажи: „во имя Отца и Сына, аминь. Если ты, бабушка, такая укрюмая, то Господь Богъ васъ разсудитъ“. Ну, а я теперь ручки сложу, лягу на упокой, ты меня покрой одежкой, возьми, чего тебѣ надо, и зарой яму и ступай“. Онъ взялъ три счепокъ земли, покрылъ одежкой и зарылъ яму и ушелъ. Принесъ эту земельку полковнику и отдалъ. Полковникъ снесъ эту земельку къ старушкѣ къ этой. Ну старушка, какъ взяла эту земельку, полковнику отвѣтъ подала: „вотъ эта та земелька, я на эту земельку могу пошептатъ“. Ну она на эту земельку пошептала и велѣла этой земелькой обсѣять дѣвицу. (Эта дѣвица ожидаетъ, когда-когда отецъ съ матерью уснуть, она и придетъ къ полковнику на свиданье, на квартиру ночевать на постель). Онъ вышелъ по-утру на ученье и этому солдатику и говоритъ: „ужъ много я тебя билъ, а сегодня ужъ послѣдній разъ дамъ, стерпи, я тебя по носу ударю, чтобы кровь пошла, а ты и упали, я заставляю двухъ солдатъ отнести тебя въ больницу“. Ну, такъ и сдѣлали и унесли солдата въ больницу. Полковникъ черезъ недѣлю выправилъ ему отставку и денегъ далъ ему много. Онъ до дому все и ѣхалъ на ямщикахъ съ колокольчиками. Приѣхалъ домой и спрашиваетъ, жива ли эта старушка изъ этой деревни. Онъ ночью ночевалъ, а поутру и пошелъ къ этой старушкѣ поклонъ справлять отъ сына. Пришелъ и говоритъ: „ба-

бушка, ты все то жива еще". — „Жива, жива, еще, кормилецъ, жива". — „Вотъ, бабушка, я привезъ тебѣ отъ сына поклонъ". Эта бабушка и говоритъ: „не повѣрю я тебѣ, кормилецъ, что моего сына ты видѣлъ". — „Бабушка, правду ты говоришь, что его въ живыхъ нѣту, я нашелъ его въ землѣ. Ты его не простила, и его мать сыра земля не принимаетъ, а тебѣ за то Богъ смерти не даетъ. Ты прости его, тогда его мать сыра земля приметъ, и тебѣ Господь смертушку пошлетъ". „Не, батюшка, не прощу его, пусть онъ пердитъ (гниетъ) въ землѣ". А этотъ солдатъ говоритъ: „бабушка, тебѣ Богъ смерти не пошлетъ". — „Не, батюшка", не вѣрю тебѣ, што Богъ смерти не пошлетъ, безсмертныхъ людей нѣтъ на свѣтѣ, это только я такая долговѣкая". — „Ну, бабушка, неужто не простить, прости, а то я завтра еще приду". — „Хоть ходи, хоть не ходи, все равно не прощу". Онъ трои сутки ходилъ къ старухѣ, а она все не простила сына. Тогда онъ черезъ трои сутки перекрестилъ своимъ крестомъ и сказалъ: „во имя Отца, и Сына, аминь". Какъ только ѣнъ ее перекрестилъ, полъ разступился, и она провалилась... *далее оборвано.*

Боровичскій у. 1903.

61. Одна копѣчка.

Бѣдный мужикъ покумилсе съ богачемъ. Разъ взялъ бѣдный у богатого кума въ займы 10 руб. и выплатилъ ему по частямъ все, окромя одной копѣйки. Одначе богачу жалко и одной копѣйки. Кажинной разъ, какъ идетъ онъ хъ обѣдни въ церкву, — кумъ жилъ въ другой деревни — заходитъ подъ окно хъ куму и спрашивать: „скоро-ли, кумъ, копѣчку отдашь? хоть Богу свѣчку на ею поставилъ бы". А кумъ, хоть и имѣлъ деньги, а все говорилъ, што денегъ нѣтъ. „Подожди, кумъ, вотъ справлюсь, такъ отдамъ". Цѣлый годъ спрашивалъ богачъ копѣйку. Наконецъ, надоѣлъ бѣдному. „Вить, эдакой кумъ-то „скупердай": вишь, жалко онной копѣйки! Вотъ што, жонка! я притворюсь мертвымъ, а ты, какъ пойдетъ кумъ къ обѣдни, попроси его обмытъ меня и свезь въ церкву". Сговорились. Въ воскресенье, какъ только завидѣлъ бѣдной

кумъ въ окошко богатаго, легъ на лавку, захрипѣлъ, потянулось и умеръ. Богатой подходитъ хъ окошку и стучитъ: „кумъ! а скоро-ль копѣчку-то отдашь?“—„Охъ, ты, куманекъ, кормилецъ! вить померъ хозяинъ-то у мя“. „Што-ты?“—„Взаболь. И просилъ тибя передъ смерѣдушкой обмытъ его и въ церкву свезъ“.—„Эхъ, кумъ, кумъ, рано ты померъ и копѣчки отдать не успѣлъ“. Началъ онъ кума мыть горячей водой. Какъ плеснетъ на кума, а кумъ какъ дрыгнетъ. Оммыли кума, взяли сколотили домъ ему и принесли въ церкву.—„Вѣрно“, думаетъ, „кумъ притворилсе мертвымъ и хочеть што-нибудь счалить изъ церкви. Дай-ко я догляжу!“ И спряталсе за печку. Пришла ночь. Богатой стоять за печкой и ждеть. Вдругъ што-то заюкотало, застукотало на паперти. Открылись двери, и въ церкву ворвалась не святая сила. Вишь оны по ночамъ ходять въ церкву-то. Вошли, насыпали на полъ цѣлый ворохъ денегъ—гдѣ то не благословясь положены деньги-то—и стали дѣлить. „Ужо-ко,“ думаетъ богатой, „я ихъ пугну, не бросять-ли деньги-то!“ — Живыи и мертвыи! ставайте!“ крикнулъ онъ. Вдругъ крышка у гроба слетѣла, и мертвой кумъ поднялсе. Тутъ вся не святая сила скочила да вонъ изъ церкви. Забыли даже и двери запереть.—„А што, кумъ, вить ты живъ?“—„Живъ“. — „Ну, такъ давай запремъ двери и подѣлимъ деньги“. Подѣлили. Черти между тѣмъ спохватились, что оставили деньги и послали двоихъ посмотриѣть въ окно, сколько народу въ церкви — можетъ мало, такъ нельзя-ли отнять у ихъ.

Два кума, подѣливши деньги, стали у окошка и разговариваютъ между собой. — „А вить, кумъ, ты все еще не отдалъ мнѣ копѣчки-то!“ — Въ это время одинъ изъ чертей заглянулъ въ окно. Бѣдный кумъ цапъ съ его красный колпакъ. — „На, гыть, тебѣ копѣйка!“ и бросилъ колпакъ богатоу. Тутъ черти безъ оглядки понеслись назадъ къ своимъ. — „Бѣгите далѣ, намъ тутъ дѣлать нѣчего: нашихъ денегъ по копѣйки только, да ишо онному и не хватило“. (Вишь, оны думали, што ихъ такъ много, што на кажнаго пришлось только по копѣйки, и ишо онному не хватило). Такъ и стали оба кума богатые.

62. Мужъ и жена.

Жили въ одной деревни мужъ и жена, оба молодые. Баба передъ жнивомъ родила перваго робѣночка. Когда наступило жниво, стали оны ходить жать на ниву, а нива была версты за три отъ деревни. Повѣсятъ робѣночка въ зыбки за кустомъ, а сами жнутъ. Вотъ разъ какъ-то на „пабѣдѣ“ мужикъ съ бабой росхлопотались. Мужикъ молчитъ и баба тоже. „Не пойду домой, думаетъ баба, пока ѣнъ жнетъ“. Мужикъ жнетъ до вечера, и баба съ имъ. Только стало стемнѣть; мужикъ не стерпѣлъ и говоритъ: „ступай домой, пора обряжатъ“. Она серпъ на плечо да и покатила; а робѣночка-то въ зыбки и забыла. Мужикъ видѣлъ это, да подумалъ, што она нарочно оставила ребенка. „Ну“, говоритъ,—пуцай, и я не возьму; сбѣгать и съ дому.“ Ёнъ пожалъ, пожалъ, да какъ надо домой итить и ѣнъ пошѣлъ, не взялъ тоже робѣночка.

Пришелъ домой. Баба убралась и ужинать собрала. Вотъ какъ стали оны ужинать, баба сглянула на пустой очепъ и скрикнула: „О, Господи! Да гдѣ же это робѣночекъ?“

— „А гдѣ забыла, тамъ и есть“, отвѣчаетъ мужъ.

— Да я забыла, а ты то што-же!

— „Нѣтъ, ты не забыла, а на зло оставила; хотѣла, штобъ я принесъ. Да не бывать тебѣ большухой надо мной!“.

Баба взвыла и проситъ мужа итти гмѣстѣ за имъ (вишь, боитце — нива-то была за три версты отъ деревни). — „Нѣтъ, говоритъ мужикъ, пуцай до утра. По утру придешь, и робѣночекъ тамъ—не надо и носить“. Баба пошла одна — нѣ што мать оставить! Приходитъ она хъ нивы, а ставше нянька хъ этой зыбки съ лѣсъ наровень, качаетъ и приговариваетъ: „бай, бай, дитятко! бай, бай, милое! Матушка забыла, а батюшко оставилъ!. Бай, бай, дитятко! бай, бай, милое! Матушка забыла, а батюшко оставилъ“.

Ну, какъ ей подойтить. Подошла эдакъ сторонкой и говоритъ: „кумынѣкъ, кормилецъ! отдай ты мнѣ робѣночка!“.

А енѣ отбѣжалъ, захопалъ въ ладоши и закричалъ: „ха-ха, ха-ха, ха-ха, ха! Шелъ да шелъ, да кумушку на-шелъ“. И гулко таково бѣжитъ по лѣсу да все кричитъ: ха-ха, ха-ха, ха-ха, ха! шелъ да шелъ и кумушку на-шелъ!“ Вишь, любо ему стало, што кумынькомъ назвала.

Баба схватила робѣнка да опрометью изъ лѣсу.

Воровичскій у. 1903 г.

63. Лихой попутчикъ.

Дожилъ одинъ мужикъ до того, што ись нѣчево, продать неково и заработку нѣтъ. Вотъ енѣ и говорить женѣ: „хозяйка! я пойду въ Воронцово хѣ богачу, узнаю, гдѣ у его пасетце скотъ, и украду пороза. Зарѣжемъ, и хватить мяса до нови“. — „Иди, отвѣчаетъ баба, да смотри, не попадись!“ Свечерѣло. Идетъ мужикъ, а дорогой нагоняетъ его другой мужикъ и говоритъ: „куды ты идешь?“ — „А тибѣ што за дѣло“. Извѣсно, за такимъ дѣломъ идетъ, такъ не скажетъ. — „Ну, да я и такъ знаю“, говоритъ попутчикъ; „ты хошь въ Воронцовѣ у богача укрась пороза! Только не украдешь, а ищо въ острогъ попадешь. А ты вотъ што: послужи мнѣ, такъ я тибѣ пороза на дворъ пригоню“. — „Ладно“. — „Когда придешь хѣ богачу, и я за тобой швыкну на печку. Сядутъ ужинать и тибя посадятъ. Когда у сына сынъ (внукъ) будетъ чихать, ты же говори: будь здоровъ. Домашніи не скажутъ, а если не скажешь и ты, то онъ будетъ мой. Онъ ужъ и то наполовину мой“. „Идетъ“, говоритъ мужикъ, а самъ думаетъ: „вотъ принесла нелегкая попутчика; ну, да ладно!“

Приходятъ въ Воронцово прямо къ богачу въ домъ, а у его тогда ужинали. Мужикъ вошелъ, помолился образамъ и говоритъ: „здорово, хозяйева! хлѣбъ да соль!“ — „Просимъ милости“, отвѣчаетъ хозяинъ. „Сѣдись, Ефремъ, съ намъ ужинать!“ У Ефрема съ голодухи въ животъ такъ и сосетъ. Поблагодарилъ онъ хозяевъ. Оглянулсе на попутчика, а того и слѣдъ простылъ. Видно, ужъ успѣлъ ско-чить на печку.

Заужиной робѣночекъ по третьему году сошелъ на полъ и чихнулъ. — „Будь здоровъ, ангельская душинька!“ говоритъ Ефремъ. — „Быча!“ прошептало съ печи. — Робѣнокъ другоряды: „чихъ!“ — Мужикъ опять: „будь здоровъ, ангельская душинька!“ — „Быча!“ уже громче донеслось съ печи Робѣнокъ третій разъ: „чихъ!“ — А мужикъ опять свое. — „Быча!“ Закричалъ на печки кто-то да въ двери. И дверь настежь оставилъ. — „Што это за быча у насъ завелось, говорятъ въ страхъ хозяева“. А мужикъ улыбаетце: „я, гытъ, знаю“. И тутъ разсказалъ имъ все.

Поутру старикъ велѣлъ сыну запречь лошадь, навалить на возъ мѣшокъ муки и свезти хъ мужику. Да ишо далъ десять рублей. — Извѣсно, свое дитя дороже; а, вить, не всякой разъ догадаешься сказать „здрастуй“, какъ чихнетъ робѣнокъ.

Воровичскій у. 1903 г.

64. [Расправа съ любовниками].

Былъ.

Былъ такой случай, что одинъ молодецъ женился на дѣвушкѣ, взятой изъ другой волости, и такая была красавица, что всѣ на нее любовались, даже клирошане и тѣ заглядывались. Однажды около Троицы эта молодуха пришла къ обѣдни и такъ понравилась крылошанамъ, что каждый изъ нихъ желалъ познакомиться съ ней. Отошла обѣдня, и молодуха пошла домой. Около ограды нагоняетъ ее пономарь и говоритъ: „здравствуй, милая, желаю съ тобой познакомиться“. Въ отвѣтъ на это она сказала: „можно, душенька, познакомиться“. — Когда же намъ съ тобой побесѣдовать. — „А приходи въ часовъ 5 пополудни посидѣть“. — А мужъ гдѣ? — „Мужъ смолу сегодня будетъ сидѣть“. Пономарь ушелъ домой, а послѣ догоняетъ ее о. дьяконъ и спрашиваетъ: „нельзя ли съ тобой мнѣ познакомиться?“ — „Отчего-же, можно, приходи сегодня севечеръ около 5½ часовъ“. О. дьяконъ ушелъ домой. Проходитъ мимо ее батюшка (она съ подругами на рынкѣ немного позамѣшкалась), поровнялся съ ней, она подходитъ подъ благословеніе; а когда батюшка благословилъ ее, и говоритъ: „нельзя ли съ тобой, молодуха, познакомиться.“

„Отчего, батюшка, можно, приходи сегодня севечера около 6 часовъ пополудни“. Эта молодуха пришла домой и говорить мужу: „хозяинъ, у меня севечерь гостей много будетъ“. А мужъ и спрашиваетъ, что за гости будутъ; гости будутъ, такъ нужно винца припасать. А жена и говоритъ: „не надо припасать, а сами гости принесутъ вина, только пей. А теперь давай пообѣдаемъ да отдохнемъ, севечерь намъ некогда отдыхать“. Прошелъ полдень, послѣ отдыха хозяинъ съ хозяйкой поужинали. „А теперь, мужъ, говорить хозяйка, забирайся на дворъ въ солому и слушай, когда я троихъ пропущу въ избу, такъ ты черезъ дворъ выйди на улицу, а съ улицы стучись въ избу“. Мужикъ ушелъ и легъ въ солому, а хозяйка вздула огонька и сидитъ въ избѣ, ждетъ къ себѣ гостей. Слышитъ она, что у сѣней кто то постукиваетъ. Вышла она отпирать и спрашиваетъ: „кто здѣсь?“—„Это я, говоритъ пономарь, душенька“. Она впустила пономаря, а дверь на улицу опять заперла. Пономарь пришелъ въ избу и говоритъ: „ну, ставь самоваръ, а самъ кладетъ на столъ полуштофъ водки и вязку кренделей“.—„А мужъ не будетъ?“—„Нѣтъ, онъ на праздникъ уѣхалъ смолу сидѣть“. Пономарь снялъ подрясникъ и похаживаетъ по избѣ, а хозяйка ставитъ самоваръ. Черезъ полъ часа слышать они стукъ въ сѣни. Пономарь испугался и говоритъ: „куда же мнѣ спрятаться. — А одѣвай подрясникъ и полѣзай въ ларь съ мукой, тамъ и сиди“, а сама стала убирать водку и крендели въ прилавокъ. Затѣмъ пошла въ сѣни и пустила о. дьякона, который тоже съ собой принесъ полуштофъ водки и вязку кренделей, и все это кладетъ на столъ. „А у тебя ужъ самоваръ загрѣтъ?“—„Да я ужъ поджидаю Васъ“.—„А мужъ не будетъ?“—Нѣтъ, не будетъ, онъ уѣхалъ на трое сутки смолу сидѣть“. О. дьяконъ снялъ подрясникъ и сталъ расхаживать по дому, а хозяйка ставитъ на столъ самоваръ и чашки. Въ это время вдругъ послышался въ сѣняхъ стукъ. „Кто же это, хозяйшкa? — „А не знаю, о. дьяконъ. Вы, отецъ дьяконъ, одѣньте подрясникъ и садитесь вонъ туда въ ларь, гдѣ мука была“. Сама убрала водку и крендели и пошла отпирать дверь. Отецъ дьяконъ, нисколько не медля, вскочилъ въ ларь и видитъ тамъ пономаря. „Ты зачѣмъ?“—„А ты зачѣмъ, о. дьяконъ?“ Хозяйка впустила

батюшку въ избу. „А, у тебя ужъ и самоваръ на столѣ“, и самъ кладетъ полуштофъ водки и вязку кренделей. Затѣмъ снялъ подрясникъ и сталъ ходить по избѣ. Хозяйка же ходитъ около самовара. Видитъ хозяинъ, что всё трое пришли, вышелъ со двора на улицу и со всей мочиньки давай стучать въ дверь. Батюшка испугался и говоритъ: „кто же это, хозяйшка?“—„Не знаю, говоритъ хозяйка, а ты все-таки, батюшка, одѣнься, да скачи въ ларь то“. Сама убрала крендели и водку со стола и пошла открывать. Входитъ мужъ въ избу и сталъ ругать женку: „ты тутъ чай распиваешь, а мнѣ некогда, давай скорѣй бочку подъ смолу“.—„Да вонъ возьми на клѣти то“.—„А куда же я оттуда смолу то дѣну, вѣдь мнѣ нужно порожнюю. Да развѣ вылить смолу то въ ларь“. Хозяинъ ковшикомъ и сталъ выливать въ ларь смолу..., а затѣмъ мѣшокъ изъ подъ перьевъ сталъ туда же опорожнять.... Всѣхъ ихъ опачкалъ. Батюшка выходитъ оттуда и на вопросъ: кто это? отвѣчалъ: діаволъ. Тоже самое и остальные. Всѣ убѣжали домой. А хозяинъ съ хозяйкой давай распивать.

Воровичскій у. 1903 г.

65. Сказаніе о царѣ Соломонѣ.

У царя Давида много было женъ и много сыновей; но ни одного изъ нихъ онъ не назначилъ себѣ наслѣдникомъ: все ему казалось, что они не такъ умны, чтобы править послѣ него государствомъ. Часто и крѣпко подумывалъ царь Давидъ, боялся онъ, какъ бы не рухнуло послѣ него славное царство. Наконецъ, пошелъ онъ къ ворожеѣ погадать. Долго гадала ворожея и говоритъ царю: „возьми себѣ въ жены самую бѣдную дѣвушку въ твоёмъ царствѣ. Отъ нея родится сынъ, который годится тебѣ въ наслѣдники. А когда этотъ сынъ сдѣлается послѣ тебя царемъ, то онъ будетъ и мудрѣе, и богаче, и славнѣе тебя“. Такой-то мнѣ и нуженъ наслѣдникъ, подумалъ царь Давидъ, одарилъ богато ворожею и отправился домой. Послалъ царь Давидъ своихъ слугъ разыскивать по своему царству самую бѣдную дѣвушку. Долго слуги искали такую, а все не могутъ

найти: никто не жалуется на свою бѣдность: у одного денегъ много, у другого нѣтъ денегъ, такъ скота цѣлныя стада, у третьяго сыновей и дочерей была цѣлая семья, а это тоже богатство. Наконецъ, царскимъ слугамъ удалось набрести на бѣднаго пастуха; онъ жилъ на самомъ краѣ царства. У пастуха только и было добра, что одна красавица дочь и собака. Пасъ онъ стада чужихъ овецъ, а дочь и собака ему помогали. Хотя пастухъ и не жаловался на свою бѣдность, а все-таки дочь отъ него отобрали и повезли во дворецъ. Обмыли невѣсту, нарядили въ дорогое платье и представили царю. Поглядѣвъ на нее царь Давидъ да такъ и ахнулъ: ужъ больно хороша была невѣста. Повѣнчался съ нею царь и жилъ въ любви да согласіи. Черезъ годъ у него родился сынъ; его назвали Соломономъ. Мальчикъ былъ такой красивый да забавный, что царь Давидъ и прочъ отъ него не отходилъ. Придутъ къ нему бояре за какимъ нибудь дѣломъ, а онъ все съ ребенкомъ играетъ. Завидно стало прежнимъ женамъ Давида, что онъ ихъ совсѣмъ оставилъ изъ за новой жены и ея сынишка, стали онѣ смущать сердце Давида, стали ему нашептывать лукавыя рѣчи, что вотъ-де вырастетъ сынъ и будетъ онъ и умнѣе, и славнѣе, и богаче тебя. Сначала Давидъ и вниманія не обращалъ на хитрыя слова, а потомъ сталъ задумываться. Придетъ онъ поглядѣть на сына, а зависть подъ ухо и шепчетъ: „рости, рости! себѣ на голову и вырастишь. Сдѣлается онъ большимъ, такъ и будешь передъ нимъ, какъ мѣсяцъ передъ солнцемъ“. Давидъ сталъ по рѣже ходить любоваться мальчикомъ и къ себѣ не велѣлъ его пускать. Подмѣтили это жены и еще больше начали вооружать отца противъ сына и довели его до того, что онъ совсѣмъ возненавидѣлъ мальчика. „Теперь я, думаетъ царь Давидъ, и могучъ, и славенъ, а вырастетъ этотъ паршивикъ, и буду я передъ нимъ, какъ сухая трава передъ цвѣтами“. И приказалъ онъ своимъ слугамъ тайно какъ-нибудь извести маленькаго сына. Ему тогда только годъ миновалъ. Взяли слуги ребенка и увезли его далеко-далеко въ пустыню, на самый край Давидова царства. Но имъ жаль стало убивать невиннаго ребенка, и говорятъ слуги между собой: „не будемъ проливать кровь невиннаго младенца. Если угодно Богу, чтобы онъ погибъ, такъ пусть

онъ и умереть отъ руки Господней, а не нашей. А если нужно Богу сохранить его жизнь, такъ не дастъ ему погибнуть и въ пустынь“. Такъ и сдѣлали. Не стали убивать мальчика, а выкопали ему въ песку ямочку и положили его туда, а сами ушли. Полежалъ мальчикъ немного, поигралъ песочкомъ, а потомъ, какъ увидѣлъ, что онъ одинъ, и заплакалъ. Поплачетъ, заплачетъ и послушаетъ — нейдетъ-ли кто нибудь. Нѣсколько разъ принимался онъ такъ плакать. Вдругъ видитъ мальчикъ: несется прямо на него огромная собака. Онъ не испугался, а легъ лицомъ вверхъ, раскинулъ ручки и притворился мертвымъ. Прибѣжала собака и стала его обнюхивать. Онъ вдругъ обхватилъ ручки за шею собаки и закричалъ, что есть въ головѣ голосу. Испугалась собака и бросилась со всѣхъ ногъ бѣжать. А Соломонъ такъ крѣпко держитъ собаку за шею, что какъ будто приросъ къ ней. Бѣжитъ, бѣжитъ собака и остановится на минутку, понюхаетъ, потрясетъ шерстью, — не отпадаетъ мальчикъ, и опять бѣжать. Прибѣжала она къ хозяину пастуху. Тотъ и глазамъ не вѣритъ. „Что за чудо? думаетъ пастухъ: откуда мнѣ Богъ кладъ такой послалъ? Сыновей у меня не было, а была одна дочь, да и ту къ царю въ жены взяли. Видно, что Богъ мнѣ сына посылаетъ“. Обрадовался пастухъ мальчику и взялъ его къ себѣ вмѣсто сына. Растетъ мальчикъ у пастуха, играетъ, веселится, а потомъ и помогать сталъ названному отцу. Съ собакой онъ такъ подружился, какъ съ роднымъ братомъ. Потеряется, бывало, у пастуха овечка; Соломонъ сядетъ верхомъ на своего дружка и живо отыщутъ пропавшую овцу. А когда исполнилось ему 8 лѣтъ, онъ часто одинъ выгонялъ въ пустыню овецъ, и никогда не случалось, чтобы у него хоть одна пропала изъ стада или волкъ ее утащилъ.

Разъ мальчикъ сидитъ у дороги — ѣдетъ, сѣтъ, въ дудочку играетъ и вшей бьетъ. Вдругъ ѣдетъ царь въ золотой коретѣ. Увидѣлъ онъ пастушка и любопытствовалъ: что такое онъ дѣлаетъ? Царь велѣлъ остановить корету, вылѣзъ и подходитъ къ Соломону. „Что ты дѣлаешь, пастушекъ?“ спрашиваетъ царь Давидъ. Пастушекъ отвѣчаетъ: „старъ выбиваю, новъ направляю, самъ себя спотѣшаю и съ недругомъ управляюсь“. Удивился царь мудрому отвѣту, захотѣлъ онъ еще испытать Соломона. „Оцѣни, пастушекъ, сколько стоитъ

моя карета?“ А карета была такая дорогая, что и цѣны ей нѣтъ. Соломонъ держалъ послѣдній кусокъ хлѣба въ рукахъ и хотѣлъ его въ ротъ положить. Поглядѣлъ онъ на карету, поглядѣлъ на кусочекъ и отвѣчаетъ: „а вотъ этого не станетъ, такъ и этого не стоитъ“. Еще больше удивился царь Давидъ. „Ты чей?“ спрашиваетъ онъ у пастушка. „Былъ ни-чей, а теперь не знаю чей, отвѣчалъ тотъ: въ ямѣ родился, съ собакой сроднился, такъ вотъ и узнай, кто мой отецъ—песъ аль прохожій молодецъ?“ Вотъ бы мнѣ такого сына, подумалъ царь Давидъ, вспомнилъ своего мальчика и горько его пожалѣлъ. Онъ сталъ звать пастушка къ себѣ во дворецъ. „Я поѣду, отвѣчалъ пастушекъ, только разгадай мнѣ загадку: „какая разница между мною и тобою?“ Царь сильно разсердился: такъ ему обидно показалось, что самый послѣдній человѣчишка, никуда негодный пастушенка, смѣетъ себя сравнивать съ царемъ, о которомъ весь свѣтъ знаетъ. „Вотъ ты не знаешь, говоритъ мальчикъ, а я тебѣ скажу: „пастухъ караулитъ своихъ овецъ и стережетъ ихъ отъ волковъ, а царь заботится о своемъ народѣ и не даетъ никому его въ обиду“. Понялъ царь, что не насмѣшку надъ нимъ хочетъ сказать мальчикъ, а сущую правду, и еще больше полюбилъ Соломона за его мудрость. Онъ поѣхалъ къ названному отцу мальчика, пастуху, и велѣлъ ему снарядить сына въ дорогу. Сборы были не долги. Привезъ царь Соломона во дворецъ и отдалъ послѣдней женѣ. „Вотъ тебѣ, говоритъ Давидъ, сынъ. Богъ одного взялъ, а другого далъ. Береги и расти его“. Привязалась царица къ мальчику, какъ къ родному сыну. Разъ она передѣвала мальчику рубашку и увидѣла на правомъ плечѣ родимое пятнышко, какъ звѣздочка, и узнала, что это ей Богъ возвратилъ родного сына: у него точно такое пятнышко было на правомъ плечѣ. Но никому не сказала царица объ этомъ, а только еще больше привязалась къ мальчику и стала его беречь пуще своего глаза. Чѣмъ дальше, тѣмъ Соломонъ становился умнѣе и мудрѣе. А когда ему было 15 лѣтъ, онъ сталъ помогать отцу править государствомъ. Пастуха, у котораго выросъ Соломонъ взялъ пасти царскихъ овецъ. Потомъ и царь Давидъ узналъ, что найденный пастухомъ и есть его родной сынъ.

66. [К о з а].

Пошелъ козелъ лыки драть,
А коза орѣхи брать.

Пришелъ козелъ съ лыками,
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.

Добро же ты, коза,
Нашлю на тя волковъ.
Волки нейдутъ козу ѣсть.

Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.

Добро же вы, волки,
Нашлю на васъ людей.

Люди нейдутъ волковъ
гонять,

Волки нейдутъ козу ѣсть.

Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.

Добро же вы, люди,
Нашлю на васъ медвѣдь.

Медвѣдь неидетъ людей
ломать,

Люди нейдутъ волковъ
гонять,

Волки нейдутъ козу ѣсть.

Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.

Добро же ты, медвѣдь,
Нашлю на тя дубье.

Дубье неидетъ медвѣдь бить,
Медвѣдь неидетъ людей

ломать,
Люди нейдутъ волковъ

гонять,
Волки нейдутъ козу ѣсть.

Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.

Добро же вы, дубье,
Нашлю на васъ огонь.

Огонь неидетъ дубье жечь,
Дубье неидетъ медвѣдь бить,
Медвѣдь неидетъ людей

ломать,
Люди нейдутъ волковъ

гонять,
Волки нейдутъ козу ѣсть.

Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.

Добро же ты, огонь,
Нашлю на тя воду.

Вода неидетъ огонь лить

Огонь неидетъ дубье жечь,
Дубье неидетъ медвѣдь бить,

Медвѣдь неидетъ людей
ломать,

Люди нейдутъ волковъ
гонять,

Волки нейдутъ козу ѣсть.

Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.

Добро же ты, вода,
Нашлю на тя быковъ.

Быки нейдутъ воду пить,

Вода неидетъ огонь лить,

Огонь неидетъ дубье жечь,

Дубье неидетъ медвѣдь бить,

Медвѣдь неидетъ людей
ломать,

Люди нейдутъ волковъ
гонять,

Волки нейдутъ козу ѣсть.

Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.

Добро же вы, быки,
 Нашлю на васъ ножи.
 Ножи нейдутъ быковъ колоть,
 Быки нейдутъ воду пить,
 Вода неидетъ огонь лить
 Огонь неидетъ дубье жечь,
 Дубье неидетъ медвѣдь бить,
 Медвѣдь неидетъ людей

ломать,

Люди нейдутъ волковъ гонять,
 Волки нейдутъ козу ѣсть.
 Нѣтъ козы съ орѣхами,
 Нѣтъ козы съ калеными.
 Добро же вы, ножи,
 Нашлю на васъ точи.
 Точи нейдутъ ножи вострить,
 Ножи нейдутъ быковъ колоть,
 Быки нейдутъ воду пить,
 Вода неидетъ огонь лить
 Огонь неидетъ дубье жечь,
 Дубье неидетъ медвѣдь бить,
 Медвѣдь неидетъ людей

ломать,

Люди нейдутъ волковъ
 гонять,

Волки нейдутъ козу ѣсть.
 Нѣтъ козы съ орѣхами,
 Нѣтъ козы съ калеными.
 Добро же вы, точи,
 Нашлю на васъ червей.

г. Тихвинъ. 1853 г.

Черви нейдутъ точи точить,
 Точи нейдутъ ножи вострить,
 Ножи нейдутъ быковъ колоть,
 Быки нейдутъ воду пить,
 Вода неидетъ огонь лить,
 Огонь неидетъ дубье жечь,
 Дубье неидетъ медвѣдь бить,
 Медвѣдь неидетъ людей

ломать,

Люди нейдутъ волковъ
 гонять,

Волки нейдутъ козу ѣсть.
 Нѣтъ козы съ орѣхами,
 Нѣтъ козы съ калеными.
 Добро же вы, черви,
 Нашлю на васъ гусей.
 Пошли гуси червей клевать,
 Пошли черви точи точить,
 Пошли точи ножи вострить,
 Пошли ножи быковъ колоть,
 Пошли быки воду пить,
 Пошла вода огонь лить,
 Пошелъ огонь дубье жечь,
 Пошли дубья медвѣдь бить,
 Пошелъ медвѣдь людей

ломать,

Пошли люди волковъ гонять,
 Пошли волки козу ѣсть.
 Пришла коза съ орѣхами,
 Пришла коза съ калеными.

67. [Лиса и тетеревъ].

Лиса увидѣла тетерева,—на деревѣ въ лѣску сидитъ,—
 подошла къ нему и говорить: „Терентьюшко-батьюшко, при-
 ѣхала я изъ города; слышала указъ: тетеревамъ нелѣзть
 по деревьямъ, а ходить по землѣ“.—„Такъ што, я слезу. Да
 вонъ, лиса, кто то идѣтъ, да что-то на плечѣ-то несѣтъ, да

за собой что-то вѣдетъ“. — „Хвостъ не кричечкомъ ли?“ — „Да, да, кричкомъ!“ — Ахъ, нѣтъ; мнѣ нѣкогда тебя ждать; у меня ножки забнутъ да ребята дома ждутъ. Я пойду“.

г. Тихвинъ. 1853 г.

68. [Собака и волкъ].

Жилъ мужикъ съ женкою. Жили нибогато, ни бѣдно, а посредственно. У нихъ была собака, только они плохо ее кормили. Пошли они въ поле жать и взяли съ собой малинькаго ребеночка въ зыбочкѣ и поставили они его на полосѣ, на которой жали; и собака за ними тутъ же при-бѣжала. — И тутъ подбѣжалъ волкъ, собаку пымалъ и потащилъ, только что и говоритъ собака волку: „что ты меня тащишь? только душу мою погубишь; меня хозяинъ не кормить, я худехонька“. — „Я оставлю тебя, отвѣчалъ волкъ, и сдѣлаю, что хозяинъ будетъ тебя кормить; придешь ли ты тогда, какъ будешь жирная?“ Собака обѣщалась придти. — „Поди же ты, лягъ; а я унесу ребенка изъ зыбки; а ты и бѣги за мной; я тебѣ ребеночка отдамъ“. Волкъ подбѣжалъ къ зыбкѣ, выхватилъ оттуда ребенка и побѣжалъ съ нимъ. Отецъ съ матерью испужались и побѣжали за волкомъ, и собака тоже; волкъ далъ и далъ, — убѣжалъ изъ глазъ мужика, а собака все-таки бѣжитъ. Волкъ собакѣ ребеночка и отдалъ. Собака, взявши ребенка за пелѣнки, принесла его къ отцу и матери на полосу, на которой жали. Увидя отецъ съ матерью, что собака принесла ребенка, обрадовались и тутъ же собакѣ каши, и стали кормить собаку лучше себя. Волкъ, спустя времени уже не мало, пошелъ къ собакѣ, думая, „что она уже жирна, и я ее съѣмъ“. Приходитъ и говоритъ ей: „что, собака, ты теперь жирна?“ — Собака отвѣчаетъ: „жирна“. И въ то время мужика была сватьба. У него была подъязбица. Собака говоритъ: „пойдемъ, волкъ; я тебя накормлю“; и завела его въ подъязбицу. Гости тамъ веселятся, собака схватила со стола часть мяса и побѣжала къ волку. Тутъ гости закричали: „собака-то мясо унесла“. Хозяинъ говоритъ: „не трогъ; у меня собака, что хошь дѣлай“.

Собака опять вбѣгла и схватила пирогъ — туда же волку; потомъ опять вбѣгла и схватила штофъ вина — туда же къ

волку. И сталъ волкъ съ собакой пить и ѣсть. Волкъ и говоритъ собакѣ: „собака, я запѣснячу“. Собака говоритъ: „не пѣснячь, убьютъ“. Волкъ ей говоритъ: „каку ты глупость говоришь, убьютъ. Вѣдь гости пѣснячатъ, да ихъ не бьютъ же. Нѣтъ, я запѣснячу“. Собака говоритъ: „эй волкъ! не пѣснячь; убьютъ“. Волкъ говоритъ: „не слушаю, — запѣснячу“. И волкъ запѣснячилъ, и собака ему подтягаетъ. Тутъ гости услыша пришли и волка убили; а собакѣ жизнь пошла еще лучше. Она и ребенка избавила и волка пымала.

г. Тихвинъ. 1853 г.

69. [Лиса и журавль].

Лиса зазвала въ гости журавля и сдѣлала про него яичницу на *сковородѣ*; журавлю плохо клевать: яичница отъ носу лѣтеть. Лиса всё сама и слизала. Журавль и сталъ ее звать: „теперь, лиса, ко мнѣ приходи, я тебя угощу“, и сдѣлалъ про нее яичницу въ кувшинѣ; лиса попехаетъ, попехаетъ голову; нѣтъ, не лезетъ; а журавль клюетъ, сколько ему хочется, и почти всю склевалъ. Лиса пехала, пехала голову, да туда и просунула, яичницу долизала. Стала тащить голову назадъ, кувшинъ подымается, не скидается; она тащить — тащить, нѣтъ... и говоритъ: „кувшинъ, пусти, пойду объ уголъ разобью, пойду въ колодезь утоплю“; — кувшинъ все не пускаетъ. Пошла, на дорожкѣ легла: ѣдетъ мужикъ изъ городу, повѣся ноги изъ коробу; а въ коробѣ была куплена у него рыбка. Онъ слезъ да лису кнутикомъ; нѣтъ, лиса не встаетъ; а она прикинулась — будто мертва. Мужикъ, взявши кнутъ, побилъ кувшинъ около головы-то да и положилъ лису въ коробъ. Она дырку проѣла, да рыбу и выкидала, да побольше прогрызла, да и сама-то вылезла... Взяла рыбку-то и перетаскала на стожекъ; сидя тамоди и ѣсть... Бѣжитъ волкъ: „ахъ, кума, что ты ѣшь?“ — Рыбку. — „Дай-ко мнѣ“. Она и оторвало головку и бросила ему. „Ахъ, кума, хорошо; кабы еще“. Она ему дала хвостикъ. „Ахъ, кума, еще лучше; кабы еще“. Она ему дала сердечку. „Ахъ, кума, еще лучше; кабы еще“. — Поди, [конецъ утерянъ].

г. Тихвинъ. 1853 г.

70. Дѣтоубійство, наказанное змѣями.

Въ нѣкоторомъ селѣ дѣвушка полюбила одного парня и забеременѣла отъ него. Когда пришло время, то она тайно родила живаго ребенка, снесла его въ лѣсъ и тамъ зарыла въ землю. Опять начала любить парня, черезъ нѣкоторое время почувствовала себя тяжелою; изъ стыда опять таилась отъ всѣхъ, когда же родила, то младенца опять снесла въ лѣсъ и на томъ же мѣстѣ зарыла въ землю. Знакомство дѣвушки съ парнемъ продолжалось, и она забеременѣла въ третій разъ; роды произошли тайно, и опять она живаго ребенка отнесла въ лѣсъ и въ томъ же мѣстѣ зарыла въ землю. Только что дѣвушка хотѣла идти домой, какъ почувствовала въ глазахъ темноту, и ноги точно приросли къ землѣ, такъ что она не могла идти далѣе. Вдругъ слышитъ, что нѣчто стало скакать на шею живое, холодное, шипящее и начало ползать по шеѣ и по груди. Зрѣніе у нея нѣсколько прояснилось, она, ощупывая руками, съ ужасомъ и трепетомъ видитъ, что это ползаютъ три змѣи; двѣ изъ нихъ живо поползли по груди и присосались къ соскамъ грудей и начали жадно, захлебываясь, сосать молоко, неуспѣвая проглатывать—молоко съ кровью капало у нихъ изо рта; третья же змѣйка посовалась, посовалась и повѣсилась на шею; когда одна изъ змѣй насосалась и отпала, то третья змѣя начала тоже съ не меньшей жадностію сосать; когда они насытились, то спокойно обвилились вокругъ шеи. Тогда дѣвушка получила возможность идти домой. Затѣмъ, далѣе змѣи сосали у нея груди по нѣскольку разъ въ день; въ это время дѣвушка чувствовала смертельную тоску и ужасъ—это были невыносимыя боли, потому змѣи укладывались вокругъ шеи спокойно, но отнять ихъ она никогда не могла и прикрывала ихъ платкомъ. Только въ банѣ они сваливались съ шеи, и пока она мылась, а змѣи лежали на еѣ платки. — Покаялась она въ своемъ грѣхѣ людямъ и съ тѣхъ поръ давно уже ходитъ по святымъ обителямъ, умоливая свой тяжкій грѣхъ, надѣясь на милосердіе Божіе.

Череповецкій у., д. Большой Дворъ Дмитріевской вол. Отъ кр-ки Авдотьи Гладышевой. 1900 г.

71. Царскія загадки.

Въ одномъ городѣ жилъ царь, а недалеко отъ города жилъ въ приходѣ священникъ, отецъ Лаврентій. Государь былъ очень замысловатый. Однажды онъ позвалъ его къ себѣ и говоритъ ему: „вотъ что, батька, я задамъ тебѣ двѣ загадки, и ты долженъ ихъ разгадать, за что получишь отъ меня большую награду, а если не угадаешь, то будешь отъ меня въ немилости; кромѣ того, когда ты отгадаешь, то я позволяю мнѣ задать одну загадку. Мои загадки вотъ какія: 1-я—сколько верстъ до неба? 2-я—сколько стоитъ царь?—сроку тебѣ три дня, а теперь иди домой“. Сильно задумался отецъ Лаврентій, какъ ему разгадать такія большія загадки. Думалъ, думалъ и рѣшилъ, что ему своимъ умомъ не разгадать—дай-ко я пойду къ своему брату, который служитъ въ сосѣднемъ приходѣ дьякономъ и звали его тоже Лаврентій—онъ былъ уменъ и находчивъ на разныя загадки. Приѣхалъ къ нему и повѣдалъ ему свое горе; дьяконъ подумалъ и сказалъ ему: „вотъ что, братъ, пошли-ко меня къ царю, мы вѣдь такъ похожи другъ на друга—какъ двѣ капли воды—царь не узнаетъ, а можетъ быть Богъ поможетъ отгадать загадки и получить награду или наказаніе“; такъ и порѣшили. Поѣхалъ дьяконъ къ царю. Докладываютъ царю, что явился отецъ Лаврентій по приказанію. Царь зоветъ его къ себѣ и спрашиваетъ: „ну, что, отецъ Лаврентій, сколько верстъ до неба?“ Дьяконъ отвѣчаетъ: „да по моему, навѣрно, верстъ 300 будетъ“.—„Какъ смѣешь увѣрять, что именно будетъ 300 верстъ“, говоритъ царь.—„А если не вѣрите мнѣ, царское величество, то потрудитесь смѣрить сами или послать кого нибудь на небо узнать точное разстояніе“,—отвѣтилъ дьяконъ. Царь согласился: „не будемъ провѣрять, пусть по твоему будетъ. Ну, а сколько стоитъ царь?“ Дьяконъ отвѣчаетъ: „если Иисусъ Христосъ былъ проданъ за 30 серебряниковъ, то Вы на одинъ серебряникъ стоите его дешевле“. Государь разгнѣвался: „какъ ты смѣлъ такъ дешево меня оцѣнить?“ „Да, помилуйте, Ваше Царское Величество, Вы то нашъ царь земной, а Иисусъ-то Христосъ царь небесный—разница великая“. Царь успокоился: „твоя

опять правда. Ну, теперь загадывай твою загадку“. Дьяконъ и говорить: „кто я такой?“—„Какъ кто, да вѣдь ты отецъ Лаврентій“.—„Нѣтъ, Ваше Величество, я его братъ—дьяконъ Лаврентій“. Царь очень удивился и сталъ его разпрашивать и потомъ сталъ съ нимъ бесѣдовать; дьяконъ оказался умнымъ человѣкомъ; государь принялъ его нѣкоторыя совѣты къ свѣдѣнію и щедро его наградилъ и отпустилъ. Потомъ произвелъ его въ священники, далъ мѣсто при дворѣ. Когда бываетъ царю скучно, то онъ зоветъ къ себѣ бесѣдовать отца Лаврентія.

Череповецкій у., д. Верхъ Дмитріевской вол. Отъ кр-на Петра Бѣлозерова. 1900 г.

72. Въ ученьи у лѣсоваго.

У одного мужичка былъ сынъ, вотъ и не знаетъ, кому его въ ученье отдать; подумалъ да отдалъ его дѣдушку лѣсовому въ науку. У лѣсоваго было три дочки; вотъ онъ и говоритъ: „первая дочушка, истопи избушку калено на калено“. Она истопила, дѣдъ и бросилъ мальчика въ печь—тамъ онъ всяко вертѣлся. Дѣдъ вынулъ его изъ печки и спрашиваетъ: „чего знаешь-ли?“—„Нѣтъ, ничего не знаю“, отвѣтилъ мальчикъ. „Другая дочушка, истопи избушку калено на калено“, и опять бросилъ мальчика въ печь, тотъ всяко тамъ изгибался—дѣдъ вынулъ его изъ печки и спрашиваетъ: „ну, что знаешь-ли?“—„Ничего не знаю“.—„Третья дочушка, истопи избушку калено на калено“. Она истопила, онъ опять бросилъ мальчика въ печь, тотъ всяко тамъ перевернется и веретенцемъ-то, опять вынулъ его и спрашиваетъ: „ну, теперь научился-ли чему?“—„Больше твоего знаю, дѣдушко“, отвѣтилъ мальчикъ. Ученье окончено, дѣдъ лѣсовой и заказалъ батьку, чтобы онъ приходилъ за сыномъ. Отецъ пришелъ, а дѣдъ ему сказалъ: „приходи завтра“, а мальчикъ и говоритъ: „дѣдушко, я пойду, попровожу тятку“, а по дорогѣ и наказываетъ: „вотъ что, тятка, когда ты завтра придешь, то дѣдъ на-

ведетъ 12 соплеватыхъ парней, и всѣ они будутъ вынимать платочки изъ лѣвыхъ кармановъ, а я выну изъ праваго кармана“. На завтра по приходѣ отца дѣдъ вывелъ соплеватыхъ парней, и батько узналъ сына по примѣтѣ, сказанной заранѣе. Ну, дѣлать нечего; пришлось лѣсовому отпустить парня изъ науки. Пошолъ батько съ сыномъ домой, а на толчеѣ сидитъ ворона и граетъ во все горло. Отецъ и говоритъ: „ты много теперь знаешь—такъ скажи мнѣ, о чемъ ворона каркаетъ?“ — „Ахъ, тятя, тятя, я бы тебѣ сказалъ, да ты осердишься“. — „Ахъ ты, кормилецъ, я три года яичка не съѣдалъ,--все берегъ тебя выкупить.“ — „Ну, такъ слушай, тятя: ворона на своемъ языкѣ каркаетъ о томъ, что мнѣ когда-то придется ноги водою мыть, а тебѣ достанется эту воду пить“; отецъ на него прогнѣвался, а сынъ ему и говоритъ: „если ты на меня осердился, тятя, такъ веди меня продавать жеребчикомъ, выручай деньги, только съ обратью не продавай“. Отецъ свелъ жеребчика на ярмарку продавать—гдѣ ни взялся этотъ дѣдъ-учитель и покупаетъ жеребчика. „Что возмешь за жеребчика?“ а отецъ и говоритъ: „сто рублей — только обратку назадъ“; дѣдъ отдалъ деньги и взялъ коня. Отецъ пошолъ и заплакалъ и про себя говоритъ: „сына отдалъ, а деньги взялъ“, обернулся назадъ; а сынъ и бѣжитъ къ нему: „что, тятка, полно-ли денегъ?“ — „Не хуже бы еще, кормилецъ, еще“. — „Ну, такъ я опять обернусь жеребчикомъ—веди продавай“. Какъ свелъ отецъ жеребчика на ярмарку, гдѣ ни взялся дѣдъ опять покупаетъ: „дорогъ-ли твой жеребчикъ?“ — „Давай сто рублей“. Ну, продалъ, обратки не вырядилъ—дѣдъ не отдаетъ ему—спорили, спорили, отецъ и говоритъ: „дѣлать нечего—моя вина“. Пошелъ домой и заплакалъ: „экой я глупой да неразумный, до старости дожилъ, а ума не нажилъ: деньги-то проживешь, а сына-то не наживешь“; повернулся назадъ—не бѣжитъ-ли назадъ сыночекъ—нѣтъ, не видать. Лѣсовой-же дѣдъ гонялъ да гонялъ жеребчика — всего спарилъ, одной шерстинки не осталось сухой, подогналъ къ своему дому, привязалъ къ крыльцу, а самъ сѣлъ обѣдать; разъ хлѣбнетъ да и глядитъ въ окошко. Идетъ царева дочь на родникъ за водой, а жеребчикъ и говоритъ: „вылей на меня ведро воды, царевна, очень я сопрѣлъ“; она вылила на него, а конь обратился рыбкой ершомъ да и бухъ въ род-

никъ, а дѣдъ оборотился щукой да за нимъ; щука хотѣла схватить ерша, да ершъ показался ей костоватымъ, да вдругъ и оборотился кольцомъ и скакнулъ въ ведро царевой дочкѣ. Она надѣла кольцо на руку и днемъ носить кольцомъ, а ночью спитъ съ молодымъ. Дѣдъ про это узналъ, взялъ рожокъ и пошелъ къ цареву дому играть; царю игра больно полюбилась, зазвалъ его въ свой дворецъ и говорить: „выиграй и разведи, что есть въ моемъ домѣ и въ моемъ царствѣ новаго“, а дѣдъ играетъ и разводитъ: „твоя дочь днемъ играетъ кольцомъ, а ночью спитъ съ молодымъ“. Этотъ молодецъ, который сидитъ на рукѣ кольцомъ, и шепчетъ царевой дочери: „отецъ у тебя будетъ просить кольцо, такъ ты не отдавай меня, а если будетъ приступать непомѣрно, то ты возьми изругайся и кольцо брось на полъ, оно и разсыплется на пять частей, одна частичка подкатится тебѣ подъ ногу, а ты возьми и приступи“. Ну, такъ и сдѣлалось, а дѣдъ обернулся пѣтухомъ и склевалъ остальные частички и остался ни съ чѣмъ, а молодецъ обвѣнчался съ царской дочерью. Спустя много времени, отецъ и приходитъ попросить; сынъ подалъ ему милостыню и спрашиваетъ: „ты, дѣдушко, откуда?“—„Дальній, кормилецъ“.—„Такъ ночуй у насъ“. Старикъ остался ночевать и легъ на печьку, да ночью гораздо и сопрѣлъ и вышелъ остудиться, а въ сѣняхъ стоитъ вода, онъ взялъ этой водицы и попилъ. Встали по утру, а сынъ его и спрашиваетъ: „ты, дѣдушко, ходилъ ночью до вѣтру и попилъ воды въ сѣняхъ?“ старикъ отвѣчалъ: „вѣрно, кормилецъ“.—„Ну такъ, дѣдушко, ты мнѣ отецъ, а я тебѣ сынъ, я въ этой водѣ ноги мылъ, а ты пилъ; помнишь, когда шолъ я изъ ученья отъ дѣдки лѣсоваго, а ворона каркала, я тебѣ это предсказалъ, а ты прогнѣвался: ну, однимъ словомъ, ты мнѣ отецъ, а я тебѣ сынъ, оставайся у меня жить, я тебя допою и докормлю и твою кость похороню“. Такъ вотъ сколь уменъ и мудренъ лѣсовой дѣдушко: захочешъ—всему научить, а прозѣваешь—кожу слупить.

Череповецкій у., д. Карпова Дмитріевской вол. Отъ кр-ки Матрены Сергуниной. 1900 г.

73. Лѣсовой-людоедъ.

Давно это было, — въ нашемъ лѣсу жилъ въ глухомъ мѣстѣ лѣсной сторожъ съ женой. Она забеременѣла. Однажды мужъ куда-то отлучился по дѣламъ, она въ его отсутствіе родила дѣвочку, а „кститъ“ некому. Вдругъ наверху какой-то странникъ-старикъ, женщина позвала его въ „божатки“, тотъ согласился и тутъ-же домашнимъ образомъ „окстили“. Прощаясь съ женой, старикъ сказалъ, гдѣ онъ живетъ и какъ его найти, и наказалъ послать къ нему крестницу, когда она подрастетъ. Воротился мужъ; она рассказала ему этотъ случай и объ немъ впослѣдствіе забыли. Дѣвочка стала подрастать и превратилась въ настоящую дѣвицу. Однажды и спрашиваетъ мать: „гдѣ живетъ мой божатушко?“ Мать отвѣчаетъ, что онъ живетъ далеко и ей не найти, а дѣвушка настойчиво запросилась къ нему въ гости. Мать рассказала, гдѣ онъ живетъ, и съ согласія отца отпустила въ дорогу.

Долго шла дѣвушка, попадаетъ ей на встрѣчу обозъ весь бѣлый: лошади бѣлыя, телѣги, кладъ и извозчики — все бѣлая. Она спрашиваетъ: „откуда вы ѣдите?“ — „Мы ѣдемъ отъ твоего божатушки съ кладью“. — „Ладно ли я къ нему иду?“ Извозчики рассказали ей дорогу и разошлись. Приходитъ она наконецъ въ лѣсъ и видитъ, стоитъ домъ ея крестнаго отца. Приближается къ нему и видитъ, что дверь приперта человѣческой ногой. Она ногу безъ страха отодвинула прочь, отворила дверь и вошла въ домъ — никого нѣтъ. Бросается ей въ глаза кадушка, а въ ней полнехонько крови, смотритъ на печку — тамъ повѣшены голова и руки человѣческія, заглядываетъ въ голбецъ и видитъ тамъ брюшину и кишки; осматриваетъ въ печкѣ и замѣчаетъ, тамъ жарятся въ плошкѣ женскія титки. Вдругъ входитъ крестный, дѣвушка обращается къ нему: „здравствуй, божатушко“. — „Здорово, крестница“. Дѣвушка доверчиво обращается къ нему: „а я безъ тебя все высмотрѣла въ домѣ“. — „Ну и ладно“, говоритъ старикъ. — „А для чего это у тебя, божатушко, нога у двери?“ Онъ отвѣчаетъ: „это

у меня золотой замочикъ“.—„А кадушка съ кровью?“—„Это у меня квасокъ“.—„А голова и руки на печкѣ?“—„Это у меня вялится говядина“.—„А зачѣмъ брюшина въ голбцѣ?“—„Это солонина къ лѣту“.—„А титьки въ печкѣ зачѣмъ?“—„Это любимое мое жаркое на сегодняшній обѣдъ--не хочешь ли и ты поѣсть?“ Она согласилась. Онъ вынулъ изъ печки жаркое и стали ѣсть—она осторожно, а онъ съ жадностію началъ хватать. Окончивъ титьки, онъ бросился на свою крестницу и началъ глотать у нея груди, а потомъ съѣлъ её всю живьемъ, не выходя изъ за стола.

Череповецкій у. д. Вольшой Дворъ Дмитріевской вол. Отъ кр-ки Авдотьи Гладышевой. 1900 г.

74. Колокольный манъ - красный колпакъ.

Въ одномъ селѣ жилъ мужичекъ съ дочкою дѣвицею, которая считалась полудурочкою и была гораздо неопытна—подъ носомъ у нея постоянно висѣли сопли. Вотъ онъ однажды зазвалъ къ себѣ швецовъ для починки и шитья платья. Шили они нѣсколько дней. Въ одинъ изъ вечеровъ швецы начали надъ дѣвушкой подшучивать и называли её трусихой и между прочимъ сказали, что ей не сходить ночью на колокольню; она заспорила, что можетъ сходить и даже позвонить. Они начали её еще больше подзадоривать; она съ досадою одѣлась и ушла; была полночь. Приходитъ сначала на кладбище, а потомъ приближается къ колокольнѣ, входитъ на первую лѣстницу и видитъ, кто-то тамъ сидитъ въ колпакѣ—луна немного отсвѣчивала; она подумала, либо это манъ, а то и покойникъ, и говоритъ: „пусти меня на колокольню“,—манъ отвѣчаетъ: „не пущу“, она ему съ угрозою: „я съ тебя сорву красный колпакъ“, сдернула съ него колпакъ и побѣжала домой. Приходитъ въ свою избу и съ насмѣшкой обращается къ швецамъ: „нате поглядите, я была на колокольнѣ и даже сорвала съ кого-то колпакъ“. Швецы переглянулись между собой и сказали „ай-да, дѣвка, молодецъ!“ Вдругъ подъ окномъ раздался голосъ: „отдай мой красный колпакъ, отдай мой красный колпакъ“. Швецы и хозяинъ стремительно бросились кто на печку, кто на полати, и тамъ притаились и.

шепчуть оттуда: „поди, отдай, дура, колпакъ, а то намъ всѣмъ худо будетъ“; голосъ за окномъ опять повторяетъ: „отдай мой красный колпакъ“. Дѣвушка рѣшилась, вышла въ сѣни и потомъ на крыльцо и протянула руку съ колпакомъ,—манъ схватилъ её за руку, а потомъ взялъ поперекъ и разорвалъ на двое.—Ночью ни отецъ, ни шведы не смѣли выдти, а утромъ её и нашли около крыльца разорванною пополамъ.

Череповецкій у., д. Большой Дворъ Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Авдотьи Гладышевой. 1900 г.

75. Звѣри въ решетѣ.

Бѣхалъ мужикъ съ решетомъ и урбнилъ его, а решето покатилося и вверхъ донышкомъ поворотилось. Летитъ муха и говоритъ: „хорошъ теремъ, пригожъ теремъ“, и сѣла въ него. Летитъ комаръ и говоритъ: „хорошъ теремъ, пригожъ теремъ, кто въ этомъ терему живетъ?“—„Муха полетуха; а ты кто?“—„Я комаръ пищеляга“.—„Такъ полѣзай сюда“. Бѣжитъ мышъ и говоритъ: „хорошъ теремъ, пригожъ теремъ, кто тутъ живетъ?“—„Муха полетуха, комаръ пищеляга, а ты кто?“—„Я мышъ-торочайка“.—„Такъ полѣзай сюда“. Идетъ заяцъ и говоритъ: „хорошъ теремъ, пригожъ теремъ, кто тутъ живетъ?“—„Муха полетуха, комаръ пищеляга и мышъ торочайка, а ты кто?“—„Я заяцъ - полевая прикраса“.—„Такъ полѣзай сюда“. Бѣжитъ волкъ и говоритъ: „хорошъ теремъ, пригожъ теремъ, кто въ немъ живетъ?“ „Муха-полетуха, комаръ пищеляга, мышъ торочайка и заяцъ полевая прикраса, а ты кто?“—„А я изъ-за куста хамъ“.—„Такъ полѣзай сюда“. Валитъ медвѣдь и рычитъ: „хорошъ теремъ, пригожъ теремъ, кто въ этомъ терему живетъ?“ „Муха полетуха, комаръ пищеляга, мышъ торочайка, заяцъ полевая прикраса и изъ-за куста хамъ, а ты кто?“—„Я нагнѣтъ“; взялъ всѣхъ и раздавилъ въ решетѣ.

Череповецкій у. Отъ к-ки Аксиньи Юдиной. 1900 г.

76. Дѣвка съ лычкомъ и звѣри.

Жила была одна дѣвка, никого у нея родныхъ не было она думала, думала, что ей дѣлать, взяла лычко и пошла, куда глаза глядятъ. Приходитъ въ одну деревню, зашла въ избу и попросилась ночевать—ее оставили, она и говоритъ: „куда бы мнѣ свое лычко положить?“—„Положи свое лычко къ нашимъ лычкамъ“.—„Нѣтъ, не положу: мое лычко не любитъ лежать съ лычкомъ, а любитъ лежать съ ремешкомъ“.—„Ну ладно, клади къ ремешку“. На утро встаетъ дѣвка и беретъ вмѣсто лычка ремешокъ, ей и говорятъ: „что ты, дѣвка, дѣлаешь?“—„Беру свой ремешокъ“.—„Да что ты, ремешокъ не твой, а нашъ“.—„Какъ вашъ—мой“, спорили, спорили, не могли дѣвку переспорить, взяла ремешокъ и пошла. Приходитъ въ другую деревню, заходитъ въ избу и просится ночевать: „ночуй, дѣвка!“—„А куда бы мнѣ положить свой ремешокъ?“—„Клади на полку“.—„Нѣтъ, я не люблю класть на полку, а лучше положу къ барашку, который тутъ въ уголку“.—„Ну, клади къ барашку“. На утро встаетъ дѣвка и беретъ барашка съ собой. „Что ты, дѣвка, дѣлаешь?“—„Беру своего барашка“.—„Какой-же у тебя барашикъ, вѣдь у тебя былъ ремешокъ“, спорили, спорили, не могли ее переспорить и отдали ей барашка. Опять дошла дѣвка до деревни, зашла въ избу, попросилась ночевать, ее оставили, она и спрашиваетъ: „куда бы мнѣ своего барашка поставить?“—„Поставь къ нашимъ барашкамъ“. Поставила она, а къ овечкамъ; на утро встаетъ, беретъ съ собой овечку—„что ты, дѣвка, дѣлаешь?“—„Беру овечку“.—„Да у тебя вѣдь не овечка была, а барашикъ“.—„Нѣтъ, овечка“, спорили, спорили, не могли дѣвку переспорить, отдали ей овечку. Пошла дѣвка, дошла до другой деревни, зашла въ избу, просится ночевать—„ночуй“, говорятъ.—„А куда бы мнѣ поставить свою овечку?“—„Да поставь съ нашимъ овечкамъ“.—„Нѣтъ, моя овечка любитъ стоять съ коровушкамъ“.—„Ну, поставь съ коровушкамъ“. На утро встаетъ дѣвка и беретъ съ собой коровушку. „Что ты, дѣвка, дѣлаешь?“—„Беру свою коровушку“.—„Да вѣдь у тебя была овечка, а не коровушка“.—„Нѣтъ,

коровушка;“ спорили, спорили, не могли дѣвку переспорить, отдали ей коровушку. Повела дѣвка коровушку. Шла, шла, приходитъ въ деревню, просится ночевать, пустили ее ночевать. „А куда бы мнѣ пустить коровушку?“—„Пусти къ нашимъ коровушкамъ“.—„Нѣтъ, моя коровушка любитъ стоять съ лошадушкамъ“.—„Ну, пусти къ лошадамъ“. На утро встала дѣвка и беретъ съ собою лошадку. „Что ты, дѣвка, дѣлаешь?“—„Веру лошадку“.—„Какая же у тебя лошадка, вѣдь у тебя была коровушка“.—„Нѣтъ, у меня была лошадка;“ спорили, спорили до слезъ, не могли дѣв(к)у переспорить, отдали ей лошадку. Запрягла дѣвка лошадку въ дровни и поѣхала. Попадаетъ ей навстрѣчу заяцъ: „куда, дѣвка, поѣхала?“—„Въ лѣсъ по дрова“.—„Возьми меня съ собою?“—„Садись; только пой мнѣ пѣсню“.—„Какую же тебѣ спѣть пѣсню?“—„А вотъ я тебя сейчасъ научу: „было у дѣвки лычко, я его промѣняла на ремешокъ, а на ремешокъ вымѣняла барашка, а барашка промѣняла на овечку, а овечку вымѣняла на коровушку, а за коровушку выспорила лошадушку“; заяцъ сѣлъ и запѣлъ. Ъхали, ѣхали, попадаетъ лисица: „куда поѣхали?“—„За дровамъ въ лѣсъ“.—„Возмите меня съ собою“. „Садись, только спой намъ пѣсню“. Лиса сѣла и запищала ту же пѣсню. Поѣхали дальше, скачетъ волкъ: „куда поѣхали?“—„Въ лѣсъ по дрова“. Возмите меня съ собою“.—„Ладно, садись, только спой намъ такую то пѣсню“. Волкъ сѣлъ и завылъ пѣсню. Ъдутъ дальше, на встрѣчу переваливается и медвѣдь.—„Куда поѣхали, земляки?“—„Въ лѣсъ по дрова“.—„Возмите меня съ собою“.—„Ладно, садись, только спой намъ пѣсню такую то“. Медвѣдь сѣлъ и заревѣлъ пѣсню; только тронулись, вдругъ трахъ! оглобля лопнула; что дѣлать—остановились. Побѣжалъ заяцъ въ лѣсъ, тащитъ сучекъ—. „Что ты, заяцъ, дѣлаешь“, говоритъ дѣвка, какая же это оглобля; бросилась лисица въ лѣсъ—тащитъ палочку. „На, дѣвка, палку“.—„На что мнѣ палку: мнѣ надо оглоблю; бѣги ты, волкъ“. Поскакалъ волкъ и тащитъ молодое деревцо. „На дѣвка, деревцо“.—„Ахъ, какой ты волкъ! Мнѣ нужно оглоблю, а ты несешь деревцо, бѣги ты, медвѣдь“. Повалилъ медвѣдь, выворотилъ съ корнемъ деревину и претъ. „На, дѣвка, цѣлую тебѣ деревину“. „Что ты, медвѣдь, на что мнѣ деревина: мнѣ нужно оглоблю“.—„Не знаю я, какая

тамъ оглобля“. Побѣжала сама дѣвка въ лѣсъ вырубать оглоблю, а пока она ходила за этимъ дѣломъ, ея сѣдоки заяцъ, лисица, волкъ и медвѣдь уговорились съѣсть у дѣвки лошадку, такъ они сильно проголодались: содрали кожу съ лошади, а мясо поѣли, а лошадинную то кожу набили снѣгомъ, зашили и поставили какъ будто живую лошадь, а сами убѣжали въ лѣсъ. Приходить дѣвка съ оглоблей, наладила ее, запрягла, сѣла на дровни, стегнула лошадь, она упала, тутъ только дѣвка увидѣла предательство звѣрей, а они ужъ были далеко. Такъ дѣвка и осталась съ одной лошадиной шкурой, и то хорошо.

Череповецкій у., д. Большой Дворъ Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Авдотьи Гладышевой. 1900 г.

77. Никола дуплинскій.

Жилъ мужикъ съ бабой; замѣтилъ онъ, что его баба завела любовника. Вотъ однажды онъ пошолъ въ лѣсъ и нашолъ тамъ дупло и придумалъ сказать своей женѣ, что онъ нашолъ дупло, а въ немъ угодника Николу Дуплинскаго. Приходить домой и говорить: „ой, matka, matka, я въ лѣсу видѣлъ чудо: нашолъ дупло, а въ немъ сидитъ Никола дуплинскій, у него чего попросишь, то и дастъ: хотъ мужа уморить, хотъ ослѣпить, хотъ меня, хотъ тебя, все сдѣлаетъ, только молись ему“. Вотъ баба и пошла одной дорогой, а мужъ другой кратчайшей—впередъ ее и сѣлъ въ дупло; вотъ баба пришла и встала на колѣни передъ деревомъ и молится: „батюшка, Никола дуплинскій, умори моего мужа, а то ослѣпи“, а изъ дупла слышится: „уморить не уморю, а ослѣплю; ты вотъ что сдѣлай: навари каши помаслянѣ, онъ будетъ ѣсть и скажетъ: что то, matka, я худо вижу, такъ ты ему еще полей масла“. Пошла она домой одной дорогой, а онъ другой. Приходить домой, а онъ ужъ на печи лежитъ; баба и спрашиваетъ мужа: „ай, батько, батько, развѣ печьку то затопить да каши сварить“. Состряпала она кашу да въ чашку и наклала, а онъ сидитъ да ѣсть и говоритъ ей: „что то, matka, я худо вижу“, а она отъ прилавка-то разбѣжалась да еще лenuла масла, а онъ закричалъ: „ой, matka, я нисколько не вижу, навѣрно,

ослѣпѣ, сведи меня на печьку, да подай-ко мнѣ ружье, хоть я соскуки пострѣляю“. Она и подала ему ружье. Мужикъ выглядываетъ изъ-за трубы, а къ ней пришелъ другъ; а у бабы ужъ ранѣ шанекъ для него было наравлено. Баба и говоритъ своему другу: „погоди безъ масла-то шаньки ѣсть, я за масломъ сбѣгаю“; она убѣждала за масломъ, онъ сталъ ѣсть шаньку, а мужъ-то и выстрѣлилъ въ него да въ ротъ шаньку и запехнулъ, баба пришла съ масломъ, посмотрѣла на друга; видитъ, онъ мертвъ, и сказала: „вѣдь я говорила тебѣ, что не ѣшь безъ масла, ну и подавился“.

Череповецкій у., д. Бузакова Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Аксиньи Юдиной. 1900 г.

78. Невѣрная жена.

Жилъ одинъ купецъ съ женой, они такъ любили другъ друга, что поклялись одинъ другому, что если помретъ впередъ мужъ, такъ жена ляжетъ съ нимъ вмѣстѣ въ могилу, а если жена помретъ впередъ, то мужъ ляжетъ съ ней вмѣстѣ въ могилу. Сколько тамъ время прошло, помираетъ жена, приходится мужу ложиться въ одинъ гробъ съ женой. Онъ роздалъ все свое имѣніе своимъ роднымъ. Гробъ съ тѣломъ жены вынесли въ церковь, и онъ пошелъ туда читать по своей женѣ; онъ читалъ, читалъ, вдругъ слышится голосъ: „вырви изъ книги тотъ листъ, который читаешь, и натри этимъ листомъ свою жену“, онъ такъ и сдѣлалъ. Вдругъ она открываетъ глаза и говоритъ: „охъ, какъ я долго проспала“, а мужъ и говоритъ: „ахъ ты, моя милая, я такъ радъ, что ты очнулась—вѣдь ты была совсѣмъ померши“. На утро открылъ сторожъ церковь и узнаетъ, что покойница ожила. Пришли они домой и стали жить по старому. Вдругъ въ ихнее мѣсто приходитъ полкъ солдатъ, поставили всѣхъ по квартирамъ, а къ нимъ просится на квартиру полковникъ. У нее мужа дома не было, она и пустила этого полковника, онъ простоялъ сутки, а купчиха и влюбилась въ этаго полковника. Полку нужно было уходить, а полковникъ и говоритъ купчихѣ: „гдѣ мы остановимся, токъ я тебѣ напишу письмо—ты и пріѣзжай ко мнѣ“,

они простились, онъ отправился со своимъ солдатамъ. Прошло время съ недѣлю, пріѣзжаетъ мужъ домой, она ему и говоритъ, что ей приснился сонъ, чтобы она ѣхала въ такой-то городъ и тамъ въ церквѣ отслужила бы молебенъ. Мужъ и отвѣчаетъ: „возьми лошадей и поѣзжай въ городъ съ Богомъ“. Она поѣхала съ кучеромъ въ тотъ городъ, въ которомъ находился полковникъ, и велѣла кучеру подвести къ собору и тутъ её дожидаться, а сама пошла въ другія двери, да къ полковнику на квартиру. Кучеръ ждалъ, пока не окончится служба — народъ вышелъ изъ церкви, а хозяйки и нѣту, поискала, поспрашивала, явку подала, а ее все нѣтъ, такъ и поѣхалъ домой. Пріѣзжаетъ и объявляетъ хозяину, что не знаетъ, гдѣ хозяйка. Купецъ и говоритъ: „вѣрно, Богъ далъ — Богъ и взялъ“. Раздумался купецъ: „раздамъ я свое имущество и пойду въ солдаты охотой“. Поступилъ онъ на службу подъ фамиліей Иванова и попалъ въ деньщики къ этому полковнику. Полковникъ залюбилъ своего деньщика. А хозяйка полковника пачала своего мужа признавать въ деньщикѣ. Однажды полковникъ пошелъ на службу, а хозяйка его зазвала деньщика въ домъ, напоила его пьянаго и приказала кухаркѣ его вытащить вонъ, кухарка вытащила его вонъ, перемарала его всего и опять велѣла притащить и положить на ихнюю кровать, а сама себя перецарапала. Приходитъ полковникъ и удивляется, что она вся въ крови, она и говоритъ: „это виноватъ твой деньщикъ: онъ напился пьяный и чуть меня не зарѣзалъ—вонъ посмотри, онъ лежитъ на нашей кровати весь въ крови“. Полковникъ приказалъ взять деньщика солдатамъ на губвахту. Ивановъ проспался, и къ нему приставили часового. Онъ и спрашиваетъ: „почему я сюда попалъ?“ А солдатъ и отвѣчаетъ: „что ты полковницу изрѣзалъ, и полковникъ хочетъ тебя разстрѣлять“. Ивановъ и говоритъ солдату: „вотъ что, мой другъ, я тебя попрошу: когда меня разстрѣляютъ и похоронятъ, то ты разрой могилу и натри меня вотъ этимъ листомъ“. Солдатъ обѣщался это исполнить. На другой день его разстрѣляли и похоронили, а полковница и говоритъ: „эти солдаты хитрые, его надо покараулить“. Бывшій часовой около Иванова и сталъ проситься покараулить могилу. Товарища себѣ нашолъ пьянаго—онъ проспалъ всю ночь, а самъ разрылъ могилу и потеръ даннымъ

листомъ изъ книги Иванова, и тотъ ожилъ и поблагодарилъ солдата за услугу, взялъ листокъ и пошелъ странствовать. Нѣсколько время ходилъ и узналъ, что нездоровъ государь и что доктора не знаютъ, что съ нимъ дѣлать. Онъ и пошелъ въ то царство и заявилъ, что онъ можетъ вылѣчить государя. Доложили государю; тотъ приказалъ его привести къ себѣ и сказалъ, что „если ты меня вылѣчишь, то бери, что тебѣ надо, а если не вылѣчишь, то тебѣ будетъ смертная казнь“. Ивановъ взялся государя вылѣчить, взялъ и натеръ государя листкомъ изъ книги. Государь всталъ и пошолъ, какъ ни въ чемъ не бывало, совершенно здоровымъ. Предлагаетъ ему за лѣчение, чего онъ хочетъ. Ивановъ и говоритъ, чтобы государь поѣхалъ въ такой-то городъ и разжаловалъ бы тамъ полковника. Государь и поѣхалъ въ тотъ городъ, а тамъ и узнали, что скоро будетъ государь. Началось приготовленіе къ встрѣчѣ. Этотъ самый полковникъ потребовалъ своихъ солдатъ, поставилъ ихъ въ ширинку — государь подѣхалъ и съ нимъ Ивановъ, и сталъ подхитрять солдатъ „что это неладно и то нехорошо, а полковникъ и говоритъ Иванову: „что это не ваше дѣло, Государь самъ не подхитряетъ, а вы подхитряите“. Государь тутъ-же разжаловалъ полковника въ солдаты и приказалъ привести его жену и разстрѣлять на воротахъ, а чинъ полковника пожаловалъ Иванову.

Череповецкій у. д. Плюскина Дмитріевской вол. Отъ кр-ки Татьяны Сидоровой. 1900 г.

79. Смерть и солдатъ.

Одинъ солдатъ служилъ три года и стосковалъ по дому и задумалъ убѣжать, что и исполнилъ. Дорогой раздумался: какъ это я три года служилъ, а царя не видалъ, взялъ и воротился. Приходить къ царю и говоритъ: „Ваше Величество! я три года служилъ, а васъ не видалъ и пустился въ бѣга, а теперь воротился Васъ посмотреть“. Царь его не наказалъ, а далъ ему три деньги: одну на табакъ, другую на вино, а третьею на хлѣбъ, и отпустилъ домой. Шелъ онъ дорогой и сѣлъ отдохнуть, проходитъ одинъ старичекъ (это былъ ангелъ) и просить подаянія; солдатъ говоритъ:

„да у меня всего три деньги на табакъ, на вино и на хлѣбъ, впрочемъ, возьми одну деньгу: мнѣ кто нибудь дать покурить“, и разстались. Черезъ нѣкоторое время опять попадаетъ солдату этотъ старичекъ и просить подавня, солдатъ отдалъ ему вторую деньгу, говоря что онъ найдетъ выпивку и такъ. Идетъ дальше, опять встрѣчается знакомый старичекъ и просить деньгу, солдатъ отдалъ ему и послѣднюю деньгу, говоря, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей—кто нибудь да накормить. Заходитъ въ питейный домъ, просить покурить и немножко вина—ему не даютъ; дальше зашелъ въ одинъ домъ и просить у хозяевъ хлѣба—ему отказали. Пошелъ своей дорогой и призадумался. Попадаетъ въ четвертый разъ старичекъ и спрашиваетъ: „ну какъ, солдатъ, поживаешь?“—„Да что, нахожусь безъ денегъ и голодный—понадѣялся на людей, да и напрасно“. Старичекъ даетъ ему мошонку съ деньгами, обрадовался солдатъ и спасибо сказалъ. Пошелъ по бѣлу свѣту, испыталъ всякія удовольствія, а въ мошонкѣ не убываетъ; въ концѣ концовъ все-таки она опустѣла. Вотъ однажды идетъ онъ лѣсомъ и видитъ большой и красивый домъ, а не подалеку отъ него простая изба; входитъ въ избу, здороваются съ хозяевами и спрашиваетъ: „чей это домъ?“ Хозяева говорятъ, что „нашъ, да мы въ немъ не живемъ, потому что въ дому очень манить“.—„Пустите меня туда, я всѣхъ мановъ выведу“.—„Батюшка нашъ, мы тебѣ будемъ благодарны и до смерти тебя докормимъ“.—Сперва солдатъ заказалъ нѣсколько желѣзныхъ кнутовъ; когда ихъ изготовили, пошелъ ночевать въ большой домъ и тамъ расположился ожидать, что будетъ. Вдругъ въ полночь выскакали черти со всѣхъ сторонъ и прямо летятъ къ нему; онъ открылъ пустую мошонку, а черти одинъ по одному стали смирно забираться въ мошонку, онъ зажалъ рукой, взялъ желѣзный кнутъ и началъ выпускать по одному чертенку и каждого отжаривалъ кнутомъ на славу, а одному чертенку глазъ выстегнулъ. На утро приходитъ къ хозяевамъ и рассказываетъ, что онъ очистилъ домъ отъ мановъ, и всѣ перешли туда жить. Солдатъ въ полномъ довольствѣ прожилъ года три, затѣмъ захворалъ и померъ; душу его принялъ ангелъ и полетѣлъ съ нею на небо. Прилетаютъ къ вратамъ рая, душа принимаетъ оболочку солдата, и онъ спрашиваетъ: „это что

такое?“ „Рай“ отвѣчаетъ ангелъ, „а даютъ тамъ табакъ, вино и хлѣбъ?“, ангелъ отвѣчаетъ: „табаку и вина тамъ нѣтъ, а хлѣбъ есть“. „Ну такъ я не пойду въ рай“. Ангелъ въ отвѣтъ: „я такъ и доложу Богу“.

Солдатъ обернулся въ другую сторону и видитъ, ворота чернѣются и спрашиваетъ: „это что тамъ такое?“—„Адъ“ отвѣчаетъ ангелъ. Солдатъ направился туда, входитъ и видитъ множество чертей; увидѣвъ солдата, черти переполошились и узнали его, а одинъ чертенокъ зокричалъ: „это онъ мнѣ глазъ выстегнулъ“.—Самъ сатана завылъ: „гоните его вонъ“. Черти не смѣютъ подступить, сатана приказываетъ: „бейте въ барабаны—онъ убѣжалъ со службы, испугавшись барабаннаго боя“; грянулъ барабанный бой и солдатъ убѣжалъ изъ ада. И такъ въ рай не пошолъ самъ, а изъ ада выгнали и началъ болтаться солдатъ между адомъ и раемъ. Вотъ однажды сидитъ онъ у воротъ рая, а мимо него идетъ смерть, онъ спрашиваетъ: „куда ты идешь?“ Смерть отвѣчаетъ ему: „иду къ Богу спросить, какихъ мнѣ людей морить“. Солдатъ говоритъ: „посиди тутъ, а я за тебя схожу къ Богу и спрошу“, смерть согласилось. Приходитъ солдатъ къ Богу и говоритъ: „Господи Боже, смерть послала меня спросить, какихъ людей ей морить?“ Богъ отвѣчаетъ: „скажи ей, чтобы шла старыхъ людей морить“. Солдатъ приходитъ къ смерти и говоритъ: „Богъ велѣлъ тебѣ два года старое дубье грызть“. — Смерть ушла. Ангелъ опять солдата звалъ въ рай, но тотъ безъ табаку и вина отказался. Продолжаетъ опять солдатъ мотаться не въ тѣхъ не въ сѣхъ. Минуло два года, является смерть за приказаніемъ къ Богу. Солдатъ опять вызвался сходить за нею и спрашиваетъ у Бога, „Господи, смерть послала меня узнать, какихъ ей теперь людей морить“. Богъ отвѣчаетъ: „скажи ей, чтобы морила два года средняго возраста людей“. Солдатъ воротился къ поджидавшей его смерти и говоритъ: „Богъ велѣлъ тебѣ два года среднее дубье грызть“.—Смерть ушла исполнять приказаніе. Солдатъ упрямо болтается на старомъ мѣстѣ. Прошло опять два года. Сидитъ солдатъ у воротъ рая—возвращается съ работы смерть гораздо похудѣвшая; онъ спрашиваетъ, „куда ты опять идешь?“—„Иду къ Богу спрашивать, какихъ мнѣ теперь людей морить“. — Солдатъ и говоритъ: „ты устала, посиди тутъ, а я за тебя схожу“, смерть согласилась. Яв-

ляется онъ передъ лицомъ Бога и говоритъ: „Господи Боже, смерть послала меня узнать, какихъ ей теперь людей морить“. Богъ говоритъ: „скажи ей, что приказываю морить людей малолѣтняго возраста“. Солдатъ воротился и передалъ смерти: „что Богъ велѣлъ тебѣ идти и два года молодые дубки грызть“. Смерть ушла на работу. Прошло еще два года. Однажды солдатъ уснулъ крѣпко у воротъ рая, является смерть, видитъ, что онъ уснулъ, и прошла прямо къ Богу и предстала передъ нимъ. Богъ удивился и спрашиваетъ: „что ты, смерть, такъ сильно похудѣла?“ Она отвѣчаетъ: „Господи Боже, какъ же мнѣ не похудѣть, ты черезъ солдата приказывалъ грызть старья, средніе и молодые дубки, я шесть лѣтъ и грызла“. — „Солдатъ тебя и меня обманулъ — я ему наказывалъ про людей, а не про дубки, поди, скажи ему, что бы за это онъ тебя три года на своемъ хребтѣ возилъ“. Смерть возвращается къ солдату, будить его и говоритъ: „вотъ что, любезный, за твой обманъ Богъ повелѣлъ тебѣ возить меня на своемъ хребтѣ три года“. — Солдатъ говоритъ: „ну что-жъ—велѣлъ такъ садись и поѣдемъ“. Смерть взгромоздилась на спину ему и поѣхали. Долго везъ ее солдатъ, усталъ и захотѣлось ему отдохнуть, сѣли; солдатъ открылъ табакерку и сталъ нюхать табакъ, смерть смотритъ изъ-за плеча и спрашиваетъ: „что ты дѣлаешь?—„Табачекъ нюхаю“.—„Дайко и мнѣ“.—„Пользуйся“, говоритъ солдатъ. Смерть протянула руку въ табакерку, солдатъ прихлопнулъ крышку и упряталъ всю смерть въ табакерку, сунулъ ее въ карманъ и пошелъ и ходилъ съ нею три года. Потомъ выпустилъ смерть, и вышла она вся зеленая отъ табаку. Пошла смерть къ Богу, явилась передъ нимъ, Богъ и спрашиваетъ: „что ты, смерть, вся зеленая?“ „Да вотъ солдатъ три года меня носилъ въ табакеркѣ“. Богъ сказалъ ей: „ну, матушка смерть, тебѣ не повезло, и зачѣмъ ты потянулась за эдакой дрянью, табакомъ“. — Солдатъ остался пока гулять по бѣлу свѣту.

Череповецкій у, д. Большой Дворъ. Отъ кр-ки Авдотьи Гладышевой. 1900 г.

80. Баринъ и Клишко.

У двороваго человѣка Клишки-дурака была хата,—гдѣ порогъ — тутъ и потолокъ. Вотъ однажды взялъ онъ горбушку хлѣба и пошелъ въ поле; вдругъ ѣдетъ баринъ; онъ сталъ метать горбушку хлѣба въ верхъ, а баринъ и спрашиваетъ его: „что ты, Клишка-дуракъ, дѣлаешь?“—„Воровать учусь“, отвѣчаетъ онъ.—„Такъ уведи у меня тройку лошадей“. — „Постараюсь увести“, говоритъ Клишко. Приѣхалъ баринъ домой, велѣлъ выпрячь лошадей, а конюховъ оставилъ въ сараѣ, а Клишка по дорогѣ захватилъ вина и ранѣе ихъ забился на сарай, а вино на виду поставилъ. Вотъ одинъ конюхъ и кричитъ: „ей, Ванюха, мнѣ что-то попало, иди, выпьемъ вина“, и напились. Клишко взялъ ихъ и посадилъ на ясли и въ руки по веревкѣ, а самъ коней увелъ; одинъ и кричитъ: „у меня коней нѣту“, а другой— „у меня поводъ въ рукахъ“. Пришелъ баринъ и спрашиваетъ: „гдѣ у васъ кони? Нѣтъ ихъ! Бѣгите къ Клишкѣ-дураку“. Сбѣжали они, сто рублей снесли и коней привели. Призываетъ баринъ Клишку и говоритъ: „унеси ты у насъ съ барыней перину, когда мы спимъ“. — „Ладно, говоритъ, унесу“. Забрался на потолокъ, повертѣлъ въ потолочинѣ дыру, взялъ дрожжей бутылку — спятъ баринъ съ барыней, а онъ и вылилъ дрожжи на нихъ, а дрожжи то были холодныя, они проснулись и закрычали: „ой, ой, какъ холодно“, соскочили оба съ кровати и убѣжали въ другую комнату, а Клишко-дуракъ взялъ перину изъ подъ нихъ и укралъ. Вотъ баринъ хватился, а перины то и нѣту; опять посылаетъ своихъ слугъ за Клишкой. Отдаетъ ему деньги за выкупъ перины и говоритъ: „уведи-ты у меня барыню? — „Ладно, говоритъ Клишка, постараюсь увести“.—У Клишки было много денегъ, купилъ онъ новыя сапоги, а барыня собирается ѣхать въ другую усадьбу, слуги выносятъ имѣніе въ возокъ, и поѣхали, а Клишка забѣжалъ впередъ и бросилъ одинъ сапогъ, а кучеръ замѣтилъ это и говоритъ: „барыня, позвольте мнѣ слѣзть и поднять сапогъ?“ „Ну, ладно, ступай“, онъ поднялъ сапогъ и положилъ подъ бѣсѣдку. Поѣхали дальше, видятъ, еще другой сапогъ лежитъ;

вотъ кучеръ опять спросилъ позволенія у барыни поднять и этотъ сапогъ, барыня согласилась; кучеръ слѣзъ, пошелъ за сапогомъ, а Климка не дуракъ: взялъ сапогъ, подальше кинулъ, пока кучеръ бѣжалъ за сапогомъ, а Климка слѣзъ на козлы и поѣхалъ во весь духъ и привезъ барыню въ свою хату. Баринъ ждетъ, пождетъ барыню, нѣтъ ее, послалъ своихъ слугъ узнать къ Климкѣ, нѣтъ-ли ее у него, она оказалась тамъ. Баринъ послалъ много денегъ Климкѣ и выкупилъ барыню. Климко построилъ себѣ новую избу и сталъ жить да поживать.

Череповецкій у. д. Вузакова Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Аксиньи Юдиной. 1900 г.

81. Баринъ и заброшенная старуха.

У одной старухи было три сына кожевники. Они такъ худо съ матерью обращались, что ее вшамъ скормили, и она, болѣзная, вся окоробѣла и даже одежды на ней самой необходимой не было; кормили ее рѣдко, разъ въ недѣлю, и то какимъ нибудь отбросомъ и всѣ ее, бѣдную, ненавидѣли и старались чѣмъ нибудь обидѣть. Въ одной усадьбѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этой бѣдной старухи, лежалъ 30 лѣтъ больной помѣщикъ. Однажды этому барину снится сонъ, и во снѣ кто-то говоритъ: „поѣзжай въ такую-то деревню, тамъ найдешь бѣдную старуху, которую сыновья вшамъ скормили, возьми эту старуху къ себѣ вмѣсто матери—такъ Господь дастъ тебѣ здоровья“. Просыпается баринъ и чувствуетъ, что, слава Богу, руки у него двигаются, а потомъ онъ и самъ сталъ весь шевелиться, онъ перекрестился и сказалъ: „Слава Богу, мнѣ легче! Позовите, говоритъ, мою жену“. Служанка приходитъ и говоритъ: „барыня, идите: васъ баринъ зоветъ“. Приходитъ и удивляется: мужъ проситъ одѣться, а слугамъ приказываетъ заложить лошадей. Подали коней и поѣхалъ нашъ баринъ искать эту старушку. Пріѣхалъ въ эту деревню и спрашиваетъ: „нѣтъ-ли у васъ старушки мнѣ въ матки?“ „Ой, говорятъ, баринъ, поѣзжай вонъ къ той избѣ, у кожевниковъ, matka-то у нихъ забросокъ брошена, страшно на нее и поглядѣть, они радехоньки отдать ее“. Приходитъ баринъ

въ эту избу, на которую они указали, сидятъ тутъ три невѣстки и прядутъ. „Здравствуйте“, говоритъ, „и нѣтъ ли у васъ старушки мнѣ въ матери?“ „Есть, вонъ она у насъ въ загородкѣ, бери, уверни въ рогожу и вези—надоѣла она намъ“. „Нѣтъ, позовите мнѣ вашихъ мужей, я такъ не возьму, я заплачу, а мнѣ Господь за это послалъ здоровья“. Приходятъ сыновья старушки. „Отдайте мнѣ вашу старушку?“—„Бери, мы радехоньки, лишъ бы избавиться отъ нея“.—„Нѣтъ, я такъ не возьму, нате вамъ 300 рублей“.—Получили сыновья деньги, а баринъ завернулъ старушку въ свой тулупъ и повезъ домой. По приѣздѣ приказалъ истопить баню; вымыли и обрядили старушку во все хорошее, чистое. Баринъ спрашиваетъ: „что, матушка, къ тебѣ слугъ доставить или сама за собой будешь ухаживать?“ „Ой, кормилецъ ты мой, я и такъ радехонька и не знаю, какъ тебя и благодарить, сию я въ теплѣ и не въ работѣ и буду за тебя денно и ночно Бога молить, чтобы тебѣ, кормилецъ, Богъ вѣкъ продлилъ и здоровьемъ наградилъ“. Прошло нѣсколько лѣтъ, старушка соскучала о своихъ дѣткахъ, какъ худо они къ ней не относились, она все позабыла и стала проситься провѣдать своихъ дѣтокъ. Отпустилъ баринъ: „поѣзжай съ Богомъ“. Приѣхала она на то мѣсто, гдѣ жила съ дѣткамъ, а на томъ мѣстѣ и дома-то нѣтъ; спрашиваетъ у сосѣдей, что случилось съ ея сыновьямъ; ей и сказали, что немного прошло времени послѣ того, какъ она уѣхала, домъ ея провалился съ сыновьями и нѣвѣстками; еще когда некогда около того мѣста пѣтушокъ попѣвалъ, а теперь и тотъ пересталъ. Вернулась старушка къ своему барину и жила у него на покоѣ до самой смерти.

Череповецкій у. д. Костина Самосорской волости. Отъ кр-ки Елены Тяпиной. 1900 г.

82. Протопопова дочь.

У одного протопопа была дочь, нравомъ очень злая. Выдалъ онъ ее замужъ за купеческаго сына. Пошли дѣти; черезъ нѣкоторое время молодая жена не залюбила свекра и свекровь и стала принуждать мужа ихъ убить. Тотъ

долго не соглашался, наконецъ сдался на прозбы жены и спросилъ, какимъ способомъ убить ихъ она отвѣчала: „одного задави шарфомъ, а другой запихай въ ротъ платокъ“. Мужъ исполнилъ приказаніе жены и убилъ отца и мать. Преступленіе удалось какимъ-то образомъ скрыть. Съ тѣхъ поръ молодаго купца начала мучить совѣсть, и онъ сильно терзался и не находилъ нигдѣ покою. Не могъ вытерпѣть, пошолъ странствовать и замаливать свой грѣхъ. Ходилъ онъ по монастырямъ двѣнадцать лѣтъ и все-таки не могъ вымолить себѣ прощенья. Наконецъ приходитъ къ одному священнику—кается и проситъ разрѣшить его грѣхъ. Тотъ выслушавъ отвѣчаетъ: „нѣтъ, я этаго грѣха не могу разрѣшить, а иди туда-то къ одному схимнику и проси его“. Пошелъ купецъ дальше, нашелъ схимника и покался ему, но тотъ отвѣчаетъ: „немогу, сынъ мой, разрѣшить твоего грѣха, иди къ схимнику туда-то, который постарше меня“. Идетъ купецъ дальше измученный, голодный, находитъ келью схимника, заходитъ туда и видитъ старца, сидящаго за столомъ, передъ [нимъ] краюшка хлѣба; купецъ поздоровался, а схимникъ отвѣтилъ приглашеніемъ поѣсть съ нимъ хлѣба. Поѣли хлѣба, а краюшки нисколько не убыло. Тутъ купецъ покался въ совершенномъ имъ преступленіи; схимникъ выслушалъ и отвѣтилъ: „ладно, сынъ мой, я разрѣшу твой грѣхъ, только пойдемъ со мной далеко“. Пошли они—долго шли, наконецъ подошли къ огненной рѣкѣ, черезъ которую перекинуть проволочный мостъ, а на той сторонѣ виднѣется церковь; купецъ обращается: „отче святой, какъ же перейти эту горящую рѣку?“— „Иди за мной“, отвѣтилъ схимникъ. Перешли благополучно: близко уже и церковь, входятъ въ нее—вся залита огнями и полна народомъ, и всѣ эти люди со знаками насильственной смерти, и между ними отецъ и мать купца. Онъ узналъ ихъ и бросился имъ на шею, они утѣшили его и сказали, что его прощаютъ. Схимникъ напомнилъ, что пора удалиться изъ церкви, вышли оттуда и видятъ, на берегу огненной рѣки стоитъ большой чанъ съ горящей смолой, а въ ней кипятъ протопопъ съ протопопицей и протягиваютъ имъ руки. Прошли мимо и перебрались черезъ рѣку; сдѣвъ схимникъ розстался съ купцомъ. Пошолъ купецъ съ облегченнымъ сердцемъ и приходитъ домой; встрѣчаютъ его

дѣти съ крикомъ: „мама, мама, нашъ старый папа пришелъ“. Понялъ купецъ, что жена въ его отсутствіе вышла замужъ за другого. Пошелъ опять купецъ странствовать по бѣлу свѣту, а послѣ поступилъ въ монастырь.

Череповецкій у., д. Костина Самосорской волости. Отъ кр-ки Елены Тяпиной. 1900 г.

83. Бѣсъ и два брата.

(Къ рассказамъ о нечистыхъ духахъ).

Жили два брата, одинъ богатый, а другой бѣдный. Построили они сообща два большихъ судна, продали ихъ удачно и немалыя деньги выручили. Идутъ довольныя и разсуждаютъ: „сами ли мы бойки, или намъ Богъ помогъ такъ удачно окончить дѣло съ большою прибылью, давай спрашивать у встрѣчныхъ людей до трехъ разъ, и если всѣ трое встрѣчныхъ скажутъ, что сами бойки, то деньги богатому брату, а если скажутъ, что Богъ помогъ, то деньги бѣдному брату“. Пошли. Ъдутъ навстрѣчу шибко нашибоко богатые люди; „ну, спрашивай“, наряжаетъ богатый братъ бѣднаго, „я не смѣю спрашивать“. Ну, богатый остановилъ проѣзжающихъ и спрашиваетъ: „вотъ разрѣшите нашъ грѣхъ: построили мы сообща двѣ лодки и выручили за нихъ большія деньги, такъ объясните намъ, чему это приписать: сами ли мы бойки или намъ Богъ помогъ?“ „Ну, конечно, сами бойки“, отвѣтили проѣзжающіе. Пошли дальше, попадается на встрѣчу баринъ, у того спросили; тотъ тоже отвѣтилъ, что сами бойки. Побрели дальше, на встрѣчу попадается старикъ, у того опять спросили о своемъ дѣлѣ, и старикъ отвѣтилъ, что сами бойки. Дѣлать нечего, пришлось бѣдному отдать и свою половину денегъ богатому брату, а самому идти ни съ чѣмъ къ своей семьѣ, а семья дожидаетъ, хотъ давись—такая бѣдность. Богатый пришелъ и сказалъ, какъ и почему ихній отецъ долженъ былъ отдать ему деньги. Бѣдный же братъ пришелъ опять къ рѣкѣ, гдѣ строили лодки, и сѣлъ подъ кустикъ, о тамъ подъ лодкамъ сидятъ два бѣса въ образѣ мужиковъ и спорятъ: „я сегодня двухъ лодочниковъ обманулъ: выстроивши лодки и получивши за нихъ хорошія деньги, они поспорили и задумали спросить у трехъ встрѣчныхъ объ удачѣ,

сами ли они бойки, или имъ Богъ помогъ, я же во всѣхъ трехъ видахъ имъ явился и сказалъ, что сами бойки, и деньги достались богатому, а бѣдная семья осталась ни съ чѣмъ".— „А я вотъ что сдѣлалъ, хвастается другой бѣсъ, какъ пришелъ богатый домой и сталъ деньги показывать, я подвернулся да бумажникъ-то съ деньгами у него и выхватилъ да подъ большой чанъ съ мукой и спряталъ". Бѣдный братъ все это выслушалъ и пошелъ туда, гдѣ были спрятаны деньги, и пришелъ къ брату, а тамъ такой сильный шумъ, спорять и не знаютъ, куда деньги дѣвались, всѣхъ обыскиваютъ, ни у кого нѣтъ. Бѣдный братъ спросилъ ключи отъ амбара, ему отперли. Онъ вошелъ, отодвинулъ чанъ съ мукой и досталъ деньги. Богатый съ нимъ подѣлился да придачу далъ лошадь да корову, и стали обѣ семьи жить да Бога молить.

Череповецкій у., д. Плюскина Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Татьяны Сидоровой. 1900 г.

84. Морской царь и купеческая дочь.

(Къ разсказамъ о нечистыхъ духахъ).

Жилъ одинъ купецъ, у него было три дочери. Сталъ онъ собираться за дальнія моря за товарами и спрашиваетъ дочерей, что имъ тамъ купить. Старшая дочь проситъ купить ей подвѣчное платье, средняя дочь заказываетъ купить ей зеркальный туалетъ, а младшая дочь проситъ привести ей аленькій цвѣтокъ. Купецъ отправился въ путь, исправилъ свои дѣла и купилъ дочерямъ на платье и туалетъ, а для младшей дочьки все лавки обошелъ, а аленькаго цвѣточка не нашелъ. Собрался домой и задумался, какъ это я самой любимой дочькѣ подарка не напюлъ. Вхалъ онъ моремъ, поднялась сильная буря, онъ испугался, чтобы не потонуть, но буря прибила корабль къ берегу небольшого острова. Онъ вышелъ со своего корабля на берегъ и пошелъ въ лѣсъ, немного мѣста прошелъ и потерялъ дорожку и запутался, и пошелъ, не зная куда. Вдругъ видитъ, стоитъ большой хрустальный дворецъ, подошелъ къ нему и очутился въ красивомъ саду. Потомъ вошелъ

во дворецъ, обошелъ весь и ни одного человѣка не встрѣтилъ. Въ комнатахъ было много невиданныхъ растений и коралловъ. Время было не рано, и онъ остался тутъ ночевать; столъ былъ приготовленъ, а народу нѣтъ, онъ одинъ сѣлъ и закусилъ. Утромъ проснулся и пошелъ въ садъ и увидѣлъ тутъ, растеть аленькій цвѣточекъ, поглядѣлъ по сторонамъ, никого нѣтъ, и только что хотѣлъ его сорвать, гдѣ ни взялся большой страшный старикъ съ зелеными листьями въ волосахъ и говоритъ ему: „я морской царь, а это мой лѣтній дворецъ и садъ, зачѣмъ ты берешь мой самый любимый цвѣтокъ?“ Купецъ ему объяснилъ, что онъ хотѣлъ взять цвѣтокъ для своей любимой дочери. Старикъ и говоритъ: „отдай мнѣ эту любимую дочку, тогда и бери цвѣтокъ“. Купецъ согласился отдать ему дочку, взялъ цвѣтокъ и пошелъ. Увидалъ хорошую дорогу, и корабль никуда не дѣвался. Отвалили отъ берега и поплыли домой. Приѣхавши домой, отдаетъ дочерямъ подарки: подвѣчное платье, зеркальный туалетъ, а младшей дочери—аленькій цвѣточикъ, и говоритъ: „сразу я не могъ достать этой покупки и большихъ трудовъ мнѣ стоило достать этотъ цвѣтъ“, и самъ заплакалъ. Дочь поблагодарила его и пошла въ свою комнату. Послѣ этого дочери стали замѣчать, что у отца какое-то горе, и онъ его скрываетъ. Черезъ недѣлю приходитъ письмо: „что посуленное отдай“; онъ еще больше запечалился. Любимая дочь нашла это письмо и прочитала; узнавъ отцовское горе и сказала: „полно тебѣ, папа, печалиться, а лучше дай мнѣ благословеніе, я пойду къ старику и одна погибну, чѣмъ вамъ всѣмъ страдать“. Отецъ согласился; стали ее провожать отецъ и сестры, а матери у нея не было, и только вышли изъ дому на улицу, вдругъ подхватилъ вѣтеръ и унесъ любимую дочь. Она очутилась въ томъ дворцѣ, гдѣ отецъ общалъ ее морскому царю. Въ комнатѣ столъ накрытъ, а народу нѣтъ, только прислуживаетъ одна дѣвушка съ длинными зелеными волосами, а купеческая дочь не можетъ понять отъ нея ни одного слова. Живетъ сутки и другія и никого не можетъ увидѣть, кромѣ этой дѣвушки. Однажды слышитъ гдѣ-то музыку и говоритъ: „что же это я слышу за стѣной музыку, а кто играетъ не вижу, хоть бы какое страшилище, я бы и то не испугалась, чѣмъ жить въ такомъ неизвѣстномъ

положеніи". Вдругъ и слышитъ за стѣной голосъ: „радъ бы я выдти показаться, да больно страшень“. Купеческая дочь какъ только этотъ голосъ услышала, такъ со страху лежала цѣлый день. Пришла въ чувство и просить, чтобы онъ показался ей, чтобы скорѣе привыкнуть. Захотѣлось ей въ садъ погулять, она и вышла, поднимается сильный вѣтеръ и является страшный старикъ. Она на него робко взглянула и немного испугалась, онъ ее какъ добычу повелъ во дворецъ и принудилъ ее жить съ нимъ какъ жену. Потомъ она стала звать его на свою родину, старикъ пообщался, а пока купеческая дочь осталась въ неволѣ, но все морской царницей.

Череновецкій у., дер. Плюскина Дмитріевской вол. Отъ кр-ки Татьяны Сидоровой. 1900 г.

85. Нинитка и водяной дѣдъ-золотое волосье.

(Къ разсказамъ о нечистыхъ духахъ).

У одного мужика было три сына. Выстроилъ онъ новый домъ и посылаетъ туда старшаго сына ночевать и говорить: „какой тебѣ сонъ приснится, то скажи мнѣ“. Пошелъ сынъ ночевать и утромъ рассказываетъ сонъ: что у нихъ полный дворъ скотины стоитъ. Шлетъ средняго сына ночевать; тотъ утромъ рассказываетъ, ему снилось, что полные амбары хлѣба. Посылаетъ младшаго сына Никитку ночевать. Лежалъ, лежалъ онъ и приснилось ему, что онъ ноги вымылъ въ водѣ, а отецъ эту воду выпилъ. Утромъ онъ пришелъ домой и говорить отцу, что ему ничего не приснилось — онъ побоялся объяснить такой сонъ. Отецъ розсердился и говорить: „здобляйся, коли такъ, въ лѣсъ“. Пришли въ лѣсъ, онъ снялъ съ него одежду и велѣлъ сѣсть въ дупло дуба, а самъ ушелъ, оставивъ его нагова и босова. Случилось тутъ быть сыну короля за охотой; слышитъ, собаки лаютъ не на звѣря, онъ подошелъ къ дубу и говорить: „кто тутъ, вылѣзай“. — „Я не могу выйти, такъ какъ нагъ и босъ“. — „Пойдемъ ко мнѣ жить, я тебя одѣну“, и поставилъ его въ конюха. Черезъ нѣсколько время королевичъ уѣхалъ въ инныя земли сватать себѣ невѣсту. Оттуда шлетъ при-

казъ, чтобы ему выслали шесть человѣкъ слугъ и въ томъ числѣ Никитку. Пошелъ съ товарищами Никитка и дошелъ до высокой горы, а на ней слышенъ шумъ прешрашонный—подходить, а тамъ два бѣсенка дерутся. „О чемъ вы хлопачите?“ спрашиваетъ Никитка, а бѣсы отвѣчаютъ: „о сапогахъ скороходахъ, кому они достанутся“. — „Вотъ я сей часъ выстрѣлю, который изъ васъ принесетъ пулю впередъ, тому и достанутся скороходы“. Бѣсенки убѣжали, а Никитка свои сапоги сбросилъ, а скороходы надѣлъ. Пошли дальше, опять слышать шумъ прешрашонный, а это дерутся и спорятъ два чертенка. „О чемъ вы спорите?“ — „О шалкѣ-невидимкѣ — кому достанется“. Никитка опять предложилъ выстрѣлить и принести пулю. Пока чертенки бѣгали, Никитка надѣлъ на себя шапку-невидимку, а свою тутъ бросилъ. Наконецъ, добрались до королевича, а онъ уже со-сваталъ царевну; только невѣста предложила королевичу достать три золотыя волоска у водянова, какъ ему такъ и ей, а то свадьбѣ не бывать. Королевичъ запечалился и объяснилъ Никиткѣ свое затруднительное положеніе. Никитка, имѣя у себя чудесныя шапку и сапоги, общался помочь горю и сталъ слѣдить за дворцомъ. Вотъ царевна со своей служанкой, дѣвкой-чернавкой, сдобились и пошли на озеро, а Никитка за нимъ и слѣлъ за кустикъ и слушаетъ. Дѣвка-чернавка и закричала: „дѣдушка, дѣдушка выйди-ко, я у тебя вошекъ поищу“—и вылѣзъ изъ озера водяной дѣдъ-золотое волосье, шелкова борода; стала искать вошекъ въ головѣ и выдернула три золотые волоса, а Никитка подбѣжалъ и выхватилъ цѣлую горсть; стала искать въ бородѣ и тоже вытащила три волоска, а Никитка опять выщипнулъ цѣлую горсть. Водяному дѣду это не полюбилось, онъ вырвался отъ нихъ и бултыхъ въ воду. Царевна съ дѣвкой чернавкой пошли домой, а Никитка побѣжалъ къ королевичу и отдалъ ему горсть золотыхъ волосъ. На утро королевичъ пошелъ къ невѣстѣ, она ему показываетъ три золотые волоска, а онъ ей цѣлую горсть. Она удивилась, что столько достать невозможно, что, у тебя кто-нибудь хитруетъ, и я доберусь“, и ушла. Ночью пошла съ дѣвкой къ слугамъ королевича и прямо заподозрила Никитку и у соннаго отрѣзала правую пѣду, а Никитка притворился спящимъ, а когда они ушли, онъ у всѣхъ товарищей отрѣзалъ правыя полы.

На утро царевна призываетъ слугъ жениха и спрашиваетъ: „у кого изъ васъ отрѣзана правая пола, выходи“. Они всѣ закричали: „у меня отрѣзана, у меня отрѣзана!“ Она разсердилась и сказала: „ужъ дознаюсь, кто у васъ хитруетъ“. Ночью опять пришла и отстригнула у Никитки волосевъ и сказала: „ну, теперь узнаю, кто у нихъ большакъ“. Никитка не спалъ и все слышалъ, и у своихъ товарищей выстригъ волосъ и наказалъ: „какъ завтра васъ позовутъ, такъ всѣ кричите: „я большакъ!“ Царевна на утро ихъ призвала и спрашиваетъ: „кто у васъ большакъ, выходи, я осмотрю“. Всѣ слуги закричали: „я большакъ, я большакъ!“ Она осмотрѣла: у всѣхъ выстрижено волосъ; она стала въ недоумѣніи, призвала королевича-жениха и говоритъ: „ты меня перехитрилъ, скоро будетъ наша свадьба“. Свадьбу отпировали, королевичъ съ женой и Никиткой поѣхали домой. Онъ Никиткѣ въ благодарность домъ поставилъ и все хозяйство. Въ то же время братья Никиткины не стали отца кормить и выпехнули его на улицу. Батько и пришолъ къ Никиткѣ жить. Вотъ однажды Никитка вымылъ ноги въ тазу и эту воду забылъ вылить, а батько ночью слѣзъ съ печки и выпилъ эту воду. На утро Никитка и говоритъ: „вотъ, тятинька, ты воду-то изъ тазу вышилъ, а я этой водой ноги мылъ, это мнѣ и приснилось, когда ты меня посылалъ ночевать въ новый домъ, только я тогда не осмѣлился этотъ сонъ тебѣ сказать“. Старикъ и остался у Никитки жить, благословляя за доброту своего младшаго сына.

Череповецкій у., д. Бузакова Дмитріевской вол. Отъ кр-ки Аксиньи Юдиной. 1900 г.

86. Царевнины загадки и добрый духъ.

(Къ легендамъ о добрыхъ духахъ).

Жилъ мужикъ съ женой; у нихъ былъ единственный сынъ. Вскорѣ родители померли, и онъ остался сиротой. Раздумался онъ: „какъ буду я жить? жениться не хочется, а раздамъ свое имѣніе бѣднымъ и пойду странствовать“; такъ и сдѣлалъ. Отправился въ путь; однажды идетъ мимо

сельской церкви и слышитъ страшный шумъ, заходить на кладбище, и видитъ четырехъ мужиковъ, которые хоронятъ тѣло какого то безпріютнаго человѣка, спорятъ и ругаются. Онъ подошолъ и спросилъ: „объ чемъ вы?“ — „А вотъ хоронимъ безпріютнаго и нѣкому намъ за похороны заплатить“. — „Сколько вамъ нужно раздѣлаться?“ Они сказали ему. Онъ щедро имъ заплатилъ, мужики поблагодарили его и разошлись по согласію. Онъ пошелъ дальше; навстрѣчу ему попадается какой-то необыкновенный человѣкъ, поздоровались и сѣли побесѣдовать и стали спрашивать другъ друга, куда идутъ. Оба идутъ пока безъ опредѣленной цѣли и согласились быть дорожными товарищами и идти вмѣстѣ; только молодецъ замѣтилъ, что у его встрѣчнаго товарища въ рукахъ вѣтка; мимо ихъ летитъ орелъ, его товарищъ махнулъ вѣткой, орелъ спустился на землю и сѣлъ передъ нимъ, онъ взялъ у орла правое крыло отнялъ и завязалъ въ платокъ и сказалъ: „мы можемъ отправляться, а молодецъ все больше и больше удивляется, что это за человѣкъ такой. Они пошли вмѣстѣ въ путь и добрались до горы, поднялись на нее и видятъ съ горы два царства: старое и новое; товарищъ съ вѣткой приглашаетъ его идти въ старое царство, а молодецъ зоветъ его въ новое царство, и другъ съ другомъ долго не могли согласиться. Все таки товарищъ съ вѣткой убѣдилъ его идти съ нимъ въ старое царство. Пошли и добрались до одной избушки, а въ ней жила старушка и выпросились у нея ночевать. Прежде они замѣтили, что по всей странѣ трауръ и спрашиваютъ у старушки, что это они за трауръ видѣли, она имъ въ отвѣтъ: „ой, голубчики, у нашего государя большое несчастіе, у него есть дочь и въ нее вселился нечистый духъ, вотъ уже сколько жениховъ еѣ сватали, а она нейдетъ, всѣмъ женихамъ загадываетъ загадки, а кто не отгадаетъ загадки, тому голова прочъ, и до сихъ поръ не нашлось счастливаго человѣка“. Товарищъ съ вѣткой и говоритъ: „вотъ что, молодецъ, я для тебя постараюсь отгадать царевнины загадки, а ты, бабушка, завтра утромъ иди къ царю и скажи, чтобы онъ объявилъ дочери, что находится человѣкъ отгадать ея загадки“... Старуха сходила; вечеромъ товарищъ съ вѣткой отправился къ царскому дому узнать, гдѣ находится спальня царевны, подошолъ къ

окну и увидалъ царевну, сидящую съ придворнымъ, который былъ еѣ любовникомъ, — изъ за него она и была такъ немилостива къ женихамъ, — и услышалъ ихъ разговоръ: царевна и рассказываетъ своему другу, что сегодня отецъ еѣ опять объявилъ, что находится человѣкъ, желающій отгадать наши загадки, а другъ и говоритъ, гдѣ ему наши загадки отгадать. „Все таки что же мнѣ ему загадать, когда этотъ человѣкъ завтра придетъ?“ „Да загадай хоть о моей перчаткѣ“, и сталъ прощаться съ царевной; а она его провожаетъ, и пошелъ домой, а товарищъ съ вѣткой пошелъ за нимъ, а придворный и царевна не видятъ; и стегаетъ его вѣткой, онъ и говоритъ ей, что „мнѣ сегодня тяжело“, а царевна и спрашиваетъ: „придешь завтра ко мнѣ въ гости?“ — „Ладно, приду“. Человѣкъ съ вѣткой пошелъ на квартиру къ старушкѣ. Утромъ и посылаетъ добродѣтельнаго молодца отгадывать загадку и говоритъ ему, что царевна загадала о перчаткѣ. Молодецъ отправляется во дворецъ, и царевна въ присутствіи отца спрашиваетъ его: „о чемъ я загадала?“ А молодецъ отвѣчаетъ: „что вашъ другъ велѣлъ загадать о его перчаткѣ“; царевна побѣжала и завизжала: „отгадалъ, отгадалъ“. Царь велѣлъ объявить народу, что первая загадка отгадана; всѣ были рады, что наконецъ нашолся такой человѣкъ. На другой день человѣкъ съ вѣткой опять пошелъ слушать подъ окно. Царевна рассказываетъ своему дружку, что ихнюю загадку отгадали, какую же теперь придумать загадку? — „Да загадай хоть о моей туфлѣ“. Она его пошла провожать, а человѣкъ съ вѣткой за нимъ, и невидимый началъ его стегать вѣткой. — „Что то я очень плохо себя чувствую, пожалуй, я завтра къ вамъ не приду“, говоритъ другъ, а царевна ему въ отвѣтъ: „если вы ко мнѣ не придете, то я къ вамъ приду“, и распрощались у его дому. Человѣкъ съ вѣткой пошелъ домой и опять научилъ добраго молодца, какъ отгадать загадку. На утро и другая загадка была разгадана, царевна плакала, царь радовался, а народъ крычалъ ура. Товарищъ съ вѣткой опять пошелъ наблюдать ко дворцу; видно, что царевна одна, а друга нѣтъ; ждала, ждала и послала за нимъ, приходитъ другъ, она ему и говоритъ: „ты не знаешь моего горя: вѣдь и эту загадку отгадали“. Онъ ей въ отвѣтъ: „что за хитрецъ такой явился“, а царевна ему: „что

же намъ на завтра загадать?“ „да загадай хоть о моей головѣ“, простился и пошелъ домой, а человекъ съ вѣткой за нимъ и началъ его стегать вѣткой. Другъ царевны упалъ безъ вѣдѣнья, а взялъ да отрубилъ ему голову и завязалъ въ платокъ и понесъ на свою квартиру къ старухѣ. На утро опять посылаетъ молодца во дворецъ, разказавши ему все, съ отрубленной головой. Царевна въ присутствіи отца спрашиваетъ: „о чемъ загадано?“ а молодецъ и говоритъ: „вотъ о чемъ загадано“, и бросаетъ ей подъ ноги мертвую голову, царевна увидѣла голову своего друга и горестно заплакала. Царь обрадовался и объявилъ народу, что и третья загадка отгадана, народъ кричалъ ура, палили изъ пушекъ, поздравляли нареченныхъ жениха и невѣсту и выкинули веселый флагъ, а печальный убрали. Этого счастливаго молодца забрали во дворецъ, а домой къ товарищу съ вѣткой не отпустили и стали заводить свадьбу. Онъ сказалъ, что я одинъ свадебничать не буду: у меня есть мать и братъ—старушку хозяйку и товарища онъ эдакъ назвалъ. Послали за нимъ коней и привезли къ царю во дворецъ; молодецъ имъ представилъ свою невѣсту. Послѣ этого человекъ съ вѣткой простился съ женихомъ и сказалъ: „это счастье тебѣ послано за то, что ты похоронилъ безпріютное тѣло—я твой добрый духъ, я справилъ свое дѣло, а теперь прощай,“ и незамѣтно скрылся. Они стали жить счастливо въ своемъ царствѣ.

Череповецкій у. д. Плюскина Дмитріевской вол. Отъ кр-ки Татьяны Сидоровой. 1900 г.

87. Злая женщина и добрый духъ.

(Къ легендамъ о добрыхъ духахъ).

Жила мать съ сыномъ. Въ Христовъ день сынъ пошелъ къ заутренѣ и приводитъ съ собой домой разговѣться старичка грязнаго и въ лохмотьяхъ; посадилъ его за столъ, напоилъ и накормилъ, а потомъ одѣлъ въ чистое платье. Когда онъ привелъ старичка, то мать сильно разгнѣвалась и закричала: „ахъ ты, непутевый, самимъ ѣсть нечего, а приводишь всякихъ височниковъ и вшивиковъ“, но сынъ

молча оказывалъ радушіе старичку, а тотъ тоже молча ѣлъ и одѣвался. Отдохнувъ немного, старикъ собрался уходить и сказалъ спасибо за хлѣбъ за соль. Парень спросилъ: „ты, дѣдушко, уходишь, такъ пойми меня съ собой“. Старикъ сказалъ: „да мнѣ нужно уходить, но черезъ три дня я приду за тобой и стукну въ окно, ты тогда и выходи“. Въ назначенный срокъ раздался стукъ подъ окномъ, парень вышелъ къ старику и отправились вмѣстѣ; шли они долго и дошли до *прозернаго поля*, что у самаго синяго моря, и видятъ, что стоитъ баба и переливаетъ воду изъ моря въ корыто; парень спрашиваетъ: „дѣдушко, для чего это она дѣлаетъ?“ Старикъ отвѣчаетъ: „она при жизни своей разбавляла водой молоко“. Идутъ дальше и видятъ, стоятъ два высокихъ желѣзныхъ столба, а между ними ребенокъ стучается головой то объ одинъ столбъ, то о другой. Парень спрашиваетъ: „дѣдушко, а это что означаетъ?“ — „Этотъ ребенокъ страдаетъ за грѣхи родителей, ибо на землѣ слушался ихъ: отецъ скажетъ: покажи мамкѣ фигу — онъ покажетъ, а мать научить, покажи отцу кулакъ — онъ исполнитъ“. Опять шли, долго шли и видятъ, стоитъ желѣзный столбъ, а изъ него идетъ густой дымъ; парень спрашиваетъ опять: „дѣдушко, что это такое?“ Старикъ отвѣчаетъ: „это горятъ въ столбѣ курильщики, что на землѣ табакъ употребляли“. И такъ ходили они цѣлый годъ, вплоть до свѣтлаго Христова Воскресенія на землѣ и остановились въ одномъ домѣ. Старикъ пошелъ къ заутрени, а парню не велѣлъ идти и приказалъ посмотреть въ два окна, а въ третье не глядѣть. По уходѣ старика парень посмотрѣлъ въ первое окно, видитъ восходъ солнца и красивый садъ, поглядѣлъ въ другое окно, видитъ множество птицъ и поютъ они чудесными голосами; не утерпѣлъ и взглянулъ въ третье окно и видитъ свою мать на огненномъ колесѣ, а вокругъ нея черти скачутъ и радуются; отъ этого видѣнія онъ заплакалъ. Приходитъ стѣ заутрени старичекъ и спрашиваетъ: „ты отчего плакалъ?“ — „Да такъ, взрунулось“. — Не правда, ты, навѣрное, посмотрѣлъ въ третье окно?“ — „Да, посмотрѣлъ“, отвѣчаетъ парень. „Ну, такъ ступай, еще посмотри и скажи: чтобы сквозь землю провалилось“. Парень подошелъ къ окну и казалъ эти слова, и на его глазахъ мать съ коле-

сомъ и чертями куда-то провалились, и видѣніе исчезло. Старичекъ простился съ парнемъ и сказалъ: „ступай и дѣлай, когда случится хотя капельку добра, и добрый духъ будетъ всегда съ тобой и за тебя.“

Череповецкій у., д. Большой Дворъ Дмитріевской вол. Отъ кр-ки Авдотьи Гладышевой. 1900 г.

88. Обиженный солдатъ и добрый духъ.

(Къ легендамъ о добрыхъ духахъ).

У одной вдовы былъ единственный сынъ, а у мужика старосты было три сына. Пришелъ рекрутскій наборъ; неохота старостѣ отдать своего сына въ солдаты. „Дайко я постараюсь отдать въ солдаты у сосѣдки вдовы сына вмѣсто своего“. Взяли у вдовы сына въ солдаты, она сильно плакала и горевала, да что подѣлаешь, гдѣ же ей съ мирѣдомъ тягаться. Прослужилъ вдовинъ сынъ законный срокъ и пошелъ на свою родину. Идетъ, и попадаетъ ему по пути нѣкій странникъ собой кроткаго вида, и спрашиваетъ: „куда ты, салдатикъ, идешь?“—„А иду изъ службы, на родину“, и началъ рассказывать, какое у него накупѣло на сердцѣ зло противъ старостиной семьи. „Пойдемъ вмѣстѣ, служивенькій“, говоритъ странникъ, „только зайдемъ въ церковь, которая намъ будетъ на дорогѣ, и ты тамъ увидишь большое чудо“. Отправились, дошли до святой церкви и видятъ, что дверь открыта. „Войдемъ, говоритъ странникъ, и встанемъ по лѣвую сторону, и смотри, что тамъ дѣлается“. Взошли, и видятъ солдатъ, что въ церкви совершается таинство крещенія: перваго мальчика священникъ при крещеніи облачаетъ въ шинель; солдатъ и спрашиваетъ: „это что такое?“ А странникъ отвѣчаетъ: „когда этотъ мальчикъ вырастетъ, то ему придется быть въ солдатахъ“. Креститъ священникъ втораго ребенка дѣвочку и кладетъ ее ничью. „А это что означаетъ“, говоритъ солдатъ: „Эту дѣвочку на 30-й недѣлѣ мать заспитъ“ (т. е. задавить своимъ тѣломъ во снѣ). Священникъ креститъ третьяго ребенка дѣвочку и кладетъ ее на спину. Это къ чему дѣлается?“ спросилъ солдатъ. „Эта дѣвочка на пятомъ году потонетъ“. Удивился всему этому солдатикъ, и

вышли изъ церкви. Странникъ и говоритъ: „оставь зло и помни о добрѣ, не тебѣ судить уже обсуженныхъ на небѣ, я духъ добра и для этого и хожу по землѣ, прощай“, и быстро удалился. Солдатъ остался растеряннымъ. Приходитъ въ свою деревню, а тамъ не все ладно. Староста и его сыновья всѣ примерли, осталась только вдова сына старосты, которому слѣдовало идти въ солдаты, съ тремя дѣтьми. Видѣнное въ церкви все сбылось: дѣвочку на 30-й недѣлѣ мать заспала, вторая дѣвочка пяти лѣтъ утонула, мальчикъ же на его глазахъ выросъ и поступилъ въ солдаты.

Череповецкій у., д. Костина Самосорской волости. Отъ кр-ки Елены Тяпиной. 1900 г.

89. Судьба доброй дѣвицы.

(Легенда о присутствіи Бога на землѣ).

Идетъ по землѣ Самъ Господь Богъ съ сыномъ своимъ Иисусомъ Христомъ, одѣтые въ рубища, и попадаютъ имъ навстрѣчу два пьяныхъ и похабныхъ парня. Господь Богъ и спрашиваетъ у этихъ парней, какъ бы имъ пройти въ такую то деревню, а парни ихъ выругали и сказали: „убирайтесь вы, оборванцы, еще всякому нищему отвѣчай да показывай дорогу“, такъ они и пошли дальше. Потомъ попадаетъ на встрѣчу Господу Богу красивая дѣвица: „скажи, какъ попасть въ такую-то вотъ деревню?“ Дѣвица и говоритъ: „идите, вотъ тутъ дорога“, и рассказала имъ, какой дорогой идти и гдѣ та изба, въ которой они хотѣли остановиться, и пожелала имъ добраго пути и пошла своей дорогой. Вотъ Истинный то Христосъ и спрашиваетъ у Господа-то Бога: „чѣмъ же ты наградишь эту дѣвицу за ее доброту и красоту и какая ея судьба ожидаетъ?“ Отвѣчаетъ Господь Богъ: „одинъ изъ этихъ пьяныхъ парней матершинниковъ будетъ ея мужемъ и ей придется претерпѣть отъ него много зла, но за ея терпѣніе я черезъ два года послѣ ея замужества пресѣку ему вѣкъ“.—„А потомъ что ее ожидаетъ?“—„А потомъ судьба ее будетъ лучше она выйдетъ замужъ за богатаго и степеннаго купца и заживетъ съ нимъ въ добрѣ и довольствѣ“.

Череповецкій у., д. Трофонкова Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Елены Полуеровой. 1900 г.

90. Легенда о двѣнадцати братьяхъ.

У одного мужика было двѣнадцать сыновъ. Одинъ и говоритъ: „коли дома-то такая нужда, такъ поидемте хотѣ въ каменщики“. Одинъ то братъ былъ женатый, а другіе холостые. Прослышали они, что въ Кіевѣ поряжаютъ строить церковь, и пошли туда. Порядились и стали класть. Только, что днемъ складутъ, то ночью въ землю уйдетъ. Такъ долгое время работали, сдѣлали своды, а потомъ и окончили церковь и просятъ разчету. Подвели ихъ къ золотой гробницѣ и спрашиваютъ: „что вамъ за работу дать: злата, серебра или царствія небеснаго?“ Одиннадцать то братьевъ попросили царствія небеснаго, а одинъ братъ потребовалъ злата и серебра. Пришелъ домой съ деньгамъ, а дѣти и не берутъ его и говорятъ: „пока мы малы были, такъ гдѣ шлся, а какъ выросли, такъ и пришелъ“. Отправился онъ въ ту церковь и упалъ передъ иконою Царицы Небесной и сталъ просить: „возьми ты злато и серебро и дай мнѣ царство небесное“.—„Поди, проси у братьевъ, пустятъ ли они“. Братья пустили; для этаго одиннадцатый братъ повернулся на бочекъ, ну онъ и легъ, только лѣвая-то нога убралась; противъ его головунки водица покапала, а Царица то Небесная спустилась да травинкой и заткнула, и надо всей гробницей выросъ цвѣтъ красивый-прекрасивый.

Череповецкій у., д. Бузакова Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Аксиньи Юдиной. 1900 г.

91. Три брата.

Жилъ одинъ мужикъ гораздо богатый; было у него три сына: два умныхъ, а третій благой. Отецъ и говоритъ имъ: „смотрите, дѣти, когда я умру, то каждый по ночи просидите на моей могилѣ“. Вотъ отецъ померъ, а у него были надѣты на ноги носки и башмаки, а въ нихъ денегъ напѣхано. Впередъ приходится большаку-сыну караулить. Вотъ и говоритъ младшему благому брату: „Ваня, просиди ночку, покарауль, такъ я тебѣ за это цѣлую корзину пироговъ

напеку“. Младшій пошолъ караулить, что пирогъ возьметъ, то и скажетъ: „помяни, Господи, батюшку“, такъ всѣ пироги за ночь то и съѣлъ. Второму сыну на другую ночь досталось идти, и этотъ сулитъ пироговъ корзину; дуракъ пошолъ и за этого караулить, и что возьметъ пирогъ, то и говоритъ: „помяни, Господи, батюшку“. На третью ночь ему самому слѣдуетъ идти; хлѣба горбушку взялъ—ужъ тутъ пироговъ не было, что разъ откусить, то и скажетъ: „помяни, Господи, батюшку“. Вдругъ слышитъ изъ могилы голосъ отца: „ты што-ли опять, дуракъ, тутъ?“—„Я батюшка“. „Сходи-ко за лопатой да разрой меня“, говоритъ отецъ. Благой сынъ сбѣгалъ за лопатой и разрылъ батька. „Сними съ меня башмаки и носки и возьми деньги, а меня опять зарой“, приказалъ ему батько. Онъ такъ и сдѣлалъ и закопалъ его опять. Свѣту дождался, пошолъ домой и размыслилъ: „куда мнѣ эти деньги—положу въ казну“. А тѣ два брата не поминали родителя, такъ и остались ни съ чѣмъ.

Череповецкій у., д. Бузакова Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Аксиньи Юдиной. 1900 г.

92. Небывальщина.

Не бывало, да живало. Въ нѣкоторой глухой деревнѣ жилъ мужичекъ съ тремя сыновьями. Занимались обработкой земли: пахали, боронили, сѣяли, жали, косили и въ стоги клали, однимъ словомъ, хлѣба было довольно, только одно горе: соли никогда не было. Вотъ однажды отецъ и говоритъ сыновьямъ: „ребята, что это мы постоянно маемся и живемъ безъ соли, такъ вотъ ты, старшій, завтра навали возъ хлѣба и поѣзжай въ городъ и тамъ на хлѣбъ вымѣняй соли“. Утромъ сынъ выѣхалъ съ возомъ, ѣхалъ цѣлый день, застигаетъ его ночь, онъ привернулъ къ постоялому двору и остановился ночевать. Хозяинъ принялъ его радушно, приготовилъ всѣ удобства для его и для лошади. Утромъ парень спрашиваетъ, сколько съ него слѣдуетъ за постой? Хозяинъ говоритъ: „ничего не нужно, а скажи мнѣ какую

нибудь небывальщину“. Парень началъ ему рассказывать, онъ перебиваетъ—„это бывало“; онъ начинаетъ новую, а хозяинъ опять: „это бывало“; парень ему еще одну, а тотъ снова: „это бывало“; бился, бился, такъ и не могъ сказать ни одной небывальщины. Хозяинъ двора и говоритъ: „вотъ что, парень, не дамъ я тебѣ ни коня, ни воза—ступай такъ“. Парень пошелъ домой и рассказалъ отцу, что съ нимъ приключилось. Отецъ послалъ второго сына. Тотъ опять нагрузилъ возъ и поѣхалъ въ городъ, ночевать пришлось на этомъ же дворѣ, гдѣ и старшему брату. На утро хозяинъ вмѣсто платы деньгами за ночлегъ просить сказать ему небывальщину. И этотъ не могъ сказать ему ни одной; пришлось оставить хлѣбъ и коня за постой и идти напустъ домой. Отецъ послалъ третьяго сына съ хлѣбомъ въ городъ. Тотъ поѣхалъ и на ночь ему пришлось остановиться опять на томъ же постояломъ дворѣ. Утромъ, снаряжаясь въ дорогу, онъ спрашиваетъ хозяина, сколько ему слѣдуетъ за постой; тотъ отвѣчаетъ: „денегъ не нужно, скажи небывальщину“.—„Ладно, скажу, слушай! Однажды сорока на хвостѣ принесла мнѣ вѣсть, что въ нѣкоторомъ царствѣ мухи очень дороги, такъ какъ тамъ ихъ совсѣмъ нѣтъ. Набралъ я триста мухъ и пошелъ въ то царство. Дѣйствительно, тамъ мнѣ заплатили за каждую муху по коровѣ. Заполучивъ триста коровъ, погналъ я ихъ домой. Шелъ, шелъ со стадомъ и очутился на берегу моря. Подумалъ, какъ перебраться со стадомъ, и сталъ дѣлать такъ: взялъ одну корову за хвостъ, обмоталъ вокругъ руки, размахалъ надъ головой и перебросилъ черезъ море и началъ такъ всѣхъ перебрасывать коровъ, даже усталъ и накупило. Осталась одна корова; съ досады я до того сильно разлягалъ ее надъ головой, что и самъ перелетѣлъ съ коровой черезъ море, держась за ея хвостъ. Погналъ стадо дальше, застигла ночь въ большомъ дубовомъ лѣсу, коровы уклались подъ деревьями, я же закуспилъ и залѣзъ спать въ дупло одного дерева. Утромъ у меня вздуло животъ, какъ гору, и я не могъ вылѣзть изъ дерева. Сбѣгалъ въ деревню за топоромъ, разрубилъ дупло и вылѣзъ изъ дерева. Пошелъ со стадомъ дальше и благополучно добрался домой, распродалъ коровъ, всякихъ припасовъ накупилъ—только соли позабылъ“. Хозяинъ двора выслушалъ его и

говорить: „да, этого не бывало, возьми всѣ три воза и поѣзжай“. Парень забралъ воза, доѣхалъ до города, распродалъ хлѣбъ и накупилъ соли; затѣмъ воротился домой, получивъ отъ отца за свое умѣнье одобреніе.

Череповецкій у., д. Большой Дворъ Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Авдотьи Гладышевой. 1900 г.

93. Дѣвица и разбойникъ.

Въ одной деревнѣ жила уже немолодая дѣвица одна въ избѣ. Такъ подъ вечеръ приходитъ къ ней монахиня и просится ночевать. Она ее пустила и предложила чаю и поужинать. „Нѣтъ, говоритъ, спасибо, чай я пила у священника, а ѣсть не хочу“.—„Ну, такъ ложись на мою постелю на лавку, а я лягу на печьку“. Не успѣла хозяйка уснуть, подкрадывается къ ней недобрая ночлежница: это былъ мужчина въ монашескомъ платьѣ, съ худымъ намѣреніемъ изнасиловать, а потомъ ограбить. Свое намѣреніе онъ совершилъ, а потомъ нашелъ веревку, обвязалъ вокругъ тѣла этой дѣвицы и приказалъ ей идти въ клѣтъ; тамъ у нея были деньги 30 рублей. Отдала она ихъ разбойнику, мало ему еще показалось. „Неси еще, что у тебя тамъ есть“.—„А осталось у меня только рубашка да башмаки на умирало“.—„Ну, это оставь себѣ“. Потомъ дѣвица и говоритъ: „давай затопимъ печьку и вымоемся, мы теперь такіе грѣшныя да поганые, да и тебя вымою“. Затопили печьку, скипѣлъ чугунокъ съ водой, она взяла да и вылила весь чугунокъ на этого мужика и обварила его кипяткомъ и вытащила на дворъ, а сама вымылась и одѣлась во все, что было сшито на смерть, и легла на лавку. Пришли сосѣди, она имъ все рассказала, какъ что было, и пригласила священника и покаялась ему во всемъ и черезъ четверо сутки Богу душу отдала.

Череповецкій у., д. Жали Самосорской волости. Отъ кр-ки Елены Костиной. 1900 г.

94. Сёстры убійцы.

У одного мужичка было три дочери. Однажды пошли они за ягодамъ, двѣ изъ нихъ лѣнятся брать ягоды, а которыя и сберутъ, то все съѣдаютъ, а третьяя старается брать, и у нея ужъ цѣлая корзинка ягодъ, а тѣхъ по малехоньку. Имъ и стало завидно, что у нихъ не цѣлыя корзины, они и уговорились убить свою сестру, а ягоды раздѣлить по корзинкамъ. Они такъ и сдѣлали: убили и зарыли подъ кустикъ. Приходятъ домой, у нихъ и спрашиваютъ: „гдѣ же третья сестра?“ Они соврали, что кричали ей, кричали, не могли докричаться, такъ и ушли домой, а она, вѣрно, заблудилась. Спустя годъ, отецъ пошелъ въ лѣсъ и видитъ зеленой-презеленой кустикъ, а на этомъ кустикѣ два дидилька выросли. Срѣзалъ этотъ мужичекъ эти дидильки и сдѣлалъ двѣ дудки и началъ играть, а дочка покойная въ дудку на игрѣ и отвѣчаетъ: „милой мой тятинька, милая моя мамонька, убили меня, погубили меня двѣ родныя сестры за ягодку, за клюковку. Пришелъ мужичекъ домой: „натко, говорить, matka, поиграй въ дудку“. Стала она играть, таже пѣсенка и у нея выходитъ. Взяли они своихъ дочекъ да въ острогъ и посадили.

Череповецкій у., д. Острова Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Матрены Верезиной. 1900 г.

95. Двоеженецъ.

Въ одномъ городѣ жилъ офицеръ съ женой. Однажды послали его по дѣлу въ другой городъ на долгое время. Живши тамъ, познакомился онъ со вдовой, у которой была красивая дочь. Дѣвушка ему понравилась, и онъ сталъ ухаживать за ней, а потомъ и уговаривать вступить съ нимъ въ любовную связь; она не согласилась. Тогда онъ началъ сватать за себя. Прежде чѣмъ выйти за него замужъ, дѣвушка спросила, не женатъ-ли онъ. Онъ отвѣтилъ отрицательно. Она заставила поклясться въ этомъ. Онъ

поклонялся ей именемъ какихъ то трехъ святыхъ. Свадьба состоялась въ одной изъ церквей города. Молодые поселились у матери. Дѣла пришли къ окончанію, и офицеру нужно было уѣзжать домой. Простился съ тещей, взялъ молодую жену и поѣхалъ. Дорогой признался ей, что онъ женатъ. Молодая пустилась въ слезы и упрекала его за обманъ. Онъ поставилъ ей такое условіе: если она хочетъ съ нимъ ѣхать, то назвалась бы его прислугой. Не смотря на такое униженіе, она изъ любви къ нему согласилась. Приѣхали домой; законная жена встрѣтила офицера радосно, но удивилась, увидѣвъ съ нимъ постороннюю молодую женщину. Онъ объяснилъ, что по дорогѣ нанялъ прислугу; вторая жена подтвердила это. Стали поживать. Только первая жена стала замѣчать, что между мужемъ и прислугой существуютъ какія то отношенія, и сильно ревновала. Догадки превратились въ очевидность тогда, когда прислуга въ одинъ прекрасный день принесла ребенка. Послѣ этаго положеніе всѣхъ стало невозможнымъ. Вскорѣ первая жена нашла незамѣтный способъ отравить ребенка своей соперницы. Когда младенецъ лежалъ въ гробикѣ, то у него на губахъ выступила пѣнка. Мать его, т. е. вторая жена, сняла съ губъ пѣнку и положила въ чайную чашку. Ребенка похоронили въ тотъ же день. Первая жена налила себѣ чаю въ ту чашку, въ которой была пѣнка, снятая съ губъ младенца, этимъ отравилась и умерла. Такимъ образомъ вторая жена стала неумышленной виновницей смерти первой жены своего мужа. Офицеръ разсердился и сталъ грозиться, что предастъ ее суду за отравленіе, что онъ и исполнилъ. Прежде въ судахъ было обыкновеніе присуждать наказаніе душа за душу, и вотъ за отравленіе ее присудили заживо похоронить. Вышло такъ, что двухъ женъ погребли въ одну могилу, одну мертвую, другую живую и засыпали землей. Въ первую ночь живая покойница призвала на молитвѣ тѣхъ трехъ святыхъ, которыми поклонялся еѣ мужъ. Вдругъ могила раскрылась, она встала изъ могилы, и невидимой силой была перенесена въ ту церковь, въ которой вѣнчалась съ мужемъ, и начала молиться за избавленіе еѣ отъ смерти. Утромъ приходитъ въ церковь сторожъ, увидѣлъ какую то женщину, испугался и побѣжалъ къ священнику. Пришли уже въ двоемъ и спрашиваютъ издали:

„что ты за женщина“; она отвѣчаетъ: „не бойтесь, подойдите ближе“, и рассказала священнику всё, что съ ней случилось, и онъ узналъ въ ней ту, которую вѣнчалъ съ офицеромъ. Затѣмъ она пошла къ матери и тоже рассказала ей всё и стала жить съ ней. Спустя нѣкоторое время офицера послали опять по дѣлу въ этотъ же городъ. Онъ пошелъ къ тещѣ; жена знала, что онъ придетъ, такъ какъ обладала духомъ прозрѣнія, и спряталась; онъ, не смущаясь, началъ рассказывать тещѣ, что жена его здорова, родила ребенка благополучно, не взялъ её съ собой оттого, что нужно было присмотрѣть за хозяйствомъ. Вдругъ изъ другой комнаты выходитъ его вторая жена, онъ её увидаль, вскрикнулъ и сразу лишился разсудка.

Череповецкій у., д. Большой Дворъ Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Авдотьи Гладышевой. 1900 г.

96. Злая свекровь.

Сидѣли три дѣвки на бесѣдѣ, а имъ былъ любъ одинъ Иванъ царевичъ. Одна дѣвка и говоритъ: „я бы для него напярала одну ниточку, да весь миръ одѣла;“ другая говоритъ: „я бы для него одно зернушко канула и весь миръ прокормила“, а третья дѣвка говоритъ: „я бы ему родила сына—по локоть руки въ золотѣ, по колѣна ноги въ серебрѣ, въ косицахъ то часты звѣзды, а во лбу-то ясный мѣсяцъ“. Мать Ивана царевича говоритъ, что ей этой дѣвки не надо. Онъ родителей не послушался и взялъ за мужъ третью дѣвку. Два года прожилъ съ ней и поѣхалъ торговать, а она плачетъ: „если ты уѣдешь, то меня изгубятъ“. Послѣ его отъѣзда она родила паренька и дѣвушку; о ту пору сука щенятъ родила, бабушка взяла да и подкинула ей щенятъ и отписала своему сыну, что его жена родила двухъ щенятъ; дѣвушка то померла, а мальчикъ то живой. Отъ сына пришло письмо, что „хотя моя жена и родила двухъ щенятъ, но ты ихъ никуда не дѣвай“. А свекровь и говоритъ: „мужъ твой разсердился и приказалъ мальчика и тебя заколотить въ бочку и опустить на море“. Приготовили бочку, взяла мать сына, благословленную икону и хлѣба, сѣла въ бочку, ихъ закупирили и спустили

на море. Долго ихъ носило по морю; сынъ и говорить: „мамонька, мамонька, я потянусь?“ — „Нѣтъ, дите мое милое, не тянись: потонемъ“, а онъ опять просить потянуться, и не утерпѣлъ — потянулся, бочка разсыпалась, и они очутились на островкѣ. На островкѣ нашлась избушка, и они остались въ ней жить. Однажды мальчикъ ходитъ по острову и видитъ, что ѣдутъ заморскіе купцы, а мать ему и говорить: „зови ихъ, дитятко, и скажи: заморскіе гости, заѣзжайте къ намъ въ гости, у насъ каша крутая, горохъ крупной“. Онъ позвалъ, и гости заѣхали. Съѣхали домой и рассказываютъ Ивану царевичу, что на одномъ пустомъ островѣ одна вдова обселяется, и они хорошо у нея отгостили, а мать Ивана царевича и говорить: „это что за диво, а у насъ на дворцѣ есть елка, а на елкѣ собачка, а собачка грызетъ орѣшки, а орѣшки то непростые, а золотые“. Онъ опять за море здобляется и имѣніе носитъ на корабль и пріѣзжаетъ на тотъ островъ, а мальчикъ машетъ картузомъ и кричитъ: „заѣзжайте, заморскіе гости, къ намъ въ гости, у насъ каша пшѣнна, горохъ крупной, рыба снятки, булка бѣла“. Какъ мальчикъ картузь-то снялъ, а Иванъ царевичъ и видитъ во лбу свѣтелъ мѣсяцъ и призналъ въ немъ своего сына. Пришелъ къ нимъ и сталъ разпрашивать, какъ они сюда попали, а они и говорятъ, что и сами не знаютъ, какъ они сюда попали. Онъ имъ упалъ въ ноги и сталъ просить прощенія, они его простили. Затѣмъ стали поживать счастливо.

Череповецкій у., д. Вузакова Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Аксиньи Юдиной. 1900 г.

97. Водяной и его дочь.

Вотъ какая старинка ходитъ въ нашемъ селѣ за правду. Было это гораздо давно; одинъ сельскій мужичекъ ходилъ гдѣ-то далеко на заработкахъ и захотѣлось ему у одного озера напиться нападкой, навалился онъ къ водѣ, вдругъ кто-то его и схватилъ за бороду да и не отпускаетъ. Онъ говоритъ: „отпусти“, а изъ воды слышится: „откажись отъ того, чего дома не знаешь, такъ отпущу“. — „Ладно“, говоритъ мужичекъ.

Приходитъ домой, а тамъ у него родился сынъ; онъ женѣ и сказалъ: „я сына отсулилъ, а не знаю кому“. Отецъ пожилъ немного и померъ. Мать сыну не внушаетъ, а сама всё плачетъ; потомъ ужъ онъ выросъ большой, выучился, а мать всё плачетъ объ немъ; онъ спрашиваетъ: „объ чемъ ты все плачешь?“ Она ему и рассказала. „Ну, коли такъ, теперь я пойду искать того, кому вы меня отсулили“. Ну, онъ пошелъ къ тому же озеру; нашелъ у озера хижину, а въ ней женщина ему и сказала: „я обо всемъ хорошо знаю, а сестра моя еще лучше знаетъ, иди къ ней“. До той сестры дошелъ — она и говоритъ: „сегодня день пасмурный, а ты пока поживи, поработай у меня и дождись красного дня, тогда на озеро выдутъ двѣ уточки купаться, у одной изъ нихъ пуговицы на задницѣ, съ нея ты и сохить одежду“. Въ красный день онъ спрятался за кустикъ, являются двѣ утки, стряхнули съ себя перья и очутились въ однихъ рубашкахъ — дѣвушками, сняли рубашки и начали купаться, онъ и сохитилъ у одной рубашку. Они выкупались, нужно одѣваться, а одежды-то и нѣту, одна и закричала: „ой, дѣва, кормилица, какъ я къ тятенькѣ подъявлюсь?“ а потомъ: „кто спряталъ одежду, если старый старичекъ, то будь мнѣ дѣдушко, пожилой мужичекъ — будь мнѣ дядюшка, а если молодой дѣтinka, то пусть мнѣ суженый-ряженный будешь“. — „Пусть будетъ такъ, на вотъ тебѣ одежда“. „Такъ пойдемъ, молодецъ, къ моему батюшкѣ“ — „Вотъ, тятя, онъ далъ мнѣ одежду, а я дала слово выйти за него замужъ“. — „Ну, такъ дала, такъ и ступай отъ меня прочь и исполняй его“. Молодецъ повелъ ее къ своему дому, они шли, шли да и приустали, дочь водяного и говоритъ: „ой, Ваня, я приустала, разкинь бѣлый шатрикъ, давай поотдохнемъ“. — „Ну, невѣста, ты посиди въ этомъ шатрикѣ, а я пойду у мамы доложусь“. Онъ сошелъ домой, а мать и говоритъ: „ступай къ дьячнкѣ, сватайся, у нея три дочьки, а то гдѣ ты тамъ нашелъ невѣсту какую-то дальнюю“, — просто не велитъ ему брать. Невѣста въ шатрѣ ждетъ, пождетъ, нѣтъ се жениха. Вдругъ приходитъ за водой первая дьячкова дочь, размахнула ведромъ и говоритъ: „ой! я эдакая хорошая, эдакая пригожая, не буду воду носить“, вынула ведро изъ родника да хлесь о землю, приходитъ домой, а матка и спрашиваетъ: „что безъ воды?“ — „Ведро сломалось, ма-

менька“. — „Эдакая ты неумѣха“. Двѣ другія сестры тоже возгордились своей красотой и такъ же ловко обманули мать и не принесли воды. Сама мать дьячиха прибѣжала за водой съ рученькой, а невѣста — дочь водянаго и говоритъ: „давай, бабушинька, я принесу воды: у тебя дочьки-то хорошія и пригожія — такъ ихъ за хорошихъ и оберутъ, а я тебѣ буду работать да ковры вышивать“. Она ее взяла, привела домой и посадила на печь да и завѣсила занавѣсьемъ. Токо такъ и сваты накрыли къ ея дочькамъ. Она сидитъ на печькѣ, а у печьки идетъ стряпня для гостей, она и проситъ тѣстечка у дьячихи, она и дала ей. Она изъ этаго тѣстечка и сдѣлала голубка да голубку; они выбѣжали на грядку да и кричатъ: „голубь-голубчикъ, забылъ свою голубку въ бѣломъ шатрѣ, въ чистомъ полѣ — Марью Юдишну“. Дьячиха живо подбѣжала да сковородникомъ стукнула о грядку — они убрались по своимъ мѣстамъ. Она еще сдѣлала голубка до голубку; они опять выбѣжали да прокричали тѣ же слова. Потомъ она открыла запавѣску и показала своему жениху съ печи, онъ словно ото сна пробудился да и говоритъ: „вотъ моя суженая, вотъ моя ряженная“. Да потомъ и обвѣнчался съ ней. А дьячихѣ-то было не любо, да что подѣлаешь.

Череновецкій у., д. Бузакова Дмитріевской вол. Отъ кр-ки Аксѣи Юдиной. 1900 г.

98. Сказаніе о томъ, какъ мужикъ съ Николлѣй путешествовали и что они видѣли.

Было это не очень давно, да и не очень отъ насъ близко. Жилъ мужикъ, по имени Фалалей. Онъ былъ не особенно богатъ, да и не бѣденъ; не очень старъ, да не молодъ, не очень уменъ, да и неглупый. А такой хитрый, что если что увидитъ, то все ему объясни да Расскажи. Захотѣлось ему узнать, долго-ли онъ проживетъ на этомъ свѣтѣ, каково ему будетъ послѣ смерти. И сталъ просить св. Николая Чудотворца, чтобы тотъ ему открылъ и показалъ будущее. Разъ ему и было такое видѣніе: является въ свѣтлыхъ ризахъ старецъ и говоритъ: „пойдемъ, покажу я тебѣ твою будущую жизнь и мѣсто, тебѣ уготованное“. Пошли. Долго

они брели по незнакомой лѣсистой мѣстности и подошли къ такой большущей комнатѣ, что и конца краю не видать. Въ комнату вели двери; онѣ были заперты. Но по слову св. Николая двери сами отворились. „Иди въ горницу, говоритъ св. Никола, погуляй тамъ, а я приду за тобой“ Пошелъ Фалалей, и дверь за нимъ сама затворилась. Оглядѣлся мужикъ и видитъ, что къ потолку лампадки навѣшаны. Ихъ такъ было много, что, кажись, считай цѣлый вѣкъ, такъ и то не сосчитаешь. Одна лампадка только дымилась: масло все выгорѣло; другая уже погасла: масла не было; третья горѣла. Этихъ лампадокъ было не меньше, чѣмъ и потухшихъ. Однѣ горѣли ярко, другія едва мерцали. Однѣ горѣли равнымъ свѣтомъ, другія вспыхивали. И понялъ мужикъ, что лампадки эти—жизни людей. Сталъ онъ присматриваться—нѣтъ-ли гдѣ и его лампадки, съ его жизнью и, послѣ долгихъ поисковъ, нашелъ. Поглядѣлъ Фалалей на свою лампадку и обмеръ отъ страха: въ ней масла было на донышкѣ. А рядомъ висѣла лампадка его жены и полная масла. „Ну, ужъ это... (слѣдуетъ нецензурное слово), чтобы я позволилъ своей тасканой онучѣ пережить себя. Нѣтъ, шалишь!“ Захотѣлось ему изъ женинной лампадки перелить масло въ свою. Но не тутъ-то было. Лампадки такъ сдѣланы, что отнять ихъ нельзя. Какъ-же быть? Думалъ, думалъ мужикъ и, наконецъ, догадался. Окунетъ палецъ въ женину лампадку съ масломъ, поднесетъ къ своей, да и обтираетъ палецъ о края, чтобы масло то въ лампадку стекало. Попробовалъ разъ—удалось, и масла въ лампадкѣ поприбыло. И давай мужикъ въ чужой лампадкѣ пальцы окунывать да въ свою масло переливать. Пробился часъ-другой и видитъ, что въ его лампадкѣ масла чуть не половина прибыла. „А, проклятая, думаетъ Фалалей, хотѣла меня раньше уморить, а сама остаться! Нѣтъ, врешь! Завтра-же околѣешь, какъ масло все вымачу“. Глядь, а Николай Чудотворецъ и идетъ къ нему. „Ты что это дѣлаешь, чадо?“ спрашиваетъ святитель. — „Да ничего, Божій угодничекъ, вотъ хотѣлъ волоса масломъ помазать: больно сухи стали“... Поглядѣлъ на него св. Николай, но ничего не сказалъ, а повелъ его дальше. Долго ходили они, наконецъ, пришли къ другой комнатѣ, не меньше первой, только та была темная и мрачная. „Ступай туда, ска-

залъ Николай Чудотворецъ, а я приду за тобой“. Вошелъ Фалалей въ темную горницу, и она освѣтилась. Поглядѣлъ онъ во всѣ стороны, и волосы дыбомъ стали. Въ одномъ мѣстѣ лежали цѣпи, въ другихъ крючья, въ третьихъ щипцы огромные, въ четвертомъ висѣли котлы, а подъ ними были цѣлыя груды угля. Понялъ Фалалей, что это все для грѣшниковъ припасено, это ихъ будутъ мучить послѣ смерти.

Сталъ онъ поглядывать, нѣтъ-ли гдѣ чего-нибудь и для него приготовлено. И видитъ онъ: огромный котелъ виситъ на желѣзныхъ цѣпяхъ, а подъ нимъ цѣлая гора угля. Догадался Фалалей, что это его будутъ поджаривать въ этомъ котлѣ, для него припасено столько угля. А недалеко висѣлъ другой котелъ, поменьше, и угля подъ нимъ было немного—воза два. „Вотъ тебѣ и разъ! подумалъ мужикъ, на этомъ свѣтѣ моя баба дольше хочетъ прожить, да и на томъ ей вольготнѣе будетъ“. Сталъ онъ думать, какъ бы отъ своей груды угля поубавить, а въ груду женину прибавить. Поглядѣлъ по сторонамъ, не найдется ли гдѣ корзинки или чегонибудь другого, чѣмъ бы можно было углей изъ одной кучи въ другую поносить. Ничего не могъ найти. Снялъ съ себя штаны, завязалъ у нихъ концы, и давай ими, какъ мѣшками, уголь таскать. Нагребетъ углей цѣлые штаны, взвалитъ себѣ на плечи и претъ. Перепрѣлъ весь, перемазался, какъ чертъ, а все устали не знаетъ. Долго бы онъ пропутешествовалъ отъ одного котла къ другому, да Николай Чудотворецъ помѣшалъ. Только въ сотый разъ онъ высыпалъ уголь и идетъ, чтобы опять насыпать штаны, а Никола ему навстрѣчу. „Ты что это, чадо, дѣлаешь?“ спрашиваетъ онъ у мужика.—„Да вотъ, Святитель, упалъ, штаны перемаралъ и боюсь, что жена бранить будетъ, такъ ищу воды, гдѣ бы ихъ вымыть“. — „Ступай, говоритъ св. Никола, домой да мой свои штаны и себя, только не водой, а своими горячими слезами. Успѣешь вымыть, пока масло горитъ въ лампадкѣ, такъ больше не придется тебѣ начкаться. Грѣда угля, что ты наносилъ подъ женинъ котелъ, вся исчезнетъ, а масла въ лампадку, которое ты вымакалъ, ей снова подольется, потому что на твоихъ штанахъ все-таки останутся пятнышки, такъ ей надо будетъ домыть ихъ“. Вотъ что узналъ Фалалей про свое будущее.

Псковская губерния.

1

2

3

4

99. [Мальчикъ, отгадывающій сны].

Жилъ мужикъ и баба; вотъ они поставили себѣ новые хоромы и перешли туда на житѣе. На первую ночь мужикъ увидѣлъ сонъ: кабы ѣнъ несъ дрова, напалъ на ево медвѣдь и нацылъ давить. Назавтра вставши, думайтъ, што этотъ сонъ што-либо знаца, захотѣлъ разгадать ево. Ёнъ зналъ, што въ одномъ селѣ жилъ такей баяринъ, каторый умѣлъ разгадывать сны, поѣхалъ къ нему. На дороги послѣ деревни повстрѣчался ему мальцыкъ, отворилъ ворота и сказалъ: „я знаю, дядя, куда ты ѣдишь и зачѣмъ. Ты ѣдишь къ барину, штобы ѣнъ разгадалъ табѣ сонъ“. — „Правда твоя, мальцыкъ!“ — „Смотри, дядя, баринъ возьмется разгадать табѣ сонъ и скажа правду, только ѣнъ будя просить за труды медвѣдя,—ты не давай, половины будя просить и то не давай. Ёнъ ни за што другое не будя соглашаться разгадывать твоего сна, ты посули ему третью часть медвѣдя, онъ и то согласится“. Мужикъ поблагодарилъ мальцыка и поѣхалъ. Пріѣзжая къ барину, говорить: „Ваше благородье, я видѣлъ вотъ такой-то сонъ, прошу разгадать мнѣ ево“. Баринъ говорить: „я разгадаю твой сонъ, только што будя мнѣ за труды?“ — „Ваше благородье, што угодно возьми, только разгадай, я ницево не жалѣю“. Баринъ говорить: „отдай мнѣ медвѣдя, котораго ты видѣлъ во сняхъ, я разгадаю твой сонъ“. — „Не, баринъ, што угодно возьми, а медвѣдя не дамъ“. — „По крайней мѣрѣ, дай половину“. — „Не, баринъ, возьми, сколько хошь, казны, а медвѣдя и половины не дамъ“. — „Дай же мнѣ хоть третью часть“. Мужикъ согласился. Сговорившись, баринъ сказалъ: „поѣдемъ же, мужикъ, въ твои новые хоромы“. Потребовалъ лошадей и поѣхали. Вотъ они ѣхали, ѣхали и пріѣхали. Вошли въ избу, баринъ и говорить: „поднимай-ка вонъ эту половницynu, поройся тамъ“. Мужикъ поднялъ половницynu, рылъ, рылъ и вырылъ шкуру медвѣжьєю съ деньгами. „Вотъ, мужикъ, што твой сонъ знацылъ“. Мужикъ поблагодарилъ барина и по условію отдалъ ему третью часть денегъ. Баринъ началъ выпытывать у мужика: „скажи, братъ, пожалуста, кто табѣ не велѣлъ отдавать медвѣдя“. Мужикъ

сначала впирался, не говорилъ, наконецъ, сказалъ: „слухай, баринъ, когда я ѣхалъ къ табѣ разгадывать сонъ, такъ вонъ въ такой-то деревнѣ выбѣгъ мнѣ навстрѣцу мальцыкъ, отперъ двери, отгадалъ, куда и зацѣмъ я ѣду, и не велѣлъ мнѣ отдавать медвѣдя“. Барина нацала давить зависть, онъ понялъ, што мальцыкъ этотъ пожалуй будя знать больше его. Вотъ онъ отправился домой. Дома позвалъ лакея и приказалъ ему набрать разныхъ хрутковъ полный ящикъ. Назавтра приказалъ подать лошадей, взялъ съ собой яду и отправился въ деревню, гдѣ жилъ мальцыкъ. Пріѣхавши въ деревню, попросился ночевать у хозяина—батъки этого самого мальцыка. Его пустили ночевать. Вотъ онъ, вошевши въ избу, нацылъ съ мальцыкомъ разговаривать, ласкать его: „ахъ, молодой юноша, какъ я тебя полюбилъ. Эй, слуга, дай-ка сюда хрутковъ“ (они были уже отравлены). Слуга принесъ хрутки, даетъ мальцыку, а мальцыкъ говоритъ: „не, баринъ, спасибо, я не привыкъ къ сластямъ, кабы ты далъ мнѣ цашу гороху, я взялъ бы“. Такъ эны поговорили кое о цомъ и легли спать. Барину не спится, его давитъ зависть. Въ полночь, когда всѣ спали, приказалъ слугѣ подать лошадей и мальцыка соннаго вынести въ колесницу. Слуга все исполнилъ. Баринъ и уѣхалъ домой. Вечеромъ позвалъ повора, приказалъ вынуть изъ этого мальцыка сердце, сжарить ево и подать ему. Назавтра рано утромъ поваръ сталъ тоцить ножъ. Мальцыкъ видитъ это и говоритъ: „я знаю, для цего ты тоцышь ножъ, хоцышь меня зарѣзать, вынуть сердце, сжарить и подать барину“. — „Да, ты правду байшь, мальцыкъ“, и самъ усумнился. Мальцыкъ говоритъ повору: „не тронь меня, я табѣ-ка пригожусь послѣ, а вонъ подъ анбаромъ сука щенилшись—девятеро вмѣстѣ лежитъ, а десятый отшатнувшись отъ нихъ. Про нихъ еще никто и не знаетъ. Возьми ты щененка, зарѣжь, вынь сердце, приготовь и неси барину, а какъ понесешь, въ дверяхъ пошатнись и выволи изъ рукъ, собака подбѣжитъ и съѣсъ, а баринъ скажа: собачье собаки и досталось, а табѣ лицево не будя“. Потомъ сказалъ ему, што самъ Государь увидитъ сонъ, потребуеть этого барина разгадывать его. Онъ не разгадаетъ, выпросится домой и, пріѣхавши, побѣжитъ въ свою комнату, схватитъ пистолетъ съ намѣреніемъ застрѣлиться, а ты удержи ево и возмись отыскать меня.

Онъ тебя наградить за это и на волю отпустить“. Поваръ сдѣлалъ все, что говорилъ мальчикъ. Черезъ нѣсколько времени Его Государственное Императорство видитъ сонъ, будто бы у его любимой цаши откусилъ кто-то край. Вотъ и ёнъ послалъ за этимъ же бариномъ. Баринъ явился. Государь разсказалъ ему сонъ, но баринъ не могъ разгадать этого сна. Государь и говоритъ: „смотри, если не разгадаешь, голова долой“. Баринъ говоритъ: „Ваше Государственное Императорство, я таперь не могу разгадать этого сна, позвольте съѣздить домой, я забылъ одну книжку, въ которой есть этотъ сонъ. Если послѣ не разгадаю, тогда што хочыте, сдѣлайте со мною“. Государь отпустилъ. Онъ, приѣхавъ домой, хотѣлъ застрѣлиться, но поваръ удержалъ его, отыскалъ ему мальцыка, съ которымъ баринъ опять отправился къ Государю. Приѣхавши, говоритъ: „Ваше Государственное Императорство, я устарѣлъ, а вонъ мой ученикъ може разгадать этотъ сонъ“.—„Мнѣ все равно“, говоритъ Государь. Мальчикъ и говоритъ: „кака-жъ мнѣ за это награда будя? Я хочу, штобы вы отдали за меня любимую хрелину Ея Государственнаго Императорства“. Государь согласился, а Государыня долго не соглашалась. Наконецъ, сказала: „по крайней мѣрѣ, выставьте всѣхъ моихъ хрелинъ въ рядъ“, думая, что онъ другую выберетъ. Такъ и сдѣлали. Но мальчикъ прямо указалъ на любимую хрелину Государыни. У Государя ни за пивомъ, ни за виномъ — всего въ волю; сейчасъ же и свадьбу сыграли.—„Ну, Ваше Государственное Императорство, таперь мужъ, што хошь, могла сдѣлать съ женой“.—„Да, таперь онъ полный хозяинъ надъ женою“. Вотъ мужъ приказалъ жены раздѣться на-голо. Она раздѣлась. Што-жъ оказалось: што это былъ мужчина. „Вотъ, Ваше Государственное Императорство, што знаца вашъ сонъ“. Государь мальчика за это наградилъ, а хрелину приказалъ разстрелять.

Великолуцкій у., Вязовская вол. 1870 г.

100. Воръ Ворыга.

Жилъ былъ баринъ, а у барина былъ мужикъ, его баринъ звалъ воръ ворлыга, а былъ у барина быкъ, стоялъ на стоилѣ, а этова быка у барина воръ ворлыга укралъ, вотъ это барину доказали мужики, что укралъ воръ ворлыга, баринъ вора ворлыгу призвалъ къ себѣ. „Воръ ворлыга, какъ ты моево быка кралъ?“ — „Я пришелъ, замокъ снялъ, быка взялъ да повелъ“. — „А какъ же онъ у тебя не вырвался?“ — „Я ево удержалъ“. — „Ну, гдѣ же онъ у тебя стоитъ?“ — „Надворѣ, дома“. — „Ну, я быка возьму домой. Воръ ворлыга, я тебя отдамъ въ солдаты, на что ты воруетъ. Вотъ у меня есть жеребецъ на стоилѣ, украдь ево“. — „Я ево украду“. — „Коли же ты будешь красть?“ — „А вотъ севоднюшнюю ночь украду“. Вотъ онъ жеребца замкнулъ замкомъ и поставилъ четырехъ мужиковъ караулить. Вотъ эти мужики расклали огонекъ и сидятъ, караулютъ. Вотъ этотъ воръ ворлыга взялъ кожуную суму за плечи и поставилъ въ нее кружку вина, къ нимъ пришолъ, поздаровкался съ нимъ. „Вотъ замарился идя, нельзя ли погрѣться у огня“. Они сказали: „можно“. Вотъ онъ принесъ, закусить съ нимъ захотѣлъ и вынулъ штофъ вина, сталъ наливать стаканъ и выпилъ самъ, закусилъ и имъ сталъ наливать, ихъ пьяными напоилъ да пошелъ, жеребца и увелъ. Назавтрѣ хватились — жеребца нѣтъ, барину сказали, что жеребецъ пропалъ съ конюшни. Вотъ онъ закричалъ: „воръ ворлыга увелъ, вѣрно, онъ тамачка; пускай ко мнѣ идетъ воръ ворлыга“. Вотъ онъ и пришелъ, онъ и пытаетъ: „ты укралъ моево коня? — Я, говоритъ, укралъ, мужиковъ пьяныхъ напоилъ, а я коня и увелъ; коли твой конь, возьми назадъ, онъ цѣлъ“. Баринъ и взялъ. Вотъ баринъ говоритъ: „у меня денегъ сундучокъ стоитъ, вотъ тамачка подъ подушкой, ты ихъ украдь, чтобы и хозяйка не вѣдала“. Онъ говоритъ: „украду“ — „Когда ты будешь красть?“ — „Севоднюшнюю ночь, что будетъ“. Вотъ онъ сдѣлалъ челоуѣка изъ соломы, одѣлъ у платье, на саняхъ подвезъ къ окну близка, а самъ около стѣнѣ да на крылецъ, и взошелъ на

крыльцо, хотя не горась, и стукнулъ; а баринъ не спалъ, караулилъ съ хозяйкой деньги. Вотъ онъ увидалъ человѣка, на саняхъ стоитъ, онъ съ ружья и грохъ и убилъ человѣка на саняхъ соломеннаго. Вотъ барыни говорятъ баринъ: „убилъ вора ворлыгу“, и побекъ въ село заявлять, чтобы онъ воровать не ходилъ; а воръ ворлыга этомъ часомъ, какъ покули бѣгалъ баринъ туда, вотъ онъ вбекъ въ спальню къ барыни и говоритъ: „убилъ я вора ворлыгу, теперь пусть ень воруетъ“. Вотъ онъ сдѣлавши, что нужно, деньги въ сундучку унесъ и говоритъ: „а теперь пойду, скажу мужикамъ, чтобы вобрали вора ворлыгу куда нибудь“. Вдругъ приходитъ и баринъ отъ мужиковъ и начинается... барыня ево заругала, вотъ онъ и схватился за деньги, а ихъ нѣтъ. Онъ сказалъ: „пусть будетъ воръ ворлыга, а мы будемъ жить безъ денегъ“.

Великолудцкій у. 1870 г.

101. Афинистъ князь.

Жилъ купецъ и купчиха; у нихъ было двое дѣтей—сынъ да дочь; сынъ былъ старше, дочь младше. Отецъ и мать стали умирать; мать наказывала сыну: „сынъ мой, качай свою сестрицу да приговаривай: люли, люли, сестрица, люли, ласточка, вырастешь большая, будешь въ золотѣ ходить, отдамъ тебя замужъ за Афиниста князя“.

Когда выросла сестра большая, стала требовать жениха. Братъ ей сказалъ: „сестрица родимая, гдѣ же тебѣ найду я жениха?“—„Гдѣ хочешь, а найди!“ Братъ слезно заплакалъ и отправился въ путь, его застала темная ночь въ лѣсу. Только онъ заснулъ, какъ вдругъ его освѣтило, точно огнемъ. Онъ пробудился, испугался и спросилъ, кто тутъ? Изъ коляски, освященной огнемъ, громкимъ голосомъ сказалъ: „это я, Афинистъ князь, котораго ты ищешь; ты хочешь свою сестру отдать за меня замужъ; что же у твоей сестры есть особенное?“ Братъ говоритъ: „что сестра моя, когда заплачетъ, посыплется изъ глазъ жемчугъ; когда засмѣется, изъ рта посыплется золото“. Услыхавши это, князь велѣлъ

ему садиться съ собой въ коляску и приказаль вести себя къ евоной сестрѣ. Когда стали они подъѣзжать къ дому, братъ закричалъ: „сестрица, умойся!“ Сестра не разслышала, что братъ сказалъ и спросила у мамушки, что братъ велить дѣлать ей? Мамушка сказала, что братъ велить умыться. Она умылась. Братъ еще закричалъ: „сестрица, передѣнься“. Она опять не разслышала и спросила у мамушки; мамушка сказала, что братъ велить ей раздѣться. Она раздѣлась. Братъ еще закричалъ: „сестрица, выходи, жениха принимай!“ А мамушка сказала ей, что братъ велить ей растворить окно и кинуться въ рѣку. Тогда мамушка нарядила свою дочку въ ея платье и велѣла встрѣчать князя-жениха. Когда дочка ея вышла, улыбнулась, не посыпалось изо рта ничего; братъ ударилъ ее въ щеку, она заплакала, изъ глазъ не посыпалось тоже ничего. Тогда князь разсердился и посадилъ за обманъ брата въ темницу. Когда пришла ночь, сестра приходитъ въ темницу и начала плакать: „ахъ, лари вы, мои лари, позолоченные, не мнѣ вы достаетесь, достаетесь мамушкѣ да нянюшкѣ“, а у самой изъ глазъ такъ и сыплется жемчугъ. Братъ ее узналъ, она рассказала, что мамушка съ ней сдѣлала, и обѣщала брату еще его провѣдать въ слѣдующую ночь. Пришла другая ночь, сестра опять приходитъ къ брату и также плачетъ. Братъ рассказалъ, за что онъ сидитъ въ темницѣ, и просилъ ее выручить его изъ темницы. Она сказала, что „приду еще въ послѣдній разъ и если хочешь, чтобы я у Васъ осталась, накинъ на меня крестъ, читай книги и служи молебны“. Передъ третьей ночью приходитъ въ темницу князь и говоритъ: „не пеняй на меня, любезный, я за то посадилъ тебя въ темницу, что ты меня обманулъ“. Братъ рассказалъ князю, какъ мамушка обманула его сестру и что теперь жена его—не его сестра. „Мамушка подставила свою дочку, а сестрѣ моей велѣла кинуться въ рѣку, и она была у меня ночью два раза и сегодня придетъ ночью въ послѣдній разъ. Если хочешь, ее увидишь, и чтобы она вамъ досталась, то придите севодишнюю ночь и спрячьтесь въ темницѣ“. Князь пришелъ и спрятался за кровать. Вдругъ ночью идетъ сестра и плачетъ по прежнему, а изъ глазъ такъ и сыплется жемчугъ; потомъ стала говорить съ братомъ и разсмѣялась—изо рта посыпалось золото. Князь не вытерпѣлъ,

выскочилъ прямо къ ней; она хотѣла убѣжать, но братъ схватилъ ее въ охапку и накинулъ на нее крестъ, а князь сталъ книги читать и велѣлъ момебны служить. Она стала превращаться въ разные твари; но братъ всячески ее удерживалъ; наконецъ, она стала такою, какъ была прежде. Князь на ней оженился; а мамушку и ея дочку велѣлъ разорвать на конскихъ хвостахъ.

Опочецкій у. Зап. отъ Велейскаго писаря Авечкина.

102. [Людоѣдка].

Жила баба, у бабы была дочка, дочку выдала замужъ, дочка не была въ матки годъ и два; на третій идетъ въ гости къ матки, на встрѣчу бѣжитъ заяцъ: „молодуха, молодуха, куда ты идешь“, спрашивалъ заяцъ. Она отвѣчаетъ: „къ матки въ гости“. Заяцъ говоритъ: „не ходи, молодуха, matka—злая баба: тебя съестъ“, а она ему сказала: „у-ту, заяцъ косою, не лги“, и пошла дальше. Попадается лисица, также спрашиваетъ, а молодуха отвѣчая: „у-ту, илгешъ, лисица, долгой хвостъ“. Попадается ей волкъ, и волкъ также спрашивая, а молодуха отвѣчая: „у-ту, волкъ, апаленый бокъ“.. Дальше пошла; попадается медвѣдь, и тотъ также спрашиваетъ, а молодуха говоритъ ему: „у-ту, илгешъ!“ Пришла къ матки на улицу, по улицѣ костры, кострамъ (такъ!) все кости человѣческіе лежатъ, по тыну головы человѣчьи торчатъ; она и думая, назадъ не уйти тапераца, пришла на крилець, потрухи человѣчьи валяютца, вошла въ сѣни, два дащана съ кровью стоятъ, поглядѣла въ дверь, matka истъ людене-ночка. Она спугалась и вошла въ избу. Matka сказала: „ну, здрастуй, дацушка, что долго въ гости ко мнѣ не ходишь?“ Она баила: „матунька, я тебя боюсь“.—„Цавожъ ты, доцунька, боишься“.—„Да вотъ, матунька, въ тебя кастры, все кости цаловѣцьи“.—„У-ту, дацунька, это въ меня дровы межоно-выя“.—„Да вотъ, матунька, на тыну все головы человѣчьи“.—„У-ту, доцушка, это столбы таценые“.—„А на крыльцѣ все потрухй человѣческіе валяются“.—„У-ту, доцушка, это въ

нитки бѣлятся, матушка!“—„А въ сѣняхъ два дощана съ кровью стоять“.—„У-ту, доцулька, это одинъ съ квасомъ, а 2-й съ пивомъ“.—„А я поглядѣла въ двери, ты людепеночка иншѣ“. Матка сказала: „я и тебя съѣмъ“.

Островскій у. 1870 г.

103. [Старая хлѣбъ-соль забывается].

Ишелъ мужикъ съ мешкомъ въ лѣсъ по дороги, а волкъ бѣжитъ ему навстрѣчу отъ охотниковъ и сталъ просить мужика, чтобы спряталъ его. Мужикъ взялъ волка въ мешокъ и пронесъ отъ ахотниковъ, потомъ и выпустилъ изъ мешка. Вдругъ волкъ такъ и говоритъ мужику: „я тебя съемъ“.—„Нѣтъ, говоритъ мужикъ, не смѣешь, а пойдемъ судитца“. И попалась имъ на встрѣчу премудрая лисица. „Куда вы идети, мужикъ“?—„Да вотъ идемъ въ судъ“.—„Что же“?—„Да какъ же, я его сохранилъ отъ смерти, а онъ хочетъ меня съѣсть“. Говоритъ лисица: „пойдемти въ при-судствіе, я васъ посужу“. Вотъ пошли они съзади за лисицаю. Вдругъ она соскацыла накамень и села. „Ну, мужикъ, показывай, какъ у васъ съ волкомъ было дѣло, и ты сохранилъ его отъ смерти“?—„Да вотъ такъ, и лезъ, волкъ, опять въ мешокъ“. Волкъ влезъ, а мужикъ и завѣзалъ его. Тутъ лисица и говоритъ мужику: „бѣй его до смерти“. Вотъ мужикъ прежде судью убилъ да и волка то не упустилъ.

Островскій у. 1870 г.

104. [Оклеветанная сестра].

Нѣ въ которомъ городѣ жилъ купецъ съ женой. Яны жили богато и другъ друга любили. Въ ихъ было двое дѣтей—сынъ и дочь. Дѣти одинъ другаго любили и поцывали, ни въ чемъ одинъ другому непоперецыли и худо одинъ другаго не называли. Родители на ихъ глядѣли и радовались. Когда отецъ сталъ умирать, то дѣтямъ велѣлъ и послѣ смерти его также жить и другъ друга любить. Когда стала мать умирать, то сказала имъ: „дѣтуньки,

послѣ меня также живите и одинъ другаго любите и уважайте“, а сыну сказала: „смотри, сестры не обижай“. Дѣти послѣ смерти родителей такъ и жили: одинъ другаго любили и уважали. Жили яны долголь-мало безъ родителей, сестра надала уговаривать брата жениться, что ей одной трудно работать, братъ на то не согласился. Сестра больше стала наядать брату о женитьбѣ. Енъ хуть и не хотѣлъ жениться, но сестры послухаль, женился. Братъ оженивши съ женкой хорошо жилъ и сестру по прежнему любилъ, уважалъ и не обижалъ. Женка чрезъ это стала на мужа сердиться, а на заловку вдвое. Мужу наговорила на сестру, будто бы она ницова хорошава не зная и дѣлать не вмѣя, за что не возмется, все спортить, цасто бьетъ то и другое и ложекъ и карцовъ не набратъся, все бьетъ и ломаетъ. Братъ женки слухая и сестру не обижая и боится обидѣть, потому что родители не велѣли, а штобы ссору между женкой и сестрой прекратить, братъ для сестры построилъ отдѣльную избушку, тамъ яна и жила. Братъ любилъ охотничать, и когда иде на хвоту и приде со хвоты, все къ сестры зайде съ ей поговорить и посовѣтаться. Жена черезъ то хуже прежняго стала ненавидѣть сестру и цаста лгала на яну брату. Братъ не слухая женкиныхъ рѣчей, все дѣлая по своему, исполняя приказаніе родителей, не обижая сестру. За это женка на сестру аще хуже злилась и на укоризну одинъ разъ въ праздникъ полуштофы и бутылки съ виномъ разбила и сказала на сестру. Братъ ей за то ницего не сдѣлалъ. Въ другой разъ яна взяла загубила самолутшаго жеребца и сказала на заловку. Братъ ей и тутъ ницова не сдѣлалъ и каждый разъ женки на то отвѣцаль: „Богъ съ ей; Богъ намъ аще дастъ“. То чтобы ему нельзя было оставить безъ наказанія сестры, взяла и загубила своего младенца и сама пошла туда, гдѣ мужъ съ сестрой работали. Съ работы послала заловку домой замесить квашню. Послѣ скоро и сама пришла въ избу и прямо къ зыбки; глядь, а младенецъ не живъ. Тутъ она закричала дурнымъ матомъ, што заловка зарѣзала яинаго (такъ!) сына; на крикъ прибѣгъ и братъ, и самъ увидѣлъ, что сынъ не живъ и не зналъ, што дѣлать: сына жаль и сестры жаль; а женка крицытъ и велить убить сестру, за чѣмъ она убила младенца. Братъ видитъ, что тутъ нельзя не наказать сестры,

взялъ завесъ ея въ лѣсъ и хотѣлъ рубить голову. Яна начала плакать и просить ему и говорила: „лучше ты отруби мнѣ руки и ноги“ Брату сестры жалко стало, радъ бы и простить, но нельзя. Взялъ и отрубилъ ей только руки по локоть, поплакалъ и отпустилъ сестру, куда глаза глядятъ. Она пошла, а братъ, пріѣхавши домой, сказалъ объ томъ и жены. Она тѣмъ осталась и довольна, и послѣ того они стали жить безъ хлопотъ. А сестра ходила долголь-мало, терпѣла голодъ и холодъ, наконецъ, подошла къ царскому саду, а въ томъ саду одна яблонь была оцнѣ хороша и на ей яблоки были оцнѣ красивы-сладки, а какъ она хотѣла истъ, то взяла доставать ртомъ яблоки и ѣсть. Тутъ хватились, что на самолутшей яблони яблоки не всѣ. Царь въ одну ночь велѣлъ караулить. Когда караульные уснули, яна подошла къ этой яблони и опять поѣла яблокъ; тутъ узнали, што опять кто-то ѣлъ яблоки; стали другую ночь краулить и опять не украулили, когда она поѣла яблокъ. Въ третью ночь пошолъ караулить яблоки самъ царевицъ, и когда она подошла къ яблони, то царевицъ увидѣлъ и схватилъ яну. А эта безрукая дѣвица оцнѣ была красива и царевицу гораздо пондравилась. Енъ сталъ просить у родителей позволенья жениться. Родители согласились и предлагали ему ту и другую невѣсту, но енъ говорилъ: „позвольте мнѣ ажаниться на той, на которой я пожелаю“. Отецъ и мать на то согласились. Енъ и объявилъ имъ, что енъ хоца жаниться на той безрукой дѣвушки, которую поймалъ подлѣ яблони. Царь и царица сперва задумались, потомъ и благословили. Царевицъ оцнѣ обрадовался, что родители не препятствовали и охотно вступилъ въ супружество съ той безрукой дѣвицей. Живи, поживи съ мужемъ яна—забеременила, а мужъ поѣхалъ воѣвать и отъѣзжая говорилъ, кого бы моя жена не родила, но не крестити до моего пріѣзда. Долголь-мало молодая жена пожила безъ мужа и родила сына чуднаго: руки по локоть въ золоти, поги по колѣно въ серебри, на затылки мѣсяцъ, въ лбу солнце, а на макушки цастыя звѣздачки. Объ этомъ написали мужу письмо и послали съ мужикомъ, который шелъ, шелъ, и застала ночь; енъ и зашелъ къ одному купцу въ домъ и попросился ноцевать. Когда посидѣлъ, то и нацалъ рассказывать объ этомъ чудѣ, и когда упомянулъ, что нашъ

царевичъ женился и взялъ незнакомую безрукую дѣвицу замужъ, а яна родила такого-то сына, а это былъ домъ брата безрукой дѣвицы, которая за царевичемъ, а хозяйка и смякнула, что енъ рассказываетъ про ея заловку, стала говорить посланному съ письмомъ: „у меня готова баня такъ сходи попарься; съ дороги хорошо“ Енъ отправился въ баню, а яна взяла письмо, распечатала, процытала и написала другое, „будто-бы твоя жена родила ни волка ни собаку, ни кошку ни мышку, что прикажешь сдѣлать“. Палуцывши это письмо, мужъ написалъ обратно, чтобы не хранить младенца, покуда я самъ пріѣду. Дорожный отправился съ письмомъ и обратно опять зашелъ къ той хозяйки ночевать по старой береги. Яна опять взяла письмо, процытала и написала, чтобъ не только младенца, но и женки не было въ домѣ. Родители, получивши письмо, оцень долго горѣвали и жалѣли младенца и невѣстки: наконецъ, объявили объ томъ и жены сына, она сказала: „штошъ дѣлать“, и ей привязали младенца къ груди и пустили, куда глаза глядятъ. Яна ходила, ходила и разъшла около озера и захотѣла напиться, а какъ въ ей руки были отрублены, то яна и побрела поглыбже, чтобъ достать напиться ртомъ, и когда нагнулась, то младенецъ и вывалился въ воду. Яна безъ рукъ не могла его достать, и енъ утонулъ. Мать сказала: „лучшебъ я утонула, чѣмъ сынъ,“ вышла съ озера безъ сына, плакала, плакала и уснула на берегу. Проснувшись, смотреть: у ней руки сдѣлались прежнія и младенецъ сидитъ на водѣ живой. Яна поблагодарила Бога, взяла младенца и, подошедши къ постухамъ, свое хорошее платье отдала постухамъ, а сама вадѣла худое и питалась именемъ Христовымъ. Такъ долголь-мало ходила, наконецъ пришла къ дому брата своего и просится ночевать; тутъ ночеваль, попрежде ей пріѣхавши, какой-то офицеръ. Тотъ смотреть въ окно и отвѣчаетъ: „пущу, если будешь говорить сказки“. Она отказывалась, наконецъ сказала: „буду“. „А если будешь—то иди, я и безъ хозяина пущу“. Она пришла въ избу и, какъ побирашка, ушла въ задній уголъ, а сыну голову закрыла, чтобъ комнаты не освѣтило. Когда легли спать, то хозяинъ и офицеръ надали заставлятъ побираху говорить сказки. Она долго отказывалась и думала, што шутятъ, а какъ узнала, что имъ и вправду хочатся послу-

хоть сказки и нацала рассказывать о своемъ походе. Яны все слухали, а когда нацала объяснять, какъ ее окле- вѣтывала невѣстка, то хозяйка сказала: „полно тебѣ болтать- та! спи“, но хозяинъ съ офицеромъ заставляли продолжать. Когда она концыла рассказъ, то офицеръ смякнулъ, что это его жена, и приказалъ для ей сготовить такой же ужинъ, какой ея имѣлъ, и поблагодарилъ за сказку. Утромъ объявилъ побирашки, что „я твой мужъ, а младенецъ твой мой сынъ“; послалъ въ лавку купить хорошее платье, нарядилъ. И хозяинъ объявилъ офицеру, что ея его зять, а это моя сестра, а ваша жена. Тутъ они обрадовались такому случаю, поблагодарили Бога, и долго новые родные пировали и того, што тамъ было, ни перомъ выписать ни словомъ высказать нельзя. Потомъ они всѣ вмѣстѣ отправились къ царю, и царь и царица оцень радовались, хвалили и благодарили за такое чудо Бога. Потомъ задали пиръ на весь міръ, и нацали жить да радоваться и хвалить Бога.

Островскій у. 1870 г.

105. [Мужинъ, медвѣдь и лиса].

Жилъ мужикъ и баба. Мужикъ началъ распахивать подѣ сѣвъ рѣпы землю; пришелъ къ нему медвѣдь и сказалъ: „Богъ помочъ тебѣ, старичокъ!“ — „Спасибо!“ — „Что ты дѣлаешь?“ — „Распахиваю подѣ сѣвъ рѣпы землю“. — „Прими и меня въ долю“. — „Можно!“ Старикъ сталъ землю орать, а медвѣдь лапами боронить. Изготовивши землю, посѣяли рѣпу; рѣпа выросла; старикъ съ медвѣдемъ кинули жеребьемъ, кому достанется низъ и кому верхъ (то есть, кому рѣпа и кому мятина). По жеребью досталась рѣпа старику, а мятина медвѣдю. Медвѣдь, откушавши своей добычи, остался недоволенъ и говоритъ самъ себѣ: „ужо я старику за обманъ отплачу!“ На слѣдующій годъ старикъ началъ готовить землю подѣ посѣвъ пшеницы, и пришелъ къ нему тотъ же медвѣдь и говоритъ: „прими меня въ долю!“ — „Можно!“ И начали оба изготовлять землю; изготовивши, посѣяли пшеницу. Пшеница выросла. Старикъ и говоритъ медвѣдю: „давай бросимъ жеребій, кому достанется верхъ и кому низъ?“ А медвѣдь сказалъ ему: „ты меня въ про-

пломъ году обманилъ; я не буду бросать жеребья, а возьму низъ, а ты бери верхъ". Старикъ на это согласился, снялъ пшеницу, а медвѣдю оставилъ жатву. Медвѣдь, обобравши жатву, видитъ, что ему нѣтъ пользы, и говоритъ самъ себѣ: „я за обманъ старика сломаю!“

Увидѣлъ старика и говоритъ ему тѣ самыя слова. Старикъ видитъ, что ему приходится плохо, сталъ просить медвѣдя: „отпусти меня домой попрощаться съ женой и переодѣться въ бѣлое платье“. Медвѣдь отпустилъ его. Навстрѣчу старику попала лисица и говоритъ ему: „что ты, старикъ, задумавши?“ Онъ отвѣчая ей: „какъ не думать! Медвѣдь хочетъ сломать меня“. Она ему говоритъ: „что дашь? Я освобожу тебя“. Старикъ посулилъ ей пѣтуха и курицу, на что она и согласилась. Потомъ лисица приказала старику набрать въ мѣшокъ разнаго желѣза и принести ей, когда пойдетъ къ медвѣдю на изломаніе; это для того, что она будетъ около мѣста, на которое приказалъ медвѣдь придти старику переодѣвши, и будетъ одно объ другое брякать; медвѣдь же услышавши это спросить у старика: что это брякаетъ? А старика научила сказать: „ѣздить охотники и бьютъ волковъ и васъ медвѣдевъ ищутъ“. Старикъ, исполнивши приказаніе лисицы, приходитъ къ медвѣдю, а лисица желѣзомъ побрякиваетъ. Медвѣдь, услышавъ это, спросилъ у старика: „кто это брякаетъ?“ Старикъ, по наученію лисицы, сказалъ, что ѣздить охотники и бьютъ волковъ и медвѣдевъ. Медвѣдь, испугавшись, сталъ просить старику (такъ!): „отруби мнѣ лапы и скажи охотникамъ, что я пропавши“. Старикъ послушалъ его, обрубилъ ему лапы и пошелъ домой, а лисица догнала его и требовала обѣщаннаго, т. е. пары курятъ. Старикъ приходя домой, взялъ двухъ небольшихъ собакъ, посадилъ въ мѣшокъ и выносить лисицы вмѣсто пары курятъ и сказалъ ей: „не смотри здѣсь, а неси въ лѣсъ“. Лисица, принеши въ лѣсъ, развязала узелъ, а собаки, выскочивши изъ мѣшка, принялись за лисицу. Лисица видя, что дѣло ея плохо, побѣгла на уходъ, а собаки сзади и вогнали ее въ дупло, т. е. въ пустое дерево, а сами стали около него и ожидаютъ, когда она выйдетъ. А лисица въ дуплѣ у своихъ членовъ спрашиваетъ: „Глазы, что вы дѣлали?“ Они ей отвѣчали: „мы осматривали куда скрыться отъ собакъ“. — „Ноги, что вы

дѣлали?—„Мы спѣшили уйти отъ собакъ“.—„Хвостъ, что ты дѣлалъ“?—Я болтался и искалъ случая зацѣпиться, чтобъ собаки тебя догнали“.—Лисица думала, что собаки ушли отъ дупла, хотѣла посмѣяться надъ хвостомъ и высунула его вонъ, а собаки ухватили за него, вытащили лисицу и похитили.

Порховскій у. 1870 г.

106. [Лгала и Полыгала].

Ишелъ въ городъ Лгала лгать. Попалъ на стречу человѣкъ, спросилъ: „куда ты, братъ, идешь“?—Иду въ городъ лгать.—„Возьми меня, братъ, полыгать“ И сказалъ Лгала, что „волкъ! волкъ“. Полыгала сказалъ: „гдѣ, гдѣ?“ Лгала сказалъ: „ты не гожъ, поди прочь“. Полыгала забѣгъ опять на встрѣчу Лгалы и опять спросилъ: „куда, братъ, идешь?“ Лгала сказалъ: „въ городъ лгать“. Онъ сказалъ: „возьми меня полыгать“. Лгала сказалъ: „волкъ, волкъ!“ Полыгала говоритъ: „два, два!“ Лгала говоритъ: „пойдемъ вмѣстѣ!“ Пришли въ городъ. Лгала сталъ на фатеру, а Полыгала на другую. Пошелъ Лгала на рынокъ, увидѣлъ: носить баба яйца, купцы дивятся, что какія большія яйца. Лгала подошелъ, говоритъ: „какія это яйца! Какъ въ нашей стороны положила курица яйцо подъ воротамъ, немогъ я яйца откатить и воротъ отворить, уже чрезъ тынку вылезъ“. Купцы ему не повѣрили, а взяли его и посадили въ полицію. Сидитъ Лгала сутки и другія, на третія сталъ просить начальство, что „господа присудствующія, пустите меня на рынокъ, не увижу-ль я кого либо со своей стороны, не отправитъ (испр. въ неоправятъ) ли меня“, и повели его на рынокъ. Вдругъ увидѣлъ онъ своего Полыгалу и говоритъ ему, „что, братъ, замечаю я по платью, не съ нашей ли ты стороны?“ Онъ сказалъ: „съ вашей“. — „Пойдемъ, братъ, оправь ты меня, что я сказалъ, что у насъ положила курица большое яйцо“. Полыгала сказалъ, что „я яйца не видалъ, а только былъ у нашей вдовы пятахъ, соскочилъ настоль, а со стола на кролю (такъ!) и склевалъ половину мѣсяца“. Вдругъ вышло начальство на улицу и увидели на небѣ половина мѣсяца; ему повѣрили и Лгалу выпустили и дали 100 руб. сереб.

Лгала пошелъ на другой рынокъ и увидалъ, что купцы галются на капусту, что баба носить большія качанья. Лгала подошелъ и сказалъ: „что это закапуста, какъ въ нашей стороны капуста четыре тысячи солдатъ на капустномъ листѣ переѣхали чрезъ рѣку“. Опять взяли Лгалу и посадили въ полицію. Лгала сидитъ день и другой и просится у начальства, чтобы они позвалили (такъ!) походить по рынку, что „не увижу-ль я кого либо сосвоей стороны, не оправятъ ли меня“. Отпустили его на рынокъ. Вдругъ попадаетъ ему Полыгала. Лгала говоритъ, что „братъ, я замѣчаю по платью, не съ нашей ли ты стороны“? Онъ говоритъ: „съ вашей“.—„Пойдемъ, братъ, оправь меня, что я сказалъ, что у насъ на капустномъ листѣ переѣхало чрезъ рѣку четыре тысячи солдатъ“. Полыгала говоритъ: „пойдемъ, братъ, не знаю, что переѣхало четръ (такъ) тысячи солдатъ на капустномъ листѣ, а только была у насъ такая капуста, что три брата рубили одинъ качанъ цельный день въ три топора и качерыгу раскололи начетверо и дѣлали потоки.“ Тогда начальство повѣрило, выпустили Лгалу и дали ему 100 руб. Лгала пошелъ въ третій рынокъ и увидѣлъ, что купцы дивятся на большія хоромы, а Лгала подошедши сказалъ купцамъ: что это за хоромы? Какъ въ нашей стороны хоромы, такъ дворница съ дворницей сойдутся и разойдутся и опять цельный годъ не сойдутся“. Опять взяли купцы Лгалу и посадили въ полицію. Лгала сидитъ день и другой и просится у начальства на рынокъ, что „не увижу-ль я кого либо съ своей стороны, не оправятъ ли меня“. Начальство отпустило Лгалу на рынокъ. Вдругъ попадаетъ ему Полыгала. Лгала говоритъ, что „братъ, я замѣчаю по платью, что ты не съ нашей ли стороны“? Полыгала говоритъ: „съ вашей“.—„Братъ, пойдемъ со мной, оправь меня, что я сказалъ, какъ въ нашей стороны есть хоромы, что дворница съ дворницей сойдутся и разойдутся и цельный годъ опять не сойдутся“. Полыгала говоритъ: „не знаю, что есть такія хоромы, а только я видѣлъ у насъ везли дерево, комель въ рожество, а маковку около маслиной“. Это ему повѣрили, что верно и въ самомъ дѣлѣ есть у нихъ такія хоромы; выпустили Лгалу и дали ему 100 руб. Они получили и отправились домой съ тремястами руб. серебромъ.

107. Сказка о ершѣ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, король на каралевствѣ, на ровномъ мѣстѣ, какъ на баранѣ, выѣхалъ ершишка въ липавыхъ санишкахъ, въ берещиныхъ лаптишкахъ; становился этотъ ершишка на калиновый мастишка; мастишка абламылся, ершишка въ воду ввалился и наспраился въ Щуки Калуги ночь перенацевать, день передневать, плате перисушить и всѣ крѣпасти перисматрѣть. Щука Калуга пустила и про ерша баинку стапила. Этотъ ершишка ночь перенацевалъ, день перидневалъ, платье перисушилъ, крѣпости перисматрѣлъ и въ баинку сходилъ; этотъ ершишка на Ораскѣ озерѣ валяется, на озеро Ораско похваляется: хоцы всю рыбу побѣдить, галавней пакатить, бальшую калотъ, а малинькую вонъ гнать. Вотъ рыбка испугалась, становится вкругъ и думая думу вдругъ: „какъ быть, какъ жить, какъ ерша сгубить, кастраватую рожу? Каво будимъ посылать къ саму бальшимъ усамъ, судьи правидному? посылать и не пасылать рыбину щуку!“ Щука и говоритъ: „я, щука, щикатлива, на рѣцахъ смутлива, скажа, зацѣмъ, засцыха, пришла, я тебѣ гаварю, ты вонъ пашла!“ Рыбка опять становится вкругъ и думая думу вдругъ: „какъ быть, какъ жить, какъ ерша сгубить, кастраватую рожу? Каво будимъ посылать къ саму бальшимъ усамъ, судьи правиднаму? послать и не паслатъ рыбину окань! Окань и гаваритъ: „въ меня глаза пасалавѣвши, крылья падапрѣвши, скажа — не успѣлъ глазъ налить, да пришелъ ка мнѣ гаварить, — я тебѣ гаварю, что ты вонъ пашелъ!“ Опять рыбка становится вкругъ и думая думу вдругъ: „какъ быть, какъ жить, какъ ерша сгубить, кастраватую рожу? Каво буди паслатъ къ саму бальшимъ усамъ, судьи правиднаму? послать и не паслатъ рыбину платицу!“ Платица и гавари: „у меня глаза красны, крылья падапрѣвши, скажа: зацемъ, плѣха, пришла? я тебѣ говарю, вонъ пашла!“ Опять рыбка становится вкругъ и думая думу вдругъ: „какъ быть,

какъ жить, какъ ерша сгубить, кастраватую рожу? — каво буди послать къ саму большимъ усамъ, судьи правиднаму? послать и не паслатъ рыбину налимъ! Налимъ и говори: „въ меня губы толсты, брюха передавъса, скажа, за цѣмъ, шипялюнъ, пришелъ? я тебѣ гаварю, вонъ пашелъ!“ Рыбка опять становится вкругъ и думая думу вдругъ: какъ быть, какъ жить, какъ ерша сгубить, кастраватую рожу? — каво бы паслатъ къ саму бальшимъ усамъ, судьи правиднаму? послать и не паслатъ рыбину карась! Карась и гаварить: „давно я дажидался этвава отъ васъ!“ Рыбина карась вставала раненька, умывалася бѣленька и поскакалъ къ саму большимъ усамъ, судьи правиднаму; прискакалъ — сомъ спить; онъ разъ хвостомъ плясне, другой разъ плясне, третій — сомъ пробуждается и спрашивая: „о цемъ ты, карась?“ „Сицась, сударь, только да васъ“.—„О цемъ же?“—„Да вотъ ершишка на Ораскѣ озерѣ валяется, на озеро Ораско выхваляется, хоцы всю рыбку побѣдить, галавней накатить, бальшую калоть и малинькаго вонъ гнать, мы испугались!“ „Ахъ, глупецъ, нашелъ ба першу да поставилъ ба вершу!“ Карась откланился и поскакалъ. Нашелъ першу, поставилъ вершу, на тотъ случай пришелъ Абрамъ, заколъ забралъ; пришелъ Багданъ — ерша Богъ далъ; пришелъ Егорка — стащилъ ерша на горку; пришелъ Антонъ — убилъ ерша гантомъ; пришелъ Вавила — повѣсилъ ерша на вилы; пришелъ Антропъ — повѣсилъ ерша подъ стропъ; пришелъ Тереня — принесъ дровъ беремя; пришла Марина — ерша помыла; пришла Ирина — ерша сварила; пришелъ поварь — ерша пробалъ; пришелъ верблюдь — разлилъ ерша на семь блюдъ; пришелъ котъ Іаковъ — всего ерша смякалъ; пришелъ драконъ — завелъ объ ершѣ драку; пришелъ Епифанъ — и все дѣло распахалъ.

Псковскій у., Виделебскій приходъ. 1870 г.

108. Иванъ Пантелеичъ.

Жилъ былъ багатырь Пентелей, было у него три доцки да сынъ; онъ кагда сталъ помирать, наказывалъ сваму сыну: „смотри, сынъ, кто только ни пріѣдя сватать сестеръ, отдавай“.. Севодня захаранили отца, а на другой день веца-

ромъ и пріѣхалъ свать. Стукъ подъ акномъ: братъ и бая: „хто тамъ?“— „Отдаешъ-ли сваю большую сестру замужъ?“— „Не знаю, а по батюшкину приказанью надабъ отдать“. Всталъ на утру, большей сестры и нѣтъ. На слѣдующій день вецаромъ опять сталъ стучать падъ акномъ. Братка спросилъ: „хто тамъ?“ Не отвѣчая, кто енъ; бая: „отдаешъ-ли середнюю сестру замужъ?“— „Не знаю, а па батюшкину приказанью надабъ отдать“. Всталъ на утру, и средней сестры нѣтути. На слѣдующій за тѣмъ вѣцеръ опять стуцы падъ акномъ, и, не отвѣчая на запросъ, хто таматка, спрахавая: „отдаешъ ли меньшую сестру замужъ?“ Братъ отвѣтилъ: „не знаю, а па батюшкину приказанью надабъ отдать“. Всталъ на утра, и малай сестры нѣтъ. Жилъ, жилъ Иванъ Пентелеицъ и смертна грусъ. Взялъ онъ самалуцшаго жеребца и поѣхалъ, куда глаза понесутъ, съѣхалъ на дорогу и па ей пріѣхалъ онъ къ мѣдному царству. Вашелъ енъ въ середку и видя, што тутъ живе одна дѣвушка, енъ и спросилъ у ей, пайдешъ-ли за меня замужъ? По сагласьи яны скоро и абвенцались,—и стали жить въ яинамъ домѣ. Не многа погадя, яна атпрасилась въ гости и уходя сказала мужу: „когда табѣ безъ меня буди грусна, абайди всѣ сады и канюшни, тогда не буди грустна. Да сматри, е въ саду пунька, ремяшкомъ завязана, бумажкой прастой зацепатана, въ тую не ходи“. Ёнъ абашелъ все и падумалъ, отъ цаво же мнѣ не схадитъ въ эвту пуньку? Хоть жена и не вялѣла, но схажу дасматрѣться; што тамъ такая?“ Ремяшокъ разарвалъ, бумажку атарвалъ, вашелъ туда и види, кипи въ смалѣ 9-ти галовый змѣй. Змѣй и молится Ивану Пентелеицу абмацывать въ ваду палецыкъ и капнуть въ кателъ. Иванъ Пентелеицъ баить: „нѣ, не буду“; молится онъ иншай разъ, и когда енъ капнулъ въ кателъ, тогды все патухла, змѣй вылетѣлъ оттуда, живо дагналъ жену Ивана Пентелеица и взялъ ею сабѣ. Живя опять одинъ,—згрусъ, взялъ отъ скуки добраго жеребца и поѣхалъ, ѣхалъ, ѣхалъ, наконецъ пріязжая къ славному царству, слѣзъ съ каня, входит на дворъ и увидилъ, стаи на паратнамъ крыльцы его старшая сестра. „Заравствууй (такъ), желаннай братецъ, какъ ты сюда папалъ?“ Онъ и баить: „сперва напой, накарни, да пра все горя распраси“. И накарила, напайла, пра все горя распрасила, патомъ и молвила: „бра-

танъ ты мой, куды я тебя дѣну, въ меня мужъ-та сярдить"—А хто твой мужъ?—Громъ.—А такъ припрячь меня куды ни на э". Вдругъ застуцала, загримѣла, и лети громъ; какъ вдарился а паратный крылецъ, и сдѣлался красивой маладецъ. Входя въ хату: „фу, фу, гавари, русьскаго духу была не слыхать, таперь въ оцахъ верзится". Жена отвѣдая „мой желанный муженецькъ, по Руси леталъ, такъ самъ русьскаго духу набралси". Разбаявшись, жена загадала мужу: „а штобъ ты сдѣлалъ, кали пришелъ ба твой шуринъ, а мой братъ?"—„Штобъ сдѣлалъ, мужъ отвѣдая, ябъ не набайлся съ нимъ". Тогда яна сказала: „да енъ здѣ", и привела ево. Громъ срѣтилъ сваго шурина ласкава и миралюбна. Праздничалъ словна Иванъ Пентелеицъ у сваго зятюшки; между всякой всячины громъ сказалъ ему: „да, Иванъ Пентелеицъ, умѣлъ ты умомъ жену нажить, а безумьемъ пражить,—ступай, сацы, только скажу табѣ, хыть и найдешь—не полуцыть, потаму шта яна въ 9-ти галовава змѣя захвацына". Иванъ Пентелеицъ распрашшался и поѣхалъ; ѣхалъ, ѣхалъ и пріѣзжая къ серебриному царству: входя въ царство и видя, на паратномъ крыльцы сиди серѣдава сестра. „Здрастуй, желаннай братецъ, какъ табя Богъ занесъ суды". Онъ и бантъ: „сперва напой, накарми да пра все горя распраси". Яна накармила, напайла, пра все горя распрасила, патомъ и молвила: „братка ты мой любящій, куды я табя дѣну, въ меня мужъ-та сярдить".—„А хто твой мужъ?"—„Мужъ мой Маланья".—„Ну, такъ спрячь меня". Не успѣла харашенька спрятать, вдругъ застуцала, загримѣла, и лети маланья; какъ вдарилася а паратный крылецъ и сладился добъ маладецъ. Входя въ хату: „фу, фу, бая, русьскаго духу была не слыхать, таперицка въ оцахъ верзится". Жена отвѣдая: „не самъ ли принесъ, желаннай муженецькъ, лѣтавши вездѣ". Разбаявши жена загадала мужу: „а штобъ ты сдѣлалъ, кали пришелъ ба твой шуринъ, а мой братъ?"—„Ницаво не сдѣлаю, потомъ шта я радъ повидаться". Тагда яна пашла и привяла ево. Маланья встрѣтилъ яво ласкова и, баивши аба всякай всячины, промижъ басинъ и Маланья молвилъ ему: „да, Иванъ Пентелеицъ, умѣлъ ты умомъ жену нажить, а безумьемъ пражить. Намогъ бы я табѣ дастать жану, да и мнѣ дѣлать нецава съ эвтымъ змѣемъ,—яво та я хыть съ каня и сабью,

да съ канемъ не справиться, енъ увезетъ яво". Распрашавши братски, поѣхалъ дали. Долгаль, малаль ѣхалъ, наконецъ пріѣзжая къ залатому царству. Входя и види здѣ: малая сестра, сидѣвши, вышивая на крыльцы. „Здравствуй, желанный братецъ, какъ ты суда попалъ?" Енъ и отвѣщая: „перва напой, накарми, да пра все горя распраси". Яна накармила, напайла да пра все горя распрасила; патомъ и молвила: „братъ ты мой сердешный, рада я, што ты ка мнѣ пріѣхалъ, да въ меня мужикъ-та сярдить".— „Какъ же енъ празывається?" — „Птица надъ всѣми птицами и надъ всѣми рыбами и звярями набальшая, выключая змѣя, завутъ его Агей". Братъ папрасилъ спрятать яво. Толька шта скрыла, и лети птица Агей, вдарилась а паратный крылецъ и сладилась красивой маладецъ. Входи въ хату: „фу, фу, гавари, русьскаго духу была не слыхать, таперь въ адахъ верзится? Жена отвѣщая: „муженецкыъ сердешный, на Руси леталъ, самъ русьскаго духу набралси". Разбаивши жена вспомянула мужу: „а штобъ ты сдѣлалъ маму брату, а тваму шурина, кабы енъ къ намъ пришелъ?" Тотъ отвѣщая: „ябы одинъ радъ былъ". Сестра тотъчасъ и привела брата. Птица Агей усердна принялъ шурина и середь басинъ бая ему:— „да, Иванъ Пентелеицъ, умою ты нажилъ жену, а безъумьемъ пражилъ. Памогъ бы я табѣ полуцыть жену, да немошна справиться съ канемъ явонымъ. Вотъ табѣ перо мое и клубоцкыъ, каторый куды пакатится, туды и ты ѣть, и кали пріѣдишь, гдѣ живе змѣй, въ каторава жена твая, то папраси бабу калдуню и постарайся пристать въ ей, штобъ она въ слущан тябя убье змѣй, зажгла въ поли мае перо, а па смороду тотъчасъ узнаю, што ты убить, и найду тебя". Иванъ Пентелеицъ попрашался и паѣхалъ. Проѣхавши не мала, смертна захатѣлъ есть и видя: на дороги гладаются два волка; енъ падъехалъ къ имъ, взялъ това и другова за наги и давай истъ. Волки и бають яму: „не ѣшь, Иванъ Пентелеицъ, мы табѣ пригадимси". Онъ бросилъ. Немнога отъѣхавши, и види: на берягу рѣки ляжи бальшенная шшука и ракъ; енъ, сграбивши ихъ, давай истъ, и тыи гаваря: „не ѣшь, мы табѣ пригадимси". Хыть галодный, не сталъ истъ. Ёдя лѣсомъ и напалъ на пцѣлъ, хотѣлъ паистъ мядку, и тыи прося аставить, бая: „мы пригадимси". Поѣхалъ галодный, дали и наконецъ пріѣзжая,

гдѣ живе змѣй, въ каторавѣ жена евоѣ. Присталъ въ бабушки колдовщицы и напросилъ еѹ узнать, домаль змѣй. Тая узнала, што яво нѣтути; онъ тотъ цасъ пашелъ, взялъ жену и уѣхалъ назадъ. Въ эѣтава змѣя былъ галубокъ-вѣстунокъ, каторый какъ только увидилъ, што целовѣкъ взялъ жену змѣя, тотъцасъ палетѣлъ вѣсть дать яму, а змѣй палевалъ суки (такъ): услыхавъ необыцайную вѣсть, нацалъ спрахивать у сваѣво каня: „могишь ли дагнать вора?“ Конь и гавари: „сѣй пшаницу, кали вырасти, смяли, какоръ напеки, мы переѣватимъ и дагонимъ ихъ“. Змѣй такъ и сладилъ; аны переѣхватили, паѣхали и скоро дагнали Ивана Пинтеленца съ женой. Змѣй сказалъ: „смотри, Иванъ Пинтеленцъ, перву вину я табѣ прашшаю и то за то, што ты избавилъ меня атъ муки, а впередъ кали еѣта сдѣлаишь, живова не аставлю“,—взялъ атъ Ивана Пинтеленца жену и поѣхалъ. „Што ни буди, бая Иванъ Пинтеленцъ промижъ себя, попытаю еѣше“. Апятъ присталъ къ той же бабы и умалилъ еѹ узнать, домаль змѣй, и упрасилъ, атдавши перо птицы Агея, сжецъ въ полѣ, кали Богъ не помилуя; баба узнала, што змѣй опять уѣхалъ суки палевать. Иванъ Пинтеленцъ другой разъ абайлъ жену и атправился, а галубокъ тотъцасъ подалъ вѣсть змѣю объ эѣтомъ. Змѣй спросилъ въ сваѣво каня: „могишь-ли дагнать“, тотъ отвѣщая: „кагды посѣишь пшаницы, намалотишь, смѣлишь, какоръ напекешъ“.—Змѣй тоцна такъ и паступилъ: пасѣялъ пшаницы, сжалъ, намалатилъ, смалолъ, какоръ напекъ, аны переѣхватили и паѣхали. Какъ нагнали Ивана Пинтеленца, змѣй тотъцасъ разрубилъ яво на мелки цастинки. Узнавши объ эѣтомъ, бабушка колдовщица вышла въ поле и зажгла Агееѣво перо. По смораду птица Агей тотъцасъ прилетѣлъ, нашелъ разрубленное тѣло Ивана Пинтеленца, собралъ всѣ костачки и кусоцки мяса, послалъ двухъ варонъ за живой ѣодой и мертѣвай. Когда принесли вады, сперѣва спрыснулъ мертѣвой, тѣло сѣединилось, потомъ, какъ сириснулъ живой ѣодой, Иванъ Пинтеленцъ вскацылъ и гавари: „ахъ, какъ я заспался“. Агей птица и замѣщая ему: „если бы не я, ты вѣкъ спалъ бы и не вздумаль пра жену. Если ты еѣше хоцышь дастать еѹ, то сперѣва узнай отъ бабушки-колдовщицы, гдѣ взята лошадъ въ таво змѣя и не можна ли тебѣ дабыть такой“. Онъ снова атправился къ

той же бабы; сталъ распрахавать, гдѣ змѣй дасталъ такова каня. Баба отъ сердца на другую подобную себѣ бабу рассказала и науцыла, какъ ему полуцыть ешше лучшую той лошади, какая въ змѣя. „Вотъ, кармилицъ, я-та хитра, а нашлась хитрея меня вѣдьма,—была у меня три доцки, а эта змѣя утащила ихъ отъ меня и абаратила кабылицами, таперь и ѣздя на ихъ. На табѣ, глубоцыкъ и ступай, куда енѣ пакатится, придешь къ дѣвки-цернавки, пастушки бабы еги; скажи ей, што я табя паслала, она сдѣлая пра табя все, цаво ты ни папросишь“. Пришелъ онѣ къ дѣвки цернавки, рассказалъ, отъ каво енѣ и за цымъ пришелъ и просилъ науцыть яво достать жеребенка отъ кабылицъ бабы еги. Дѣвка цернавка и взялась науцыть, только бая: „слухай меня; въ бабы еги завѣтъ таковъ: пропасти кто хошь тридни яиныхъ лошадей, тогды и бери любова жеребенка; если же не спасешъ, галава буди на эвтомъ тыну“. Тотъ заглянулъ, вэбаль тынѣ вѣсь обвѣханъ галавами, только на адной тыцинкѣ нѣту,—онѣ прося и подумаль, вѣрна моей быть тамъ. Дѣвка пошла и сказала бабѣ, што хоца целовѣкъ сабѣ жириябенка атъ тваихъ кабылицъ. Тая приказала па абыцью пранасти лошадей три дни. На другой день отпуславши пасти лашадей, дѣвка и гавари Ивану Пинтелеицу: „жаль мнѣ табя, вѣдь никакъ не спасти табѣ; вотъ на табѣ маю дудку, приде вецерь, затруби въ эвту дудку, тагды всѣ соберутся къ табѣ“. Наблагодарилъ ею и пашелъ къ бабы, баба сказала ему тоже, что галава буди на тыну, кали не спасетъ, и апустила въ поле лошадей. Лошади какъ только вышли изъ канюшни, разбѣглись да адной. Приходи вецерь, затрубилъ въ дудку, вдругъ всѣ собрались, перешшитай и погнался домой. Види баба ега, што пригналъ всѣхъ домой, больна разгнѣвилась на лашадей. На другой день не успѣлъ атварить дверей, ушли всѣ со слуху; проходилъ и другой день одинѣ. Приходи вецерь, затрубилъ въ дудку, опять всѣ сабрались, перешшитай и пагналъ дамой. Види баба яга, што пригналъ опять всѣхъ, сильна разсердилась, какъ нацала ихъ бить да пригаваривать: „если завтра вы придети съ имъ, убью да смерти“. На третій день, убѣжавши отъ яво, лошади хатѣли скрыться въ стѣпяхъ, тамъ напали на нихъ волки и прагнали, аттуда пустились въ лѣсъ, тамъ абле-

пили ихъ пчелы и варатили, бросились въ воду, въ вады абступили ихъ щуки и раки; не могли скрыться нигдѣ, прибѣжали безъ трубы къ Ивану Пентелеицу. Такимъ та манеромъ спасъ онъ и на третій день лашадей. Кагда пригналъ и на третій день всѣхъ, то по зговору могъ палучыть жеребенка. Дѣлать нецава, баба яга назавтра велѣла придти за нимъ. Пришло утра, надаби идти ему получыть жеребенка, онъ и проси послѣдній разъ дѣвку-церनावку выбрать жеребенка, та и гавари ему: „смотри въ ей самый луцшій абароцынъ въ самый благинькай, таво и бери, къ тамужъ ешше праси запорнаго—шерсти пудъ“. Онъ такъ и сдѣлалъ: взялъ самага на видъ худшаго и выпрасилъ пудъ шерсти. Поблагодарилъ дѣвку и атправился, на дарогу дѣвка сказала ему: „смотри, придешь къ змѣю, убѣй перва голубка-вѣстунка, а полуценнаго жеребенка, небось, пусти въ заповѣдныи луга, онъ жива вырасти“. Такъ и случылась: пока енъ уговаривалъ да убаякивалъ жену отпра-виться, жеребенка нельзя стала признать, потомъ шта енъ переросъ яво каня и такъ разладился, быдта на картины. Надѣясь самъ и развѣрилъ жену, что на эвтамъ кани уѣхать мошна отъ змѣя,—яна саглась дала, и атправились. Спустя немного, пріѣхалъ змѣй, и кагда не нашелъ ни жены, ни голубка, здагадался и пошелъ спрахивать въ каня, могишь ли дагнать ихъ. Тотъ отвѣтилъ: „дагнать-та мы хоть и дагонимъ, но мнѣ и табѣ не справитсь съ таперишнимъ канемъ ево, аднака папробуимъ, либа панъ, либа прапалъ“. Справились и паѣхали, но такъ какъ Иванъ Пинтелеицъ, надѣясь на каня, ѣхалъ тиха, то змѣй скоро дагналъ; дагнавши, нацалъ ругаться и только хатѣлъ рубить Ивана Пинтелеица, какъ конь Ивана Пинтелеица убилъ да смерти каня и самаво змѣя. Аставши живъ, поѣхалъ дамоѣ. На дарогѣ напали на ихъ волки, онъ кинулъ пудъ шерсти, и волки, думая овца, погнались за ней, аны въ эвта время уѣхали и благапалуцна даѣхали да дому, стали жить и дабра наживать.

109. Агафонъ - синій балахонъ.

Агафонъ-синей балахонъ ѣздилъ въ лѣсъ. У него лошаденка дурная, оступили слѣпни и комары. Онъ взялъ полотномъ накрылъ и убилъ въ заразы, взялъ перецокъ (исправлено со знакомъ? на „перецолъ“) 700 слѣпневъ, а комаровъ и смѣты нѣтъ. Пріѣхалъ домой и разсудилъ съ бабой: „ну, баба, побилъ съ однова разу 700 богатырей, а мелкой силы и смѣту (такъ) нѣту“. Она ему сказала: „ты самосильный богатырь“. — „Латька напитокъ, я поѣду воевать“. Она взяла свѣклы сырой съ капустнымъ разсоломъ и сладила напитокъ. Онъ влилъ въ боченокъ и подъ брюхо привязалъ коню. Самъ сѣлъ синій балахонъ, бабы говоритъ: „какъ же, баба, буде; я Агафонъ-синій балахонъ, касу за поясъ заторнулъ и касарь за поясомъ сталъ“. Сѣлъ на свою лошаденьку и поѣхалъ верхомъ воевать. Проѣзжаетъ по шессейной дороги, на станціи на столбу написалъ: „проѣзжалъ Агафонъ-синій балахонъ, касарь за поясомъ, сильный могучій богатырь, со однова маху побіяху 700 богатыревъ, а простыхъ и смѣты нѣту“. Послѣ ево проѣзжали богатыри, глядя на столбу, увидѣли: „проѣзжалъ Агафонъ-синій балахонъ, касарь за поясомъ, сильный, могучій богатырь, со одного маху побилъ 700 богатырей, а простыхъ и смѣты нѣту“. Они поѣхали за нимъ и догнали ево. По писанью богатырь, а по виду вовсе не похожъ; они хотѣли его объѣхать, но онъ закричалъ: „не смейте объѣзжать, ступайте съ зади“. Они ѣхали вмѣстѣ, пріѣхали въ луга, раскинули шатры, стали нацевать и стали разсказывать, которому старшему быть; надо воевать, нашто воевать — надо напитоковъ попробовать. Они поднесли своихъ напитоковъ Агафону, онъ выпилъ и не сморщился, потомъ своихъ имъ налилъ (сыраго свѣклиннаго и капустнаго соку); они выпили, у нихъ сдѣлался поносъ, и они не могли воевать и Агафона старшимъ богатыремъ. Увидилъ царь, чьи луга, и прислалъ къ нимъ посланниковъ спросить, поцаму они травятъ луга безъ спросу, они отвѣтили: „мы съ тобой хотимъ воевать“. Царь на утра выслалъ своего богатыря воевать, и Агафонъ младшаго своего богатыря выслалъ напротивъ его. Агафоновъ богатырь царева богатыря убилъ. Царь выслалъ другаго богатыря, и Агафонъ сред-

няго своего выслалъ богатыря. Агафоновъ богатырь и второва царева богатыря убилъ. Царь думалъ, гдѣ взять еще богатыря, и здумалъ, что былъ за провинку посаженъ въ тюрьму богатырь, сидѣлъ тамъ 30 лѣтъ, и этотъ богатырь нонешней войны не зналъ. Онъ пріѣзжая къ битвы, Агафонъ выѣхалъ самъ и глаза себѣ завязалъ платкомъ, а противъ одного глаза оставилъ дырку. Царевъ богатырь думалъ, что по новѣйшей войны такъ и нужно, и онъ себѣ вовсе глаза завязалъ. И стали сѣзжаться, одинъ противъ одново. Царевъ богатырь мохнулъ саблей, а Агафонъ приклонился и схватилъ, косою богатырю голову отрѣзалъ, его спихнулъ съ коня, а самъ сѣлъ на ево коня. Конь Агафона несъ по лѣсамъ и по горамъ и стременемъ березу захватилъ, и съ березой Агафона въ царевъ городъ потащилъ. На площади березой много народу побилъ. Царь и закричалъ Агафону остановиться. Агафонъ кое какъ коня удержалъ. Царь Агафону половину царства отказалъ. Агафонъ и воевать пересталъ.

Псковскій у., Посадская волость. 1870 г.

110. Д у р а ч е н ь.

Жили въ одномъ селеніи три брата: двое умныхъ, а третій, Ванюшка, дуракъ; братья Ивана дурака хотѣли извести со свѣта. У сосѣда ихъ Тимохи было много посѣяно рѣпы, которая и была въ осеннее время складаина въ глубокую яму на зиму, которая еще не была засыпана землею. Братья Ивана дурака послали къ этому Тимохи воровать рѣпу; онъ не отказался и пошолъ, а самъ имъ велѣлъ приходить съ мѣшками. Пришедши къ ямѣ и взлезши туда, сталъ рѣпу разбирать по сортамъ, которая побольше, себѣ за пазуху, а поменьше—братьямъ, и говорить: „эта брату, эта другому, а эта мнѣ!“ Въ то же время захотѣлось и сосѣду ихъ Тимохи рѣпы, и онъ послалъ жену свою, которая приходитъ къ ямы и слышитъ, кто-то въ ямы говорить: „эта брату, эта другому, а эта мнѣ, мнѣ!“ Жена, испугавшись, пришла къ мужу и говорить: „это брату, это другому, а это мнѣ, мнѣ!“ Мужикъ не медля сряду же сапоги на ноги и къ приходскому священнику, а у нихъ то въ деревни была при-

ходская церковь; приходитъ къ нему и говоритъ, что у него въ ямы чертъ рѣпу считаетъ, и просилъ его, чтобы онъ пришолъ къ нему выгнать черта изъ ямы. Попъ сперва отказывался, что грязно идти да и ночное время, а у попа то въ то время и сапоговъ не было, потому онъ и не хотѣлъ. Тимоха же сталъ просить усерднѣе и говоритъ, что я тебя снесу на крукишкахъ, на что онъ и согласился; мужикъ взялъ попа на крукишки и понесъ къ ямы. Дуракъ слышитъ и думаетъ, что его братья идутъ съ мѣшками за рѣпою, и говоритъ: „что, пришолъ, Тимоха?“ Отвѣчаетъ: „пришелъ!“ — „Что, принесъ?“ — „Принесъ!“ А попъ думалъ, что его Тимоха хочетъ всадить въ яму къ чорту; устранившись, соскочилъ съ крукишекъ Тимохи, побѣжалъ въ однѣхъ чулкахъ по грязи домой; и Тимоха, устранившись, за нимъ, а дуракъ, набравши полную пазуху рѣпы, возвратился домой опять спокойно и никого не боялся.

Псковскій у., Логозовская вол. 1870 г.

111. Сказка (объ Иванѣ Царевичѣ).

Вотъ, братцы, расскажу я вамъ сказку: не люблю—не слушай и начать—не мѣшать. Вотъ въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, а можетъ быть и въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ былъ царскій сынъ, по имени Иванъ Царевичъ, который имѣлъ у себя шапку-невидимку и драчунъ-дубинку. Однажды онъ вздумалъ прогуляться по лѣсу и вдругъ нечаянно попалъ на огромный замокъ, который былъ обнесенъ желѣзной стѣною и у воротъ той стѣны двѣнадцатиголовой змѣй лежалъ, и изъ его двѣнадцати головъ всегда шесть спали, а другія шесть не спали; а на супротивъ воротъ никто и въ далекомъ остановиться не смѣлъ. Змѣй подымался, и отъ зубъ его ужъ не было спасенья. Онъ былъ и только самъ себя могъ умертвить; чужаяжъ сила сладить съ нимъ никакая не могла. Но конь былъ остороженъ: онъ подвезъ Ивана Царевича къ горѣ со стороны, противной воротамъ, у которыхъ змѣй не спалъ и караулилъ. Потихоньку Иванъ Царевичъ въ шапкѣ-невидимкѣ подѣхалъ къ змѣю. Шесть его головъ во всѣ глаза по сторонамъ глядѣли, разинувши рты и оскаливши зубы;

шесть другихъ головъ, вытянувши шеи, крѣпкимъ сномъ спали. Иванъ Царевичъ толкнулъ дубинку и шепнулъ ей: „начинай!“ Дубинка кинулась на змѣя, и ну его по головамъ спящимъ и не спящимъ гвоздить. Змѣй озлился, началъ туда-сюда бросаться, а дубинка колотить да колотить; лишь только онъ разинетъ одну пасть, чтобы ее схватить, анъ нѣтъ, милости прошу не торопиться, посмотришь—другую чешетъ морду; всѣ онъ двѣнадцать ртовъ разинулъ, чтобы ее поймать, она знаетъ да чистить по всѣмъ затылкамъ. Змѣй, какъ одурѣлый, кидался, кувыркался отъ злости, дышалъ огнемъ, грызъ землю и, наконецъ, самого себя и когти въ грудь запустилъ и рванулъ такъ сильно, что разорвался пополамъ и съ визгомъ на землю грянулся и здохъ.

1870 г.

112. Лисица и дроздъ.

Шла лисица на дабыцу и папала въ яму; къ яинаму счастьемъ въ той ямы были выведены дѣти у дразда; она ихъ и захватила. Кагда дроздъ сталъ ихъ просить, лисица сбавила: „вытащи меня съ ямы, тагда и отдамъ!“ Дроздъ наносилъ въ яму хварасту, лисица вышла, но не отдавши дѣтей сказала: „накарми меня — отдамъ!“ Дроздъ павелъ ею. И идутъ бабы на пагость съ блинамъ и съ кутьей; дроздъ сталъ то вѣхаться па бабамъ, то на дарогѣ тихо бѣиъ. Тогда бабы поставили на землю блины и кутью, а самы пагнались за драздомъ; лисица въ эвта время блины и кутью съѣла. Теперь лисица говоритъ дразду: „накармилъ, такъ напой меця!“ Жалѣя дѣтей, дроздъ взялся напоить. И ѣдя мужикъ съ боцкай пива; онъ то на лошадь, то на боцку, то на гвоздъ садился. Мужикъ разсердевши хотѣлъ убить его, но вдарилъ не по дразду, а по гвазду и погнался за нимъ, не замѣтивъ, что выбилъ гвоздъ, лисица и напилась. Не хоца лисица отдавать дѣтей, придумала еще вихлину; бая: „накормилъ, напавилъ, таперика разсмѣй: сряду дѣтей отдамъ!“ Дроздъ павелъ ее къ гумну, гдѣ малатили сыновья съ пляшатымъ атцемъ. Влетѣвши, съѣлъ прямо отцу на плѣшь; сынъ хотѣлъ убить дразда, а убилъ атца. Стаявши за гувномъ, лисица засмьялась и

побяжала. Замѣтивши лисицу, мужики науснули сабакъ, она, влещи (такъ) въ нару, стала спрашивать: „глазы, уши, ноги и хвостъ, што вы дѣлали, когда я бѣгла отъ собакъ?“ Глазы отвѣщали: „мы сматрѣли, што-бъ тябѣ не папасть опять въ яму!“ Уши отвѣщали: „мы слухали, далѣца-ль сабаки!“ Ноги отвѣщали: „мы старались уйти отъ нихъ“, а хвостъ сказалъ: „я валацылся по халмамъ и кустамъ, чтобъ ты зацапилась“. Лисица, высанувши хвостъ, сказала: „сабаки, сабаки, ѡшьти хвостъ!“ Аны схватили за хвостъ и, вытащивши ея, сѣбли всю.

1870 г.

113. Ванюшка-Дуранюшка.

Жилъ мужикъ съ бабой, у нихъ было три сына: два умныхъ, а третій дуракъ. Дуракъ пошолъ за водой на пролубу, и попалась ему въ ведро щука, хотѣлъ онъ эту щуку бить, а щука ему отвѣчала: „не бей меня, Ванюшка-дуранюшка, я когда нибудь тебѣ пригожусь, только, что будешь дѣлать, скажи: по щучьему повелѣнью, по Божьему благословенью, все тебѣ будетъ сдѣлоно“. Онъ сказалъ: „по щучьему повелѣнью, по Божьему благословенью, идите, ведры, съ водой на гору“: ведры пришли домой и стали въ сѣняхъ на лавку, а Ванюшка-дуранюшка сзади поглядывалъ. Братья его видятъ, что онъ хитеръ, стали его посылать въ лѣсъ за дровами. Ванюшка, выходя и справляя себѣ дровни, сѣлъ на дровни и говоритъ: „по щучьему повелѣнью, по Божьему благословенью, ступайте, дровни, въ лѣсъ“; и пріѣхалъ въ лѣсъ и сказалъ: „по щучьему повелѣнью, по Божьему благословенью, топоръ, руби дрова“. Топоръ нарубилъ дровъ, и опять также сказалъ: „по щучьему повелѣнью, по Божьему благословенью, кладитесь, дрова, на дровни“, и положились; и опять сказалъ: „по щучьему повелѣнью, по Божьему благословенью, топоръ, отруби мнѣ дубинку“, онъ и отрубилъ. Сидился Ванюшка-дуранюшка самъ на возъ и сказалъ: „по щучьему повелѣнью, по Божьему благословенью, ступайте, дрова, домой“. Ъхавши Ванюшка помялъ нѣсколько народу; пріѣхалъ домой съ дровами и легъ на печку; между тѣмъ доложили царю, чтъ онъ много

народу помялъ, и прислалъ за нимъ царь нѣсколько народу, чтобы взять его. Ванюшка-дуранюшка говорить своей дубинкѣ: „по щучьему повелѣнью, по Божьему благословенью, дубинка, распорядись“. Она распорядилась и весь народъ побила. Царь опять къ нему посылаетъ и съ чести его зоветъ къ себѣ. Онъ и говоритъ печки: „по щучьему повелѣнью, по Божьему благословенью, ступай, печка, къ царю“, она и пошла вмѣстѣ съ нимъ. Царь Ванюшку-дуранюшку оженилъ на своей дочери, и они стали жить да поживать.

1870 г.

114. [О смѣлой дѣвицѣ].

У одного короля были прислуги дѣвушки, столъ имъ былъ готовый, а небольшое жалованье не хватаетъ имъ на одежду и обувь; ихъ стали понуждать, а имъ не съ чего было; онѣ и стали между собой толковать, что намъ пришло горе. Разговоръ ихъ услышала королевская дочь и спросила ихъ: „какое вамъ горе, я не знаю, какое есть на свѣтѣ горе“. Служанки отвѣчали: „пойдемъ съ намъ, сударыня, мы покажемъ, какое есть горе“. Пошли они въ лѣсъ, тихонько и ушли отъ ней; она и ходила по лѣсу съ полдня до ночи, но не нашла пути, куда ей выйти вонъ изъ лѣса. Настигла ее темная ночь, и она говоритъ: „теперь я узнала, какое есть на свѣтѣ горе“. Ночевать въ лѣсу на низу убоялась, нашла маленькую площадку, слезла на высокую ель, близъ самой этой ели проѣхалъ какой то охотникъ, разложилъ огонь, повѣсилъ маленькой котелокъ и началъ варить себѣ на ужинъ варку; и видитъ онъ въ кателкѣ на воды тень человѣческую, и говоритъ: „добрый или недобрый человѣкъ, лезъ съ ели на зень“. Онъ разъ сказалъ и два, она голоса не подаетъ, онъ еще сказалъ: „ежели не слезить, пущу съ ружья“. Убоясь этого, она и слезла съ ели на зень и сряду же ему понравилась, потому что была красавица, и пригласилъ вмѣстѣ съ нимъ отужинать, потомъ сказалъ: „давай ложиться вмѣстѣ спать“. Но какъ онъ былъ сильно замаевши, что онъ эту ночь заснетъ крѣпкимъ сномъ, то опасался, чтобы она отъ него не ушла, взялъ обнялъ ея

рукой и обвилъ косу ее около своей руки. Когда же онъ уснулъ, то она вынула изъ кармана пожичекъ и отрѣзала себѣ косу и удалилась отъ него. Онъ вставши стасковался объ ней, уѣхалъ домой и сдѣлался нездоровъ; онъ же былъ княжескій сынъ. Во время болѣзни пришла ему мысль сдѣлаться дѣвушкой, и когда сдѣлался, то послалъ по всѣмъ городамъ, селамъ и пригородамъ, чтобы пріѣхали къ ней на прощеніе, такъ она сильно больна, княжескія, дворянскія и купеческія дочери дѣвушки. И когда собравшись стали говорить одна по одной и спрашивать у ней, чѣмъ она больна, она отвѣчала, что ребенка родила, отцу съ матерью безчестье принесла. Нѣкоторые на это отвѣчали, что и по двое родили и никто про это не знаетъ и не вѣдаетъ, а вы объяснили сами себя и своихъ родителей, а нѣкоторые говорили, что и трехъ родили, и то объ этомъ не знаетъ и не вѣдаетъ. А когда пришла та самая прощаться, которая отрѣзала себѣ косу, говорить больной: „сударыня, какъ вы глупо сдѣлали, что лишили себя дѣвства и обезчестили себя и своихъ родителей; я когда не хотѣла этого сдѣлать, то сама себѣ отрѣзала косу и тихонько ушла отъ молодаго охотника изъ лѣсу“. Выслушавши ея рѣчи, больной княжескій сынъ встаетъ съ своей кровати, беретъ эту дѣвушку за руку и говоритъ: „будь ты моей супругой, а я твой супругъ“. Она согласилась и съ нимъ обвѣнчалась. Я на свадьбѣ былъ, вино и пиво пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

1870 г.

Словарь къ сказкамъ Псковской губерніи.

сацы — ищи

цаша — чаша

ВЯТСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

115. **Московской портной.**

Одинъ портной жилъ бѣдно, а былъ веселъ и пѣлъ пѣсни, отворивъ окно. Къ нему заѣхалъ царь и спросилъ: „отчего ты всегда веселъ, а домъ твой приходитъ въ ветхость?“ Портной отвѣчалъ: „я получаю въ мѣсяцъ двѣнадцать рублей; изъ этого числа плачу треть долгу, треть даю взаемъ, треть бросаю за окно и треть держу на себя“. Что это значить, онъ не сказалъ. Царь спрашивалъ бояръ, они не знали. Одинъ солдатъ, который сбѣгалъ къ портному и выспросилъ объ этомъ, отвѣчалъ: „первые три рубли онъ употребляетъ на прокормленіе отца и матери, вторые на сыновей, третіе на дочерей, послѣдніе на себя и жену“. Солдатъ этотъ показался мудрымъ; ему царь сказалъ: „поди подъ караулъ, я пошлю тебѣ двухъ рябчиковъ, ты отереби ихъ и съѣшь“. Въмѣсто того послалъ двухъ генераловъ, которые не могли отвѣчать на загадки царя. Солдатъ ихъ спросилъ: „за что вы посажены?“ Одинъ сказалъ: „меня царь спрашивалъ: высоко ли до неба?“ Солдатъ: „что даже? я тебя научу отвѣчать“.—„Возми, говорилъ генералъ, все мое богатство, да скажи“. Онъ взялъ и сказалъ: „на небѣ стукнетъ, такъ на землѣ слышно, вѣрно не высоко“. Другой сказалъ: „меня спрашивалъ: глубока ли земля?“—„Ты что мнѣ даже?“ говорилъ солдатъ.—„Возми мундиръ и шпагу“. Онъ сказалъ: „когда генералы, умершіе прежде насъ, выдутъ, то скажутъ“. Всѣхъ ихъ позвали къ царю. Солдатъ явился въ мундирѣ со шпагою и кошелькомъ денегъ, а генералы нагіе.—„Угадалъ, сказалъ царь; точно ты отеребилъ этихъ рябчиковъ и съѣлъ!“

Вятскій у., с. Просницков. 1847 г.

116. Бѣдной и богатой.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили-были два брата, бѣдной и богатой. У бѣднаго родился большой баранъ и убилъ барана у богатаго. Сей пошелъ жаловаться царю. Онъ обѣщаль разсудить ихъ, если они будутъ отвѣчать на его вопросы: 1) Что всего сильнѣе на землѣ? Имъ дано время для разсужденія. Бѣдной впаль въ сильное уныніе и говорилъ дома, что его повѣсятъ. Дочь отвѣчала: „батюшко, лежись да спи сегодня. Воля Божія, не будетъ болѣе бадожья!“ Предстали братья для отвѣта; богатой говорилъ: „у меня есть быкъ, девяти лѣтъ; его, я думаю, нѣтъ ничего сильнѣе“. Бѣдной (по наученію дочери): „земля всего сильнѣе“. 2) „Что всего быстрѣе?“—Бѣдный говорилъ: „ой, что и будетъ, знать то, смерти не миновать“. Дочь говорила: „батюшко, лежись сегодня, да спи. Воля Божія, не будетъ болѣе бадожья!“—Богатой отвѣчалъ: „у меня есть ружье, которое въ одну минуту беретъ на сто сажень“.—Бѣдный: „нѣтъ ничего быстрѣе твоего взора и человѣческаго“.—Царь узналъ о мудрости дочери, пріѣхалъ въ домъ бѣднаго и спрашивалъ навстрѣчу попавшуюся дочь крестьянина: 1) „Почему вы не встрѣчали меня?“—„У насъ нѣтъ собаки, которая бы предвѣщала о приходѣ людей“, говорила она. 2) „Гдѣ твой отецъ и мать?“—„Отецъ ушелъ за живою смертію, а мать ушла взаемъ плакать“.—„Что это значитъ?“ „Отецъ ушелъ стрѣлять птицъ: птица, будучи жива и здорова, не знаетъ и не предполагаетъ своей смерти, какъ вдругъ засыпаетъ и падаетъ. Мать въ сосѣдяхъ у покойницы на выносѣ: когда она поплачетъ, то и къ ней послѣ придутъ и поплачутъ“.

Вятскій у., с. Просницкое. 1847 г.

117. Мотросилко.

Жили да были два брата, одинъ умный и кузнецъ, а другой не умный и не дуракъ. Первый коваль, а второй мѣхи раздувалъ. Сей усталъ или, лучше, залѣнился и захотѣлъ пошутить, а мимо ихъ вели двое крестьянъ быка. Онъ говоритъ: „братъ, надо ли, я этого быка украду?“ — „Какъ?“ — „Отпусти только пожалуста“. — „Поди!“ Мотро-

силко былъ въ новыхъ сапогахъ. Онъ забѣжалъ подалѣе тѣхъ крестьянъ, сбросилъ сапогъ и спрятался. Крестьяне посмотрѣли на сапогъ и оставили. Мотросилко подобралъ его и опять забѣжалъ далѣе къ лѣску и лужку, бросилъ сапогъ и спрятался. Крестьяне подобрали сапогъ и разговаривали: „ли-ко—другой, напрасно тотъ не взяли. Остановимся здѣсь, а ты поди сходи за тѣмъ“. Одинъ ушелъ, а другой зазѣвался. Мотросилко умчалъ быка, отрѣзалъ голову и воткнулъ въ болото, а самъ мычалъ по-бычи. Крестьяне прибѣжали и тянули быка, думая, что онъ увязъ. Послѣ съ горести объявили о семъ купцу, которому они вели быка. Сей пошелъ жаловаться судѣ. Мотросилко найденъ и сознался. Судья сказалъ: „я тебя прощу, только отмсти моему непріятелю такому-то, украдь хоть изъ подъ него перину“. Мотросилко начинилъ кишку и ночью ревѣлъ у дома того по-кошечьи. Лакей, не желая обеспокоить барина, сталъ, отворилъ двери и говоритъ: „иди, шельма, что ты ревешь!“—Онъ прокрался, подошелъ къ кровати и испустилъ изъ кишки, наливъ подъ барина. Сей скоро пробудился и, не терпя запаху, кричалъ: „лакей, убери перину“. Мотросилко унесъ и убѣжалъ съ нею. Его похвалили и просили сдѣлать еще шутку — унести со стола богатаго все кушанье при гостяхъ. Мотросилко запрегъ четверку лошадей въ карету, посадилъ въ нее и на козла наряженные снопы и подѣхалъ къ дому. Самъ вмѣсто лакея убѣжалъ сказать, что пріѣхалъ генералъ Н. Всѣ вышли встрѣчать, а онъ на столѣ все свернулъ и унесъ. Просили его сдѣлать шутку надъ духовнымъ. Онъ зналъ одного набожнаго человѣка; поддѣлалъ себѣ большія лубяныя крылья, на крыльца повѣсилъ большой коробъ съ сажеею и ночью прилѣзъ къ окошку. Стучится, а тотъ спрашиваетъ: „кто и что надо?“ Онъ отвѣчалъ: „я духъ, посланъ съ неба за тобою. Молись—не молись, а иди сюда, садись и полетимъ“. Тотъ вышелъ и сѣлъ. Мотросилко говоритъ: „смотри не п . . . , а нето брошу“. Онъ тащилъ его на колокольню, оттуда бросилъ внизъ. Послѣ привязалъ коробъ на площадь и скрылся. Проѣзжалъ мимо этого мѣста знатной человѣкъ, открылъ коробъ, изъ котораго выскочилъ человѣкъ весь въ сажѣ и улетѣлъ домой, какъ черной воронъ.

Вятскій у., с. Просницкое. 1847 г.

118. [Какъ жена хотѣла взять верхъ надъ мужемъ].

О-днажды жо-нѣ по-надобилась боль-шина надъ мужамъ. О-на, ка-ждодневна у-прекая я-во въ лѣ-нности, ба-ила, ест-либа была о-на бальной, то всё-ба у нихъ въдому бы-ло добро (лудше). Этѣмъ наску-чила о-на мужу, ко-торай та-ино отъ ее совѣтывался съ-своимъ кумомъ, што-ба какъ ни-есть про-гнать отъ-нѣе та-кіе дурные мысли. По-совѣто-вались-да-ипоѣхали въ правленья-на совѣтъ; отъ-туды мужъ, во-звратясь домой, при-творился пе-чальнымъ. На-вопросъ жо-ны о-причинѣ э-той мужъ баилъ, што чи-тали въ пра-вле-ньи бумагу, жо-намъ быть большимъ. О-на э-таму бы-ла рада, за-ставила мужа съ-перва то-пить баню, а-потомъ по-садила за-ручья жо-рнова ро-зма-ливать хлѣбъ, баила, што о-на не-станитъ тратитъ за-помолъ деньги. Про-шло немного время, начали ту-рить треть (подати), а-тотъ ихей (ихъ) кумъ былъ выбарнымъ, при-шолъ онъ подъ о-кно кри-чалъ, штоба кума не-сла треть. На э-та о-на баила, што о-на серебро пе-ременитъ на-гумашки и на-другой день при-несетъ треть. По-другой день при-шолъ о-пять кумъ по-дѣюкошка даину кричать, ибра-нить куму, што о-на о-дна только ужъ о-сталась не-плательщица. У-кумы нашої де-негъ нибыло ни-гроша, а-кумъ-та на-стаивая кри-чать, штоба вы-ходила изъ избы ибезъ-ее не-пойдетъ къ-сбор-щнику, а-если до-лга невы-идеть изъ избы, то придетъ туда, и при-таскаетъ куму за-ослушанье. Ёй не-чево бы-ла дѣлать, про-сила мужа, штоба её с-пряталъ въ-пустой мѣшокъ и-по-ложилъ по-дѣлавку, баила, кумъ соштѣтъ за хлѣбъ. Мужъ её у-важилъ, посадилъ въ мѣшокъ да-иположилъ, а-кумъ ско-ра вбѣжалъ и въ избу, сыскивая ку-му, спра-шивалъ гдѣ о-на, гдѣ о-на. Мужъ съ тачьки была (такъ) съ кумамъ, ука-залъ на-мѣшокъ подѣ-лавкой, кумъ вы-ташилъ яво и-зъ-подлавки, даину по-нѣмъ плетью. Ско-лько доставалось мешку, не-меньше та-во и-кумъ-та, по-хвосталъ на-поряд-кахъ, баилъ, гдѣ о-на, гдѣ о-на, мужъ баилъ, што у-ехала и-скать треть. Кумъ баилъ: „ну мо-лись о-на Богу, то-перъ я изнѣсъ серсо на-мешкѣ, а-каба кума попала, то всюба эту плеть о-её изъ мочалилъ; то-перъ, кумъ, про-шай“, и ушолъ, а-жо-ната и-застонала, и-когда мужъ сталъ ра-звизывать

мѣшокъ, о-на баила, невѣ сенцахъ ли кумъ, а какъ баилъ мужъ што ушолъ, вы-шла и-зъ мѣшка, да-чу-бурахъ мужу въ ноги, баила: „возьми, му-женекъ, на-задъ себѣ большину, я больше баить объ ей не стану“.

Елабужскій у. 1849 г.

119. [О лѣнливой женѣ].

О-дна жона звала мужа на-праздникъ въ-гости къ роднѣ въ со-седнюю деревню. Мужъ баилъ: „я тебя уважу, по-только спро-сись соседей, вѣ-лять ли о-нѣ те-бѣ ехать въ гости“, на-эта о-на баила: „што имъ за-кручина меня держать“, ну да-исобиратца. Хвать, у жоны нѣтъ переменной ру-бахи, исарофана, та-кто и пла-тка, а-которыя носила на-себѣ за-всегда, были дрянъ дря-нушшая, хотъ трубу за-тыкай, ѣхатъ въ нихъ была нельзя, стыдна вѣдь, въ гости. Пошла къ-соседкѣ по-просить, а-та ей баила: „сама ты лѣнива, да-сон-лива, хто тебѣ при-пасъ, по-ѣзжай эдакимъ чучаломъ, не-умоей, за-тычковой трубенной, даишшо ивъ-гости, ка-кая не-пряха, за-сона, за-скала лакти(? локти), да-икъ соседкѣ зана-рядомъ, по-ди, поди, непряшиша, засона, лѣнишшо, за-тваю лѣнь, мало тебя мушъ-то взбубетениваетъ. Съ-ѣтемъ отвѣ-томъ ну-ка домой, даи-напечъ; мужъ запрявъ (такъ) лошадь, баилъ: „ну, жо-на, по-скорей“, а-она: „нѣтъ ужъ не-поѣду, ро-здумала“, амужъ баилъ: „што, видно, суседи те-бя неотпу-скають, то-то, жо-на, баилъ я тѣбе, не-ленись, не-ленись, пря-ди, по-меньше спи, вотъ тебѣ ивъ-гости, посидика на печѣ“.

Елабужскій у. 1849 г.

120. Липунюшка.

Жиль-былъ старикъ со старухой; у ихъ былъ сынокъ, Липунюшка. Однова накормила ево мать лепѣшичкамъ, и поѣхалъ онъ рыбачить; а матери наказывать: „ты, мамынька, приди ко мнѣ, принеси поѣсть и рыбу-то возьмешь“.—„Ла-дно, ладно, приду“. И понесла она ему обѣдать. Приходитъ къ рѣчкѣ и кричитъ ему:

„Липа-Липунюшка,
Приплыви ко круту бережку!
Тутъ тебѣ каша масляна,
Пирожки горяченьки,
Лошечка красненька!“

Пріѣхалъ Липунюшка къ бережку; мать его накормила и рыбу у ево взяла. Пошла домой. — „Ну, поѣзжай, сынокъ“. — „Ну, ладно; завтра придешь, а я рыбачить поѣду, больно рыба ловится“.

Если мать кричала Липунюшку, въ тѣ поры егибица (медвѣдица) подслушала ее и пришла на другой день къ бережку и кричитъ толстымъ голосомъ:

„Липа-Липунюшка,
Приплыви ко круту бережку!
Тутъ тебѣ каша масляна,
Пирожки горяченьки,
Лошечка красненька!“

— „Слышу, слышу, сказывать Липунюшка, не мамынькинъ голосокъ“. — „Экой собачій сынъ“, молвила егибица и ушла. А мать опять по скорости послѣ ее идетъ и кричитъ:

„Липа-Липунюшка,
Приплыви ко круту бережку!
Тутъ тебѣ каша масляна,
Пирожки горяченьки,
Лошечка красненька!“

Пріѣхалъ Липунюшка и говоритъ: — „Мамынька, мамынька! ко мнѣ егибица приходила“. — „Мотрай, ты не ѣздій къ ей, а то она тебя съѣстъ“. А егибица сходила въ кузницу, перекова(ла) свой языкъ на тонкій голосокъ, пришла къ бережку и запѣла тонкимъ голоскомъ:

„Липа-Липунюшка,
Приплыви ко круту бережку!
Тутъ тебѣ каша масляна,
Пирожки горяченьки,
Лошечка красненька!“

Онъ и приплылъ. Она ево взяла и утащила подъ елку, да тамъ и съѣла. Вотъ пришла мать и кричитъ Липунюшку, да такъ и не могла докричаться ево. А егибица катается подъ елкой и причитаетъ:

„Поваляться было,
 Покататься было
 На тѣхъ костяхъ
 На Липунюшкиныхъ....
 Ужъ вы, косточки,
 Недоросточки!“

А старуха услышала это, заревѣла и ушла домой, и говоритъ старику: „видно, старикъ, егибица нашего Липунюшку съѣла, потому она поетъ:

„Поваляться было,
 Покататься было
 На тѣхъ костяхъ
 На Липунюшкиныхъ....
 Ужъ вы, косточки,
 Недоросточки!“

— „Такъ пойдемъ, старуха, отрубимъ ей ноги“. Пошли. А егибица спитъ за колодой, а ногу положила на колоду. Пришли старики, отрубили ей ногу и унесли ее домой. Взяла старуха, привязала ногу къ пряхѣ и стала шерсть прясть на зипунъ старику. Идетъ егибица и кричитъ:

„Скрипи, скрипи, липова нога.
 Недалеко до Филиппова двора...
 Всѣ по селамъ спятъ,
 По деревнямъ спятъ;
 Одна бабушка не спитъ,
 На моей кожѣ сидитъ,
 Мою шерстку прядетъ,
 Не допрядывать“. ↓

А старуха слышитъ и говоритъ: „старикъ, куды спрячется намъ, вѣдь егибица насъ съѣстъ?“ — „Куды мы спрячемся, старуха“, говоритъ старикъ. — „Ты полѣзай, старикъ, въ трубу, а я полѣзу въ залавокъ“. У ихъ былъ пѣтухъ и спѣлъ онъ: „ку-ку-ре-ку! егибица! старикъ въ трубѣ“. Егибица ево за ноги достала, съѣла да и ушла въ лѣсъ. Идетъ другой разъ за старухой и поетъ:

„Скрипи, скрипи, липова нога,
 Недалеко до Филиппова двора...
 Всѣ по селамъ спятъ,
 По деревнямъ спятъ;
 Одна бабушка не спитъ,
 На моей кожѣ сидитъ,
 Мою шерстку прядетъ,
 Не допрядывать“.

Старуха взяла и залѣзла въ залавокъ. А пѣтухъ опять спѣлъ: „ку-ку-ре-ку, егибица! старуха въ залавкѣ!“ — Егибица нашла ее и съѣла.—И стала жить егибица съ пѣтухомъ и валять колпаки. Петру колпакъ, Ивану колпакъ, мнѣ шлыкъ, а тебя подъ воротню швыркъ. Вотъ и вся сказка.

Малмыжскій у., д. Подосиновая. Запис. отъ крестьянки Анисы Григорьевой. 1873 г.

121. Двѣ Марьи царевны.

Пошли двѣ Марьи царевны въ лѣсъ по ягоды и заблудились. Вышли на дорожку и плачутъ: не знаютъ, куды ити. Бѣжитъ зайчикъ и говоритъ: „о чемъ, Марьи царевны, плачете?“ — „Вотъ мы заблудились, не знаемъ домой дороги“. — „Садитесь на меня, я доведу васъ“. Вотъ онѣ обѣ и сѣли на него. Зайчикъ завелъ ихъ неладно и оставилъ.

Бѣжатъ овечки: „бя-бя! О чемъ, Марьи царевны, плачете?“ — „Какъ намъ не плакать: не знаемъ, куды ити“. — „Садитесь на насъ, мы доведемъ“. Бѣжали, бѣжали, завезли ихъ неладно. Опять царевны слѣзли. Сидятъ Марьи царевны и плачутъ: кто насъ теперь домой доведетъ? Бѣжатъ быки. „О чемъ, Марьи царевны, плачете“, говорятъ. — „Мы не знаемъ, куды намъ ити“. — „Садитесь на насъ, мы доведемъ“. — „Мы медвѣдицы боимся: она насъ съ вами съѣстъ“. — „Не бойсь! говоритъ одинъ быкъ, я на нее носомъ фыркну, такъ убѣжитъ“. Сѣли онѣ обѣ и поѣхали. Стала ихъ медвѣдица настигать. Одинъ быкъ фыркнулъ и залѣпилъ медвѣдицѣ глаза. Она и осталась на дорогѣ слѣпая, а дѣвочки, Марьи царевны, благополучно пріѣхали домой.

Малмыжскій у., д. Старые Вакуры. Запис. со словъ кр-ки Авдотьи Лицатовой. 1873 г.

122. [„Въ богатствѣ правды нѣтъ“].

Въ богатствѣ правды нѣтъ. Жилъ былъ плотникъ одинъ; добрый былъ человѣкъ, все раздавалъ нищимъ. Пойдетъ что выработаетъ, и отдастъ имъ: „на-те, дескать, мнѣ не нужно“. Вотъ ладно. Святые отцы и просятъ у Господа: „дай, говоритъ, Господи, плотнику богатство“. Не знали, вишь, они, что будетъ, а Богъ вѣдь все это знаетъ; отъ Него не сукроешься. Ладно. Сидитъ плотникъ на бревнѣ; тукъ да тукъ—анъ хватъ деньги и посыпались изъ бревна-то. Онъ сейчасъ подобралъ ихъ, богатымъ сдѣлался... въ Москву сичасъ, товаровъ разныхъ накупилъ, торговать сталъ; ну, и вѣстимо, домъ себѣ такой смахалъ, что, пожалуй, и у насъ въ Орловѣ не отыщешь. Только и приходятъ къ нему святые отцы. А у него у воротъ-то стоятъ, чтобы нищихъ никого не пропускать. Святые отцы прошли все-таки: еще бы, Божья сила тоже. Вотъ ладно. Они тутъ къ хрестьянину одному, что богачу прислужалъ. „Пустите, говоритъ, насъ переночевать; такъ и такъ, люди странные, издалека зашли“. — „Нѣтъ, говоритъ, нашъ господинъ не любитъ нищихъ, взащей васъ прогонитъ. А, вотъ, коли хотите, ложитесь здѣсь, въ клѣвѣ, со свиньями“. Встали какъ святые отцы на-утрѣ да и взмолились Господу: „Господи, говорятъ, отними у него богатство“. Ну, и отнялъ Богъ, послушалъ ихъ. Онъ опять въ плотники пошелъ, милостивъ опять сталъ къ нищей братіи и такъ и прожилъ весь вѣкъ.

Орловскій у., деревня Торопова. 1882 г.

123. [Какъ мужикъ перехитрилъ чорта].

Увидалъ дѣшій мужика да и говоритъ: „поклонись мнѣ!“—„Нѣтъ, говоритъ, ты мнѣ поклонись сперва“. Чортъ и говоритъ: „ладно, только допрежь силами помѣримся, кому кланяться нужно“. Ну, вотъ хорошо. Чортъ взялъ чурку да какъ бросилъ — она такъ въ облако прямо и полетѣла да тамъ и засѣла. — „Ну, это, говоритъ (мужикъ), что! нѣтъ, ты вотъ посмотри, какъ я брошу—у меня въ небѣ засядетъ“.

Только замаяхнулся онъ да и бросилъ тихонько за себя. Чортъ глядитъ, куда это полетѣла чурка; глядѣлъ, глядѣлъ, — нѣтъ ея, нигдѣ не видить. — „Ну, говоритъ, ты, мужикъ, сильнѣе меня“. Такъ и ушелъ изъ нашихъ мѣстъ; больше ужъ и не видать его съ тѣхъ поръ.

Орловскій у., д. Торопова. Зап. со словъ кр-на Александра Торопова. 1882 г.

124. Откуда медвѣди пошли.

Жилъ былъ злой помѣщикъ, у него была жена тоже злая. Они всячески у крестьянъ денегъ добивались, казнили ихъ. Крестьяне боялись ихъ пуще огня, бѣгали, какъ увидятъ ихъ. А имъ все мало было. Вотъ помѣщикъ и говоритъ женѣ: „жена, а жена! А какъ бы намъ сдѣлать, чтобы мужики насъ еще больше боялись и денегъ больше давали“? А жена и говоритъ ему: „давай сдѣлаемся звѣрьми, какихъ люди еще не видывали“. Вотъ и сдѣлались медвѣдями. Хорошо. Живутъ въ лѣсу. Вотъ и пошелъ туда одинъ мужикъ за ягодами да и увидалъ ихъ. Испужался очень, бросилъ коробицу, бѣжитъ въ деревню: „такъ и такъ, говоритъ, православные, видѣлъ въ лѣсу какихъ-то звѣрей; ходятъ на заднихъ лапахъ, малину сосутъ“. Мужики испужались. Уговорились идти въ лѣсъ, всей деревней посмотреть, каки-таки звѣри есть. Пошли и видятъ, медвѣди залѣзли на дерево, а тамъ бортъ была; къ меду, значить, они подбирались. Какъ увидѣли тутъ ихъ крестьяне, такъ и назвали ихъ медвѣдями: медъ, значить, вѣдаютъ.

Г. Орловъ. 1882 г.

125. О томъ же.

[Золотая рыбка].

Медвѣди допрежь того были такіе же православные люди, какъ вотъ мы съ тобой. Жили, вишь-ты, въ одномъ селеньи дѣдъ да баба; жили они бѣдно-бѣдно. Домъ былъ у нихъ развалющій, коровки совсѣмъ не было, на дворѣ вѣтеръ гуляетъ. Только вотъ пришла зима, холодъ пошелъ, сиверко,

а у нихъ и дровъ нѣтъ. Только беретъ тутъ мужикъ топоръ и въ лѣсъ. „Дровъ, говоритъ, наколю, протопиться, по крайности, будетъ чѣмъ“. Пошелъ. Только кололъ, кололъ и подходитъ къ березѣ одной — бѣлая такая, заколдованая была. Тяпъ да тяпъ по ней, а береза и говоритъ ему: „за чѣмъ ты меня, старичекъ, рубишь? раѣ мало здѣсь деревъ другихъ?“ — „А ты, говоритъ, что за барыня? У меня всѣмъ деревьямъ честь-то одинаковая, что тебѣ, что сосенкѣ“. И опять тяпъ да тяпъ. — „Не руби меня! право слово, говоритъ, службу тебѣ сослужу, какую хошь службу... Скажи только, чего хочешь, все тебѣ и будетъ“. — „Ладно, говоритъ. Коли ты ужъ такая добрая, такъ не оставь, сдѣлай милость, дай мнѣ богатства, лопотн тамъ, денегъ. А то я совсѣмъ бѣдно живу, нѣчѣмъ ни одѣться, ни что“... Береза и говоритъ: „поди домой, будетъ тебѣ богатство“. Вотъ пошелъ. Хватъ, анъ домъ-ать у него новый, на дворѣ то кони, а на крылечкѣ то жена разнаряженная сидитъ, дожидаетъ его изъ лѣсу. Вотъ ладно. Живутъ они хорошо, ѣдятъ, спятъ сладко. Только и думаетъ дѣдъ: „вотъ я теперь богатъ, ѣмъ, сплю сладко, а все какъ-то не то... почету мало, не то что старостѣ. Дай пойду къ березкѣ, не будетъ ли отъ нея чего!“ Взялъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ. Приходитъ, тяпъ да тяпъ по березѣ. А она его и спрашиваетъ: „что ты, дѣдушка?“ — „Да вотъ, говоритъ, пришелъ къ тебѣ; соскучился на богатствѣ. Оно и все бы хорошо, да почету мало. Нельзя ли стать мнѣ старостой?“ — „Можно, говоритъ, отчего же. Поди домой, будешь старостой“. Пришелъ — анъ тамъ ужъ бумага лежитъ: быть ему старостой. Хорошо. Много ли, мало ли прошло, только и мекаетъ дѣдъ: лучше быть господиномъ; господа то ничего не дѣлаютъ и податей не платятъ. Онъ къ женѣ, — какъ тутъ быть. Подумали вмѣстѣ, подумали да и рѣшили идти опять старику къ березѣ. Пошелъ онъ опять въ лѣсъ, топорикъ съ собой взялъ. Приходитъ къ березѣ, тяпъ-тяпъ по ней. Она и спрашиваетъ: „что ты, дѣдушка?“ — „Да вотъ, кормилица, не хотца мнѣ быть старостой, простымъ мужикомъ. Сдѣлай ты меня дворениномъ“. — „Ладно, говоритъ. Поди домой, будетъ тебѣ и дворянство“. Пришелъ мужикъ домой, глядь, — анъ домъ-отъ у него господской, каменной; у воротъ слуги стоятъ, спрашиваютъ: „чего угодно?“ А жена сидитъ въ горницѣ, шелкъ да бархатъ на ней. Онъ

сѣлъ съ нею рядомъ, и стали они барамн Вотъ хорошо. Проходитъ, можетъ, мѣсяцъ, али другой. Не хотца старику дворяниномъ простымъ быть; чина захотѣлось. Идетъ опять въ лѣсъ къ березкѣ. — „Такъ и такъ, матушка-березушка, спасибо тебѣ за все. Только нельзя ли мнѣ быть чиновнымъ?“ — „Ладно, говоритъ, будетъ тебѣ и чинъ. Ступай себѣ домой“. Не успѣлъ на порогъ ступить, приходитъ царевъ указъ: награждаетъ его царь чинами. Но ему и этого мало. Захотѣлось быть губернаторомъ. И пошелъ опять къ березкѣ. Она и спрашиваетъ: „что ты, старичекъ?“ — „Надоѣло, говоритъ, мнѣ дворянство: все губернатору кланяйся. Хочу быть самъ губернаторомъ“. — „Трудно это сдѣлать. Ну, да ужь ладно. Поди себѣ; будешь и губернаторомъ“. Радъ мужикъ, домой трускомъ бѣжитъ. Хватъ, а тамъ ужь гонцы отъ царя къ нему присланы. Ставить его царь губернаторомъ. Зажилъ мужикъ губернаторомъ, пиры, банкеты задаетъ, дѣлами ворочаетъ. А все скушно, потому у царя подъ рукой. — „Нѣтъ, говоритъ, пойду опять къ березкѣ. Пусть царемъ меня сдѣлаетъ“. Пошелъ. Тяпъ-тяпъ ее топоромъ. Она и спрашиваетъ: „что ты, говоритъ, дѣдушка? чѣмъ недоволенъ?“ — „Да все бы хорошо. Спасибо тебѣ, наградила всѣмъ, въ чины вывела. Только не хотца мнѣ быть губернаторомъ; нельзя ли въ цари попастьъ?“ — „Что ты, говоритъ, опомнись“, — „Всѣмъ тебя я ублаготворила, а ты все хочешь еще да еще. Ты подумай только, что былъ мужикомъ, дрова кололъ, а теперь губернаторъ сталъ. Будетъ съ тебя, а царемъ тебѣ нельзя быть, потому какъ царь — помазанникъ“. — „Нѣтъ, говоритъ, ты ужь меня сдѣлай царемъ, матушка-березушка. Я тебѣ въ ножки поклонюсь“, и бухъ въ ноги. Береза и говоритъ: „смотри, не проси: и останное потеряешь“. А дѣдъ все просить, не унимается, по землѣ ползаетъ: „сдѣлай да сдѣлай меня царемъ!“ — „Ну, ладно говоритъ, коли ужь вы такіе, такъ вотъ вамъ—ты будешь медвѣдемъ, а жена медвѣдицей. И ходите вы по лѣсу отнынѣ до-вѣку“. Такъ и сталъ мужикъ съ бабой медвѣдями. А кабы не жадны были, и вѣкъ бы людьми, православными были бы.

126. **Объ Иванѣ, сынѣ крестьянскомъ, и Марьѣ-царевнѣ.**

Жилъ царь и задумалъ онъ жениться. Заслалъ сватовъ, ну и женился. Вотъ ладно. Живетъ тамъ съ женой. И нужно ему ѣхать—тамъ на войну что ли, или куды. Уѣхалъ, жену бросилъ. А жена-то ужъ беременна была; ему она это не сказала. Уѣхалъ онъ, пробылъ тамъ 7 годовъ, потомъ ешшо сколько-то. Ну и ѣдетъ домой, къ женѣ ворочается, значить. Пить ему захотѣлось,—больно захотѣлъ и онъ самъ и лошадка. Подвернулъ къ рѣчкѣ, напоилъ лошадку и самъ пить сталъ. А тутъ Шумпало девятиголовое, большое, черное, схватило его за бороду да и держить его. И говорить ему: „отсули мнѣ, чего ты дома не знаешь, такъ отпущу тебя“. Иванъ-царевичъ долго въ головѣ перебиралъ, чего не знать дома. „Все, говоритъ, помлю: и жена, и хозяйство—все какъ быть“. А про ребенка и не зналъ. Шумпало отпустилъ. Приѣзжаетъ Иванъ-царевичъ домой. Ворота ему отворяетъ; вышла жена, ребенокъ съ ей. Ну, поздоровались, вѣстимо.—„Чей, говоритъ, это ребенокъ у тебя“.—„А это, говоритъ, твой ребенокъ. Я забеременѣла тогда, тебѣ не сказала; а какъ ты уѣхалъ, онъ и родился безъ тебя“. Вошли въ избу; она стала на столъ накрывать, уважала, величала его. Потомъ какъ отужинали, пошли въ клѣтъ спать. Сынъ подходит и говоритъ: „благословите меня, тятенька, мамонька“. Благословили. „Поди, говоритъ, сынокъ, лягъ на кроватку“. Ладно, пошелъ онъ спать. Только молится ему: прилетаютъ 31 птица съ булатными крыльями, зелѣзымъ носамъ; постучали въ кроватку крыломъ, обчистили носики и говорятъ ему: „не пора тебѣ, Иванъ, сынъ хресьянской, спать, пора на работу вставать, куда тебя отецъ отсулилъ“. На утрѣ Иванъ-царевичъ всталъ, умылся бѣленько, одѣлся гладенько, Богу помолился, идетъ къ родителямъ. „Такъ и такъ, говоритъ, тятинька, мамонька, видѣлъ я, говоритъ, птицъ съ булатнымъ крыльямъ, зелѣзымъ носамъ, прилетали, говорили: поди, слышь, куда тебѣ тятенька отсулилъ. Куда ты меня, тятенька, отсулилъ?“ Отецъ ни гу-гу, помалкиваетъ.

Къ ночи сынъ опять къ родителямъ: „благословите, говоритъ, меня, тятенька, мамонька, мнѣ на покой“. Ну, бла-

гословили. „Поди, говоритъ, съ Богомъ, сынокъ нашъ богданной, лягъ на кроватку, спи до утре“. Пошелъ, легъ. Только опять прилетаютъ 32 птицы съ булатнымъ крыльямъ, съ зелѣзнымъ носамъ. Постучали крыльямъ въ кровать, обчистили носики и говорятъ ему: „не пора, Иванъ-царевичъ, спать, пора на работу вставать, уды тебя отецъ отсулилъ“. Всталъ Иванъ-царевичъ, идетъ къ тятенькѣ, мамонькѣ. „Такъ и такъ, говоритъ, кридилось (такъ, вм. грезилось?) мнѣ нонѣшней ночью, будто опять прилетали птицы съ булатнымъ крыльямъ, зелѣзнымъ носамъ. Куды ты меня, тятенька, отсулилъ? Онѣ опять меня посылали...“ Отецъ все молчитъ.

Только вечеромъ спать нужно ложиться, сынъ опять и просить: „благослови, говоритъ, меня, тятенька съ мамонькой, мнѣ спать идти“. Благословили, ладно: „поди, говоритъ, теперь спать, сынокъ“. Легъ онъ на кроватку, заснулъ. Только и опять прилетаютъ 33 птицы съ булатными крыльями, съ зелѣзнымъ носамъ; постучали въ кроватку, очистили носики и говорятъ ему: „не пора тебѣ, Иванъ-царевичъ, спать, пора на работу вставать, куда тебя отецъ отсулилъ“. Всталъ на утрѣ, умылся бѣленько, одѣлся гладенько и идетъ къ отцу: „благословите, говоритъ, меня, родители, въ путь дорогу. Я хочу идти, куда ты меня отсулилъ“. Родители даютъ ему свое благословеніе. Попрощался онъ, пошелъ.

Ни близко, ни далеко, ни низко, ни высоко, шелъ, шелъ; видитъ: стоитъ избушка на веретенной пяткѣ. Онъ взошелъ въ нее. Видитъ, сидитъ старушка. Помолился онъ Богу и сѣлъ на присѣсткѣ. Старушка и говоритъ ему: „знаю я, Иванъ-царевичъ, куда ты путь держишь; только не могу помогчи тебѣ. А живетъ тамъ дальше моя сестра; къ ней и поди. Она тебѣ все поразкажетъ“. Ладно, пошелъ онъ дальше. Шелъ да шелъ, ни близко, ни далеко, ни низко, ни высоко, видитъ ещю избушку на веретенной пяткѣ; стоитъ передъ нимъ да вертится. Онъ взошелъ, помолился Богу и сѣлъ на присѣстѣ. Старушка ему и говоритъ: „знаю я, куда ты идешь, добрый молодецъ; только не могу пособить тебѣ. А вотъ поди ты къ старшей сестрѣ: она тебѣ все и расскажетъ“. Пошелъ Иванъ-царевичъ. Шелъ-шелъ, ни близко, ни далеко, ни низко, ни высоко, видитъ, опять стоитъ избушка на веретенной пяткѣ; вертится кру-

гомъ, что мельница. Взошелъ въ нее, видитъ, сидитъ старушка. Онъ и спрашиваетъ ее: „куда, говоритъ, мнѣ, баушка, идти надоть? Мнѣ вотъ тѣ сестрицы-то твои сказали, что ты знаешь“. — „Знаю, говоритъ, знаю, Иванъ-царевичъ. Я ужь давно ждала тебя. Поди ты вотъ по этой дорожкѣ, придешь въ царскій домъ. Тамъ живетъ Шумчело; онъ мой крестникъ, родной тоже. Только ты въ домъ-отъ самый не ходи, а поди туда дальше къ окошку. Увидишь красненькую лопотинку, туда и проберись, въ ту избу, значить, и ступай. Тамъ увидишь дочку его, Марью-царевну“. Пошелъ онъ. Видитъ царскій домъ, большой такой. Онъ въ него не взошелъ, а пошелъ дальше. Видитъ, на окнѣ красная лопотинка виситъ, туда и пошелъ. Приходитъ, Богу помолился, въ ноги Марьѣ царевнѣ поклонился. Марья-царевна и говоритъ ему: „мотри, ты какъ пойдешь къ тятинкѣ, онъ тебя что дѣлать заставитъ, ты никому не рассказывай, а поди прямо ко мнѣ. Я во всемъ тебѣ помогу, сколько моей силы-мочи хватитъ. Только мотри, меня не оставляй“. А Иванъ-царевичъ стоитъ, слушаетъ, ручки сложилъ; а потомъ и говоритъ ей: „гдѣ же мнѣ подыматься? что скажешь, все сдѣлаю“. — „Ну, ладно, говоритъ Марья-царевна, а теперь пошолъ, отдохни“. Ладно, пошолъ Иванъ-царевичъ. Только и зоветъ его Шумчело и говоритъ: „задамъ я тебѣ, Иванъ, крестьянскій сынъ, задачу. Коли угадаешь — жилечъ, а не угадаешь — рѣжанечъ“. — „Ну, ужь, говоритъ Иванъ царевичъ, буду стараться передъ вашей царской милостью, сколь Господь Богъ пособитъ и сколь силы моей хватитъ“. — „Ну, слушай, говоритъ: что бы до пѣтуховъ ты вырылъ колодечъ, и срубъ поставилъ, и журавечъ золотой. А теперь пошолъ, работай. Опосля я приду, посмотрю“.

Закручинился Иванъ-царевичъ, головку повѣсилъ, ходить самъ не свой. Пошелъ къ Марьѣ-царевнѣ. „Такъ и такъ, говоритъ, Марья-царевна, задалъ отецъ твой задачу, угадаю — жилечъ, не угадаю — рѣжанечъ“. — „Ужъ я, говоритъ, знаю: я вѣдь сильнѣе его. Ты не заботься, не тоскуй. Поди, помолись Спасу да лѣжись спать“. Вотъ она вышла на крылечко, махнула красной лопотинкой и зыкнула: „служеньки-маженьки (такъ), какъ тятенькѣ и мамонькѣ служили, такъ и мнѣ послужите“. Всѣ къ ней собрались. Вотъ она и сказала имъ: „подите, говоритъ, выройте колодечъ, золо-

той журавечъ поставьте и срубъ, и все... Вотъ они всеѣ семей побѣжали и пошли строить: кто досточку, кто брёвнышко, кто съ кирпичемъ, кто съ журавчемъ, кто молотокъ тутъ несетъ. Сладили все и съ вѣсточкой къ Марьѣ-царевнѣ прибѣжали: „все, говоритъ, готово“. Она пошла и разбудила Ивана-царевича. „Вставай, говоритъ, Иванъ-царевичъ, сынъ крестьянскій, я все уладила: и колодечъ сдѣланъ и все. Поди топерь, выпатрайся въ глинѣ, а то онъ будетъ думать, что ты не работалъ“. Пошолъ Иванъ-царевичъ, опатрался глиной, обмазался весь и пошолъ къ царю: „все, моль-де, готово, поди, погляди“. Ну, онъ пошелъ съ нимъ. Видитъ — колодечъ, и журавечъ золотой, и срубъ; схохоталъ, обвернулся. — „Ну, это, говоритъ, не ты дѣлалъ, а дочка, Марья-царевна, — это все ее хитрости. А ты вотъ что топерь: поди до пѣтуховъ, весь вотъ этотъ лѣсъ сруби, расчисти, сборони, спаше, посѣй, пожни да амбаръ сострой да смолоти да въ тотъ амбаръ и заколоти. А коли не сдѣлаешь, что я тѣ наказывалъ, такъ и не житель больше“.

Закручинился Иванъ-царевичъ, сынъ крестьянскій, голову повѣсилъ, ходитъ самъ не свой. Пошелъ онъ къ Марьѣ-царевнѣ, все поразсказалъ ей. „Вотъ, говоритъ, что онъ наказывалъ“. А Марья-царевна и говоритъ: „не сумлевайся, ложись спать да молись Спасу. Я ужъ улажу“. Вышла на крылечко, махнула красной лопотинкой и сзачала: „служеньки-маженьки! какъ тятенькѣ, мамонькѣ служили, такъ и мнѣ послужите“. Всѣ собрались. Она и говоритъ: „подите, лѣсъ чистите, сѣйте тамъ, пашите, бороните, хлѣбъ убирайте, стройте амбаръ, все зерно въ него свозите“. Ладно, пошли бѣгать: кто топорокъ, кто молотокъ, а то съ косою, а то съ серпомъ; все обтяпали. Идутъ къ Марьѣ-царевнѣ съ вѣсточкой: все, значить построили. Ладно. Марья-царья (такъ) будитъ Ивана-царевича. „Вставай, Иванъ царевичъ, сынъ крестьянскій. Хлѣбъ ужъ убранъ; я все сладила. Поди, вымарай лицо сажей, выпатрайся весь и ступай къ отцу“. Иванъ-царевичъ всталъ, выпатрался, пошелъ къ отцу: „все, говоритъ, сдѣлалъ. Подѣмъ глядѣть“. Пошли. Видитъ царь, все, какъ есть, улажено: и лѣсъ расчищенъ, и хлѣбъ убранъ. Обвернулся, схохоталъ. „Это, говоритъ, хитрости дочки моей. Марья-царевны. А ты топерь

церковь мнѣ сострой, въ одну ночь, чтобы къ обѣднѣ поспѣло освятить ее“.

Закручинился Иванъ-царевичъ, голову повѣсилъ, ходить самъ не свой. Пошелъ къ Марья-царевнѣ.—„Ну, что, говорить, онъ опять на тебя накинулъ“. — „Да вотъ, говорить, церковь наказывалъ построить“. — „Ладно. Ты не заботься. Помолись Спасу да ложись спать. Я ужъ устрою“. Вышла на крылечко, взмахнула красной лопотинкой и сзачала: „служиньки-маженьки, какъ тятинькѣ, мамонькѣ служили, такъ и мнѣ послужите“. Прибѣжали всей семьей. Марья-царевна и говорить имъ: „подите, церковь устройте, чтобы къ обѣднѣ святить поспѣло“. Побѣжали, изладили. Марья-царевна пошла, разбудила Ивана-царевича. — „Вставай, говорить, поди, церковь излажена. Опатрайся въ известкѣ, выбѣлись весь да и ступай къ отцу“. Пошолъ онъ, опатрался и идетъ къ отцу: „такъ и такъ, говорить, ваше царское степенство, церковь я изладилъ“. Пошелъ царь, поглядѣлъ: точно—церковь. „Ну, ладно, говорить, въ этой церкви ты и вѣнчаться будешь. Я за тебя отдамъ дочь свою. Вотъ приходи, завтра я тебѣ ихъ покажу; выбирай любую“. Иванъ-царевичъ и говорить: „это какъ вашему царскому степенству будетъ желательно, а я бы тово... женился, потому хозяйкой нужно все одно обзаводиться“. — „Такъ вотъ, говорить, и приходи завтра, выбирай любую, какая поглянется“.

Пошелъ Иванъ-царевичъ къ Марья-царевнѣ: „такъ и такъ, говорить, завтра отецъ женить меня хочетъ; невѣсту буду выбирать“. — „Ну, говорить, мотри, Иванъ-царевичъ, я тебѣ много службъ сослужила; мотри, не оставляй и меня. Онъ тебя поведетъ по тремъ горничамъ. Вездѣ будетъ по 11 красныхъ дѣвушекъ. Ты, мотри, въ первой не бери и во второй не бери: я буду въ третьей горничѣ. Коло лица у меня будетъ летать мушка, а я ее стану платочкомъ отганивать. Ты на меня и покажь. Скажи: вотъ де моя невѣста. А теперь пошолъ, спи“. Ладно. Вотъ онъ всталъ наутрѣ, умылся бѣленько, одѣлся гладенько и пошелъ невѣсту выбирать.

Привелъ его царь въ первую горничу. Иванъ-царевичъ говорить: „нѣтъ, этихъ не надо“. Царь повелъ его въ другую горничу. Иванъ-царевичъ и говорить: „нѣтъ, эти мнѣ

не глянутся". Царь повелъ его въ третью горничю. Иванъ-царевичъ и увидалъ тутъ: Марья-царевна отъ мушки бѣленькимъ платочкомъ отмахивается. „Вотъ, говоритъ, моя невѣста". Царь схохоталъ: „знаетъ, говоритъ, куда мѣтиться“.

— „Ну, говоритъ, теперь пойдѣте въ церковь". Пошли. Ну, Иванъ царевичъ и женился на ей. Пошли пиръ пировать. Долго пировали. Потомъ на подклѣтъ привели, положили на кроватку, однихъ оставили. Только и говоритъ Марья-царевна Ивану-царевичу: „неужли, говоритъ, ты не стосковался по отцѣ-матери своей?" — „Стосковался, говоритъ, какъ не стосковаться". — „Ну, такъ поѣдемъ къ родителямъ". — „Поѣдемъ", говоритъ. Ладно. Собрались, сѣли на коней и поѣхали. А Марья-царевна хитра и мудра была: она куколъ надѣлала, фигуръ, значить, эдакихъ, дьяволѣвъ, да и разставила ихъ вездѣ: на шестокъ, на постельку, на шкафчикъ, у порога. А сами взяли да и уѣхали.

Тутъ на утрѣ горшки стали бить, самовары ставятъ. А потомъ пошли молодыхъ поднимать. Поторкали, поторкали. „вставайте, говорятъ, пора ужъ". А кукла имъ и отвѣчаетъ тоненькимъ голосомъ: „погоди-и-те, погоди-и-те маленько, я еще только встаю, платьице оболокаю". Вотъ они опять ждуть да пождать, нѣтъ молодыхъ да и все. Царь по горничѣ ходитъ, сердится. — „Подите, говоритъ, что они тамъ замѣшкались". Опять пошли. Стучатся, а кукла и говоритъ: „пѣликъ вѣничкомъ мету, сорѣкъ выбрасываю. Удѣлаюсь, такъ приду". Вотъ ладно. Царь по горничѣ походитъ, головой взвернетъ, сердится, а ихъ все нѣтъ. Царь заругался: „ахъ, вы, говоритъ, подлецы, сукины сыны, добудиться не могли... Постой-ко, я вотъ самъ пойду". Пошелъ—анъ тамъ куклы однѣ, комеди, значить.

Смекнулъ онъ, что убѣждали они, и погоню за ними послалъ. „Валите, говоритъ, лошадей не жалѣйте; въ мою голову дуйте". Поѣхали, жарятъ, стегаютъ лошадей, что на поди; а у лошадей искры изъ глазъ, дымъ подъ копытомъ.

Марья-царевна и говоритъ Ивану-царевичу: „не слышишь ли, Иванъ-царевичъ, погони?" А Иванъ-царевичъ и говоритъ: „да что, говоритъ, я? ты болѣ меня знаешь". Вотъ она слѣзла съ телѣги и приложила ухо къ землѣ.

Слышитъ—погоня.—„Ну, говорить, плохо: за нами гонятся“. Скоренько слѣзла, Ивана-царевича голубемъ сдѣлала, а себя голубкой, а лошадокъ и телѣгу въ березку да осину передѣлала. Вотъ ладно. Наѣзжаетъ погоня и спрашиваетъ голубковъ: „голубки, голубки, не видали-ли молодого жениха съ невѣстой, не проѣзжали-ли здѣсь они?“—„А какъ отро-стать начала березка да осина, такъ тогда проѣхалъ молодой женихъ съ невѣстой“. Посмотрѣли: березы старыя, давно ужъ это было,—не догонишь. Взяли да и воротились. Только и спрашиваетъ ихъ отецъ: „ну что, догнали?“—„Нѣтъ, говорить, не догнали. Доѣхали до березки. Тамъ сидятъ два голубочка: голубъ да голубка. Мы и спросили ихъ: „не видали-ли, молъ, вы, не проѣзжали-ли тутотка же-нихъ съ невѣстой“... „Какже, говорить, видѣли; какъ отро-стать стала березка да осина, такъ они тогда и проѣхали. Мы взяли да и воротились“. А царь и говорить имъ: „эхъ, вы—простокваши. Не знаете и тово: вѣдь эти голубки они и есть. Поѣзжайте, говорить, сейчасъ за ними опять, гоните, жарьте лошадей въ мою голову, догоните ихъ безпремѣнно“. Поѣхали. Жарятъ, дуютъ коней, а у нихъ искры изъ глазъ сыплутся да такъ во всѣ стороны и разлетаются.

Марья-царевна и говорить Ивану-царевичу: „охъ, Иванъ-царевичъ, не слышишь ли погони за нами?“ А Иванъ-царевичъ говорить: „ты, Марья-царевна, и хитра и мудра, послушай сама: можетъ, чего услышишь, а ужъ мнѣ гдѣ съ тобой ровняться“. Только Марья-царевна слѣзла съ ко-ней, припала ухомъ къ землѣ, слышитъ, ѣдутъ за ними, близко ужъ. Вотъ и говорить Ивану-царевичу: „бѣда, Иванъ-царевичъ, сынъ крестьянской, погоня близко“. Взяла она, сдѣлала изъ коней часовню, а сама стала просвирней, Ивана-царевича подмаремъ оборотила. Ёдетъ погоня и спрашиваютъ ихъ: „не видали-ли, не проѣзжали-ли тутъ молодой женихъ съ невѣстой?“ А Марья-царевна и отвѣ-чаетъ имъ: „какъ цасовня строиться начала, такъ проѣхалъ тутъ молодой женихъ съ невѣстой, а больше никого не вида-ли“. Глядятъ—цасовня старая, давнишняя, мохомъ инда об-росла.—„Нѣтъ, говорить, ужъ не догонишь, поѣдьте домой“. Марья-царевна и говорить имъ: „да вы отъ кого будете?“—„А мы, говорить, отъ царя, Шумпаломъ зовутъ его“.—„Ну, такъ я, говорить, его знаю. Вотъ отвезите ему гостинецъ

просвирку я ему пошлю". Ладно. Взяла она, завертѣла въ грамотку г.... коневье. — „Вотъ, говоритъ, отдайте ему; это я за здравьё ему отслужила. Только мотрите, говоритъ, не развертывайте, такъ прямо ему и отдайте“. Пріѣхали къ царю. — „Ну что, говоритъ, догнали ихъ?“ А они ему и отвѣчаютъ: „нѣтъ, говоритъ, не нагнали. Только видѣли цасовню, просвирня, съ ней монахъ, али тамъ подомарь, Богу молятся, стоятъ. Мы и спросили ихъ: „не видали-ли, не проѣзжали-ли тутотка молодой женихъ съ невѣстой“? А они намъ и отвѣчаютъ: „какъ цасовня строиться начала, такъ тогда проѣхалъ молодой женихъ съ невѣстой“. Мы посмотрѣли, а цасовня-то инда мохомъ обросла, старая-престарая. Все равно, молъ, не нагонишь. Взяли да и воротились. Просвирня-то вотъ тебѣ просвирку послала. Знаетъ, вишь, тебя, наказывала кланяться“. Развернулъ онъ — хватъ, анъ коневье г.... Закричалъ разсердился. „Ахъ, подлянка, это и есть она. Чего вы тамъ глядѣли? Просвирня то и есть Марья-царевна, а подомарь — Иванъ, сынъ хрестыанской. Вотъ бы нужно привести ихъ. И тово ужъ не сѣумѣли“. Сѣлъ самъ на коней, въ погонь за нимъ поѣхали.

Только Марья-царевна и говоритъ Ивану-царевичу: „Иванъ-царевичъ, сынъ хрестыанской, не слышишь-ли погони?“ — „Охъ, Марья-царевна, куда ужъ тутъ мнѣ, ты и хитра, и мудра, — сама послушай“. Только и припала она ухомъ къ землѣ; слышитъ — погоня въ запяткахъ. — „Ну, говоритъ, Иванъ-царевичъ, бѣда! самъ отецъ ѣдетъ погоней, ужъ близко, въ запяткахъ“. Взяла она, лошадей рѣкой съ берегами оборотила, сама шукой стала, а Иванъ-царевичъ окунемъ пошелъ. Вотъ ладно. Плаваютъ, играютъ въ водѣ. Отецъ и ѣдетъ на тройкѣ съ прозвонами; ружья у него, сабли и все. Подъѣзжаетъ къ рѣкѣ, видитъ: шука да окунь. Сичасъ узналъ, что это Марья-царевна и есть. И говоритъ ей: „чтобы тебѣ, дочка моя милая, вѣкъ ходить тутъ въ водѣ, не развернуться“. Только Марья-царевна и говоритъ ему наоборотъ: „что-бы тебѣ, тятенька мой милой, вѣкъ ѣздить тутъ, никогда домой не добратъся!“ Вотъ ладно. Поѣхалъ отецъ домой. Ыздишь, ѣздишь, — никакъ тебѣ не можетъ попасть на свою землю; все кружить мимо. Подъѣзжаетъ опять къ рѣкѣ и говоритъ Марья-царевнѣ: „ахъ, Марья-царевна, дочь моя милая! ѣздишь я, ѣздишь, никакъ

не могу домой понасть. Сними ты съ меня заклатьё своё". „Ладно, говорить, сниму, только ты прежде сними съ меня". Ну, царь и говорить ей: „развернись, выдь на берегъ". Марья-царевна развернулась, на бережокъ вышла съ Иваномъ-царевичемъ подь ручку. „Топерь, говорить, поѣзжай, тятенька, доѣдешь домой". Отецъ заворотилъ коней и поѣхалъ. Такъ и доѣхалъ благополучно. Марья-царевна и говорить Ивану-царевичу: „Иванъ-царевичъ, сынъ крестьянской, зачѣмъ намъ ѣхать къ родителямъ твоимъ? Можетъ они померли, али что да и не рады будутъ: потому отбилъ отъ нихъ, все едино. Поѣдемъ лучше къ моему отцу назадъ. Онъ, чай, осерчалъ, разговоримъ его". Иванъ-царевичъ и говорить ей: „поѣдемъ, Марья-царевна, куда ты, туда и я. Ты спасла меня; топерь куда хошь поди — я не отстану отъ тебя". Ладно. Запрягли лошадей и поѣхали назадъ къ отцу. Только доѣхали до дворца, Марья-царевна и говорить Ивану-царевичу: „Иванъ-царевичъ, сынъ крестьянской, ты поди во дворечъ одинъ, а я вотъ подь вересовымъ кустичкомъ посижу, подожду тебя. Отецъ тебя встрѣтитъ, какъ родного, будетъ почитать, угощать. Только мотри, много вина не пей, да кая выдетъ къ тебѣ старшая невѣстка, её сѣдуна не чалуй. А какъ почалуешь, меня и забудешь, не воротишься сюды больше". Вотъ ладно. Пошелъ Иванъ-царевичъ, сынъ крестьянской къ царю. Царь обѣдаетъ, и его съ собой посадилъ, чествуетъ, поштуетъ. — „Кушай-де, Иванъ-царевичъ, у меня и винъ разныхъ, и всякаго меду, и пряниковъ довольно". Ладно. Только и напился Иванъ-царевичъ безпримѣтно пьянъ, напился, что и знику нѣтъ. Такъ тутъ и повалился подь столъ прямо. Старшая невѣстка подошла тутъ къ нему, сѣдуна подвела: „поцѣлуй, говорить, дяденьку". Какъ поцѣловалъ онъ Ивана-царевича, такъ онъ и забылъ про Марью-царевну.

Вотъ царь и говорить ему: „Иванъ-царевичъ, сынъ крестьянской, не хочешь ли жениться?" — „Какъ бы, говорить, не жениться, хочу, вѣстимо, коли ваше царское степенство повѣнчае меня". Царь и говорить: „повѣнчае тебя попъ, а я тебѣ только невѣсту выберу". — „Выберите, говорить, ваше царское степенство". Стоитъ да кланяется царю, а самъ и позабылъ, что его Марья-царевна подь вересомъ дожидается. Началось тутъ сватовство, пива наварили, вина

накурили, — все какъ быть. А Марья-царевна все сидитъ подъ вересомъ, дожидаетъ Ивана-царевича. День прошелъ, другой, третій. „Нѣтъ ужъ, говоритъ, видно не придетъ, идти самой нужно“. Пошла къ дому, зашла на задворки, нашла тамъ баушку-старушку и говоритъ ей: „подъ, матушка, сходи, посмотри, что въ домѣ дѣлаютъ“? Баушка сходила, высмотрела все, приходитъ и говоритъ Марьѣ-царевнѣ: „тамъ сватовство идетъ. Отецъ просваталъ дочку старшую за Ивана-царевича“. Марья-царевна опять проситъ ее: „подъ, матушка, сходи въ избу, тамъ на судницѣ квашенка стоитъ, пловѣтъ она. Ты ее уйми, тѣстичка отбавь да сюда въ карманѣ и принеси“. Ладно. Пошла баушка, взяла тѣстичка и несетъ Марьѣ-царевнѣ. Марья-царевна взяла тѣстичка, сдѣлала изъ него голубку да голубочка и проситъ опять баушку-старушку: „подъ, матушка, сходи въ избу; тамъ пиръ идетъ. Посади голубочковъ на жерновча, а сама суда приходи“. Баушка-старушка пошла въ избу, посадила голубочковъ на жерновча. Пиръ идетъ. Иванъ-царевичъ впереди съ своей невѣстой сидитъ. Только голубочки и говорятъ на жерновчахъ: „уру, уру, голубчикъ мой! уру, уру, голубушка! Иванъ, сынъ хрестыанской, забылъ, покинулъ Марью-царевну подъ вересовымъ кустичкомъ. Она его оборанивала, отъ лихаго зла защищивала“. Иванъ-царевичъ не слышитъ голубочковъ, съ невѣстой чалуется, вино попиваетъ. Голубочки и ближе придвигаются, и спятъ: „уру, уру, голубчикъ мой! уру, уру, голубушка! Иванъ, сынъ хрестыанской, забылъ, покинулъ Марью-царевну подъ зеленымъ кустичкомъ, подъ зеленымъ, вересовымъ. Она его оборанивала, отъ лихаго зла защищивала“. Тутъ ужъ Иванъ-царевичъ услыхалъ, вздоганулъ да и говоритъ: „у меня вѣдь хозяйка есть — Марья-царевна. Я покинулъ ее подъ вересовымъ кусточкомъ въ полѣ“. Пошелъ туда да и говоритъ Марьѣ-царевнѣ: „Марья-царевна, голубка ты моя, прости меня. Я, было, совсѣмъ позабылъ объ тебѣ, другую сосваталъ“. А Марья-царевна и говоритъ: „говорила я тебѣ: не пей вина, не чалуй сѣдуна. Вотъ ты испилъ вина, а старшая невѣстка и привела къ тебѣ сѣдуна свою; то и забылъ ты меня. А топере подѣмъ во дворечъ“. Взяла она, знаешь ты, его подъ руку да и пошли къ отцу. Пришли, пировать стали — рѣка разливанная: пей, ѣшь,

чего хошь. Такъ и стали жить да поживать да добра наживать. И топере живутъ, сказываютъ старые то люди, живутъ да намъ поклоны шлютъ.

Орловскій у., д. Халтуринныхъ. Зап. со словъ Орины Халтуриной.

127. [Дѣвица и разбойники].

Жилъ богатой хресьянинъ. У него была дочка молодая, ужъ такая ли красота писаная, что только на-поди. И бойкая была, страсть какая: николи ничего не боялась. „Чего мнѣ, говоритъ, я сама всѣхъ спужаю“.

Ну и вотъ пришла ярманка, отцу съ матерью на базаръ поспѣло ѣхать. Запегли лошадку и поѣхали. А дѣвка одна осталась, домовнічать—значить. Вотъ ладно. Ночь подходить. Дѣвка заперла ворота, косу, топоръ взяла, все, значить, припасла, какъ бы чего не было. а сама легла спать. А тутъ парень одинъ жилъ неподалечку. Онъ узналъ, что дѣвка то одна дома, отецъ съ матерью уѣхали, взялъ да и подговорилъ мужиковъ: „пойдемъ, говоритъ, ограбимъ ее: чай у нихъ много добра-то позапáсено. А дѣвка одна—много ли ей нужно? даль тычка, и съ ногъ долой“. Ладно, пошли. Приходятъ въ самую полночь; темень такая, что хоть глазъ коли, а тутъ и дождикъ, и вѣтеръ, и все... Только ворами и ходить въ экую ночь. Вотъ онъ и давай окончо пробовать: трясъ, трясъ—нейдетъ тебѣ, да и полно. Онъ туды дальше руку то просунулъ, хотѣлъ выдрать, значить, его. А она, какъ встала, да какъ хватить его по рукамъ косою, руки такъ и отлетѣли. А онъ давай Богъ ноги, только бы поскорѣе убраться-то отъ нея. Такъ и убѣжали.

Много-ли, мало-ли проходитъ, только и прѣзжаетъ онъ сватать ее. Ну и сваты съ нимъ, значить, какъ слѣдуетъ; а сваты то эти такіе же разбойники, какъ и онъ. Сладили дѣло, уговорились, что тамъ, пировать пиръ сѣли. У жениха рукъ то нѣтъ, онъ и надѣлъ перчатки черныя, а въ нихъ набилъ песку. Невѣстѣ и невдомекъ это, а отецъ и спрашиваетъ: „что это, говоритъ, у тебя, парень, перчатки на рукахъ?“—„А такъ, говоритъ, руки болятъ маленько“.

Дѣвку совсѣмъ ужь засватали, домой поволокли... къ жениху, значить. А дѣвка все еще не знаетъ, что мужъ-отъ у ней разбойникъ. Ъдутъ, ъдутъ, а до дому было далеко. Къ ночи пріѣхали, темно стало, дождикъ моросить... Вотъ онъ и собирается ее убить, што она руки отрубила ему. Велѣлъ ей баню топить, въ котелъ воды носить, чтобы сварить ее тамотка. Взяла она ведерцы да и пошла на рѣку воду носить. Носить, носить, а котелъ большущой, много въ него нужно, умаялась она. Тутъ люди были къ ей приставлены, возьми да и скажи ей: „вѣдь въ котлѣ, молъ, тебя варить хотять, для себя носишь воду; носи, не лѣнись“. Какъ услышала это дѣвка, да давай Богъ ноги поскорѣе, какъ бы убѣжать. Бѣжала, бѣжала и спряталась на ёлку. Какъ узналъ женихъ, что она убѣжала, сичасъ въ погоню: „врешь, слышь, не уйдешь, сыщу“. И поѣхали съ пиками, съ кóсами нагонять ее. Искали, искали, умаялись, обмочились всѣ (а въ тѣ поры дождикъ шелъ). Ну и пришли подъ елку, отдохнуть маленько захотѣлось. Дѣвка сидитъ ни гу-гу, пришипилась на ёлкѣ. Только женихъ взялъ пикъ да и ткнулъ въ ёлку и говоритъ: „вотъ бы нашелъ окаянную, такъ и испрокололъ-бы всю пикой!“ Кровь то у ей такъ и льется изъ ножекъ; терпитъ да Бога молить, какъ бы уйти до свѣту. Женихъ и говоритъ: „что это, больно ужь дождь льетъ здѣсь, подѣмъ, парни, далѣ“. Темно, вишь, было, и не сдоганулись, что это кровь льетъ. Такъ и ушли.

Дѣвка слѣзла съ ёлки да и побѣжала домой. Шла, шла, видитъ: мужикъ съ сѣномъ ѣдетъ. Она къ ему и упала въ ноги: „такъ и такъ, дядюшка родименькой, спрячь меня въ сѣно: разбойники, говоритъ, меня ищутъ. Какъ привезёшь меня къ отцу, онъ тебѣ половину имѣнья отдастъ“. Ладно. Мужикъ спряталъ ее въ возъ. Ёдетъ далѣ. Только и нагоняютъ тутъ его разбойники. Старшій-етъ атаманъ и говоритъ: „не видалъ-ли, говоритъ, здѣсь не пробѣжала-ли дѣвка?“ Старичекъ и отвѣчаетъ: „нѣтъ, говоритъ, не видалъ“. Разбойникъ и спрашиваетъ: „а не въ возу ли она у тебя?“ Старичекъ и отвѣчаетъ: „нѣтъ, говоритъ, не въ возу, ничегосеньки у меня тамотка нѣтъ“. Разбойники туда пиками и тычутъ; тыкали, тыкали—нѣтъ, не нашли. Дѣвку всю разпроназили, а она все молчитъ. Такъ и ушли: „видно“

говорить, и възаболѣ у ёго никого нѣтъ. Поѣзжай съ Богомъ, старичекъ, не обезсудь на насъ, што мы тебѣ сѣно то потыкали“. Ну, а какъ они ушли, старичекъ поѣхалъ себѣ и дочку домой доставилъ. Отецъ ему половину богатства за это отдалъ.

Орловскій у., дер. Халтуриныхъ. Зап. со словъ Орины Халтуриной 1882 г.). Сказка эта самая распространенная въ здѣшнемъ уѣздѣ).

128. [О нечистой силѣ].

Одныжды дѣвки слушать пошли (о Рождествѣ). Пустой домъ тутъ въ деревнѣ былъ,—такъ вотъ туда онѣ и забрались. Парни провѣдали это да и забились на полати запрежа еще, попугать дѣвокъ хотѣли. Вотъ ладно. Взошли дѣвки въ избу, а тутъ изъ подполу бѣсъ и вылѣзаетъ. Заганулъ имъ загадку: „что, баеть, за три косы да что за три дуги?“ Дѣвки спужались страсть. Парни тутъ и шепнули имъ: „вы, бають, не бойтесь, мы отгадаемъ“. Вотъ и бають бѣсу: „а и три косы, бають, коса—у дѣвки, да коса, что косятъ, да коса—у пѣтуха; а и три дуги, бають: дуга запрегательная, да дуга—радуга, да дуга—бровь у красной дѣвушки“. Чортъ видитъ: отганули.—„Бѣгите, баеть, скорѣе, скорѣе, не то—худо будетъ“. Онѣ сичасъ драли. Только у одной дѣвки сарафанъ спалъ; такъ тутъ въ избѣ и остался, голая домой прибѣжала. Посмотрѣли тутъ на другой день, а сарафанъ весь по клочьямъ такъ и разбросанъ по всей избѣ.

Орловскій у., д. Вилки Левинской вол. Зап. со словъ крестьянки Авдотьи Горовой. 1882 г.

129. Мужикъ и запойщикъ.

Мужъ съ женой жилъ. Жили страсть богато. Только ему, этому мужу-то, все въ уши вносятъ, про жону бають. Ну, а онъ не слушаетъ. „Что, баеть за пустяки!“ и бить николѣ жоны не билъ, пальчикомъ не тронулъ.

Только и поѣхалъ онъ по сѣмю въ городъ да и баеть жонѣ: „я, баеть, поѣду, а ты меня, мотри, не дожидай; се-

водни не прїѣду. Завтра, значить, али какъ-нибудь“. Ладно, уѣхалъ. Жона сичасъ всего настряпала. Вотъ къ ней и приходитъ гость, вечеромъ-то. Сичасъ за столъ его посадила, почитаетъ всѣмъ. Тутъ и крысается въ дверь кто-то: стукъ, стукъ, стукъ! Она сичасъ ему и баеть: „полѣзай въ печь“. Пріостерегается, значить, виду не хочетъ показывать. Вотъ и взошелъ въ избу другой, тоже гость, сѣлъ. А тутъ въ дверь опять крысается кто-то. Она сичасъ и другаго въ печь. Третьей пришелъ, и онъ за столъ сѣлъ. Ну, она его почитать принялась, все вынесла на столъ: ѣшь, пей! А тутъ четвертый гость—мужъ на ворота прїѣхалъ. Она сичасъ его: „полѣзай въ печку“. Такъ и спрятала; вѣрно другъ дружку знали, смирно сидятъ въ печкѣ. Пропустила мужа въ избу да и баеть: „что, баеть, прїѣхалъ, я ничего и не припасла, думала, до завтрава пробудешь“. А мужъ попандерить захотѣлъ. „Поѣмъ, думаетъ, спать лягу“. Взялъ лучинку зажегъ и полѣзъ въ печку; заглянулъ—анъ тамъ стряпни прибыло. Онъ и кричитъ имямъ: „вылазьте-ко изъ печи“, а самъ сичасъ припасъ чѣмъ заобушить ихъ. Они выползли оттудова, а онъ сичасъ ихъ взялъ да убилъ. Убилъ да и обзаботился, куды, значить, ихъ дѣти. А жену и пальчикомъ не пошевелилъ. Ну, упечаталъ онъ ихъ да и спредѣлилъ покарѣ въ подпечь. А нужно подальше убрать. Самъ нести боится; какъ тутъ? закручинился, запечалился. — „Что, баеть, я стану дѣлать топерь?“ Вотъ день пришелъ, онъ и пошелъ на базаръ. Видитъ: тамъ запойщикъ, пьяница ходитъ. Запойщикъ его и спрашиваетъ: „что закручинился?“ Какъ маленько тамъ ино попало ему, онъ и рассказалъ все: „вотъ, баеть, такъ и такъ ночевалъ у меня манахъ, да вдругъ съ душой разстался. Не знаю топерь, какъ и быть“. А запойщикъ и говоритъ ему: „есъ объ чемъ заботиться! давай я упрячу, только ночи дождать“. Вотъ онъ и приходитъ домой и выложилъ манаха подъ порогъ. Запойщикъ приходитъ, видитъ—мертвъ, околѣлъ, что и есть. Взялъ, свалилъ на плечи и понесъ. Несъ, несъ... Только тутъ солдаты были на обвахтѣ, караулили. Вотъ и спрашиваютъ его: „кто тутъ идетъ?“ — „Чортъ, баеть, идетъ, манаха несетъ“. Салдаты дивятся промежь себя: „что, бають, это такое, гдѣ чортъ монаха взялъ?“ Только приносить запойщикъ его на-рѣку, спехнулъ въ пролубъ, надогомъ помѣшалъ да и пошелъ

опять къ мужику плату взять съ него. Ладно. Только приходитъ, а тутъ другой лежитъ подъ порогомъ, мужикъ его выбросилъ. Запойщикъ и говоритъ: „ишь ты: попередъ меня поспѣлъ!“ Взялъ опять, свалилъ на плечи и понесъ опять на рѣку. Солдаты его и спрашиваютъ: „кто тутъ идетъ?“— „Чортъ, баеть, идетъ, манаха несетъ“.— „Да что это, бають, куды манаховъ-то таскають? Все тащатъ, все тащатъ... Когда же это конецъ-отъ будетъ?“

Вотъ ладно. Спехнулъ онъ его въ пролубъ, падогомъ помѣшалъ.— „Ну, баеть, сиди топеря тутъ, не бѣгай“. Пошелъ назадъ къ мужику. Подходить къ мужикову дому— анъ тамъ еще манахъ, мужикъ его подсунулъ.— „Да чтой-то, баеть, это? долго-ли я съ тобой мучиться то буду, сукинъ ты сынъ? Ну, ужъ, баеть, я тебя топерь подальше стащу, не прибѣжишь“. Взялъ, опять и понесъ. Салдаты опять и спрашиваютъ: „кто тутъ идетъ?“— „Чортъ, баеть, идетъ, манаха несетъ“.— „Ну, баеть, что, баеть, это будетъ? Все манаховъ да манаховъ. Весь монастырь, баеть, скоро сносить“.

Запойщикъ пошелъ, спехнулъ въ пролубъ манаха. Идетъ назадъ, къ заутренѣ зазвонили, попъ въ церковь пошелъ. Онъ за попа то и поймался. „Ахъ ты, баеть, сукинъ сынъ, подлецъ экой! долго ли я съ тобой вошкаться стану? Что я те пять разъ што-ли носить то буду?“ А попъ молитву читаетъ: „я, баеть, попъ, ты меня не трожь!“ А онъ взялъ да такъ его и умаялъ, въ пролубъ тоже снесъ.

Тутъ разыскные пошли, стали, слышь, искать манаховъ, куды это они дѣвались; да и попъ тоже пропалъ. Солдаты видѣли это, нужно имъ обликовать. Вотъ они и рассказали все: „чортъ, баеть, всю ночь манаховъ таскалъ“. Ну, такъ на чертей и положили: чортъ, баеть, да и все тутъ.

Только запойщикъ все ходитъ къ мужику: деньги подавай! выдать хочеть. Мужикъ давалъ, давалъ, да ужъ и нечего стало: ничѣмъ ничего не осталось. Вотъ и баеть онъ своей хозяйкѣ: „я, баеть, умру, а ты меня въ гробъ положи да въ черковь отнеси да двѣ коробки спичекъ положи со мной“. Ладно, и умеръ, доспѣлъ, значить. Она его снарядила, въ черковь снесла, тамъ положила. Ночь пришла. Ну и пріѣхали тутъ къ черквѣ разбойники. Окно выломали, влѣзли въ черковь, шарпать стали вездѣ. Шар-

пали, шарпали, шарпали, шарпали, набрали много чего, тутъ и денегъ и золота. — „Ну, бають, будетъ, подемте домой“. А мужикъ исподтиха вылѣзъ изъ гроба, — онъ все слушалъ, что они тамъ дѣлали. Взялъ спичками обмаралъ лицо да и сталъ у стѣны. Какъ пошли разбойники, онъ и обворотился къ нимъ. Разбойники такъ тутъ и упали. спички то вѣдь свѣтятся, когда ими намажешь что, и у него морда то въ свѣту вся, а разбойники думали, что онъ святой. Такъ и умерли тутъ всѣ. Мужикъ подобралъ всѣ коробки ихніе да и ушелъ домой. Богато сталъ жить тогда.

Орловскій у., д. Вилки Левинской вол. Записано со словъ кр. Авдотьи Горевой. 1882 г.

130. [Мачеха и пасынокъ].

Жилъ царь, а у царя одинъ сынъ былъ. Мачиха не одѣваетъ и не жонить его. Вотъ онъ наклался и пошелъ вдоль дороги. А навстрѣчу ему идетъ Богъ. „Ты, говорить, что паренъ горюешь?“. Вотъ онъ и говоритъ: „забijaетъ, говорить, меня мачиха, не одѣваетъ и не жонить. Какъ тутъ мнѣ не горевать?“ Богъ ему и говоритъ: „ты отступись отъ еѣ, наплевать, а лучше сдѣлай вотъ что: возьми чарушку пшеницы и уйди на подсѣку и посѣй. Какъ вырастетъ та пшеница, прибѣгутъ 3 куничи, онѣ не три куничи, а 3 дѣвицы. Ты пымай одну за хвостикъ, переломи хвостикъ и взади и впереди брось. Тутъ тебѣ и будетъ дѣвица; ты и женись на ней“. Ладно. Пошелъ Иванъ-царевичъ, взялъ чарушку пшеницы, ушелъ на подсѣку и посѣялъ. Только прибѣгаютъ тутъ 3 куничи, то не 3 куничи, а 3 дѣвичи. Взялъ пымалъ онъ одну за хвостикъ, переломилъ его и взади и впереди бросилъ, тутъ и вышла дѣвица. И говоритъ она Ивану-царевичу: „пымать то ты меня пымалъ, да только не совсѣмъ“. — „А какъ же, говорить, не совсѣмъ я тебя пымалъ“. — „Да вѣдь у меня, говорить, имѣнья то совсѣмъ нѣтъ ничего. Я живу одна, какъ барыня, за тремя морями, за тремя полями да за тремя лѣсами“. И стала она его просить: „отпусти меня, Иванъ-царевичъ, за имѣніемъ; я тебѣ приплавлю ево на корабляхъ“. Богатѣюща была вѣдь. — „Да ты, говорить, меня про-

манишь“.—„Нѣтъ, поштѣ промануть, приплавлю. Только ты ужь отпусти, да мотри, у рѣки дожидай меня“. Иванъ-царевичъ отпустилъ ее и пошелъ домой.

Наутрѣ всталъ, умылся, нарядился, волосы причесалъ и пошелъ на рѣку. У мачихи Ягѣбабы былъ сынъ, 10 лѣтъ ему было. Вотъ мачиха—Ягѣбаба и говоритъ ему: „возьми моего сынка съ собой погулять“.— „Пойдемъ“, говоритъ. Ладно, пошли. Онъ три булабочки въ голову воткнулъ и пошелъ. Сидятъ на рѣкѣ. Ягѣбабинъ парень сонъ и напускаетъ на жониха: мать-то его проводила съ этими фигурами. Жонихъ заснулъ. А тутъ и невѣста пристала, три корабля приплавилъ, все имѣньичо свое. Видитъ: жонихъ спитъ и безъ чувства. Она его будитъ, со слезами будитъ: „ты, говоритъ, вѣрно, осердился на меня. Топерь я только три карабля приплавилъ, а то на шесть кораблей имѣнья привезу“. Она и говоритъ сыну то мачихи: „какъ проснется онъ, ты скажи ему, чтобы онъ не сердился, 6 булабочекъ воткнулъ въ голову. Я на 6 карабляхъ прѣйду. Неужь онъ не встанетъ? Можетъ, прочувствуется. Такъ и скажи ему“, говоритъ.

Уѣхала она. Потомъ онъ проснулся и говоритъ: „была ли здѣсь моя невѣста?“—„Была“. „Подлецъ, ты сукинъ сынъ! зачѣмъ ты меня не разбудилъ?“— „Ды сколь тебя будили, а ты все спишь. Кой прахъ тебѣ велѣлъ такъ крѣпко спать?“ Вотъ и пошли домой. Наутрѣ удѣлалъ себя, какъ слѣдуетъ, головку вычесалъ, шесть булавокъ воткнулъ и идетъ къ рѣкѣ. А мачиха—Ягѣбаба и говоритъ своему сыну: „ты мотри, не робь, не оставайся отъ его“; туритъ его, туритъ, безъ чувства туритъ. Ну, онъ и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ. Иванъ-царевичъ и говоритъ ему: „да ты что, говоритъ, парнѣшко, за мной увязался?“— „Да я, говоритъ, ничего: мнѣ мамка велѣла“.— „Ну, такъ иди, говоритъ, сиди: мѣста то не жалко“.

Вотъ пришли, сѣли. За полчаса время и сталъ парнишка сонъ напускать на Ивана-царевича. Онъ заснулъ. А тутъ и дѣвица пловѣтъ. Глядитъ, а онъ спитъ ужь. Она его будитъ: „встань, говоритъ, голубчикъ мой, полно тебѣ спать то!“ И ужь, Господи помилуй, какъ она его будила. Будила, будила,—нѣтъ, не могла добудиться. Такъ и уѣхала, простилась, поцѣловалась: „прощай, говоритъ, не сердись: по-

ѣду, — еще больше привезу, коли ты этимъ недоволенъ“. Наказала парнѣшкѣ: „ты, говоритъ, скажи ему: завтра пріѣду на 9 корабляхъ, ошпо больше имѣнныча привезу. Пусть въ головку воткнетъ 9 булавочекъ“. Ну, и уѣхала.

Вотъ онъ просыпается, говоритъ: „была невѣста?“ — „Была“. — „А ты поштѣ меня не разбудилъ?“ — „Я, говоритъ, будилъ, и она будила, да что тутъ сдѣлашь? мертво спишь“...

Вотъ онъ это дѣло смекнулъ, видитъ: не чисто, и говоритъ: „ты ради Христа не ходи со мной“. Пошелъ и не беретъ его. Ягѣбаба ему и говоритъ: „его бери, нельзя не взять: рѣжанечъ будетъ—тебѣ али бы мнѣ“. Ну, взялъ дѣлать нечего. Пришли на рѣку, парнишко и опять сонъ на него наводитъ. Онъ опять уснулъ. Пріѣзжаетъ дѣвица на 9 корабляхъ, а онъ спитъ опять. Она будитъ его зачала, будила, будила, будила, ни-сколь не чувствуетъ, что хошь дѣлай съ нимъ. Потрясла, его, на ж... посадила, говоритъ: „ради Бога, пожалѣй-же ты меня: близко-ли имѣннычо везла: изъ-за трехъ морей пригнала“. Нѣтъ, все спитъ. Отступилась, говоритъ: „пу-щай топерь ищетъ меня за 3 морями, за 3 землями, за 3 рѣ-ками. Коли хочеть, пусть скуеть 3 шляпы мѣдныхъ, 3 копыя желѣзныхъ, тогда и поди. Когда истычетъ копыя и изно-ситъ шляпы, тогда и меня найдетъ“.

Проснулся онъ, а парень ему и говоритъ, рассказалъ все. Вотъ онъ и пошелъ въ кузничу и сковалъ себѣ 3 копыя желѣзныхъ да 3 шляпы мѣдныхъ, да и пошелъ вдоль дороги. Море перешелъ, землю перешелъ. Шляпа изнасилась, и копые одно истыкалось. Тутъ и пришелъ къ избушкѣ, а въ ней старушка. Старушка и говоритъ ему: „ты куда, молодець, поклялся?“ Иванъ-царевичъ и гово-ритъ: „да вотъ, баушка, пожениться захотѣлъ и то Богъ насъ лючки не свелъ. Што мнѣ топерь дѣлать, не знаю“. А баушка ему и говоритъ: „ты поди, Иванъ-царевичъ, дальше. Тамъ есть—моя сестра живетъ. Ты къ ней и ступай. Она съ ей гостичча. Ты какъ ей скажешь, она и залучитъ не-вѣсту въ гости. Тутъ ты и увидишь ея. Ступай топерь“. Вотъ онъ и пошелъ. Шелъ, шелъ; море перешелъ, землю перешелъ, рѣку перешелъ. У него шляпа изнасилась, копые истыкалось. Видитъ: стоитъ избушка, а въ ней старушка. Онъ и спрашиваетъ ее: „что, говоритъ, далеко ли мнѣ до моей невѣсты? ты вѣдь, поди, знаешь, гостишься съ ей“. — „Нѣтъ,

Иванъ-царевичъ, я не знаю. А ты вотъ поди дальше, тамъ живетъ моя сестра старшая. Онѣ съ ней такъ гостячча. Ты и спроси у ней: „гдѣ, молъ, моя невѣста? Она тебѣ и расскажетъ, въ гости ее залучить, а ты спрячься да и слушай, что будетъ невѣста говорить. Тутъ ты и узнаешь, сердчо то болитъ у ее али нѣтъ по тебѣ“. — Ладно, пошелъ онъ.

Шелъ, шелъ. Море перешелъ, землю перешелъ, рѣку перешелъ. Шляпу износилъ, копье изломалъ и пришелъ къ избушкѣ. Глядитъ, а въ ей старушка сидитъ. Онъ ей и говоритъ: „не знаешь-ли, говоритъ, баушка, гдѣ мнѣ-ка невѣсту нایتить“? — „Знаю, говоритъ, она мнѣ креснича приходится“. — „Залучи, говоритъ, ты въ гости ее, я хоть бы посмотрѣлъ на нее, что она, любитъ ли меня ошшо“. Вотъ Ягѣбаба и послала за ей, наказываетъ, чтобы въ гости приходила. А сама Ивана-царевича въ подполь посадила: „сиди, говоритъ, тутъ топерича, а какъ придетъ она, ты и слушай, что будетъ говорить. Тутъ и свою судьбу узнаешь“. Иванъ-царевичъ сѣлъ тамъ и слушаетъ. Вотъ приходитъ невѣста. Ягѣбаба за столъ ее садила, почитала всѣмъ. То да сѣ, вотъ и спрашиваетъ ее Ягѣбаба: „ты, кресенка, замужъ выходила, да не вышла“. — „Да какъ ты, говоритъ, знаешь это?“ — „Да ужъ знаю, говоритъ, и жониха твоео знаю“. — „Да нѣтъ, говоритъ, быть не можетъ, штобы знала. Вѣдь онъ, чай, далеко: за 3 морями, да за 3 землями, да за 3 рѣками остался. Какъ тебѣ его знать?“ — „Да ужъ я знаю“, это Ягѣбаба то говоритъ. А невѣста и сказала: „я, говоритъ, вышла за него замужъ, прѣхала къ ему съ 3 кораблями приданаго — онъ меня не принялъ, осердился, знать, что мало привезла. Ну, я опять поѣхала, привезла шесть кораблей — онъ опять меня не принялъ. Я привезла девять кораблей — тоже не принялъ. Все спитъ, все ему мало. Эсколь близко-ли, далеко-ли везла — спаси, Господи! Топерь ужъ у меня сердце къ нему отпало“. И нисколичко не жалѣетъ его: „какъ, говоритъ, увижу его, такъ и съѣмъ. Пусть лучше и нейдетъ сюды“. Иванъ-царевичъ слушаетъ въ подпольѣ; видитъ — дѣло не рука, такъ и не вышелъ, просидѣлъ тамъ. Ягѣбаба и спрашиваетъ кресничу: „скажи, говоритъ, креснича, чѣмъ ему можно твое сердчо приворотить, чтобы, значитъ, ты опять его полюбила“. Креснича и

отвѣчаетъ: „Есть тутъ на морѣ дубъ, въ дубѣ кобылья голова, а въ головѣ—утка, а въ уткѣ—яичко, а въ яичкѣ—мое сердцо. Какъ достанетъ онъ его, такъ я опять его сплюблю, а то, дакъ нѣтъ, и не дожидайся“. Сказала и сидѣть не стала больше, сичасъ вскочила и ушла.

Баушка сичасъ выпустила его изъ подполу, говоритъ: „ступай топерь, ищи дубъ, поди прямо на восходъ“. Пошелъ Иванъ-царевичъ. Пришелъ въ городъ, видитъ: на площади стегаютъ слугу Василья калѣнымъ прутьямъ, просятъ недоимку въ тридцать рублей, тридцать рублей податей. Иванъ-царевичъ и спрашиваетъ ихъ: „что, говоритъ, вы это дѣлаете?“—„Да вотъ выколачиваемъ тридцать рублей недоимки съ слуги Василья Петровича“. Ладно, онъ взялъ, вынулъ изъ-за пазухи деньги, отдалъ имъ. „На-те, говоритъ, вамъ, только пустите его“. Такъ и скупилъ. Хорошо. Василья пустили. Пошли они тутъ вмѣстѣ. Идутъ, идутъ, видятъ—волкъ. „Давай, говоритъ, застрѣлимъ его: жарѣха добрая будетъ“.—„Нѣтъ, погоди, говоритъ, онъ тебѣ, Иванъ царевичъ, пригодится“. Послушалъ Иванъ-царевичъ, не застрѣлилъ волка, мимо себя пропустилъ. Летитъ коршунъ. Иванъ-царевичъ говоритъ: „ой, вотъ жареха то и есть; застрѣлимъ его“. Василий опять сдержалъ его: „погоди, говоритъ, не бей, можетъ, пригодится на нужное время“. Идутъ дальше. Видятъ: на пескѣ рыбка лежитъ, трепехается. „Ой, вотъ, говоритъ Иванъ-царевичъ, намъ Богъ посылаетъ, будетъ жарѣха“.—„Нѣтъ, погоди, Иванъ-царевичъ, можетъ, пригодится. Пустимъ-ка ее въ море; это лучше будетъ“. Ладно, пустили. Вотъ и идутъ дальше. Глядятъ—анъ середь моря дубъ стоитъ, въ солнышко смотрится, облачкомъ закрывается. Василий и говоритъ: „вотъ этотъ дубъ и есть. Какъ бы намъ туды пробраться?“ Стали строиться. Мостили, мостили, бревенъ натаскали, вицами связали,—а до дуба далеко было. Ужь они мостили, мостили—нѣтъ, все далеко ошшо остается. Рубили, рубили—срубили таки. Дошли до дуба. Только Василей-слуга ножикъ вынимаетъ, говоритъ: „онъ у меня благословенный, отъ святителя Тихона“, да какъ началъ рѣзать имъ, только щепки полетѣли. А тутъ и голова конска вылетѣла изъ дубу. Волкъ сичасъ тутъ и есть, теребитъ голову изо всѣхъ силъ-мѣчи. Изъ головы вывалилась утка. Тутъ коршунъ прилетѣлъ; какъ началъ клевать ее, какъ

началъ клѣвать, сичасъ разхмысталъ. Яичко и вывалилось изъ её, покатилося, покатилося да въ море и свалилося. А тутъ рыбка dospѣла, выпехиваетъ яичко изъ воды. Выпехивала, выпѣхивала и выворотила на бережокъ яичко. Иванъ-царевичъ сичасъ хватилъ и подобралъ яичко; говоритъ: „спасибо тебѣ, рыбка. Хотѣлъ я жарѣху изъ тебя сдѣлать, а топерь ты добро сдѣлала мнѣ, такъ и будь же ты въ морѣ“.

Пошли тутъ къ баушкѣ Ягѣбабѣ. Иванъ-царевичъ и говоритъ ей: „вотъ, говоритъ, мы достали яичко, топерь какъ быть?“ Топерь она заперла ихъ опять въ подполъ, а сама чарушку яичъ принесла да на столъ поставила, а передомъ яичко съ сердчкомъ положила. Потомъ послала за невѣстой. Ну, пришла она. Баушка садитъ ее за столъ, почитаетъ всѣмъ. Невѣста съѣла свое сердечко, облупила яичко и съѣла его какъ быть. Съѣла да и обзаботилась; такая ли сидитъ задуманная, страсть! Баушка ее и спрашиваетъ: „що ты, говоритъ, такая закручинная? що пуще не покушала?“ — „Да что, у меня теперь горе есть“. — „Какое же такое твое горе?“ — Да какъ же, говоритъ, жаль мнѣ мово парня стало“. — „Ну, такъ ты, говоритъ, не заботься, я тебѣ жониха достану“. — „Неужля? говоритъ. — „Пра, говоритъ достану“. — „Я, говоритъ, тебѣ много тысячъ денегъ тебѣ дамъ, только достань“. — „Достану, говоритъ, кресненька, достану“. — „Гдѣ ужъ тутъ достать? Онъ топерь за тремя морями, за тремя землями да за тремя рѣками остался. Эсколь я плавала, эсколь долго... Гдѣ ужъ тутъ!“ — „Ты, вѣришь Богу, достану, говоритъ“. — „Достань, говоритъ, достань пожалуста“. — „А коли хошь, такъ давай сюды руку, чтобы тебѣ ничего ему вреднаго не сдѣлать“. — „Ничего не сдѣлаю, вотъ те Микола-крестъ“. Ну, ладно. Баушка тутъ отворила подполье да и говоритъ имъ: „выходите, говоритъ, невѣста больно хочеть видѣть васъ“. Вышли они. Невѣста и говоритъ Ивану-царевичу: „ахъ, говоритъ, дѣша, гдѣ ты взялся?“ — „Я, говоритъ, за тобой пришелъ, три моря перешелъ, три земли перешелъ, три рѣки перешелъ, — вотъ тебя и нашелъ“. — „А ужъ я, говоритъ, это, значитъ, невѣста-то, сколько, говоритъ, я издержалась: вѣдь три разочка за тобой за милымъ ѣздила“. Ну, хорошо. Вотъ она и говоритъ ему: „кмали тебѣ имѣньича приправить?“ — „А мнѣ, говоритъ, ничего не надобе. Кабы ты была со мной—вотъ и ладно“. — „Нѣтъ,

говорить, я тебѣ 12 кораблевъ приплавлю, ужь какъ хошь“. Поѣхала сичасъ и припавила 12 кораблевъ. Иванъ-царевичъ и говоритъ ей: „поѣдемъ, говоритъ, на старину“. Такъ и поѣхали. Василья то съ собой взяли, какъ онъ помогъ больно ему. А Ягѣбаба дома осталась: „куды ужь, говоритъ, мнѣ съ вами ѣхать—кости ломать“. Поѣхали, значитъ. Какъ увидала мачиха, что плывутъ они, сичасъ запырjala, запырjala. Ну, они тутъ ее и разстрѣляли. Такъ и стали жить Иванъ-царевичъ съ своей невѣстой.

Орловской у., д. Калямова 1882 г.

131. [„По колѣна ноги въ золотѣ....“].

Жилъ царь, богатой-пребогатой, а у него была жена, беременна ходила. Растряслась она и принесла ему робенка; говоритъ: „поди ты, супругъ мой любезной, баушку мнѣ приведи“. Царь сичасъ оболокся, пошелъ. Шелъ, шелъ, навстрѣчу ему и попадается Ягѣ-баба. „Ты куды, говоритъ, Иванъ-царевичъ, собрался? сказывай!“ — „Да иду, говоритъ, по баушку: жена вотъ у меня растряслась....“ Яги-баба и говоритъ: „а я, говоритъ, чѣмъ не баушка? сумѣю, небось, повить робенка. Возьми меня“. — „Подемъ!“ говоритъ. Ну, ладно, пришли они домой. Яги-баба баньку стопила, взяла робенка, сносила, помыла, попарила, красненьку рубашечку оболокла, на коня посадила, въ руки книжку дала, въ горку проводила. Взяла сама поросѣнка да и несетъ въ избу, говоритъ: „не далъ Богъ сына, далъ поросеночка“. Посадила за столъ и ушла домой. Ладно. Годъ прошелъ. Только царица и опять понесла; растряслась, посылаетъ царя: „поди, приведи ты мнѣ баушку“. Оболокся царь, пошелъ. Только и видитъ: опетъ ему встрѣчу Яги-баба идетъ, куликаетъ. Остановила его и спрашиваетъ: „ты куда, говоритъ, царь, пошелъ, кака у тебя бѣда приключилась, сказывай?“ — „Да вотъ, говоритъ, иду по баушку; жена, вишь, у меня растряслась“. Ягѣ-баба и говоритъ ему: „возьми меня: чѣмъ я не баушка?“ — „Такъ что, подемъ, говоритъ, все едино“. Вотъ ладно. Пришла Яги-баба, баньку стопила, робенка сносила, попарила, помыла, красненьку рубашку оболокла, на коня посадила, въ руки книжку дала, въ горку прово-

дила. Взяла сама щенёнка да и принесла въ избу. „Вотъ, говоритъ, не далъ Богъ сына, далъ Богъ щененочка“. Посадила за столъ, пошла домой. На другой годикъ царица опять понесла. Посылаетъ за-мужемъ. — „Поди, говоритъ, сходи, супругъ любезной, по баушку“. Царь скоро оболокся, пошелъ. Встрѣчь опять Яги-баба попадаетъ. „Зачѣмъ, куды идешь, Иванъ-царевичъ, сказывай“. — „Жена растряслась, по баушку иду“. — „Возьми меня, говоритъ это Яги-баба. Ужъ я бы тебѣ какъ помыла его“. — „Нѣтъ, говоритъ, куды. Поищу похуже“. — „Да нѣтъ, ты возьми, братецъ, видишь, рази я ни здоровая, ни сытая, ни красивая—уморю что-ли твою робенка“. Царь взялъ ее, потому какъ пристаётъ къ ему. Повелъ онъ ее къ царицѣ. Яги-баба сичасъ баньку стопила, робенка сносила, помыла, попарила, красненьку рубашечку оболокла, на коня посадила, въ руки книжку дала, въ горку проводила. А сама взяла лягушу несетъ въ избу. „Не далъ, говоритъ, Богъ сына, далъ лягушеночка“. Посадила за столъ и, говоритъ царю: „пошто у тебя, царь-батюшко, жена носитъ эку погань, а робенковъ нѣтъ. Посади ты ее на дощечку да заколоти въ бочку да на рѣку и спусти“. Царь слушаетъ ее. Приказалъ заколотить царицу въ бочку, и щененочка, и поросеночка, и лягушу туда запятить. Пустили ихъ въ море. А Яги-бабѣ царь и говоритъ: „живи у меня Яги-баба, постелю стели, полъ мети, щи вари, а кашу будёмъ варить оба“. Такъ и осталась у ёво Яги-баба.

Вотъ бочка плывётъ по рѣкѣ, три ужъ года плыветъ, а на землю не вскинется. Лягуша и говоритъ: „здѣсь, мамонько, не баско — темно; а я скажу вотъ: „бочка, къ бережку приплыви,—она и приплывётъ“. — „Что ты, говоритъ, эко чадушко, сдѣлашь? Нешто послушаетъ тебя бочка“. — „Да ужъ, говоритъ, послушаетъ, да и говоритъ: „бочка, къ бережку плыви, плыви“. Бочка и приплыла къ бережку. Вотъ лягушка и говоритъ опять: „мамонька родима, я молвлю: „бочка, расколись, она и расколется“. — „Что ты, говоритъ, эко чадушко, сдѣлаешь? гдѣ тебѣ тутъ: бочка-то смолѣвая, желѣзнымъ обручамъ скована“. — „Ничего, говоритъ, мамонька, ужъ я сдѣлаю“. Говоритъ: „бочка, расколись, растреплись“. Бочка и раскололась. Они всѣ и вышли.

Идутъ дальше. Царица идетъ, и поросеночекъ, щенено-

чекъ бѣжить; лягуша отъ ихъ не отстаётъ: прыгаетъ передомъ инды. Вотъ ладно. Шли, шли; пришли, глядятъ, — батюшки, какъ баско: чистыя поля, зелены луга, потоки царски поютъ пѣсни арски (вм. райски). Идутъ, любятъ: „вотъ такъ баско!“ Видятъ: тутъ домъ стоитъ, большой такой, може вонъ съ черковъ, али больше. Они туды заглянули; сидятъ тамъ трое дѣточекъ, ужъ такихъ-то ли славныхъ да отважныхъ, въ красныхъ рубашечкахъ всѣ, ученые такіе, жалъ поглядѣть. Царица и плачетъ, горько плачетъ: „у всѣхъ, говоритъ, дѣтки, какъ есть, а у меня ишь гаведа какая! Хоть бы провалились куды нибудь“. Лягуша и говоритъ будто ей: „не сбывай ты насъ, мамонька, не сбывай: твои вѣдь все, а въ домикъ-то въ красныхъ рубашечкахъ-то братчики наши“. — „Какъ, говоритъ, такъ?“ — „А такъ, говоритъ. Ягѣ-баба ихъ примыла, принарядила да сюды и пустила. Вишь, какіе умные топеръ сдѣлались“.

Услыхала какъ это царица, какъ заплачетъ. Ужъ такъ-то плачетъ, такъ-то плачетъ, будто дождь большой идетъ. А лягуша ей опять и говоритъ: „да ты, говоритъ, мамонька, не плачь: мы ихъ достанемъ. Только вотъ ты нацѣди у себя грудного молока, колобокъ замѣсимъ да имъ и отдадимъ. Сичасъ они и узнаютъ матушку свою“. Царица тутъ сичасъ молока у себя нацѣдила; замѣсили колобокъ, въ печку поставили; румяный вышелъ, скусный — такъ бы вотъ и съѣлъ. Лягуша и говоритъ: „привяжи ты его, мамонька, къ веревочкѣ да и пусти по водѣ. Онъ сичасъ приплыветъ къ братцамъ, прямехонько къ нимъ. Они и поѣдятъ его“. Ладно. Царица привязала колобокъ къ веревочкѣ и пустила по морю. Поплылъ, поплылъ колобокъ — прямо къ братцамъ во дворъ. Видятъ братцы, колобокъ плыветъ; „давай, говоритъ, съѣдимъ его, больно онъ румянъ, скусный, чай, поди, сладкой“. Ну, и съѣли. Сичасъ у нихъ въ сердцѣ и зашевелилось: „это, говоритъ, безпримѣнно намъ матушка наша родная прислала. Гдѣ ни на есть она тутъ“. Снарядились, пошли искать. Хватъ — анъ она тутъ и есть. Сичасъ они въ избу къ себѣ ее, стали почитать всѣмъ, въ передній уголъ засадили. Поросенчекъ, щененокъ, лягуша все съ ней, не отстаютъ, и за столъ сѣли. Сынки и спрашиваютъ ее: „Что ты, говорятъ, матушка, водишься съ кѣмъ, разѣ не нашла кого получше?“ А мать имъ и отвѣчаетъ: „это, го-

ворить, все мои сыночки; нельзя кинуть ихъ: свое вѣдь“; да и рассказала, все какъ есть рассказала, про лягушку, какъ она, значить, и изъ моря вынесла, и домъ нашла, и все. Только сынки и говорятъ: „мамонька ты, свѣтъ наша! больно намъ хотца на родителя посмотрѣть. Живемъ мы здѣсь безъ разума, безъ родителева благословенія. Отведи ты насъ къ нему“. Вотъ и пошли; чистыя поля, зеленыя луга, поточки царски поютъ пѣсни арски—за ними идутъ. И поросеночекъ, и лягуша, и щененочекъ тутъ-же. Ну, и пришли они домой. Ягѣ-баба, какъ шальнѣ, бѣгаетъ съ угла на уголъ, стрѣляетъ по избѣ; видитъ, значить, плохо: рѣжанечъ ей будетъ. А царь увидалъ ихъ, сичасъ встрѣчать вышелъ. Привелъ ихъ въ избу. И стали они жить да поживать да добра наживать. Вамъ сказка, а мнѣ баранковъ связка; вамъ на поученье, а мнѣ на угощенье. Здоровы будьте, добры люди!

Орловскій у., дер. Калямова. 1882 г.

132. Маёрша.

Жила-была маёрша. Пошла она къ обѣднѣ. А она баская, красивая была, кто не идетъ — заглядится. Вотъ и идетъ тутъ мимо татаринъ, баетъ ей: „миленька маёрша, полюби меня!“ — „Ладно, баетъ, приходи, какъ стемняетъ“. И опять, значить, своей дорогой пошла. Вотъ ладно. Навстрѣчу тутъ попадается дяконъ: „миленька маёрша, полюби меня!“ — „Ладно, баетъ, приходи, какъ стемняетъ, сладимся“. Идетъ дальше. А тутъ попъ къ обѣднѣ пошелъ, увидалъ маёршу да и баетъ: „миленька маёрша, полюби, баетъ, меня“. — „Ладно, баетъ, приходи, какъ стемняетъ“.

Вотъ ладно. Маёрша мужу и баетъ: „подъ, баетъ, куды-нибудь на вечеръ, ко мнѣ гости придутъ“. Онъ ушелъ. Только что ушелъ онъ, приходитъ татаринъ да приносить денегъ мѣшокъ; баетъ: „куды деньги то дѣвать, миленька маёрша?“ — „Ну, баетъ, вали за печь“. Сѣли тутотка они на печь, баяли, баяли. Татаринъ и сказалъ: „не пора-ли намъ, миленька маёрша, спать?“ — „Ночь ищю долга,—наси-димся, набаемся“. Это будто маёрша-то баетъ. А тутъ дяконъ стучится, въ калитку, значить, бухаетъ со всѣхъ силъ:

„пусти“, баеть. Она сичась ему: „разболокайся, баеть, вставай на лавку да держись за полицу“. Татаринъ сталъ тута. Пустила дьякона, а онъ мѣшокъ принесъ съ деньгами. — „Куды, баеть, деньги дѣвать?“ „Вали, баеть, за печь“. Свалилъ за печь, сѣлъ самъ на печь; маёрша къ нему подсу; сѣдилась. Баяли, баяли... Дьяконъ видитъ — поздно ужъ; баеть: „миленька маёрша, не пора-ли спать ложиться?“ — „Ну, баеть, ищо налѣжимся, наваляемся: ночь-то долга“. А тутъ попъ стучится. Дьяконъ сичась: „куды, баеть, я дѣнусь?“ — „Прячься подъ коробъ, на полати полѣзай“. Залѣзъ туды дьяконъ; сидитъ, молчитъ. Она сичась калитку отворила, попа пустила. А онъ съ деньгами: кошель цѣлый припѣръ. „Куды, баеть, деньги дѣвать, миленька маёрша?“ — „Валаяй за печь да полѣзай на печь“; и сама туда же за нимъ. Сидѣли, сидѣли. Только попъ и баеть: „не пора ли намъ ложиться, миленька маёрша?“ — „Налѣжимся ищо, набаемся, ночь то вѣдь долга“. Ну, тутъ и мужъ идетъ, стучаетъ въ ворота. Попъ забоялся. — „Миленька маёрша, куды, баеть, я дѣнусь?“ — „Разболокись, батюшко, оболочки вотъ этотъ портяной старухинъ сарафанъ да подъ, мели на жерновахъ“. Посередь избы жернова стояли; она и заставила его молоть рожь. Пришелъ тутъ мужъ. — „Что, баеть, у тебя за баушка?“ — „Была, баеть, на базарѣ, купила дуру, дала грошъ да и велѣла молоть рожь: на посыпку свиньямъ пригодится“. — „А это, баеть, чево у тебя?“ Татаринъ-отъ стоитъ, на него указываетъ. — „Это живопищики ѣхали, живописъ написали“. Мужъ и баеть ей: „а чево, баеть, глаза бѣгають, чего ребра не ровны? Надо скобелью поскоблить. Дай-ко тутъ у меня, баеть, въ пестерѣ скобель была“. Какъ услыхалъ татаринъ это, да давай Богъ ноги. Такъ и убѣжалъ. А попъ да дьяконъ не сдоганулись, тутъ остались. Вотъ маёрша и баеть: „возьми, баеть, ружье да пострѣляй въ коробъ: что то тамъ елозитъ“. Мужъ какъ взялъ ружье да какъ началъ пулять въ коробъ, такъ и убилъ дьякона. Потомъ, значить, за попадѣй послали; пожелали ее достать въ гости. Пришла попадья. Жалуется, что попъ пропалъ. „Пошелъ, баеть, къ обѣднѣ да такъ и не бывалъ; запростился гдѣ-то, шатина!“ А мужъ и баеть: „была вонъ жена на базарѣ, дуру купила, дала грошъ, чтобы мелила рожь, авось пригодится свиньямъ на посыпку“. Глянула она—анъ

это полтъ. „Кабы не моя, баеть, дура то эта“. Взяла да и увела домой. Тѣмъ и покончилось. Маёрша разбогатѣла на тѣ деньги: дѣвѣ еѣ хватило. Жила да орѣшки все грызла...

г. Орловъ. Записано со словъ Федора Коротаева. 1882 г.

133. [Какъ крѣпостной живописецъ рисовалъ барину чорта].

Жилъ-былъ человѣкъ одинъ, а у него былъ рабъ живописецъ. Строгій былъ этотъ человѣкъ, спуску никому не давалъ. Муку мученску терпѣлъ отъ него рабъ; ни днемъ, ни ночью покою ему не было: все рисуй да рисуй, а баринъ себѣ въ карманъ деньги кладетъ. Одно слово — жидоморъ, [настоящій N] (имя одного Орловскаго купца, отличающагося своею скупостью). Вотъ разъ призываетъ онъ раба своего да и говоритъ ему: „нарисуй, говоритъ, мнѣ чорта, да чтобы вѣрно было, точка въ точку чтобы“. — „Да какже, говоритъ, я нарисую, ваше благородіе, коли я не видалъ его никогда“. — „А ужъ это, говоритъ, дѣло твое. Рисуй, какъ знаешь; только чтобы было непременно, а то смотри—повѣщу“, говоритъ. Видитъ рабъ—смерть приходитъ; что тутъ дѣлать? а нарисовать не умѣетъ. Тогда еще на иконахъ-то этихъ чертей не было, православные не знали, какъ рисовать его. Сталъ онъ Бога молить, чтобы Богъ ему помогъ. Помолился крѣпко-на-крѣпко, потомъ легъ и заснулъ. Вдругъ и слышитъ чей-то голосъ: „рабъ, встань, поди въ баню, тамъ увидишь чорта и патреть съ него нарисуешь“. Всталъ онъ и пошелъ въ баню. Сѣлъ за столъ, грамотку взялъ, — вотъ какъ ты теперичко; сидитъ, дожидается. Вдругъ и слышитъ: въ передбанникѣ стукъ, вой поднялся. Онъ такъ и обмеръ. А тутъ кто-то крикнулъ, говоритъ: „рабъ Божій, не убойся!“ изъ-за двери выставилась рука по самое плечо, мохнатая, толстая такая... У-у! Рабъ дрожитъ, а самъ водить, водить по бумагѣ; ну, и нарисовалъ. Тутъ опять: „рабъ Божій, не утрапшисъ!“ нога изъ-за двери выставилась. Онъ сей-

часть и ее срисовалъ. „Рабъ Божій, не умри!“ и вся рожа высунулась. Онъ сейчасъ все и нарисовалъ. Только идетъ онъ изъ бани, а ему голосъ и слышится; говоритъ: „рабъ Божій, ты не гляди на картину, а сверни ее да барину отнеси. Да смотри у него тамъ недолго оставайся, а сейчасъ, какъ отдашь, вонъ выходи, а то худо будетъ“. Ладно. Пришелъ онъ, отдалъ барину, а самъ сейчасъ поскорѣе и вонъ, за двери. Только вотъ обѣдать пора, а баринъ все не идетъ сидить тамъ у себя. Что за чудо? Ждали, ждали, пошли туда — анъ хватъ, онъ мертвъ лежитъ, а передъ нимъ картина.

г. Орловъ. Зап. отъ адѣшняго уроженца-мѣщанина. 1882 г.

134. Какъ царь Соломонъ изъ ада вышелъ.

Господь пошелъ въ адъ послѣ смерти, освободилъ тамъ всѣхъ, вывелъ вонъ изъ аду, въ рай опредѣлилъ. Тутъ въ аду и царь премудрый Соломонъ былъ. Онъ и говоритъ: „Господи, а меня, говоритъ, что не взялъ? И мнѣ отсюда хочется выйти“. — „Ну ты, царь Соломонъ, и самъ хитеръ, и мудеръ, самъ выйдешь!“ И ушелъ. Царь премудрый Соломонъ видитъ, дѣло плохо: останешься, пожалуй, совсѣмъ. Взялъ онъ всю мудрость свою, думать сталъ. Ну, и надумалъ. Сажень взялъ да ну отмѣривать: „это, говоритъ, подъ соборъ, это подъ цасовенку, это подъ колокольню“, — весь адъ измѣрялъ, плантъ, значить, произвелъ, весь какъ есть. Только черти и говорятъ: „онъ, говорятъ, весь адъ у насъ отниметъ; выгонимъ его лучше“. И выгнали: „поди, говорятъ, поди, убирайся: намъ такихъ не нужно“. Царь премудрый Соломонъ вышелъ сейчасъ догонять Господа. „Вотъ, говоритъ, Господи, ты меня не взялъ, а я самъ вышелъ. Спасибо, ты мнѣ мудрость далъ“.

Орловскій у., д. Торопова. Записана со словъ старика Тимофея Торопова. 1882 г.

135. Лѣшій въ благодарность за услугу служить мужику.

Однажды вышелъ водяной на берегъ драться съ лѣшимъ. Онъ одолѣлъ „дядюшку“ и повѣсилъ его на дерево. Дядюшка виситъ на березѣ, виситъ, качается. А тутъ одинъ крестьянинъ шелъ, Кузьмой звать его. Дядюшка какъ взмолился ему: „освободи, говоритъ, голубь, изъ петли; что хошь, сдѣлаю для тебя“. Кузьмѣ пожалѣлось, вынулъ его изъ петли. Чортъ: „я, говоритъ, не дамъ тебѣ деньги топерича; потому, куда тебѣ ихъ? сытъ, обутъ, работаешь хорошо. Я лучше за тебя въ солдаты пойду“. А тогда еще охотники были; за другого можно было служить. Ну, Кузьма говоритъ: „ладно, да только ты обманешь меня пожалуй“. „Нѣтъ, пошто обманывать? Ты мнѣ удружилъ, и я тебѣ тоже удружу“. Хлопнули по рукамъ, зипунами помѣнялись. Кузьма домой пошелъ.

Вотъ, слышно, царь наборъ собираетъ, на войну хочетъ идти. Дядюшка за Кузьму въ ратники пошелъ, — а ему наказываетъ: „сходи, говоритъ, ты, Кузьма, въ деревню ко мнѣ, провѣдай родниковъ моихъ; тоже у меня тамъ отецъ, мать осталась. Ты имъ поклонъ скажи да скажи еще, что я на царской службѣ топерь, черезъ 12 лѣтъ домой буду“. Кузьма пошелъ. Только онъ прямо то въ деревню не пошелъ, а зашелъ перво въ кабакъ. Деньги у него были, онъ и запировалъ тамъ. Пьетъ день, другой, шесть день прошло. „Нѣтъ, говоритъ, топерь будетъ; нужно идти къ свату въ гости“. Пошелъ въ чортову деревню. А чортъ ему допрежь все рассказалъ, какъ идти. „Ты поди, говоритъ, все на выходъ, все на выходъ. Дойдешь до перекрестка, влѣво сверни и ступай тутъ задомъ напередъ. Увидишь деревню, 9 домовъ, каменно строенье. Ну, и спроси тамъ, гдѣ мой отецъ; такъ и спроси: „гдѣ, молъ, тутъ найти Ивана Ваныча?“ Тебѣ сейчасъ укажутъ; ты и ступай въ тотъ домъ. Тамъ увидишь и мать, и отца“. Пошелъ Кузьма въ лѣсъ; шелъ, шелъ, видитъ—перекрестокъ. Налѣво взялъ, повернулся и задомъ пошелъ. Тутъ деревню увидалъ, 9 домовъ — все каменно строенье. Спросилъ: „гдѣ, говоритъ, тутъ Иванъ Ванычъ живетъ?“ Ну,

ему, вѣстимо, указали: „вотъ, говоритъ, гдѣ онъ живетъ“. Кузьма въ домъ взошелъ, видитъ Иванъ Ванычъ сидитъ за столомъ, впереди. А образовъ нѣтъ никакихъ, одни шишки елевья торчатъ. — „Вотъ, говоритъ, такъ и такъ; сынъ вашъ, чортъ лѣсной, за меня охотой въ солдаты пошелъ, а я вамъ отъ него поклонъ принесъ. Все-ли по добру, по здорову живете?“ — „Ничего, говоритъ, здорово; садись съ нами, гость будешь“. Кузьма сѣлъ, обѣдать зачали. Пряниками его, конфетами угощаютъ; водки тоже поднесли. Что хошь, пей и ѣшь. Старикъ и говоритъ Кузьмѣ: „больно мнѣ здѣсь скучно бѣзъ сына-то; гости, Кузьма, у меня“. Кузьма радъ, остался. Прожилъ шесть день, сталъ было домой собираться. „Пора, говоритъ, и честь знать, не все въ гостяхъ сидѣть“. А тутъ лѣшій и приходитъ... это сынъ-отъ значить. Онъ ужъ всю службу прошелъ, топерь отъ царя отпущенъ, домой идетъ. А Кузьма и не вѣдаетъ, что 12 лѣтъ прошло, все ему кажется, что 12 день. Лѣшій ему и говоритъ: „собирайся, Кузьма, домой пойдемъ. Жена у тебя тамъ загулялась, за другаго за-мужъ хочетъ выходить. Завтра и дѣвишникъ будетъ“. Кузьма закручинился: „какъ, говоритъ, это такъ, жена моя за другаго выходить. До чего Господь меня, грѣшнаго, довелъ!“ „Лѣшій и говоритъ ему: „ты, говоритъ, не кручинься, я тому дѣлу помогу. Жена ни за кого не выйдетъ, у тебя останется. Поѣдемъ со мной“. — „Поѣдемъ, говоритъ. Чортъ какъ свиснетъ — сейчасъ ихъ подняло и понесло вѣтромъ по воздуху. выше лѣса стоячаго, ниже облака ходячаго. Ъхали, ѣхали; вдругъ Кузьма шапку обронилъ. — „Постой, говоритъ, дядюшка, я шапку обронилъ, надѣть поднять“. — „Нѣтъ, ужъ, говоритъ, теперь нѣкогда подымать; шапка то твоя далеко осталась: за 500 верстъ позадь насъ. Да нишни, заѣдемъ въ Казань, новую купимъ“. Ну, и вправду, заѣхали, новую купили. Только прѣзжаютъ въ деревню къ Кузьмѣ. Чортъ и посылаетъ его въ избу. „Поди, говоритъ, одинъ, а мнѣ нельзя: сусѣдко, пожалуй, разсердится!“ Кузьма пошелъ. А въ избѣ сидитъ впереди жена, съ женихомъ цѣлуется, а дѣвки пѣсни поютъ. Только Кузьма и говоритъ: „дайте, говоритъ, напиться, люди добры“. Дали ему пива, въ туесъ налили. „Нѣтъ, говоритъ, пусть молодка-сударушка, сама невѣста поднесетъ мнѣ“. Пошла къ нему невѣста сама:

честь требуетъ, какже. Только подходитъ ближе къ нему, видитъ, а на рукѣ то у него перстень обручальной. „Это, говоритъ, мой перстень“. И мужа узнала сейчасъ; взяла его за рученьку, подвела къ столу: „вотъ, говоритъ, гости дорогіе, мужъ мой, а я ему жена“. Тутъ и стали вмѣстѣ жить. А чортъ подарилъ Кузьмѣ 100 р. денегъ да полведра водки“.

Орловскій у., с. Слудское. 1882 г.

136. [Теремъ-мухи].

Шелъ бурлака, рукавицу потерялъ. Залетѣла муха, прилетѣлъ комаръ, спрашиваетъ: „кто въ рукавицѣ?“—Я мати-матуха, а ты кто?“—„Я комаръ-пентюхъ“. Прибѣжала мышка: „кто въ рукавицѣ?“—„Я мати-матуха да комаръ-пентюхъ, а ты кто?“—„Я мышка-шишокъ“.—„Полѣзь въ рукавицу“. Прибѣжалъ гоностаръ, спрашиваетъ: „кто въ рукавицѣ?“—„Я мати-матуха, комаръ-пентюхъ, мышка-шишокъ, а ты кто?“—„Я подколодней смоктышъ“. Пришелъ зайчикъ, спрашиваетъ: „кто въ рукавицѣ?“—„Я мати-матуха, комаръ-пентюхъ, мышка-шишокъ, подколодной смоктышъ, а ты кто?“—„Я черезпутики прядышъ“. Пришелъ волкъ, спрашиваетъ: „кто въ рукавицѣ?“—„Я мати-матуха, комаръ-пентюхъ, мышка-шишокъ, подколодней смоктышъ, черезпутики прядышъ; а ты кто?“—„Я изъ-за куста тяпышъ“. Пришелъ медвѣдь, спрашиваетъ: „кто въ рукавицѣ?“—„Я мати-матуха, комаръ-пентюхъ, мышка-шишокъ, подколодней смоктышъ, черезпутики прядышъ, изъ-за куста тяпышъ, а ты кто?“—„Я всѣмъ вамъ гнѣтышъ“.

Слободской у., прих. Софьино-Спасской ц. (Рукоп. 50-хъ годовъ).

137. [Не любо—не слушай].

Когда я былъ у дѣдушкова у дѣдушка скодскимъ пастухомъ, выгналъ на поле скота, а самъ легъ спать. Прочнувшись видѣвши, что коровъ нѣтъ, и давай искать. Искать, искать, но однако не могъ найти, збѣжалъ на гору, гора

не устояла, разступилась, збѣжалъ на камень, камень развалился, сталъ на сухую стопку, вотъ стопка устояла. Видить, что коровы ходятъ, была кобыла нежеребята, а очутилась жеребенкомъ. Вотъ на жеребенка сѣлъ, а кобылу передъ себя посадилъ да ѣхалъ не до вырозшеннаго куста. Вдругъ выскочилъ заецъ-пучеглазъ, у меня жеребёнокъ испугался этого пучеглаза; такъ меня жеребёнокъ отурилъ. Я не знаю, много ли лежалъ, часъ, или два, или три, однако прочкнулся, заецъ тутъ стоитъ. А у меня былъ некованной ножикъ,—поймалъ этаго зайца и закололъ и добылъ сорокъ батмановъ сала, зачелъ сапоги мазать. Одинъ сапогъ вымазалъ, на другой не достало и поставилъ ихъ сушить на сонцо. Мазаной сапогъ съ немазаннымъ разодрались. Немазаной сапогъ упалъ въ озеро, это озеро слилось въ одинъ сапогъ. То, видно, озеро то мало больно было?—Какое озеро мало было: что птица не могла перелетать. —Видно, птица мала была?—Какое птица мала была: что изъ-подъ правова крыла добывали перья да становили подъ матицу подпоры.—Видно, изба-та мала была? — Какое изба мала была: что корову загонять въ куть, какъ закрыть, такъ въ передней уголъ не слышно. — Видно, корова-та мала была? — Какое корова мала была: если эту корову заколотъ, такъ на всю имперію харцю достанетъ.

Слободской у., прих. Софьино-Спасской ц. (Рукоп. 50 годовъ).

138. [Лисица и дроздъ].

Воробышокъ на ребинкѣ гиѣздышко свилъ, выпарилъ шесть дитёнышковъ, пришла лисица, говорить: „ребину подсѣку, тебя, воробей, съѣмъ и дѣтей съѣмъ“.—„Нѣтъ, ты меня не ѣшь, я тибѣ дитёнышка отдамъ“. Лисица съѣла и ушла. По другое утро пришла, опять также говорить: „подсѣку, подсѣку эту ребинку, тебя, воробей, съѣмъ и дитей съѣмъ“.—„Ты меня не ѣшь, я тибѣ другаго дитёнышка отдамъ“, выбросилъ дитёнышка, съѣла, опять пришла, какъ то: третьяго четвертаго, пятаго и шестого. „Воробышокъ, ребинку подсѣку, подсѣку, тебя съѣмъ и дитей съѣмъ“. Отвѣчалъ воробей: „стой, лиска, меня не ѣшь, я тебя стрепней на-

кормлю. Старушка со мнучкой на повость идутъ родителей поминать“. Лисица лежитъ, а воробей попередь дѣвицы летитъ, онъ отъ дѣвушки неподалѣку по дорогѣ поскакиваетъ, дѣвушка бабушкѣ баеъ: „давай, бабушка, мы поймаетъ воробышка“.—„Роскурва мнучка, гдѣ ты, баешъ, поймаетъ воробышка“.—„Нѣтъ, бабушка, больно басокъ воробышокъ, какъ нибудь поймаетъ“. Старуха, на мнуку глядя, сбѣсилася, стрепню на дорогу поставила, а воробей въ сторону старуху отъ стрепни отманиваетъ, старухѣ не даётся. Лисица пришла, стрепню съѣла. Воробей старуху отманилъ отъ стрепни, а лисицу накормилъ. Лисица приходитъ опять къ воробью и говоритъ: „спасибо, воробышокъ, накормилъ; еще напой“.—Ѣдетъ мужикъ опять на повость, везетъ пива бочку. Воробей прилетѣлъ, на гвоздикъ сѣлъ, мужикъ осердился, махнулъ—кышъ! красной воробей спорхнулъ и опять сѣлъ. Хотѣлъ убить воробья, а наконецъ изломалъ гвоздь, а пиво бѣжитъ во всю мочь, на дорогѣ лывы и струи, а у мужика только изъ глазъ слезы (такъ!) потекли. Лисица опять напилася. „Ну, воробышокъ, спасибо, накормилъ и напоилъ, еще и росмѣши“.—„Ступай, расмѣшу“. Вотъ воробей летитъ, лисица бѣжитъ; на лету воробей усмотрѣлъ, видитъ, что два плѣшатые мужика молотятъ. Воробей прилетѣлъ, одному мужику на плѣшь сѣлъ, другой взялъ молотиломъ колонулъ по воробью. Воробей слетѣлъ, отмахнулъ по мужику; лисица катается да смѣется. Смѣялась да смѣялась — пупъ сдѣрнула. — „Миленькой воробей“, говоритъ лисица, „слетай по бабушку“. Онъ слеталъ, собакъ наустилъ, а собаки лисицу разорвали.]

Слободской у., прих. Софьино-Спасской ц. (Рукоп. 50-хъ годовъ).

139. [Семь Агафоновъ безтолковыхъ...].

Седмъ Агафоновъ, всѣ безтолковы, поѣхали торговать. Въ которую сторону ѣдутъ, въ ту сторону и оглобли ставновятъ. Пришли въ избу спать, не лежатся, боятся вмѣстѣ легчи спать, ноги смѣшаются, а порозну лежаться, постель не набратся. Хозяинъ велѣлъ вмѣстѣ спать лежаться. Говоритъ: „разберу“. Когда надобно ставать, взялъ вичьку

мяконькую да начелъ по ногамъ-то жарить. Они стали всѣ свои ноги дергать, всякъ свои растащили, домой оглоблямъ заворотили сани. Вышли Агафоны домой, поѣхали въ Вятку, пріѣхали и говорятъ: „что же, Агафонъ, городъ-отъ, будто точно Вятка наша“. Пріѣхали изъ Вятки домой. „Ну, Агафонъ, говорятъ, не забрала торговля, пойдѣмъ лѣсовать“. Полѣсовали, упоздали въ лѣсу, смышляются начевать. На елку полѣзли, Агафонъ за Агафонъ, а послѣдней Агафонъ лѣзетъ и сучье обчищаетъ. Переначевали, полѣзли назадъ, а взяли у одного Агафона голову, въ рощамагу записали и полѣзли другъ за другомъ. У Агафона голову оторвали, ведутъ Агафона безъ головы къ Агафониѣ. „Агафѣниха (такъ) была ли у Агафона голова?“—„Я не знаю, говоритъ, только знаю, что ротъ да борода была“.

Слободской у., прих. Софьино-Спасской ц. (Рукоп. 50-хъ годовъ).

140. [К о з а].

Пришелъ козелъ съ лыками, нѣтъ козы съ орѣхами. Добро же ты, коза, пошлю на те волка. Волкъ нейдетъ козу ѣсть,—пришелъ козелъ съ лыками, нѣтъ козы съ орѣхами. Добро же ты, волкъ, пошлю на тя люди. Люди нейдутъ волка бить, волкъ нейдетъ козу ѣсть,—пришелъ козелъ съ лыками, нѣтъ козы съ орѣхами. Добры же вы, люди, пошлю на васъ медвидь. Медвидь нейдетъ люди давить, люди нейдутъ волка бить, волкъ нейдетъ козу ѣсть,—пришелъ козелъ съ лыками, нѣтъ козы съ орѣхами. Добро же ты, медвидь, пошлю на те ножикъ. Ножикъ нейдетъ медвѣдь рѣзать, медвидь нейдетъ людей давить, люди нейдутъ волка бить, волкъ нейдетъ козу ѣсть,—пришелъ козелъ съ лыками, нѣтъ козы съ орѣхами. Добро же ты, ножикъ, пошлю на тя точи. Точи нейдетъ ножикъ точить, ножикъ нейдетъ медвѣдь рѣзать, медвѣдь нейдетъ людей давить, люди нейдутъ волка бить, волкъ нейдетъ козу ѣсть,—пришелъ козелъ съ лыками, нѣтъ козы съ орѣхами. Добро же ты, точи, пошлю на тя огонь. Огонь нейдетъ точи жжеччи, точи нейдутъ ножикъ точить, ножикъ нейдетъ медвѣдь рѣзать, медвѣдь нейдетъ людей давить, люди нейдутъ волка бить,

волкъ нейдетъ козу ѣсть, — пришелъ козелъ съ лыками, нѣтъ козы съ орѣхами. Добро же ты, огонь, пошлю на те воду. Вода нейдетъ огонь лить, огонь нейдетъ точи сжетчи, точи нейдутъ ножикъ точить, ножикъ нейдетъ медвидь рѣзать, медвидь нейдетъ людей давить, люди нейдутъ волка бить, волкъ нейдетъ козу ѣсть, — пришелъ козелъ съ лыками, нѣтъ козы съ орѣхами. Добро же ты, вода, пошлю на тя быковъ. Быки нейдутъ воду пить, вода нейдетъ огонь лить, огонь нейдетъ точи сжечи, точи нейдетъ ножикъ точить, ножикъ нейдетъ медвѣдь рѣзать, медвѣдь нейдетъ людей давить, люди нейдутъ волка бить, волкъ нейдетъ козу ѣсть, — пришелъ козелъ съ лыками, нѣтъ козы съ орѣхами. Добры же вы, быки, пошлю на васъ гору. Гора нейдетъ быковъ давить, быки нейдутъ воду пить, вода нейдетъ огонь лить, огонь нейдетъ точи сжечи, точи нейдетъ ножикъ точить, ножикъ нейдетъ медвѣдь рѣзать, медвѣдь нейдетъ людей давить, люди нейдутъ волка бить, волкъ нейдетъ козу ѣсть, — пришелъ козелъ съ лыками, нѣтъ козы съ орѣхами. Добро же ты, гора, пошлю на те черви. Черви нейдутъ гору точить, гора нейдетъ быковъ давить, быки нейдутъ воду пить, вода нейдетъ огонь лить, огонь нейдетъ точи сжечи, точи нейдутъ ножикъ точить, ножикъ нейдетъ медвѣдь рѣзать, медвѣдь нейдетъ людей давить, люди нейдутъ волка бить, волкъ нейдетъ козу ѣсть, — пришелъ козелъ съ лыками, нѣтъ козы съ орѣхами. Добры же вы, черви, пошлю на васъ гусей. Гуси нейдутъ червей брать, черви нейдутъ горы точить, горы нейдутъ быковъ давить, быки нейдутъ воду пити, вода нейдетъ огонь лить, огонь нейдетъ точи сжетчи, точи нейдетъ ножикъ точить, ножикъ нейдетъ медвидь рѣзать, медвидь нейдетъ людей давить, люди нейдутъ волка бить, волкъ нейдетъ козу ѣсть, — пришелъ козелъ съ лыками, козы нѣтъ съ орѣхами. Добро же вы, гуси, пошлю на васъ дѣвокъ. Дѣвки нейдутъ гусей гонять, гуси нейдутъ червей щипать, черви нейдутъ гору точить, гора нейдетъ быковъ давить, быки нейдутъ воду пить, вода нейдетъ огонь лить, огонь нейдетъ точи сжечи, точи нейдетъ ножикъ точить, ножикъ нейдетъ медвѣдь рѣзать, медвѣдь нейдетъ людей давить, люди нейдутъ волка бить, волкъ нейдетъ козу ѣсть, — пришелъ козелъ съ лыками, нѣтъ козы съ орѣхами. Добро же

вы, дѣвки, пошлю на васъ парней. Парни пошли дѣвокъ ловить, дѣвки пошли гусей гонять, гуси пошли червей брать, черви пошли гору точить, гора пошла бѣковъ дѣвить, быки пошли воду пить, вода пошла огонь лить, огонь пошелъ точи сжетчи, точи пошли ножикъ точить, ножикъ пошелъ медвѣдь рѣзать, медвѣдь пошелъ людей дѣвить, люди пошли волка бить, волкъ пошелъ козу ѣсть, пришелъ козелъ съ лыками ѣсть и коза съ орѣхами.

Слободской у., прих. Софьино-Спасской ц. (Рукоп. 50-хъ годовъ).

141. Сказна о Иванѣ Царевичѣ.

Жилъ да былъ царь съ царицей, не было у нихъ дѣтища, стали молиться Богу, и Богъ даровалъ имъ сына на старости лѣтъ—Ивана-Царевича. Когда онъ подросъ, пошелъ во чистое поле погулять, попала ему старая корга-баба, онъ пнулъ ее. Старая корга сказала: „ахъ, Иванъ-Царевичъ, сказала бы я тебѣ добро“... — „Скажи, скажи, бабушка“, взмолился Иванъ-Царевичъ. Старуха сказала: „есть на восточной сторонѣ подъ дубомъ желѣзные двери за двенадцатью замками, тутъ стоитъ богатырской конь сто лѣтъ и мечъ-кладенецъ“. Иванъ-Царевичъ пошелъ, взялъ стопудовую палицу, сбиль шесть замковъ, а остальные конь сломалъ и палъ предъ нимъ на колѣни и обѣщался служить ему вѣрою и правдою. Иванъ-Царевичъ радостенъ былъ, взялъ мечъ-кладенецъ и стопудовую палицу, сѣлъ на коня и поѣхалъ во чистое поле людей посмотриѣть и самъ себя показать. Ъхалъ онъ долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Попадаетъ ему избушка, на курьей ножкѣ повертывается. Иванъ-Царевичъ сказалъ: „избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ добру молодцу передомъ“, и избушка тотчасъ оборотилась къ нему дверями. Онъ вошелъ въ нее, Спасу Богу помолился, на всѣ стороны поклонился, и Егибоба лежитъ, уперлась изъ угла въ уголъ. „Тфу, фу, фу, русскія коски слыхомъ не слыхаютъ, видомъ не видать, а русская коска сама на дворъ пришла, зачѣмъ ты Иванъ-Царевичъ?“ — „Напой, накорми да тогда распроси!“ Эгибоба напоила, накормила и въ банькѣ выпарила да и

стала выпрашивать у него, отколь, зачѣмъ и куда пошолъ поѣхалъ. — „Бѣлой свѣтъ посмотрѣть и самому себя показать“. У Эгибобы была дочь, ей больно захотѣлось выдать за Ивана-Царевича и она дала ему скатѣрочку-самобраночку да перышко-фифилисть яснаго сокола и велѣла обратно заѣхать непременно, и розпрощалась. Иванъ-Царевичъ поѣхалъ за тридевять земель, въ тридесятое царство, невѣрное государство, сватать себѣ прекрасную Марью-Царевну. И увидѣлъ, что тутъ стоитъ несмѣтная сила войская—поганая. И своею стопудовою палицею да мечемъ булатнымъ всю эту силу до единого побилъ. Развернулъ свой бѣлый шатеръ на чистомъ полѣ, взоткнулъ наверхъ перышко-фифилисть яснаго сокола, ярче солнца краснаго оно горитъ, свѣтлѣе мѣсяца полнаго оно блещетъ. Пустилъ своего коня богатырскаго на зеленой лугъ, взоткнулъ свое копье ратное подлѣ бѣлого шатеръ, разкинулъ скатерть чудную посреди шатра, и явились всяки яствы, яствы сахарны, полились вина крѣпкія, вина заморскіе, взвеселился нашъ Иванъ, Царской сынъ, и заснулъ крѣпкимъ богатырскимъ сномъ. Невѣрной царь послалъ узнать: кто этотъ славной могучій богатырь, что побилъ силу несмѣтную, свободилъ его отъ неволи и „полону“. Иванъ-Царевичъ сказалъ о себѣ и велѣлъ сватать за себя Марью-Царевну. Егибоба узнала это, взяла ступу, пѣсть и помело и полетѣла къ Марьѣ-Царевнѣ, оборотила въ сѣрую утицу и пустила на синѣ море, а у Ивана-Царевича у соннова взяла скатерочку-самобраночку и перо фифилистово и воротилась домой. Въ обратной путь держитъ дороженьку мимо яги-бабы и видитъ у ней въ избушкѣ красныя полаты и прекрасную дѣвицу. Егибоба нарочно дочь свою оборотила для Ивана Царевича отдать въ жену. „Что, Иванъ-Царевичъ, твоя Марья-Царевна улетѣла за синее море, возми мою большую дочь прекрасную, а не то—я съѣмъ тебя“. Согласился Иванъ-Царевичъ, обвинчался и съ Егибишной. Не по сердцу она ему пришла, не „по рову“. Сталъ Иванъ-Царевичъ думу думать, какъ бы доступить Марьи-Царевны. Сѣра утица на окно летала, золоты слезки ронила... Пошелъ на море Иванъ-Царевичъ, попался ему старичокъ доброй и вопрошалъ о горѣ и кручинѣ. Иванъ-Царевичъ повѣдалъ ему сущую правду. Старичокъ велѣлъ взять калену стрѣлу и пустить въ правую сторону

во стадо сѣрыхъ утицъ. Подшибло одной сѣрой утицѣ правое крылышко, и упала она, бѣдная, на зеленую мураву. Старичокъ взялъ ее, обернулъ три раза чрезъ свою буйную голову, почудилася прекрасная Марья-Царевна, и отдалъ ее Ивану-Царевичу. Радъ былъ онъ и повелъ во свое царство, а она ничево не говоритъ и не вымолвить. Привелъ домой и посадилъ во свой дворецъ... Дочь Егибобы заставила Марью-Царевну доить коровъ, а коровами у нее были медвѣди; чтобы сѣбли. Тотъ же старичокъ велѣлъ три раза вымолвить: „коровоньки, буріѡнушки, вы сами подойтесь и молочко отдайте“. Коровоньки подоились сами и отдали молоко. Не удалось Егибишнѣ стравить Марью-Царевну медвѣдямъ. Опять послала овечекъ стричъ, а овечки были волки. Старичокъ опять научилъ вымолвить три раза: „маськи, овечушки, остригитесь сами и шорску отдайте“. Овечушки остриглись сами... Послѣ этого дочь Егибобы велѣла Марьѣ-Царевнѣ принести ножъ, чистить рыбу, чтобы ее зарѣзать и сѣсть. Принесла Марья-Царевна ножъ, сама разрѣзала щуку и въ брюхѣ у нее нашла свой обрученной перстень, тогда же все стала говорить. Донесли Ивану-Царевичу, и Марья-Царевна все рассказала, какъ ее сама Егибоба оборотила въ утку, какъ обронила въ море перстень и какъ каждую ночь прилетала къ окошку Ивана-Царевича и проливала золотыя слезинки, а Егибишна подбирала ихъ, казала матерѣ самой Егибобѣ, и обѣ вмѣстѣ журили Ивана-Царевича, что онъ не любитъ жену... Послѣ сего Иванъ-Царевичъ приказалъ Егибобину дочь вмѣстѣ съ матерью посадить на городскія ворота и разстрѣлять, а на Марьѣ-Царевнѣ обвѣнчался, и стали весело жить да быть, да и тепере живутъ.

Слободской у., прих. Софьяно-Спасской ц. (Рукоп. 50-хъ годовъ).

142. Сказка о Марьѣ прекрасной.

Царь кликалъ кличъ, кто бы съ его дочерью проночевалъ, за того и выдастъ въ замужъ. Иванъ, крестьянской сынъ, сильно захотѣлъ взять ее за себя. Пошелъ къ доброму старичку и повѣдалъ ему свои мысли. „Не тужи, Иванъ,

крестьянской сынъ, твоя будетъ Марья прекрасная, только потерпи немного, молися Спасу да ложися спать: утро вечера мудренѣе“. На другой день старичокъ поставилъ высокой столбъ подлѣ кровати Марьи прекрасной и посадилъ на него Ивана, крестьянскаго сына, и наказалъ: когда будетъ полночь, встанетъ Марья прекрасная, то ты не бойся только молитву твори. Такъ и сдѣлалъ Иванъ, крестьянской сынъ... Въ полночь вдругъ стала Марья прекрасная, за-скакала, залаяла, завизжала и начала грызть столбъ и до половины перегрызла, пропѣли пѣтухи, и упала... Также случилось и по другую ночь. На третью старичокъ велѣлъ ему смѣлѣе, когда подгрызетъ совсѣмъ столбъ, ухватить за волосы и трижды обернуть вокругъ себя и кликнуть его. Такъ и сдѣлалъ Иванъ, крестьянской сынъ. Когда Марья прекрасная подгрызла совсѣмъ столбъ, то Иванъ, крестьянской сынъ, ободрился, поймалъ за волосы, обернулъ трижды вокругъ себя и позвалъ старичка. Онъ взялъ топоръ и началъ разсѣкать Марью прекрасную на части. Иванъ, крестьянской сынъ, жалѣя, сталъ уговаривать старичка не рубить ее. Старичокъ сказалъ въ отвѣтъ: „увидишь, такъ не пожалѣешь“. Потомъ велѣлъ принести огонь и бросилъ кусочки Марьи прекрасной въ оной. Тутъ поползли изъ нея всякіе гады: змѣи, лягушки, ящерицы, мыши и проч. Послѣ сего этотъ старичокъ взялъ мертвой воды, збрызнулъ — срослося все тѣло, збрызнулъ живой — и оживилъ. Встала на ноги и стала прекраснѣе еще прежняго, и отдалъ Ивану, крестьянскому сыну. Царь обрадовался, и не пива варить, не вина курить, честнымъ пиркомъ да и за свадьбу.

Слободской у., прих. Софьяно-Спасской ц. (Рук. 50-хъ годовъ).

143. Сказка о Иванушкѣ и объ Олёнушкѣ.

Жилъ старикъ со старухой; у нихъ былъ сынъ Иванушко да дочь Олёнушка. Отецъ и мать померли. Они на печкѣ ѣли горошокъ да уронили одинъ подъ печку, искали, искали, не могли найти, такъ и попустились. Онъ росъ да росъ, и выросъ до неба; они по ему полѣзли и долѣзли до неба, тамъ меленка стоитъ. Они стали на ней молотъ горошекъ. Тутъ пришла Эгибоба: „тфу, фу, фу, кто на моей ме-

ленкѣ мелеть“. Она стала ихъ искати: „фу, фу, свернися, избушка въ три угла, фу, фу, свернися, избушка, въ два угла“. Избушка свернулася въ два угла, узко стало, и она ихъ поймала и посадила въ подполье и велѣла истопить печь и изпетчи ихъ да и съѣсть. Дочь Егибобы истопила печь и говоритъ Иванушку и Оленушкѣ: „садитесь на лопату“; они говорятъ ей: „поучи насъ, не умѣемъ“. Егибишна сѣла сама на лопату учить ихъ, они взяли, пехнули ее въ печь и заслонили, а сами ушли въ подполье. Егибоба куда то слетала, вынела изъ печи изжареную дочь свою и съѣла, охрястала. Пошла на печь, стала жарить спину и приговаривать: „покататься было, поваляться было на Иванушковыхъ косточкахъ; покататься было, поваляться было на Оленушкиныхъ косточкахъ“. Иванушко съ Оленушкой и говорятъ изъ подполья: „покатайся, Ега, поваляйся, Ега, на дочерниныхъ косточкахъ“. — „Охъ, они, плуты, живы. Фу, фу, фу!“ Егибоба приказала другой дочерѣ какъ можно истопить печь жарчѣе и изжарить ихъ. Они и вторую дочь также обманули и испекли, и Егибоба сѣла, не подавилась. Потомъ и третью. Наконецъ сама Егибоба какъ можно пуще накалила печь, наострила зубы и стала садить Иванушку и Оленушку на лопатѣ. „Не умѣемъ, поучи, мати Егибоба!“ — „Вотъ какъ, фу!“ и сѣла сама; мигомъ онѣ пехнули ее въ печку и заслонили накрѣпко. Взяли у Егибобы все пожитки и деньги, слѣзли домой. Иванушко женился на царской дочерѣ, а Оленушка вышла за придворнова, пригожова молодца, за московскаго купца, и стали жить да быть и тепере живутъ.

Слободской у., прих. Софьино-Спасской ц. (Рукоп. 50-хъ годовъ).

144. Сказка о Иванушкѣ дурачкѣ.

Жилъ да былъ старикъ, у него были три сына: два-те умные, трете-еть — дуракъ. Отецъ померъ и заказалъ имъ: „три сына, схороните меня въ чистое поле, подъ зеленой дубъ и караульте по очередну по три ночи“. Братья по первую ночь посылаютъ дурака и сами нейдутъ. Пошолъ дуракъ да взялъ съ собой ножикъ да лучинки и сѣлъ на могилу,

да спички вострить, да подтыкаетъ подъ пазуху. Сказалъ отецъ изъ могилы: „кто меня караулитъ?“ — „Я“, сказалъ дуракъ. Вдругъ выбѣжала коней стая, Иванушко дурачекъ слѣзъ на дубъ, а отецъ сказалъ дураку: „слѣзъ и погляди на коней во чистомъ полѣ“. Они какъ побѣжали, подъ собою погъ не знаютъ, изъ нозрей дымъ столбомъ, изъ рту пламя, и ушолъ домой дуракъ. Спросили братья: не вид...

„Далѣе содержаніе до самаго конца все то же, что у Ершова: „Конекъ горбунокъ“.—Эта списана съ рукописи крестьянской“.

Слободской у., прих. Софьино-Спасской ц. (Рукоп. 50-хъ годовъ).

145. [Ѳома и Ерема].

Во городѣ во Ростовѣ,	А Ѳома долото.
У боярина толстова,	У Еремы не рубить,
На широкомъ на дворѣ	У Ѳомы не беретъ,
Жили-были два братенника,	Ѳому горе беретъ. 2.
Два складенника,	Да не полно-ли, брателко,
Ерема да Ѳома.	Домъ заводить,
Они жили болне славно,	Станемъ-ко, брателко,
Пили, ѣли сладко,	Пашенку пахать,
Ходили хорошо,	Ерема впрегъ кота,
Ерема ѣлъ рѣдку,	А Ѳома пѣтуха.
Ѳома чеснокъ,	У Еремы не тянетъ,
Ѳому горе беретъ. 2.	У Ѳомы не везетъ,
Не полно-ли, брателко,	Ѳому горе беретъ. 2.
Сладко намъ ѣсти.	Не полно-ли, брателко,
Станемъ-ко, брателко,	Пашенку пахать,
Щепетко ходить.	Станемъ-ко, брателко,
Ерема въ балахонѣ,	Рожъ засѣвать.
Ѳома въ шабурѣ,	Ерема та посѣялъ,
Ѳому горе беретъ. 2.	А Ѳома та не поспѣлъ,
Не полно-ли, брателко,	Ѳому горе беретъ. 2.
Щепетко ходить	Не полно-ли, брателко,
И у барина жить.	Рожъ засѣвать,
Станемъ-ко, брателко,	Станемъ-ко, брателко,
Домъ заводить.	Рожъ зажинать.
Топоръ купилъ Ерема,	Ерема та взялъ шило,

А Ёома кодочигъ.
 У Еремы то не рѣжетъ,
 У Ёомы то не беретъ,
 Ёому горе беретъ. 2.
 Не полно-ли, брателко,
 Рожъ зажинать.
 Станемъ-ко, брателко,
 Кладушеньку класть.
 Склали же кладушку,
 На печной на столбъ,
 Котикъ скочилъ,
 Кладушку уронилъ.
 Не полно-ли, брателко.
 Кладушку класть.
 Станемъ-ко, брателко,
 Рожъ молотить.
 Ерема та съ бичемъ.
 А Ёома то съ кулакомъ.
 У Еремы то не брызжетъ,
 У Ёомы то не летитъ,
 Ёому горе беретъ. 2.
 Не полно-ли, брателко,
 Рожъ молотить,
 Станемъ-ко, брателко,
 Рощицу мочить.
 У Еремы прокисло,
 У Ёомы промзгло,
 Ёому горе беретъ. 2.
 Не полно-ли, брателко,
 Рощицу мочить,
 Станемъ-ко, брателко,
 Солодъ продавать.
 Ерема продаетъ,
 Ёома такъ отдаетъ,
 Ёому горе беретъ. 2.
 Не полно-ли, брателко,
 За торговлею ходить,
 Барыши приводить.
 Станемъ-ко, брателко,
 За охотою ходить,

Зайчиковъ ловить.
 Ерема та съ котомъ,
 А Ёома съ пѣтухомъ.
 У Еремы то не ловить,
 У Ёомы то не бѣжитъ,
 Ёому горе беретъ. 2.
 Не полно-ли, брателко,
 За охотою ходить,
 Зайчиковъ ловить.
 Станемъ-ко, брателко,
 Въ церковь ходить,
 Богомолиться.
 Ерема пришелъ въ церковь,
 А Ёома въ олтарь,
 Ерема запѣлъ,
 Ёома-то заревѣлъ.
 Пришелъ строгій пономарь,
 Ёому въ шею протолкалъ,
 Ёому горе беретъ. 2.
 Не полно-ли, брателко,
 Въ церковь ходить
 Богомолничати.
 Станемъ-ко, брателко,
 Рыболовничати.
 Ерема купилъ сѣть,
 Ёома тенето.
 Ерема купилъ лотку,
 Ёома ботникъ.
 Лотка та утла,
 А ботникъ безо дна.
 Ерема закидалъ,
 А Ёома та замѣталъ.
 Ерема говоритъ:
 Ко Петрову дню имъ быть.
 А Ёома-та говоритъ:
 Какъ намъ Господи велѣтъ.
 Ерема-та зболтался,
 А Ёома-та сколыбался
 Ерема упалъ въ воду,
 Ёома ко дну.

Отъ Еремы-то валы,
А отъ Ёмы пузыри.

По Еремѣ-то блины,
По Ёмѣ пироги. 2.

Яранскій у., с. Ижевское. 1847 г.

146. [О чудесной уткѣ].

Баснь.

Жили да были старикъ со старухой, жили бѣдно, не имѣли не лошади, не коровы. Старикъ однажды выпросилъ у сосѣда лошадь и поѣхалъ по дрова. Когда пріѣхалъ къ кучѣ дровъ, вдругъ вылетѣла изъ него уточка. Старикъ началъ раскладывать кучу и нашелъ золотое яичко и поѣхалъ въ городъ его продавать; и пріѣхавши продалъ, на деньги купилъ лошадь и сани, и пріѣхавъ домой. На другой день поѣхалъ надвосьмъ къ той же кучѣ дровъ и въ ней нашли петь еичекъ и ихъ продали, каждое по 50 руб., и съ деньгами воростились домой. Назавтра старикъ со старухой опять поѣхали къ той же кучѣ дровъ и въ оной поймали самую утку, привезли домой, посадили подъ шестокъ, съ тѣмъ отъ старика велѣніемъ, чтобъ утку не кололи, спустя послѣ пойманія утки въ непродолжительное время; но когда же старикъ уѣхалъ изъ дому, старуха безъ старика взяла утку заколола. Объ этой уткѣ, между тѣмъ, узналъ царь, потребовалъ сыновей, сколь ихъ они имѣли, и допрашивалъ: „гдѣ у васъ уточка?“ Они отвѣчали: „у насъ ее матушка заколола“. Послѣ отвѣта ихъ сего имъ царь повелѣлъ старуху представить къ себѣ, и когда она была ему представлена, велѣлъ посадить на ворота и разстрѣлять. И старуха была посажена и разстрѣлена.

Сей басни смыслъ таковъ, что если не хотимъ подвергаться жестокому наказанію, то не должны дѣлать того, что воспрепятствуютъ намъ дѣлать старшіе.

Яранскій у., с. Ишлыкъ. (Рукоп. 50-хъ годовъ).

147. Споръ мороза съ морозомъ.

Побасенка.

Нѣкогда одинъ морозъ заморозилъ барина въ медвѣжьей шубѣ и похвалялся предъ другимъ морозомъ; а тотъ ему отвѣчалъ: „попробуй-ко заморозить бурлака въ чежалчешкѣ“. А первой морозъ сказалъ послѣднему: „вотъ ужъ не диво-ли: какъ муху заморожу бурлака“. И началъ его морозить. А онъ сталъ ему противиться, поскакивая съ ноги на ногу, и дошелъ до капернаума и въ немъ халепнулъ за нѣсколько грошиковъ съ четвертью, и послѣ сего вышелъ изъ капернаума, а морозъ началъ его морозить пуще стараго. Бурлакъ же поскакивалъ съ ноги на ногу, потомъ снялъ съ себя рукавицы и взялъ ихъ подъ пазуху. Когда же морозъ сталъ его тошнѣе и прежняго, бурлакъ и шапку снялъ—и морозъ отступилъ отъ него.

Иранскій у., с. Ишлыкъ. (Рукоп. 50-хъ годовъ).

148. Сказка о Маркѣ Богатомъ.

Жилъ-былъ Марко Богатый. Однажды Марко Богатый сдѣлалъ великій пиръ и на этотъ пиръ зазвалъ всѣхъ бояръ и князей, позвалъ и Самого Господа. И собрались къ нему всѣ князья и бояра, пришелъ къ нему на пиръ и Самъ Господь въ нищенскомъ платьѣ. Марко Богатый, почитая Господа за нищаго, вытурилъ Его отъ себя. Господь попросился ночевать у одной вдовы въ той же деревнѣ. Вдова Его пустила, принесла Ему на ужинъ небольшую краюшечку сухова хлѣба. Господь сколько ни ѣлъ, но краюшечки не убывало. Поужинавъ же Онъ легъ спать на соломку, которую послала Ему хозяйка. И вотъ ночью пришли къ окошку ангелы и стали спрашивать, не здѣсь ли ночевалъ Господь. И когда Господь откликнулся, то ангелы сказали: „во свѣтѣ народилось столько то душъ, кого какимъ велишь надѣлать счастьемъ“. Господь сказалъ: „надѣлите всѣхъ тѣмъ, что я вчера пилъ и ѣлъ, а только одного въ здѣшней деревнѣ вдовина сына надѣлите Марковымъ богатствомъ“. И когда разсвѣтало, Господь отъ вдовы ушелъ.

По уходѣ Его, вдова идетъ къ Марку Богатому, объявляетъ ему, что Господь почевалъ у нее и велѣлъ ангеламъ надѣлать его богатствомъ вдовина сына. Марко Богатый, узнавъ объ этомъ, вознамѣрился погубить вдовина младенца, чтобы ему и въ самомъ дѣлѣ не досталось его богатство. И вотъ идетъ онъ ко вдовѣ, просить у ней младенца себѣ въ дѣти, общается его сдѣлать своимъ наслѣдникомъ, отдаетъ за него вдовѣ деньги, беретъ его къ себѣ и воспитываетъ. Когда мальчикъ уже довольно выросъ, Марко Богатый сдѣлалъ дубовую бочку, набилъ на нее желѣзныя обручья, посадилъ въ нее этого ребенка, закупорилъ и отпустилъ по океану-морю. И прибило эту бочку къ одному острову, выбросило на берегъ, на которомъ стоялъ дѣвичій монастырь. Бочка отъ солнца разсохлась, обручи съ нее спускали, и мальчикъ изъ нее вылезъ, пришелъ въ монастырь. Въ монастырѣ его приняли и сдѣлали послушникомъ. Случилось же Марку Богатому пристать со своими кораблями къ этому острову. Онъ, привлеченный красотою монастыря, заходитъ въ него и находить въ немъ своего пріемнаго сына, выкупаетъ его изъ монастыря, посылаетъ его домой съ письмомъ къ своей женѣ, которой приказываетъ погубить его. Мальчикъ идетъ къ Марковой женѣ, и ему встрѣчу попадаетъ старичекъ, спрашиваетъ его о родѣ и племени, узнаетъ отъ него, что онъ пріемный Марковъ сынъ, беретъ у него письмо, перемѣняетъ его и отдаетъ ему. Мальчикъ приходитъ домой, вручаетъ Марковой женѣ письмо, и она, получивъ письмо, выдаетъ за своего пріемнаго сына свою дочь. Между тѣмъ, пріѣзжаетъ домой самъ Марко, спрашиваетъ о своемъ пріемномъ сынѣ, узнаетъ, что онъ повѣнчанъ съ его дочерію, ужасно сердится на свою жену, а она оправдывается передъ нимъ его же письмомъ, въ которомъ заключалось вмѣсто погубленія приказаніе выдать дочь за пріемнаго сына. И вотъ Марко намѣревается опять погубить его, посылаетъ его на свои заводы, а между тѣмъ, своимъ заводскимъ прикащикамъ даетъ приказаніе, чтобы они бросили въ сальный котелъ того, кто къ нимъ напередъ всѣхъ придетъ, и первымъ посылаетъ своего пріемнаго сына и зятя. Онъ идетъ, и ему является опять тотъ же старичекъ и отводитъ его въ другое мѣсто. Между тѣмъ, Марко ѣдетъ самъ въ заводы вслѣдъ за сыномъ, прихо-

дять, и его схватываютъ и бросаютъ въ сальный котелъ, какъ онъ самъ велѣлъ бросить въ него перваго пришедшаго. И вотъ пріемный сынъ остается полнымъ наслѣдникомъ всего Маркова богатства, какъ Господь при самомъ его рожденіи наградить его велѣлъ своимъ ангеламъ онымъ богатствомъ.

Яранскій у., приходъ Улешскій. (Рукоп. 50-хъ годовъ).

Словарь къ сказкамъ Вятской губерніи.

Дядюшка — такъ называютъ пермяки лѣшаго.

Кма-ли — много-ли.

Лючки — по-людски, по-человѣчески.

На старину — домой, въ домъ.

Попандерить — поѣсть.

Чаруша — чашка для тѣста, сплетенная изъ ивовыхъ корней. Отсюда Чарушины, Чарушниковы — очень распространенная фамилія.

Шумпало, шумчело — (вѣроятно) чучело.

Казанская

губерния.

Жилъ-былъ старикъ со старухой, жили они очень бѣдно и дошли до того, что у нихъ не стало ни дровъ ни лучины. Старуха посылаетъ старика: „старикъ, поѣзжай въ лѣсъ, на-рубь дровъ и лучины“. Старикъ собрался и поѣхалъ. Пріѣхалъ въ лѣсъ, взялъ топоръ и тяпъ по дереву. Вдругъ изъ дерева выскакиваетъ птичка и говоритъ: „чивы, чивы, чивы-чокъ, чего надо, старичёкъ?“ Старикъ сказалъ: „мнѣ надо дровъ и лучины“. Птичка сказала: „поди домой, не руби, у тебя много дровъ и лучины“. Старикъ послушался, не рубилъ. Пріѣзжаетъ домой и видитъ, что у него полонъ дворъ и дровъ и лучины, началъ рассказывать старухи, что съ нимъ случилось. Старуха сказала старику: „поди-ка опять въ лѣсъ, у насъ изба-то худа, не поправитъ ли эта птичка“. Старикъ опять послушался и пріѣзжаетъ въ лѣсъ, опять тяпъ по дереву, и опять выходитъ птичка. -- „Чивы, чивы, чивы-чокъ, чего надо, старичокъ?“ — „Вотъ, матушка птичка, у меня больна плоха изба, не поправишь ты?“ — „Поди домой, сказала птичка, у тебя домъ новый и большой“. Старикъ подѣзжаетъ и не узнаетъ, гдѣ его былъ домъ. Только увидалъ въ окошко старуху и входитъ въ домъ и говоритъ: „вотъ, старуха, у насъ теперь домъ лучше всѣхъ“. Старуха опять говоритъ старику: „старикъ, у насъ домъ та хорошій, а мы живемъ бѣдно: у насъ нѣтъ ни денегъ ни хлѣба, поди-ка опять къ птичкѣ“. Старикъ опять послушался, пріѣхалъ въ лѣсъ и опять тяпъ по дереву. Птичка выходитъ и говоритъ: „чивы, чивы, чивы-чекъ, чего надо, старичёкъ?“ — „Да вотъ, родима птичка, у насъ домъ-ыть хорошій, да живемъ бѣдно; нельзя-ли этому горю помочь?“ Птичка сказала: „поди, у тебя много денегъ и хлѣба“. Старикъ приходитъ и видитъ, что у него всего

много; сказалъ: „ну, старуха, у насъ теперь всего довольно“. А старуха сказала: „хотя всего довольно, а всё таки мы крестьяне, поди-ка, попроси птичку, не сдѣлаетъ ли тебя чиновникомъ, а я буду чиновница“. Старикъ опять пошелъ. Приходитъ въ лѣсъ и тяпъ по дереву. И выходитъ птичка: „чивы, чивы, чивы-чѣкъ, чего надо, старичѣкъ?“ — „А вотъ что, у насъ теперь всего много, а все таки мы крестьяне, насъ никто не уважаетъ, нельзя-ли меня здѣлать чиновникомъ?“ Птичка сказала: „поди, будишь чиновникомъ“. Выѣхалъ изъ лѣсу и идетъ по деревнѣ, всѣ ему кланяются. Приходитъ къ дому и видитъ, что у него прислугъ много и всѣ его боятся. И говоритъ старуха: „вотъ теперь, старикъ, мы всѣмъ довольны, да, старикъ, этотъ чинъ-отъ — ладна, а все таки мы подвласны царю-та, поди-ка къ птичкѣ, не сдѣлаетъ ли тебя царемъ?“ Старикъ опять пошелъ и опять по дереву. Выходитъ птичка: „чивы, чивы, чивы-чокъ, чего надо, старичокъ?“ — „А вотъ чего, я хоть теперь чиновникъ, а все таки подъ властью царской, не сдѣлаешь-ли меня царемъ“. Приходитъ домой и его выбрали въ цари, а старуха опять говоритъ старику: „теперь мы на землѣ-та никого не боимся, а страшимся теперь только Бога, поди-ка, старикъ, скажи-ка птичкѣ, чтобы она сдѣлала тебя Христомъ, а меня Богородицей“. Птичка сказала: „ладна, ступай, будь ты быкомъ, а твоя старуха свиньей“. Старикъ приходитъ въ село быкомъ и видитъ старуху свиньей.

Козмодемьянскій у., с. Чермышево. 1852 г.

150. [Коть-Котовичъ, Волъ-Воловичъ и Иванъ-Царевичъ].

Жилъ-былъ царь съ царицей. Эта царица долгое время жила замужемъ и не одного не родила. Царь пошелъ искать докторовъ, и никто не выискался. Вздумалъ идти по кабакамъ: „не найду ли тамъ кого нибудь“. Одинъ въ кабакѣ выискался, сказалъ: „я сдѣлаю, она будетъ родить“. Царь его началъ спрашивать, что нужно дѣлать. Пьяница сказалъ: „сплети ты, царь, три рѣшета, волосяное, нитиное и шелковое, и поди ловить рыбу“. Царь сдѣлалъ это, и пошли съ пьяницей ловить рыбу. Начали ловить волося-

нымъ, попала рыба и разорвала рѣшето. Стали ловить нитянымъ и его разорвали. Начали ловить шелковымъ и поймали рыбу. Пьяница сказалъ: „поди, царь, вели сварить изъ всей рыбы уху и ее поѣсть“. Царь принесъ рыбу, отдалъ дворовой дѣвкѣ, дѣвка сварила и поѣла прежде сама потомъ отнесла царицѣ, поѣла и царица, и остатки вылила дѣвка на дворъ, и подлизала корова. Царица и въ самомъ дѣлѣ родила Ивана-Царевича, дѣвка родила Кота-Котовича, и корова родила Вало-Валовича. И назвались всѣ братьями, росли они ни по днямъ, ни по часамъ, а по минутамъ. Царь ихъ и послалъ въ свои луга искать для себя лошадей. Иванъ-Царевичъ и Като-Катовичъ выбрали себѣ по лошади, а Вало-Валовичъ не могъ найти по себѣ лошади: какъ на лошадь положить руку, такъ она и свалится. Приходитъ къ царю и рассказываетъ, что не нашелъ по себѣ лошади. Царь говоритъ: „у меня есть лошадь за тридцатью дверями, за тридцатью замками и тридцатью цѣпями, поди, посмотри“. Вало-Валовичъ пришелъ, началъ отбивать дверь; Вало-Воловичъ отобьетъ дверь, а конь пять (такъ!), и наконецъ конь выбился къ нему. Вало-Валовичъ положилъ на его руку, конь и не пошевелился. И конь заржалъ: „много лѣтъ я здѣсь стоялъ, и хозяинъ не находилъ по мнѣ фздока“. Вало-Валовичъ сѣлъ на него, и поѣхали всѣ три брата Иванъ-Царевичъ, Като-Катовичъ и Вало-Валовичъ путемъ-дорогой и под(ъ)ѣхавши къ Крашеному мосту, по которому никто благополучно не проѣзжалъ, привелось имъ тутъ почевать. Они метнули жеребій, кому ночь не спать. Досталось Ивану-Царевичу. Иванъ-Царевичъ началъ плакать и просить Вало-Валовича снять жеребій на себя. Вало-Валовичъ взялъ саблю и всталъ на краулъ. Приходитъ полночь, и летитъ шестиглавою змѣй и говоритъ: „фу, фу, фу, не было ни слуху, ни духу, а нынче русскій духъ въ устахъ мечится“. Вало-Валовичъ сказалъ: „врѣшъ, душа погана, я самъ здѣсь добрый молодецъ“, и началъ Вало-Валовичъ съ змѣемъ биться. Изрубилъ змѣя въ мелкие части и затопталъ въ тину. Вало-Валовичъ пошелъ по оврагу, и бѣжитъ Котища, вытращи глазища, и хочетъ его съѣсть. Вало-Валовичъ взялъ его за ноги, хлопнулъ объ камень. Шкурка снялась, надѣлъ шкуру на себя и пошелъ въ лѣсъ. Стоитъ избушка на куричьей голяшкѣ, повертывается.

Вало-Валовичъ сказалъ: „встань, изба, постарому, какъ тебя мать поставила, къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ“. Взошелъ въ избушку, Богу помолился, на всѣ стороны поклонился. Сидитъ Яга-Ягинишна, Овдогья Кузминишна, носъ въ потолокъ, титьки чрезъ порогъ, сопли чрезъ грядку, языкомъ сажу загребаешь. Яга-Ягинишна говоритъ: „что, Котинька, гдѣ былъ-побывалъ?“ — „Я былъ-побывалъ за темными лѣсами, за высокими горами“. И потомъ ему же сказала: „ты, валовка, откуда появился?“ Вало-Валовичъ сбросилъ съ себя шкуру котову и сказалъ: „врешь, душа погана, я самъ здѣсь добрый молодецъ“. Пнулъ избушку, и изба повалилась, а самъ пошелъ къ братьямъ и рассказалъ, что съ нимъ случилось. Опять на другую ночь метнули жеребій, кому другую ночь ночевать, и досталось Като-Катовичу. Като-Катовичъ заплакалъ и просилъ Вало-Валовича караулить за него. Вало-Валовичъ сжалился, взялъ саблю и пошелъ на караулъ. Приходитъ полночь, и летитъ девятиглавой змѣй и говоритъ: „фу, фу, фу, не было ни слуху, ни духу, нынѣ рускій духъ въ устахъ мечится“. Вало-Валовичъ всталъ и сказалъ: „врешь, душа погана, я самъ здѣсь добрый молодецъ“, и началъ съ нимъ биться; разрубилъ всего змѣя и затопталъ въ тину. Пошелъ по оврагу, бѣжитъ Котища, вытираетъ глаза, и хочетъ его с(ъ)ѣсть. Вало-Валовичъ взялъ за ногу, шкура снялась; взялъ шкуру и надѣлъ на себя. Пошелъ въ лѣсъ; стоитъ избушка на куричьей голяшкѣ, повертывается. Вало-Валовичъ сказалъ: „встань, изба, постарому, какъ тебя мать поставила, къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ“. Взошелъ въ избушку, Богу помолился, на всѣ стороны поклонился, видитъ—Яга-Ягинишна, Овдогья Кузминишна, носъ въ потолокъ, титьки чрезъ порогъ, сопли чрезъ грядку, языкомъ сажу загребаешь, и говоритъ: „что ты, котинька-батинька, гдѣ былъ-побывалъ?“ — „Я былъ за темными лѣсами, за высокими горами“. Яга-Ягинишна говоритъ ему: „откуда ты, валовка, появился?“ Онъ скинулъ съ себя котову шкуру и сказалъ: „врешь, душа погана, я самъ здѣсь добрый молодецъ“, пнулъ избушку, избушка повалилась. Пришелъ къ своимъ братьямъ и рассказалъ; они со страху едва не умерли. На третью ночь досталось караулить самому Вало-Валовичу. Онъ взялъ саблю и пошелъ на караулъ на мостъ.

И летитъ змѣй двѣнадцатиглавый и говоритъ: „фу, фу, фу, слуху-духу не было, нынче рускій духъ въ устахъ мечится“. Онъ сказалъ: „врешъ, душа погана, я самъ здѣсь добрый молодецъ“, и началъ съ змѣемъ биться. Долго съ нимъ бился, наконецъ, побѣдилъ змѣя. Опять пошелъ по оврагу, и бѣжитъ Котища, вытращи глазища, и хотѣлъ его съѣсть. Вало-Валовичъ взялъ его за ногу, ударилъ объ камень, шкура слѣзла, онъ надѣлъ на себя шкуру и пошелъ въ лѣсъ. Стоитъ избушка на куричьей голяшкѣ, повертывается. Вало-Валовичъ сказалъ: „встань, избушка, по-старому, какъ тебя мать поставила, къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ“. Взошелъ въ избушку, Богу помолился, на всѣ стороны поклонился. Сидитъ Яга-Ягинишна, Овдотья Кузминишна, носъ въ потолокъ, титьки чрезъ порогъ, сопли чрезъ грядку, языкомъ сажу загребаешь и говоритъ: „что, котинька, гдѣ былъ-побывалъ?“ — „Я былъ-побывалъ за темными лѣсами, за высокими горами“. Яга-Ягинишна сказала: „откуда ты, воловка, появился?“. Онъ скинулъ съ себя шкуру и сказалъ: „врешъ, душа погана, я самъ здѣсь добрый молодецъ“. Яга-Ягинишна сказала: „ну, валовка, поди на мостъ и дожидайся меня, посражаемся мы съ тобой“. Вало-Валовичъ пошелъ и легъ подъ мостъ съ братьями. Вдѣтъ Яга-Ягинишна по тому мосту, гдѣ лежитъ Вало-Валовичъ, и говоритъ межъ себя: „я первую дочку сдѣлаю сахарной яблоньей: какъ онъ сорветъ яблоко и укуситъ, такъ его и разорветъ; другую дочь сдѣлаю колодцемъ, и будетъ тутъ золотой ковшикъ: какъ онъ тутъ воды испьетъ, такъ его и разорветъ; а третью дочь сдѣлаю по-стелью: какъ онъ на нее ляжетъ, такъ его разорветъ“. А Вало-Валовичъ лежитъ да слушаетъ. Вышелъ изъ-подъ моста и сказалъ Ягѣ-Ягинишнѣ: „врешъ, душа погана, я самъ здѣсь добрый молодецъ“, и началъ съ ней биться. Бился долго и усталъ, и сказалъ: „дай мнѣ отдохнуть хоть три часа“. — „Не дамъ тебѣ три минуты“, сказала Яга-Ягинишна. — „Но хоть дай три минуты“. Она сказала: „пожалуй, даю тебѣ три минуты отдыху“. Онъ пошелъ подъ мостъ, а Яга-Ягинишна легла на мосту и уснула. Вало-Валовичъ вышелъ изъ-подъ моста и разрубилъ ее на мелкія части и затопталъ въ тину. Разбудилъ своихъ братьевъ, сѣли на своихъ лошадей и пустились домой. На дорогѣ попадается

имъ яблоня кудрявая. Иванъ-Царевичъ сказалъ: „братцы, остановитесь, поѣдимъ яблоковъ!“ А Вало-Валовичъ стегнулъ лошадей, и лошади полетѣли вихремъ. Проѣхали немного, попадается имъ на дорогѣ колодецъ и въ немъ золотой ковшикъ. Иванъ-Царевичъ сказалъ: „братцы, остановимтесь и напьемся воды“. Вало-Валовичъ опять стегнулъ лошадей, и лошади помчались вихремъ. Потомъ пріѣзжаютъ на постоялый дворъ и, выпарившись въ банѣ, и опять домой пустились. От(ъ)ѣхали немного, попадается на дорогѣ кровать съ пуховой постелью. Иванъ-Царевичъ сказалъ: „братцы, остановитесь, отдохнемте здѣсь на постели послѣ бани“. Вало-Валовичъ опять стегнулъ лошадей, и лошади еще ш(ибче) полетѣли. И пріѣзжаютъ къ отцу, начали ему рассказывать; онъ со страстей упалъ со стула и убится. Братья раздѣлили между собою царство и стали жить да быть да добра наживать.

Козмодемьянскій у., с. Чермышево. 1852 г.

151. [Баба-яга].

Быль-жилъ старикъ со старухой, у нихъ была дочька. У этой дочери была крестна, Яга-Ягинишна. Дочька была мянинница и пошла къ крестнѣ пироги относить. Попадаетъ ей навстрѣчу мужикъ на бѣлой лошади. И спросилъ: „куда идешь, деушка?“—„Къ крестнѣ, несу пироги“.—„Не ходи, сказалъ мужикъ, она тебя съѣстъ“. Отошла отъ него, и попадаетъ другой мужикъ на черной лошади, опять тоже спросилъ. И она сказала: „къ крестнѣ несу пироги“. Онъ сказалъ: „не ходи: она тебя съѣстъ“. Приходитъ къ воротамъ—вороты заперты ногой; взшла—на дворѣ стоитъ въ кадкѣ кровь; взшла на крылецъ—валяются маленькіе ребятишки; сѣни заперты рукой; взшла въ сѣни—валяются на полу рука да нога; дверь заперта пальцемъ; взшла въ избу—лежитъ мохнатая башка, и сама идетъ Яга-Ягинишна и стала спрашивать; „что, дочька, не видала ли чего дорогой, какъ ко мнѣ шла?“—„Видѣла много“, сказала дочь. „Рассказывай же все“.—„Видѣла: ѣдитъ мужикъ на бѣлой лошади“. Сказала Яга Ягинишна: „это мое бѣлое небо“.—

„Видѣла: ѣдитъ мужикъ на черной лошади“.—„Это моя земля, это моя черная“.—„Видѣла: ворота заперты ногой“.—„Это мой запоръ, это мой железный“.—„Видѣла: на дворѣ стоитъ въ кадкѣ кровь“.—„Это мое сусло, это мое хорошее“.—„Видила: на крыльцѣ лежатъ ребятишки“.—„Это мои поросятишка“.—„Сѣни заперты рукой... — „Это мой запоръ, это мой золотой“.—Видѣла: въ сѣняхъ лежатъ рука да нога“.—„Это мои запоры, это мои хорошіе“.—„Видѣла: въ избѣ мохнатую башку“.—„Это мой вѣникъ, это мой кудравый“, сказала Яга Ягинишна и разсердилась сказала: „хамъ-хамъ, съѣмъ тебя“. Такъ и съѣла дочь.

Козмодемьянскій у., с. Чермышево. 1852 г.

152. [Мужикъ, медвѣдь и лиса].

Быль-жилъ старикъ со старухой. У нихъ зимой не было ни дровъ ни лучины, старикъ и поѣхалъ въ лѣсъ по дрова. Не успѣлъ еще нарубить дровъ, подбѣгаетъ къ старику лиса и говоритъ: „старикъ, а старикъ, это что лежитъ?“ указывая на медвѣдя. Старикъ говоритъ: „это пень лежитъ“. Лиса говоритъ: „кабы былъ пень, то на дровняхъ бы лежалъ“, и сама убѣгла. И медвѣдь говоритъ старику: „положи меня на дрова“. Старикъ положилъ. Лиса опять подбѣгаетъ и говоритъ: „старикъ, а старикъ, это что на дровняхъ лежитъ?“ Старикъ говоритъ: „пень лежитъ“. Лиса опять говоритъ: „кабы былъ пень, то бы привязанъ былъ“, и сама убѣгла. Медвѣдь говоритъ старику: „привяжи меня“, и старикъ привязалъ. Лиса опять подбѣгаетъ къ старику и говоритъ: „старикъ, а старикъ, это что у тебя на дровняхъ лежитъ привязано?“ Старикъ говоритъ: „это пень лежитъ“. Лиса говоритъ: „какъ былъ пень, то въ него бы ты воткнулъ топоръ“, и сама убѣгла. Медвѣдь говоритъ: „старикъ, а старикъ, воткни какъ нибудь въ меня топоръ“. Старикъ и давай его рубить, и отрубилъ ему голову и привезъ домой, изъ шкуры сшилъ старухи шубу. На другой день поѣхалъ старикъ опять по дрова. Попадается опять ему та же лиса и говоритъ: „ты хоть бы мнѣ, старикъ, за труды привезъ пироговъ да курочекъ“. Старикъ сказалъ:

„дожидайся здѣсь, я теперь же поѣду и привезу тебѣ“. Поѣхалъ и наклалъ въ мѣшокъ борзыхъ собакъ и пріѣхалъ въ лѣсъ къ лисѣ. „Спасибо, лиса, тебѣ за то, что ты помогла мнѣ изрубить медвѣдя, и я за твою услугу привезъ тебѣ курицъ. На, развязывай сама мѣшокъ“. Лиса обрадовалась и начала зубами развязывать. И только успѣла развязать, выбѣгаютъ изъ него борзныя собаки и бросились за лисой. Но она успѣла влѣсть на дерево и начала спрашивать: „глазынки мои, что вы дѣлали, какъ я бѣжала?“ Глаза сказали: „что мы искали, глядѣли мѣсто, куда бы тебѣ убѣжать“. Стала спрашивать ногъ: „ноженьки, а вы что дѣлали?“—„Мы торопились, чтобы тебѣ скорѣе убѣжать“. Стала спрашивать хвостъ: „ты, хвостъ, что дѣлалъ?“—„Я переплеталъ ноги, чтобы ты упала и тебя загрызли собаки“. Лиса осердилась, спустила съ дерева хвостъ и сказала: „собаки борзныя, съѣшьте мой хвостъ“. Собаки подбѣжали, за хвостъ стащили лису и отнесли старику. Старикъ обрадовался и везетъ домой. Старуха увидѣла изъ окошка и бѣжитъ къ нему навстрѣчу и говоритъ: „вотъ тебѣ спасибо, старикъ, догадался, что у меня шуба-та медвѣжья, а воротника-та нѣтъ“. Пришила къ шубѣ воротникъ, и стали жить да быть да добра наживать.

Коозомодьянскій у., с. Чермышево. 1852 г.

153. [Не любо—не слушай].

Была у меня кобыла пѣга; на ней было семьдесятъ семь пѣжинъ. Пошла она въ лѣсъ валяться. Присталъ къ спинѣ жолудь. Этотъ жолудь разросся, доросъ до неба, сучистый! Я полѣзъ по нему. Лѣзъ, лѣзъ, долѣзъ и вижу: въ небѣ дыра, у дыры скоба. Схватился за скобу и махить туда. Тамъ была скотина дешева. У меня было 15 копѣекъ денегъ; я купилъ сто головъ быковъ, мясо продалъ святымъ, а кожу изрѣзалъ на ремни. Подхожу къ дырѣ, а кобыла ушла — слѣзъ нельзя. Думалъ, думалъ, привязалъ ремень къ скобѣ и началъ спускаться по-ослиному. Спустился,—два ремня не достаютъ. Идетъ баба за водой, Яковъ —то поймалъ, да навиваю. Мужикъ вѣетъ овесъ, а шелуха

летить вверхъ: я ловлю да навиваю. Вдругъ бабій порвался: я упалъ въ болото, увязъ по самую пазуху. Прилетѣла утка, гнѣздо свила, яйца снесла. Идетъ волкъ яйца ѣсъ. Я схватилъ за его хвостъ, онъ меня и выволокъ. Ёсъ хочу, а нечего. Вижу — рѣчка не мелка, ни глубока: воробью по колѣнки, а перетти негдѣ. Я былъ догадливъ: нарѣзалъ прутьевъ, накидалъ и перешелъ. Вижу горѣлое дупло; въ дуплѣ жарены перепелки кричатъ. Я подошелъ. Совъ руку — не лѣзетъ. Я догадливъ былъ: разрѣзалъ да самъ ввалился. Напился, наѣлся, а вытти-то не могу. Побѣждалъ домой за топоромъ, взялъ топоръ, разрубилъ дупло, и вылѣзъ!

г. Ланшевъ. 1883 г.

154. [Варіантъ].

Обуль топоръ ва босу ногу, лапти за поясъ, пошелъ мимо лыкъ горы драть, липовы да еловы, съ которыхъ лыки сымаются. Пошелъ дальше и вижу, будто на трехъ уточкахъ озеро плаваетъ. Взялъ три палочки. Перву кинулъ — не докинулъ. Втору кинулъ — не докинулъ. Третью кинулъ — попалъ, да мимо. Мясо-то осталось, а пухъ весь улетѣлъ. Иду дальше и вижу: въ осиновомъ дубу жарены галчаты сидятъ. Я залѣзъ и съѣлъ всѣхъ и растолстѣлъ. Руку сунулъ — не просунулъ; ногу сунулъ — не просунулъ. Пошелъ за топоромъ да вырубился.

г. Ланшевъ. 1883 г.

155. О священникѣ.

Вотъ, видишь ли, скажу тваѣй милости. Былъ адинъ священникъ бяднѣющій, пребяднѣющій. Приходъ ли у него былъ больна малый, али, какъ сказать тебѣ, правду молвить, не знаю, што иное, только, слышъ, всё молился Богу, ка-бы, знашъ, въ дастаткѣ-та быть, пасправнея. Вотъ онъ всё малился ды малился, день и ночь, знашъ, всё малился и Николу Миласливава прасилъ, знашъ, всё, ка-бы спра-

виться. Анъ-нѣтъ, лихъ! Не даётъ Бохъ ему, слышъ, счастья. Вотъ онъ пашолъ изъ дому, слышъ, куды глаза глядятъ. Вотъ шолъ, шолъ, всё шолъ, слышъ, и увидалъ онъ возля дароги, сидятъ двоя съ сумками, знашъ, какъ и онъ, пѣшіе. Ну, знашъ, присѣли отдохнуть. Адинъ-ать, видишъ, малодинькай съ бароткай, а другой-ять сѣдинькай старичокъ. Знашъ, адинъ-ать былъ самъ Христось, а другой-ять, слышъ, Никола Милосливай. Вотъ онъ абрадавался, патшолъ къ нимъ. Патшолъ и гаварить имъ: „ну, слышъ, братцы! Вы, какъ и я же, пѣшкомъ идёте. Кто вы, дискать, таковы?“ Ани, знашъ, ему сказали: „мы, слышъ, ворожецы, знахари, знашъ, варажить умѣимъ и лѣчимъ“.—„Ну, слышъ, незля ли взять, слышъ, вамъ меня съ сабой?“—„Пайдемъ, слышъ, ему гаварятъ, только матрѣй, слышъ, всё поровну дѣлать“.—Знама дѣла, што поровну“. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та и пашли ани всѣ, слышъ, троя вмѣсти. Вотъ шли, шли они, шли, шли, устали и зашли, слышъ, начавать въ избушку. Попъ-ать, слышъ, всё у себя съ вечеру сѣлъ, што, знашъ, была у него сѣснава. А у Христа-та, слышъ, съ Николай Милосливымъ была адна лишь прасвирочка и ту, слышъ, палажили ани на полочку у образовъ да другова дни. Наутро попъ, слышъ, всталъ, захатѣлась ему ѣсть, онъ взялъ украткой ту прасвирочку и сѣлъ, слышъ, её. Христось-ать, слышъ, схватился прасвирочки, анъ-лихъ, ея нѣтъ! „Кто, слышъ, маю прасвирочку сѣлъ“, гаварить папу. Онъ, слышъ, заперся, не сказалъ,—„знать, слышъ, не знаю, я не ѣлъ её“. Вотъ такъ таму дѣлу и быть. Встали, вышли изъ избушки и пашли апять. Вотъ ани шли, шли и пришли, слышъ, въ адинъ горать. Вотъ малодинькай-ять съ бароткой, знахарь, знашъ, Христось-ать и гаварить: „въ эвтомъ городѣ у багатава-де барина есть, слышъ, балъная дочь; никто, слышъ, не смохъ её излѣчить, айда-те-ка мы къ нему“. Вотъ пришли ани къ таму, слышъ, барину, стали стучаться у него подъ акномъ. „Пусти-ка насъ. Мы, слышъ, вылечимъ тваю дочь“. Вотъ пустили, слышъ, ихъ. Далъ имъ тотъ баринъ дочь свою, знашъ, лѣчить. Вотъ ани взяли, слышъ, её и павели въ баню. Павели въ баню, и вотъ Христось-ать всеё её разрѣзалъ на части. Разрѣзалъ на части её, ана, слышъ, и не слыхала, и не плакала, и не кричала. Вотъ взялъ её, слышъ, всеё навсеё перемылъ въ

трехъ вадахъ. Перемылъ въ трехъ вадахъ и слажилъ ее всеѣ, слышъ, вмѣсти па-прежняму, какъ, знашъ, была. Слажилъ вмѣсти и спрыснулъ разъ — ана, слышъ, сраслась; спрыснулъ въ другой — ана, слышъ, пашевелилась; спрыснулъ въ третій — ана, слышъ, встала. Вотъ привели ее знашъ, къ атцу. Привели къ атцу, ана, знашъ, и гаварить: „я, слышъ, ва всеѣмъ здарова папрежнему“. Вотъ баринъ тотъ ихъ. вдоволь, слышъ, всеѣмъ сыто-насыто накармилъ и напайлъ. Попъ, знашъ, ѣлъ, ѣлъ, насилу всталъ, слышъ, съ мѣста, а тѣ, знашъ, Христосъ-атъ ды Никола Миласливый немношка закусилъ, слышъ, и сыты. Вотъ паслѣ баринъ-атъ, слышъ, аткрылъ имъ сундукъ съ деньгами. „Ну, слышъ, берите, сколько, слышъ, душѣ вашей угодна“. Вотъ, знашъ, Христосъ взялъ горсточку ды Никóла Милосливый другую, а попъ началъ, слышъ, савать вездѣ себѣ: и въ карманы, слышъ, и за пазухи, и въ суму, и въ сапоги — ѣльно вездѣ было поланъ. Вотъ эвтимъ дѣломъ-та нашли ани апять въ дарогу. Шли, шли, слышъ, и пришли къ рѣчки. Христосъ-атъ съ Никóлай Милосливымъ, знашъ, разомъ перешли легохонько, а попъ-атъ съ деньгами шолъ, шолъ, знашъ, па вадѣ-та и началъ было тануть. Вотъ, слышъ, съ другога-та берегу Христосъ-атъ съ Никóлай Милосливымъ кричатъ ему: „знашъ, брось, брось деньги, брось, слышъ, деньги, а то утонишь“. — „Нѣтъ, слышъ, хоть утану, не брошу ихъ“. — „Брось, брось, слышъ, а-то умрѣшь, слышъ, захлебнѣешь“. — „Нѣтъ, слышъ, умру, не брошу, знашъ“, имъ говоритъ и каѣ какъ перебрѣлъ и онъ, слышъ, съ деньгами-та чрезъ рѣчку. Перебрѣлъ, вотъ и сѣли всеѣ троя, слышъ, на бережокъ. Сѣли, вотъ Христосъ-атъ, слышъ, и говоритъ папу: „давай, слышъ, деньги-та дѣлить?“ А попъ-атъ, знашъ, не даѣтъ. „Эвто май, слышъ, деньги. Вы што, слышъ, не брали себѣ больше, я, слышъ, чуть была не утанулъ съ ними, а вы гаварили, слышъ, брось ихъ“. — „А угаворъ-атъ, знашъ, сказалъ Христосъ, вить лутча денихъ“. Вотъ попъ-атъ сталъ, слышъ, выкладывать сваи деньги всеѣ въ кучу, и Христосъ, знашъ, съ Никóлай Миласливымъ слажили сваи туды жа. Вотъ эвтимъ дѣломъ-та Христосъ, знашъ, сталъ дѣлить деньги и класть на четыре кучки, знашъ, на четыре доли. Попъ-атъ, слышъ, гаварить: „насъ-де троя, каму, слышъ, кладешъ ты ищо

четвертую долю“ — „Четвертая доля, слышъ, таму, знашъ, гаварить Христось, кто маю прасвирачку съѣлъ“. — „Я, слышъ её съѣлъ“, патхватилъ попъ. Вотъ Христось-атъ съ Никóлай Милосливымъ, знашъ, усмѣхнулись.—„Ну, коли ты мою прасвирачку съѣлъ, такъ вотъ тебѣ эвти двѣ кучки денѣхъ! Ды вотъ и маю, слышъ, возьми себѣ же, гаварить Христось“.—„И маю, слышъ, кучку вазьми себѣ“, гаварить Никола Милосливай. „Ну, таперь у тебя, слышъ, многа денѣхъ! Ступай, слышъ, дамой, а мы пайдемъ, слышъ, адни“. Вотъ попъ-атъ, взялъ, слышъ, всѣ денѣги и пашолъ, слышъ, адинъ. Пашолъ, знашъ, и думайтъ: „чѣмъ, дискать, мнѣ дамой итти, лутча я пайду адинъ, слышъ, лѣчить: я таперь сумѣю; виделъ, какъ, слышъ, лѣчуть“. Вотъ онъ шолъ, шолъ, пришолъ, слышъ, въ горотъ и просится къ аднаму багатаму купцу,—знашъ, узналъ, што у него есть дочь бальная и нѣкто её не могъ, знашъ, излѣчить. Вотъ и просится къ нему. „Пустите меня, слышъ, я вашу бальную дочь вылѣчу“. Вотъ, слышъ, пустили ево. Онъ, знашъ, увѣрилъ ихъ, што вылѣчить. Ну, слышъ, хорошо. Такъ таму дѣлу и быть: вылѣчить, такъ вылѣчить. Вотъ выпрасилъ онъ большой ношъ вострай и павѣлъ бальную въ баню и началъ, слышъ, её рѣзать на части, знашъ, видѣлъ, какъ Христось-атъ рѣзалъ. Только ну-ка кричатъ эвта бальная. Кричала, кричала, што ни есть мочи. „Не кричи, слышъ, не кричи, будишъ здорова“. Вотъ изрѣзалъ её, слышъ, замертво на части и началъ, слышъ, её перемывать въ трехъ вадахъ. Перемылъ, знашъ, началъ складывать опять, знашъ, какъ была, папрежнему, анъ—лихъ, ана не складывается папрежняму-та. Вотъ онъ мучился, мучился надъ нею, какъ-какъ слажилъ. Слажилъ, слышъ, и спрыснулъ разъ, анъ, слышъ, ана не срастается; спрыснулъ въ другой—толку нѣтъ; спрыснулъ въ третій—всё, знашъ, безъ толку. „Ну, слышъ, бѣда мая, прапалъ я таперь! Угажу, слышъ, на виселицу, либа, матрай, въ Сибирь въ катаргу. Господи, памаги мнѣ и ты, Никола Милосливай!“ Началъ, слышъ, плакать и малиться Богу и Николѣ Милосливаю, штопъ, знашъ, паслалъ ему опять тѣхъ знахарей. Вотъ, знашъ, видитъ въ акошко, што идутъ къ нему въ баню тѣ знахари, малодинькой съ бароткай и сѣдинькай стари-чокъ. Вотъ какъ, слышъ, абрадавался имъ! Бухъ имъ въ

ноги: „батюшки маи, будьте атцы радные! Вотъ я по вашему, слышъ, взялся лѣчить, ды не выходитъ“. А эвти знахари, знашъ, апять были Христось и Никола Милосливый. Взашли, знашъ, и усмѣхнулись. Усмѣхнулись, знашъ, и гаварять: „ты, слышъ, бо́льна скоро выучился лѣчить-та“. Вотъ, знашъ, Христось-ать взялъ всю её по частямъ перемылъ; перемылъ ды и слажилъ. Слажилъ, знашъ, папржнему, какъ была, и спрыснулъ разъ—ана сраслась; спрыснулъ въ другой—ана, знашъ, пашевелилась; спрыснулъ въ третій—ана, слышъ, встала. Вотъ попъ-ать, знашъ, перекрестился. Ну, слышъ, слава тебѣ, Господи, ужъ вотъ какъ рать, сказать нельзя! „Вазьми, слышъ, знашъ, сказалъ Христось, и атведи её таперь къ атцу. Ды матряй, больше не лѣчи, крѣпко-накрѣпко наказалъ ему, а не то, слышъ, пропадешъ“. Вотъ знахари тѣ, знашъ, Христось-ать и Никола Миласливый пашли са двара, а попъ-ать привелъ её, слышъ, къ атцу. „Вотъ, слышъ, я её излѣчилъ“. Дочь, знашъ, сказала атцу, што ана здорова таперь папржнему. Купецъ ну-ка ево паить, кармить, уговаривать штопъ астался онъ, слышъ, у нево. „Нѣтъ, слышъ, не останусь!“ Вотъ онъ ему, слышъ, денихъ далъ вдоволь, лошасть съ павоскай, и попъ ушъ прямо паѣхалъ дамой и палажилъ зарокъ, што лѣчить таперь не станить.

Чистопольскій у. (Рукоп. 50-хъ годовъ).

156. Баринъ и кучеръ.

Поѣхалъ баринъ съ кучеромъ въ гости къ своему тестю. Кучеръ взялъ съ собой калачъ, а баринъ ничего не взялъ. Вотъ они ѣдутъ. Навстрѣчу имъ попался мужикъ. Они его и спрашиваютъ: „далеко-ли до города?“ Онъ и говоритъ: „если тихо поѣдете, то сегодня доѣдите, а если шибко—не доѣдите“.—Айда, гоняй скорѣй, нечего дурака слушать“, говоритъ баринъ. Вотъ они гнали, гнали лошадей, лошади-то и устали и довелось имъ ночевать въ полѣ. Выпрягли они лошадей. Баринъ легъ спать, а самъ не спить, потому ѣсть хочеть. А Афонька—кучеръ взялъ калачъ, обернулъ сѣномъ и ѣсть. „Ты чево ѣшь?“ спраши-

ваетъ баринъ.—„Сѣно“, говоритъ кучеръ.—„Дап-ка мнѣ“.—„Изволь“. Баринъ взялъ сѣно и говоритъ: „э, мужицкое брюхо! правду говорятъ, что мякиной набито“.—Вотъ поѣхали они дальше. Навстрѣчу имъ попался еще мужикъ. Они его и спрашиваютъ: „далеко-ли до города“?—Онъ имъ и говоритъ: „если тихо поѣдете, то доѣдете; а шибко—не доѣдете“.—„Вотъ дуракъ, мужикъ—гоняй“, говоритъ баринъ. На другую ночь они опять почевали въ дорогѣ. Остановились у старухи, она и накормила ихъ киселемъ.—„Э, какой сладкій, говоритъ баринъ съ голодухи, эй, Афонька, говори всю дорогу: кисель“.—„Гдѣ, баринъ, мнѣ говоритъ: мое дѣло тпру да но, ты ужъ самъ говори“. Баринъ и тростилъ всю дорогу: кисель, кисель, да и забылъ.—„Ахъ, Афонька, забылъ!“ кричитъ баринъ. Кучеръ намѣсто отвѣта и кричитъ: „баринъ, волкъ!“—„Гдѣ?—„Вотъ тутъ около дороги“.--„Чево будемъ мы дѣлать“?—„Лай, баринъ, пособачь!“.—„Я не умѣю“. Кучеръ ему показалъ да и говоритъ: „ты кричи шибче“. Баринъ кричалъ, кричалъ да и попалъ въ тину. Сталъ кучеръ вытаскивать барина и говоритъ: „тина-то какая, ровно кисель“.—„Вспомнилъ теперь, закричалъ баринъ, никогда не забуду. А приѣдемъ мы въ городъ, я буду тамъ говорить: „тюкъ-тюрюрюкъ“, это значить, я ѣсть хочу“.--„Ладно“, говоритъ кучеръ. Вотъ и приѣхали къ тестю. Баринъ и говоритъ: „тюкъ-тюрюрюкъ“. А тесть и спрашивать: „чево это онъ хочетъ“?—„Баню пужно ему истопить, да пожарче“. Барина выпарили въ банѣ: онъ опять кричитъ: „тюкъ-тюрюрюкъ“.—„Чево ему надо“? спрашивать тесть.—„Пить хочетъ“, говоритъ кучеръ. Баринъ опять: „тюкъ-тюрюрюкъ“.—„Баринъ спать хочетъ“, говоритъ кучеръ. Ево и уложили спать. Баринъ опять: „тюкъ-тюрюрюкъ“.—„Баринъ гулять хочетъ“, говоритъ кучеръ. Одѣли барина и повели гулять. Зашелъ баринъ въ кусты и помянулъ за собой Афоньку: „рази я тебѣ такъ говорилъ“, спрашивать онъ.—„Я, баринъ, забылъ“.—„Ну такъ помни: коли скажу—„тюкъ-тюрюрюкъ“—значить, ѣсть хочу“.—„Хорошо“. Выходитъ баринъ на дорогу и говоритъ: „тюкъ-тюрюрюкъ“.—„Чево ему надо?“ спрашивать тесть.—„Онъ велитъ меня накормить“. Осерчалъ баринъ и крикнулъ: „врещь ты, я самъ ѣсть хочу“. Тутъ только барина и покормили.

Нижегородская губернія.

155. а Лошадиная голова.

Жилъ старикъ со старухой. Онъ былъ женатъ на другой женѣ. И была у него дочка отъ первой жены; у старухи тоже была дочка. Вотъ однажды и говоритъ старуха старику: „отвези свою дочь въ лѣсъ: у насъ на нее много хлѣба идетъ“. Старикъ послушался и отвезъ. Вотъ идетъ дѣвка лѣсомъ и подходитъ къ избушкѣ.—„Избушка, избушка, повернись къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ“. Избушка повернулась. У порога лежитъ лошадиная голова и говоритъ: „отвори, дѣвка, дверь“. Дѣвушка отворила.—„Посади меня въ избу“. Дѣвка посадила.—„Посади на лавку“. Дѣвка посадила.—„Накорми меня“. — „Да гдѣ у тебя ѣжа?“ спросила дѣвка.—„Въ печи“, говоритъ лошадиная голова. Дѣвка достала ѣжу и накормила лошадиную голову.—„Теперь сказывай мнѣ, дѣвка, сказки“. Дѣвка сказала. „Теперь полѣзай ко мнѣ въ лѣвое ухо и вылѣзай въ правое“. Дѣвка влѣзла въ лѣвое и вылѣзла въ правое и стала царицей. Явились кони съ бархатной каретой и увезли ее въ царевъ городъ. Мачиха узнала ее да и говоритъ: „я тебя, дочка, любила, вотъ ты и стала царицей“. Опосля говоритъ старику: „вези и мою дочь въ лѣсъ“. Вотъ онъ повезъ ее туда и оставилъ. Ждала, ждала дѣвка отца, не дождалась и приходитъ къ одной избѣ. Глядитъ: у порога лежитъ лошадыя голова и говоритъ: „дѣвка, дѣвка, пересади меня черезъ порогъ“. — „Сама не барыня, говоритъ дѣвка, перелѣзешь“. Голова перелѣзла.—„Дѣвка, дѣвка, пересади меня на лавку“. — „Сама не барыня, пересядешь“. Голова сѣла.—„Дѣвка, дѣвка, накорми меня“. — „Сама не барыня, поѣшь“. Голова поѣла.—„Дѣвка, дѣвка, скажи мнѣ сказку“. — „И такъ обойдешься“. — „Дѣвка, полѣзай ко мнѣ въ правое ухо и вылѣзай въ лѣвое“. Дѣвка такъ и сдѣлала и стала она черной цыганкой. Пріѣхалъ отецъ за ней, взялъ ее и привезъ домой. Такъ эвта дѣвка и осталась черной цыганкой.

Балахнинскій у. Зап. отъ крестьянки Александры Герасимовой. 1874 г.

156. а Воры-разбойники.

Жили-были старикъ со старухой, и была у нихъ дочь. Вотъ они одинъ разъ поѣхали на праздникъ въ другую

деревню, а дома оставили дочь. Издругъ, откуда ни возьмись, пріѣхали воры-разбойники, выставили окно, и одинъ сталъ лѣзть въ избу. Дѣвка сняла со стѣны саблю и срубилла ему голову и кричитъ изъ избы: „полѣзь кто другой, и ему тоже будетъ“. Видятъ воры—дѣло плохо, и уѣхали домой. Опослѣ недѣлю, другую спустя, пріѣзжаютъ изъ другой деревни къ старику со старухой сваты дочь за парня взять. Покалякали и согласились. Справили сватьбу, и ѣдетъ старикова дочь съ мужемъ къ нему въ домъ. Ну, вотъ пріѣхали, вошла она въ избу и обомлѣла: коему она голову-то отрубилла, сидитъ на лавкѣ съ воцаной головой. И говоритъ ей мужъ: „и тебѣ тоже будетъ“. Малость погодя, собрались всѣ парни на разбой, а мужъ потихоньку и сказалъ своей старухѣ: „ты безъ насъ скипяти котелъ воды и свари мою жену въ этомъ котлѣ и зарой: она мово брательника убила“. Услыхала эвто старикова дочь и не зная, что со страху дѣлать. И проситъ старуху: „бабушка, мила моя, не губи меня!“—„Мнѣ жаль тея, моя краля, да я сама боюсь ихъ“. А старикова дочь все проситъ.—„Ну, такъ и быть, говоритъ старуха, бѣги домой, и я убѣгу“. Вотъ они и побѣжали: старикова дочь въ лѣсъ, а старуха—куда глаза глядятъ. Только идетъ старикова дочь лѣсомъ и слышитъ, разбойники свистятъ и гайкаютъ. Она на березу и залѣзла. Побывали разбойники въ своемъ дому, не нашли въ емъ никого и поѣхали опять въ лѣсъ; увидали ту березу, гдѣ сидѣла старикова дочь, и говорятъ: „она здѣсь, давай, робята, стрѣлять“. И почали изъ ружей палить. Всѣ ноги изстрѣляли стариковой дочери, и кровь потекла по березѣ. Одинъ и говоритъ: „вонъ кровь течетъ“.—„Нѣтъ, сказываютъ другіе, эвто сокъ дерева“. Бросили они стрѣлять и воротились домой. Сошла старикова дочь съ березы и побѣжала домой. Дома взяли ее и спрятали. Вотъ на другой день и пріѣхали разбойники за ней къ старику, а старикъ запасъ народу и всѣхъ разбойниковъ переловили. Опослѣ ихъ послали въ Сибирь, а старикъ со старухой и дочерью стали жить да поживать и добра наживать, а худо проживать.

Балахнинскій у., дер. Паскониха. Зап. отъ крестьянки Матрены Ивановой. 1874 г.

157. Три сестры.

Жили-были три сестры, всё молодыя да хорошія; онѣ вышивали золотомъ. Вотъ однажды онѣ и говорятъ промежъ себя. Перва говоритъ: „я бы пошла замужъ за царскаго прислугу, втора—за его повора, а третья, младшая—за самова царя“. Услыхалъ эти рѣчи царской камердинъ и сказалъ царю. Вотъ царь взялъ и женился на третьей, а двухъ отдалъ: одну за свою слугу, а другу—за повора. Опослѣ поѣхалъ на войну. Черезъ годъ пріѣхалъ и видитъ, что его жена родила ему котенка. А это старшія сестры по зависти перемѣнили ребенка и отдали его утопить, а царской слуга пожалѣлъ да отдалъ на прокормленіе рыбаку, у коего дѣтей не было. Ну, вотъ ладно, котенка забросили. На другой годъ пріѣзжаетъ царь съ войны и видитъ, что жена ему родила кутенка, ровно собака. Царь и эваго велѣлъ бросить да и пристрастилъ жену: ежели она родитъ ему еще каку дрянъ, то засадить ее въ каменной столбъ. Второва-то сына сестры опять велѣли утопить, а царской слуга опять отдалъ рыбаку. На третій годъ опять родила царица кутенка (щенка). Она и не родила кутенка, да сестры такъ поддѣлали, а сына царской слуга опять отдалъ рыбаку. Вотъ царь и посадилъ жену въ каменной столбъ. Довго-ли, коротко-ли она въ смѣ сидѣла, сыновья подросли, а старикъ сталъ помирать и говоритъ мальчикамъ: „не мое вы дѣти, а царски“. Съ тѣмъ и померъ. Вотъ пошли они во царевъ домъ, а тамъ пиръ и ради пиру царь и иху мать выпустилъ. И говоритъ одному царица: „дай мнѣ испить“. Онъ какъ сталъ подавать стаканъ квасу, она и увидала: у его руки по локоть въ золотѣ. Тутъ скоро царь съ царицей признали своихъ дѣтей, взяли и къ себѣ во дворецъ, а сестеръ посадилъ въ столбъ намѣсто царицы, и стали жить да поживать.

Балахнѣвскій у., м. Жары. Зап. отъ крестьянина Александра Старикова. 1874 г.

158. Пѣтушокъ.

Жилъ-былъ одинъ крестьянинъ, и былъ у его чудной пѣтушокъ. Вотъ однажды онъ и купилъ у своего барина

жерновки. Баринъ деньги то взялъ, а жернововъ не отдалъ. Прослышалъ про эвто пѣтушокъ и летить къ барину. Сѣлъ на заборъ и кричитъ: „кукореку, кукореку! баринъ, баринъ, отдай стариковы жерновки!“ Долго онъ кричалъ и надоѣлъ барину. Вотъ онъ велѣлъ его пымать и зарѣзать да сварить во щахъ. Ну, за обѣдомъ ево и смякалъ. Только малость посугодя, пѣтухъ и въ брюхѣ барина закричалъ: „кукореку, кукореку! баринъ, баринъ, отдай стариковы жерновки!“ да и вылетѣлъ. Видитъ баринъ—дѣло дрянъ, велѣлъ пѣтушка пымать и опять ему смерть сдѣлать. Вотъ ево и бросили въ колодець утопить. А пѣтухъ кричитъ: „пей, мой задъ, воду!“ Стало сухо въ колодцѣ, онъ вылетѣлъ оттуда и опять сталъ донимать барина. Опять велѣлъ ево баринъ пымать и посадить на баню, а баню зажечь, чтобы пѣтухъ сгорѣлъ. Горитъ баня, а пѣтушокъ сидитъ на крышѣ и кричитъ: „задъ, лей воду!“ Огонь и залилъ и опять сталъ докучать барину. Видитъ баринъ—дѣло не минуче, и отдалъ хрестьянину жерновки. Съ эвтаго время пѣтушокъ и полно летать къ ему.

Балахнинскій у., дер. Никольское. Зап. отъ крестьянина Егора Иванова. 1874 г.

159. Желѣзный воръ.

Жили-были царь съ царицей, и былъ у нихъ сынъ, Иванъ-царевичъ. Вотъ одинъ разъ царь съ царицею и стали собираться на ярмарку. И говоритъ имъ сынъ: „купи мнѣ, тятенька, яблоню съ золотыми яблоками“. — „Хорошо, сынокъ, куплю“, сказалъ отецъ и поѣхалъ съ царицей на базаръ. Долго-ли, коротко-ли царь съ царицей ѣздили и искали яблоню съ золотыми яблоками, только купили ее и привезли домой. Поставилъ Иванъ-царевичъ яблоню въ своей избѣ и любо ему. Только вдругъ сталъ день за днемъ замѣчать, что яблоки кто-то воруетъ. Вотъ и началъ онъ подкарауливать и поймалъ желѣзнаго вора. А онъ былъ тоже царь. Узналъ отецъ Ивана-царевича, что воръ нашелся и велѣлъ ево засадить въ каменной столбъ, а ключъ отдалъ царицѣ. Только однаважды и ходитъ Иванъ-царевичъ около столба и говоритъ ему желѣзной воръ: „выпу-

сти меня: я тебѣ пригожусь“.—„Да какъ я тебя выпущу?“— „Возьми ключъ у матери“.—„Она не дастъ“.—„А ты скажи, чтобы она поискала у тебя въ головѣ, тутъ-то тихонько и вынь у ней ключъ“. Иванъ-царевичъ такъ и сдѣлалъ и выпустилъ вора, а ключъ опять тихонько положилъ матери въ карманъ. Пріѣхалъ царь съ войны, узналъ, что вора выпустили, и сталъ приступать къ царицѣ, какъ эвто оно могла сдѣлать. А сынъ и говоритъ: „эвто я, тятенька, выпустилъ“. Вотъ царь его и выгналъ съ дядькой изъ дому. Идутъ они путемъ-дорогою, и говоритъ дядька царевичу: „сними свою одѣжу и дай мнѣ, а я тѣ дамъ свою, чтобы мнѣ объявиться царскимъ сыномъ, а если ты не сдѣлаешь такъ, то я тѣ убью“. Согласился Иванъ-царевичъ и отдалъ свою одѣжу. Пришли они въ другое царство. Дядька пошелъ въ царски покои, а Иванъ-царевичъ въ кухню. И сказалъ про себя дядька, что его отецъ-царь выгналъ изъ дому за то, что выпустилъ желѣзнаго вора. Тутъ они разговорились о лошадахъ. Царь и говоритъ: „мое лошади осопатѣли, не знаю, чѣмъ лѣчить“.—„Мой слуга, говоритъ дядька, коноваль, онъ вылѣчитъ“. Царь и велѣлъ ему лѣчить. Иванъ-царевичъ боялся, что ево убьетъ дядька, взялъ лошадей, вывелъ ихъ въ поле и сталъ кликать желѣзнаго вора. Явился тотъ и говоритъ: „подъ въ лѣсъ, увидишь тамъ большой камень и открой ево; тамъ увидишь моихъ сестеръ, и они тебя выучатъ, какъ вылѣчить лошадей“. Вотъ нашелъ онъ сестеръ желѣзнаго вора. Она пошла лѣчить лошадей, а двѣ одѣли Ивана-царевича въ царскую одѣжу, а тутъ и желѣзный воръ подоспѣлъ. И всѣ вмѣстѣ поѣхали въ гости къ царю. Царь удивился, что пріѣхалъ царевичъ съ воромъ и говоритъ: „а эвто хто?“ и указалъ на дядьку. А Иванъ-царевичъ и сказалъ: „эвто мой слуга“. Тогда выгнали дядьку въ кухню и стали пировать. Опосля царь отдалъ за Ивана-царевича свою дочь, далъ въ приданое полцарства, и всѣ отправились въ гости къ отцу Ивана-царевича. Царь простилъ сына, помирился съ желѣзнымъ воромъ и задали пиръ на весь честной хрестыанской міръ. И я тамъ былъ, медъ-сахаръ пилъ, по усамъ текло, да въ ротъ не кануло.

Балахнинскій у., с. Вершилово. Зап. отъ крестьянина Гаврила Иванова. 1874 г.

160. Три солдата.

Жили-были царь съ царицей, и были у нихъ три дочери. Вотъ одинъ разъ эвтихъ дочерей и унесло вихремъ. И сдѣлалъ царь кличъ: кто его дочерей найдетъ и приведетъ домой, за того онъ отдастъ ихъ замужъ. Послѣ эвтаго клича явились къ царю три солдата и говорятъ: „мы можемъ ихъ отыскать“. — „Ну, такъ идите, говоритъ царь, и получите отъ меня награду“. Солдаты и пошли. Шли они долго-ли, коротко-ли, пришли въ лѣсъ и увидали въ лѣсу большой домъ. Вошли на дворъ, а тамъ скотины видимо-невидимо. Солдаты проголодались, зарѣзали утку, гуся и барана, сварили ихъ, вошли въ избу и стали ѣсть. Поѣли, отдохнули. Одинъ изъ нихъ пошустрѣй другихъ былъ, и говоритъ товарищамъ: „вотъ што, братцы, надо дорогу искать, а сидѣть намъ тутъ не приходится“. Всѣ согласились, онъ и пошелъ съ другимъ искать дорогу. Малость спустя, идетъ мужичекъ съ ноготокъ, хозяинъ эвтаго дома, и кричитъ: „солдатъ, отвори дверь!“ Солдатъ отворилъ. — „Пересади меня“. Солдатъ пересадилъ, — „Покорми меня“. Солдатъ покормилъ. Взялъ мужичекъ съ ноготокъ и сунулъ солдата подъ лавку, такъ што вылѣзть ему нельзя. Приходятъ другіе солдаты, и какъ увидали солдата подъ лавкой и ахнули. „Ну, говоритъ храбрый солдатъ, я съ нимъ поправлюсь: вы идите искать дорогу, а я останусь“. Тѣ ушли, а храбрый сидитъ себѣ подъ окномъ и трубочку покуривать. И идетъ мужичекъ съ ноготокъ. „Пересади меня, солдатъ, черезъ порогъ“, кричитъ онъ. — „Самъ не баринъ, перелѣзешь“, говоритъ солдатъ. Онъ перелѣзъ. — „Солдатъ, посади меня на лавку“. — „Самъ не баринъ, перелѣзешь черезъ пень да и влѣзешь“. Мужичекъ влѣзъ. „Солдатъ, покорми меня!“ — „Самъ не баринъ, поѣшь“. Вотъ мужичекъ нагнулся къ печкѣ, чтобы ѣжу достать, а солдатъ его и хватилъ топоромъ по спинѣ и разсѣкъ ее. Заревѣлъ мужичекъ, чтобы лягушки и змѣи шли къ ему. Они и пришли, запряглись въ телѣжку и увезли мужичка. Пришли солдаты, перерѣзали всю скотину, сдѣлали длинную ременную веревку изъ кожи и пошли дальше. Вотъ и пришлось имъ придти

къ большому двору, огороженному высокимъ каменнымъ заборомъ, а на томъ дворѣ стоятъ три дворца: мѣдный, серебряный и золотой. Перелѣзли солдаты черезъ заборъ и разошлись по угламъ; сѣли подъ деревья и начали играть на гармонику — таково хорошо. Вышли на дворъ три змѣя горыныча съ царевнами, коихъ они унесли у царя, послушать музыки и спрашиваютъ храброва солдата: „какъ ты сюда попалъ?“ — „Поиграть захотѣлось въ вашемъ саду, я и перелѣзъ съ товарищами черезъ заборъ“. — „Мучить васъ надо, али убить, штобы по чужимъ не лазили“. — „Нѣтъ, ты лучше позволь, говоритъ одному змѣю храброй солдатъ, мы тебѣ дворъ выметемъ и диковинку покажемъ“. — „Ну, метите, а если надуете, то не сносить вамъ головы“. Принялись солдаты мести садъ, вырыли три ямы, разложили въ нихъ огонь и говорятъ царямъ-змѣямъ: „у васъ изъ земли-то огонь идетъ“. Пошли они смотрѣть, ихъ солдаты столкнули и сожгли, а сами взяли царевенъ, обкатали вокругъ домовъ яичко: домовъ какъ будто не бывало; положили яичко въ карманъ и пошли домой. Дорогой пришлось влѣзть на высокую гору. Вотъ храброй влѣзъ, царевенъ поднялъ и товарищей обрѣзалъ на ремнѣ; они упали и убились. Пришли четверо въ царство, покатали около царева дома яичко, и явились спротивъ царя три дома: мѣдной, серебряной и золотой. Наутрѣ всталъ царь и дивится, хто ихъ построилъ. А какъ узналъ, хто эвто былъ, пошелъ съ царицей въ гости къ имъ; въ тотъ же день отдалъ Марью-царевню замужъ за солдата и сдѣлалъ честной пиръ на славу всему міру. И стали всѣ они съ той поры жить, поживать и добра наживать.

Балахнинскій у., дер. Шерьино. Зап. отъ крестьянина Ивана Иванова. 1874 г.

161. Старикъ и старуха.

Жилъ - былъ старикъ со старухой. Старуха-то мужа не любила. Старуха-то и говоритъ старику: „поди, мужъ, за моря по новы лѣкаря“. Старикъ и говоритъ: „да какъ я пойду?“ — „Да я тебѣ лепешекъ напеку да квасу буракъ

налью“.— „Ну, говоритъ старикъ, пойду, какъ нибудь найду“. Сталъ старикъ собираться, вышелъ за ворота, а старуха-то и начала плясать. — „Ну, обманула я тебя, старый чертъ: лѣкарей-то, умрешь, не найдешь“. Купила она вина, послала за попомъ. Попъ пришелъ и принялись они плясать и пѣть пѣсни. Старикъ идетъ по дорогѣ и встрѣчаетъ знакомого чевѣка Степана. — „Здорово, Степанъ!“ — „Здорово, Гарасимъ“. — „Куды идешь?“ — „За моря по новы лѣкаря“. — „Хто у тея хворатъ?“ — „Старуха“. — „Я мимо шелъ: она съ попомъ пѣсни поетъ да пляшетъ“. — „Что ты съ ума-то сходишь: она насилу ноги таскать“. — „А пойдемъ-ка, я тебѣ покажу“. — „А какъ ты мнѣ покажешь“. — „Давай-ка, я тебя въ солому заверну да и попрошу къ ней на начевую“. — „Ну, заверни“. — Вотъ завернулъ Степанъ старика въ солому, положилъ его къ себѣ на плечи и пошелъ, И стучитъ къ старухѣ: „стукъ, стукъ!“ — „Кто тутъ?“ — „Пусти ночевать“. — „Не будешь-ли воровать?“ — „Нѣтъ, только меня не тронь“. Вотъ она его и пустила.— „Что это у тея въ соломѣ?“ — „Песцеръ“. — „Положь ево на печь да и будь гость: садись въ передній уголъ“. — „Что мнѣ садится въ передній уголъ, я, чай, не знатный баринъ“. — „Садись да спой пѣсню“. — „Я не знаю“. — „Какую-нибудь“. — „Пожалуй, такъ и быть, спою про солому“. Вотъ онъ сѣлъ въ передній уголъ и запѣлъ:

Солома, солома, развернись,
Ты не знаешь, что дома:
Висятъ безмѣнъ на стѣнѣ,—
Попа бить по спинѣ!

Солома развернулась, старикъ выскочилъ и началъ попа бить по спинѣ. Отколотилъ старикъ попа, выгналъ ево изъ избы и съ этой поры не сталъ вѣрить своей старухѣ ни въ чемъ. И стали они жить да поживать да добра наживать. Разскащику сказку, а мнѣ кринку масла, тебѣ камешокъ, а мнѣ денежекъ мѣшокъ.

Балахнинскій у., дер. Вашево. Зап. отъ крестьянина Ивана Иванова. 1874 г.

162. Домокъ.

Вхалъ мужикъ да корчажку уронилъ. Летитъ муха-бурчага и говоритъ:

„Чей это домокъ,
Чей это хорошъ,
Кто въ тебѣ живетъ?“

Никого нѣтъ. Вотъ она туда и влетѣла. Летитъ комаръ-пищага и говоритъ:

— „Чей это домокъ,
Чей это хорошъ,
Кто въ тебѣ живетъ?“
— „Я муха-бурчага;
А ты кто?“
— „Я комаръ-пищага“.
— „Полѣзай сюда“.

Идетъ заяцъ косою и говоритъ:

„Чей это домокъ,
Чей это хорошъ,
Кто въ тебѣ живетъ?“
— „Я муха-бурчага,
Да комаръ-пищага;
А ты кто?“
— „Я заяцъ косою“.
— „Полѣзай сюда“.

Заяцъ влѣзъ. Идетъ лиса красна и говоритъ:

— „Чей это домокъ,
Чей это хорошъ,
Кто въ тебѣ живетъ?“
— „Я муха-бурчага,
Да комаръ-пищага,
Да заяцъ косою;
А ты кто?“
— „Я лиса красна“.
— „Полѣзай къ намъ“.

Лиса и влѣзла. Идетъ волкъ изъ-за куста и говоритъ:

„Чей это домокъ,
Чей это хорошъ,
Хто въ дому живетъ?“

— „Я муха-бурчага,
Да комаръ-пищага,
Да заяць косой,
Да лиса красна;
А ты хто?“

— „Я волкъ изъ-за куста“.

— „Полѣзай къ намъ“.

Волкъ и влѣзъ. Идетъ медвѣдь и говоритъ:

„Чей это домокъ,
Чей это хорошъ,
Хто въ дому живетъ?“

— „Я муха-бурчага,
Да комаръ-пищага,
Да заяць косой,
Да лиса красна,
Да волкъ изъ-за куста;
А ты хто?“

— „Я медвѣдь“.

— „Ну, полѣзай къ намъ“.

Вотъ медвѣдь лѣзъ, лѣзъ, никакъ не могъ влѣзть и говорить: „я лучше у васъ на крышѣ поживу“.

— „Да ты насъ раздавишь“.

— „Нѣтъ, не раздавлю“.

— „Ну, полѣзай на крышу“.

Не успѣлъ медвѣдь сѣсть на крышу, какъ раздавилъ домокъ. Успѣли изъ него выбѣжать только лиса и заяць, а другихъ всѣхъ онъ задавилъ. Вотъ и сказки конецъ.

Балахнинскій у., село Гордѣевское. Зап. отъ крестьянина Ивана Петрова. 1874 г.

163. Медвѣдь и лиса.

Жили-были медвѣдь да лиса; а на подлѣвкѣ у медвѣдя стояла кадка съ медомъ. Вотъ лиса и придумала надуть медвѣдя, чтобы медъ у него сѣсть. Она ему и говоритъ: „я бабушка-повитуха, меня придутъ звать на повой, такъ постучать. А ты меня разбуди“. — „Хорошо, говоритъ онъ лисѣ, я тебя, кума, разбужу“. Ну, и легли они спать. Вотъ лиса и стучить хвостомъ объ стѣну. Услыхалъ медвѣдь и

говорить: „кума, вставай, тебя на повой зовутъ“. Встала лиса и ушла на подловку медъ ѣсть. Поѣла и идетъ домой. „Что Богъ далъ?“, спрашиваетъ медвѣдь. — „Начатышка“. — „Ну, слава Богу“. На другую ночь лиса опять стучить хвостомъ. „Вставай, кума, говоритъ медвѣдь, опять пришли за тобой на повой“. — „Сейчасъ, куманекъ, иду“. И ушла опять на подловку и съѣла тамъ весь медъ. Приходитъ (такъ) она домой, ее медвѣдь и спрашиваетъ: „что Богъ далъ?“ — „Поскребышка“, отвѣтила лиса и легла спать. Пришло время, захворалъ медвѣдь и проситъ онъ лису: „принеси, кума, медку, я поѣмъ“. Пошла лиса и воротилась. — „Меду-то нѣтъ, кумонекъ“. — „Видно, ты его съѣла?“ — „Надо быть вороны растаскали, али ты самъ съѣлъ“. — „Нѣтъ, я не ѣлъ. Давай вотъ что сдѣламъ: затопимъ печь, скутамъ ее и влѣземъ туда. Изъ ково медъ потечетъ, тотъ и съѣлъ его“. — „Ну, хорошо“, говоритъ лиса. Истопили они печь и влѣзли туда; ихъ тамъ пораспарило, медъ изъ лисы и потекъ. Видитъ лиса — дѣло плохо, и удирай изъ печи; а медвѣдь узналъ, что лиса съѣла медъ, и прогналъ ее въ лѣсъ. Съ этихъ поръ онъ и сталъ одинъ жить да поживать.

Балахнинскій у., дер. Родителево. Зап. отъ крестьянки Матрѣны Ивановой. 1874 г.

164. [На судѣ].

Мужикъ вывелъ на базаръ продавать быка. Подходитъ покупатель, сторговалъ у мужика быка, далъ задатку, указалъ, куда вести его, въ такой-то вотъ, дескать, домъ. Ведетъ мужикъ быка; попадаетъ ему навстрѣчу еще купецъ: „мужикъ, продай быка“. — „Изволь, господинъ купецъ“. Сторговались, и этотъ далъ задатку, указалъ, куда вести: „я, говоритъ, сейчасъ приду“. Повелъ мужикъ быка дальше. Подходитъ третій покупатель, и съ этимъ мужикъ сторговался, взялъ и у этого задатокъ, ведетъ съ нимъ къ нему быка, а тутъ и прежніе двое покупателей подошли: тотъ тащитъ къ себѣ покупку, другой — къ себѣ... Дѣло добромъ не уладилось, пошли въ судъ. Покуда просители объясняли

судья свое дѣло, мужикъ стоялъ въ прихожей. Къ нему выбѣгаетъ чиновникъ и говоритъ мужику: „если дашь мнѣ на чай, я тебя научу, какъ оправдаться. — „Сдѣлай Божескую милость, батюшка, будь отцомъ роднымъ—заплачу!“ — „Идетъ. Что бы тебя не спросили, сперва отвѣчай „ну, такъ что?“ а потомъ—„вотъ еще!“ — Позвали мужика предъ судью.— „Ты, мужикъ, вотъ этому купцу продалъ быка?“, спрашиваетъ судья. — „Ну, такъ что?“ говоритъ мужикъ. — „А деньги получилъ?“ — „Вотъ еще!“ — „А этому продавалъ?“ — „Ну, такъ что?“ — „А деньги получалъ?“ — „Вотъ еще!“ — „Ну, и этому продавалъ?“ — „Ну, такъ что?“ — „А деньги получалъ?“ — „Вотъ еще!“ — „Да что ты сумасшедшій что-ли?“ — „Ну, такъ что?“ — „Пошелъ вонъ, вотъ я тебя въ кутузку запрячу!“ — „Вотъ еще!“ Только мужикъ за порогъ вышелъ, какъ чиновникъ догоняетъ его: — „давай, мужикъ, обѣщанное, ты обѣщалъ мнѣ на чай“. — „Ну, такъ что?“ — „Давай, братецъ!“ — „Вотъ еще!“ Такъ и отбился этимъ мужикъ.

Лукояновскій у. 1887 г.

Ярославская губернія.

165. Прибаутка.

Пришелъ старикъ къ бабѣ пообѣдать, а у нее мужъ-отъ жаравля убилъ; она этова жаравля и сварила въ кашѣ. Этой каши и положила старику-то, што просилъ пообѣдать, и мяса покрошила да и говоритъ: „што, дѣдушко, я загану тибѣ загадку—отгадаешь-ли?“—„Загадывай“, говоритъ старикъ.

Баба. „Што до тово Скурлыханъ Скурлыханычъ по поднебесью леталъ, а нонче Скурлыханъ Скурлыханычъ въ Печинскомъ, въ Черепинскомъ, подъ Сквородинскимъ?“

Старикъ отвѣчаетъ ей: „дай, голубушка, подумать“. Какъ баба вышла изъ избы, старикъ вынялъ изъ горшка жаравля-то да и положилъ ево въ свою суму, а въ горшокъ положилъ липовой отопокъ. Вотъ баба приходитъ въ избу, старикъ и говоритъ ей: „ну, голубушка, слушай, такъ ли я угадалъ: ты мнѣ сказывала, што Скурлыханъ Скурлыханычъ прежде по поднебесью леталъ, а нынѣчъ онъ въ Печинскомъ-Черепинскомъ, подъ Сквородинскимъ; а я такъ слышалъ, што онъ топерь живетъ въ Суминѣ-градѣ, а въ Печинскомъ-Черепинскомъ подъ Сквородинскимъ — Оплетало-ковыряло ужъ живетъ“.—„Нѣтъ, дѣдушко, не угадалъ“. Отобѣдавши, старикъ ушолъ. Приходитъ хозяинъ дому изъ лѣсу и просить у жоны йисъ; та и положила ему каши. Мужъ сталъ какъ хлебать да и поддѣлъ на лошку-то липовое лыко и говоритъ жонѣ: „какъ это у тебя лыко-то въ горшокъ попало?“

Жена.—„Приснилось видно тебѣ: это не лыко, а жаравлиное перо“.

Мужъ.—„Ну, такъ подавай мнѣ мясо-то: я покрошу въ кашу-то“.

Жона-та какъ вытащила изъ горшка—анъ липовой отопокъ. Мужъ и ну ее колотить да спрашивать: „какъ въ горшокъ отопокъ попалъ?“ А она говоритъ: „не знаю“, и стала розсказывать: „севодни у меня старикъ прохожой обѣдалъ,—вотъ я и заганула ему загадку“.

Мужъ.—„Какую?“

Жена.— „Што, молъ, дѣдушко, до тово Скурлыханъ Скурлыханычъ по поднебесью леталъ, а нонче ужъ Скурлыханъ Скурлыханычъ въ Печинскомъ-Черепинскомъ, подъ Сквородинскимъ? А онъ сразу-то не угадалъ: дай, говорить, подумать. „Ну, молъ, подумай, говорю“, да сама и вышла ненадолго изъ избы-то. Какъ прихожу, а старикъ мнѣ и говорить: „нѣтъ, голубушка, не правду ты сказала; я лучше тебя знаю, гдѣ живетъ Скурлыханъ Скурлыханычъ. То таки правда была, што онъ до тово по поднебесью леталъ, а тутъ жилъ и въ Печинскомъ-Черепинскомъ, подъ Сквородинскимъ. А топерь ужъ ево нѣтъ тамъ, а живетъ въ Суминѣ-градѣ; въ Печинскомъ-же, Черепинскомъ живетъ ужъ Оплетало-ковыряло“.

Мужъ.— „Эдакая ты дура-баба! Хотѣла ты озадачить старика своей дурацкой загадкой, а онъ и оплѣлъ тебя. То-перь онъ за твое здоровье имѣтъ йисъ жаравля, а ты за ево кашу съ отопкомъ хлѣбай. Ай-да, старикъ, славно отгадалъ!“

Пошехонскій у., с. Ермаково. 1853 г.

166. Сказна о жерновкахъ.

Жили-были старикъ со старухой. Захотѣлось однажды старухѣ гороху. Принесъ старикъ гороху, и стали они лущить да гуторить. Только вдругъ одна горошинка и упади на полъ; покатилаь она по полу и провалилась въ щель, оттуда покатилаь въ подполье и закатилась тамъ въ землю. Долго-ли, коротко-ли лежала тамъ горошинка, только вдругъ она стала расти, росла, росла и доросла до полу. Прорубилъ старикъ полъ, а горошинка опять стала расти и доросла до потолка. Прорубилъ старикъ потолокъ, и горошинка доросла до крыши, а на самомъ верху у нея выросли чудные жерновка: какъ вернешь, — такъ блинъ да пирогъ, да каши горшокъ. И стали жить старикъ со старухой припѣваячи. Захотятъ они ѣсть: вернуть жерновка, а блинъ да пирогъ, да каши горшокъ ужъ тутъ, какъ тутъ.

Прослышалъ о чудныхъ жерновкахъ баринъ и пришелъ къ старику со старухой. Показались ему жерновка: разговорился баринъ со стариками, а самъ тихонько и укралъ жер-

новка. Ничего не замѣтили старики, такъ и унесъ баринъ жерновка. Съли старики обѣдать, а жерновковъ-то и нѣтъ. Заплакали тутъ старикъ со старухой. Увидѣлъ это ихній пѣтушекъ и закричалъ имъ, что жерновки-то у барина, а самъ побѣжалъ поскорѣе доставать ихъ. Бѣжить пѣтушокъ по дорогѣ, а навстрѣчу ему волкъ.—„Пѣтушекъ, пѣтушекъ, куда ты идешь?“ — „Къ барину, жерновки доставать“. — „Возьми меня съ собой“. — „Полѣзай ко мнѣ въ ротъ!...“ Влѣзъ волкъ пѣтушку въ ротъ, и побѣжалъ пѣтушекъ дальше. Бѣжить пѣтушекъ по дорогѣ, а навстрѣчу ему медвѣдь.—„Пѣтушекъ, пѣтушекъ, куда ты идешь?“ — „Къ барину, за жерновками“. — „Возьми меня съ собой“. — „Полѣзай ко мнѣ въ ротъ!...“ Влѣзъ медвѣдь пѣтушку въ ротъ, а пѣтушекъ побѣжалъ дальше. Прибѣжалъ пѣтушекъ къ барскимъ хоромамъ, вскочилъ на окошко и закричалъ: „баринъ, баринъ, подай мои жерновка!“ Разсердился баринъ, приказалъ лакеямъ схватить пѣтушка и посадить въ конюшню. Посадили лакеи пѣтушка въ конюшню, а пѣтушекъ и выпустилъ изо рта волка да медвѣдя, переломали они всѣхъ барскихъ коней. Пришли поутру въ конюшню, отворили двери, а пѣтушекъ выпорхнулъ изъ конюшни, сѣлъ на барское окно и опять закричалъ: „баринъ, баринъ, подай мои жерновка!“ Пуще прежняго разсердился баринъ и приказалъ лакеямъ утопить пѣтушка. Бросили пѣтушка въ колодезь, выпилъ пѣтушекъ всю воду, вылетѣлъ изъ колодца, сѣлъ на барское окно и закричалъ: „баринъ, баринъ, подай мои жерновка!“ Вышелъ баринъ изъ себя и приказалъ зажарить пѣтушка. Зажарили пѣтушка и подали барину. Всего до косточки сѣлъ его баринъ. Сѣлъ да и думаетъ: „ну, теперь, негодяй, не будешь больше кричать!“ А пѣтушекъ вдругъ и закричалъ въ барскомъ животѣ благимъ матомъ: „баринъ, баринъ, подай мои жерновка!“. Разсвирѣпѣлъ баринъ и приказалъ лакеямъ зарубить пѣтушка. Не смѣли лакеи послушаться барскаго приказа и давай рубить топорами по барину, чтобъ достать пѣтушка. Разрубили барина, а пѣтушокъ выпрыгнулъ изъ него, схватилъ жерновка да и былъ таковъ. Принесъ онъ жерновка своимъ старикамъ, и стали старики съ тѣхъ поръ жить опять припѣваючи.

167. Глиняный Иванушка.

Жили-были старикъ со старухой. Не было у нихъ дѣтокъ; они взяли да и слѣпили себѣ глинянаго Иванушку. Сидѣла однажды старуха въ избѣ да пряла. И уронила она въ подполье клубочекъ да веретенце. Побѣжалъ за ними Иванушка, взялъ клубочекъ съ веретенцемъ да и сѣлъ. Пришелъ онъ наверхъ въ избу да и говоритъ: „баушка, баушка, я клубочекъ-отъ съ веретенцемъ сѣлъ да и тебя съ копылкомъ сѣмъ“. Сѣлъ онъ бабушку съ копылкомъ и пошелъ на улицу, а навстрѣчу ему дѣдушка съ топоркомъ. Иванушка и кричитъ ему: „дѣдушка, дѣдушка, я сѣлъ бабушку съ копылкомъ, клубочикъ да веретенце да и тебя съ топоркомъ сѣмъ!“ Взялъ и сѣлъ старика съ топоркомъ. Побѣжалъ Иванушка дальше, а навстрѣчу ему идетъ Катька съ ведрами.—„Я сѣлъ дѣдушку съ топоркомъ, баушку съ копылкомъ, клубочикъ да веретенце и тебя, Катька, сѣмъ!“ Сѣлъ Иванушка Катьку, а самъ побѣжалъ дальше. Бѣжитъ, а навстрѣчу ему идутъ бабы съ граблями. Иванушка и закричалъ имъ: „бабы, бабы, я сѣлъ дѣдушку съ топоркомъ, баушку съ копылкомъ, клубочикъ да веретенце, Катьку съ ведрами и васъ, бабы, сѣмъ!“ Сѣлъ Иванушка бабъ съ граблями, а самъ побѣжалъ дальше. Бѣжитъ, а навстрѣчу ему идутъ мужики съ косами.—„Мужики, мужики“, закричалъ имъ Иванушка, „я сѣлъ бабъ съ граблями, Катьку съ ведрами, баушку съ копылкомъ, дѣдушку съ топоркомъ, клубочикъ да веретенце и васъ, мужики, сѣмъ!“ Сѣлъ Иванушка мужиковъ, а самъ побѣжалъ дальше. Бѣжитъ, а навстрѣчу ему идетъ козелъ. И закричалъ ему Иванушка: „козелъ, козелъ, я сѣлъ мужиковъ съ косами, бабъ съ граблями, Катьку съ ведрами, дѣдушку съ топоркомъ, баушку съ копылкомъ, клубочекъ да веретенце и тебя, козелъ, сѣмъ!“ „Зачѣмъ тебѣ ѣсть меня, Иванушка“, сказалъ козелъ.—„Ставай-ко ты подъ гору, а я стану на гору: побѣгу я съ горы да прямо въ ротъ тебѣ и скочу“. Раскрылъ Иванушка ротъ и сталъ подъ гору, а козелъ разбѣжался съ горы да и ударилъ Иванушку рогами прямо въ брюхо: рассыпался

Иванушка въ мелкіе кусочки, а изъ брюха у него вышли мужики съ косами, бабы съ граблями, Катька съ ведрами, дѣдушка съ топоркомъ и баушка съ копылкомъ, — вышли всѣ живы-живехоньки.

Пошехонскій у. 1899 г.

168. „Вотъ клубокъ!“.

Жили-были мужикъ да баба: мужъ съ женой. Мужъ былъ мужикъ степенной, работащій, жена—баба разгульная, лѣнивая: ни щей сварить, ни рубахи сшить: все бы ей по гостямъ ходить.

Крѣпко училъ её мужъ — ничего не помогаетъ. И захотѣлось ему узнать, что его жена, лѣнтяйка, будетъ дѣлать, какъ онъ помретъ. Сдумано—сдѣлано. Притворился мужъ больнымъ: лежить да охаетъ, умирать собирается. Подозвалъ онъ къ себѣ бабу свою да и сталъ её корить: вотъ, де-скалъ, мужъ умираетъ, а она и на саванъ новины ему не припасла. Задѣло за живое бабу, стала она передъ мужемъ вывертываться: нарядено-то де у нея много, да еще не соткано. Вынесетъ изъ-за перегородки клубокъ пряжи, покажетъ мужу: „вотъ клубокъ“, сходитъ опять за перегородку, вынесетъ опять тотъ же клубокъ и опять покажетъ мужу. Показала она такъ одинъ клубокъ разъ тридцать. А и всей то пряжи у нея было, что только одинъ этотъ клубокъ. Замѣтилъ мужикъ бабью хитрость и захотѣлось ему узнать, что будетъ дѣлать баба, какъ онъ и впрямь умретъ. Похворалъ мужикъ денька два-три, а тамъ притворился и мертвымъ.

Запричитала баба по мужѣ, причитаешь, а сама думаетъ, какъ ей будетъ снаряжать покойника: въ домѣ ни куска нѣтъ новины, у сосѣдей просить стыдно. Пометалась баба по избѣ, какъ угорѣлая, схватила свой клубокъ нитокъ да и давай обматывать своего муженька и вдоль и поперекъ. Обмотала его нитками, сѣла и стала причитать: „голубчикъ мой, родненькій, на кого то ты теперь похожъ“. Не вытерпѣлъ мужъ, вскочилъ съ постели да и заоралъ: „на безструнную балалайку“. Крѣпко поучилъ онъ тутъ свою бабу, а только врядъ-ли выучилъ.

Пошехонскій у. 1889 г.

169. [Царевна, разгадывающая загадки].

Жилъ-былъ одинъ отставной капитанъ со своимъ деньщикомъ Петрушкой. Плохо жилось капитану: денегъ мало—перевивался онъ съ хлѣба на квасъ. Думалъ, думалъ капитанъ и надумалъ ѣхать въ незнаемое царство, въ неизвѣстное государство искать себѣ счастья. Сдумано—сдѣлано. Вытащилъ капитанъ послѣдніе десять рублей, что у него остались, позвалъ Петрушку и приказалъ ему купить на десять р. коня и новое платье. Думалъ, думалъ Петрушка, какъ тутъ быть, наконецъ, купилъ онъ за девять р. клячу да на рубль-цѣлковый мочальныхъ рогожъ и явился къ барину. Одѣлись капитанъ съ Петрушкой въ рогожи, взгромоздились обоѣ на клячу и поѣхали въ незнаемое государство себѣ счастья искать.

Долго-ли, коротко-ли ѣдутъ они, вдругъ видятъ—ползеть по дорогѣ змѣя. Взялъ капитанъ плеть, убилъ плетью змѣю и положилъ её подъ сѣдло.

Ѣдутъ они дальше, видятъ въ полѣ овесъ, въ овсѣ ходитъ быкъ. Взялъ капитанъ плеть и выгналъ быка изъ овса.

Долго такъ они ѣхали, наконецъ подѣхали къ большой рѣкѣ, а на берегу той рѣки стоитъ лодка. Забрались они въ лодку да тамъ и переночевали. Проснулись они поутру, умылись студеной водой, утерлись конскимъ хвостомъ (больше нечѣмъ имъ было вытереться) и поѣхали дальше. Вскорѣ пріѣхали они и въ неизвѣстное царство. А у царя тамошняго была дочь красавица: любила она загадки. И сказала она царю, что только за того выдетъ замужъ, кто загадаетъ загадку, которую ей не разгадать. Если же она разгадаетъ загадку, такъ у загадчика голова съ плечъ. Объявилъ царь по всему государству объ волѣ дочери, да охотниковъ загадывать не находилось: всякому своя голова дорога. На ту пору пріѣхалъ въ тотъ городъ и капитанъ съ Петрушкой. Услыхалъ капитанъ о царской волѣ и прямо явился къ царю, что „такъ-де и такъ: онъ хочетъ загадать загадки царевнѣ“. Приказалъ царь отвести капитану комнаты во дворцѣ и на другой день велѣлъ загадывать за-

гадки до трехъ разъ. Три дня капитану слѣдовало загадывать загадки: каждый день по одной загадкѣ. Не отгадаетъ царевна загадки—выдетъ замужъ за капитана, отгадаетъ—у капитана голова съ плечъ.

Прошла ночь. Приходить поутру капитанъ къ царю, а царь съ царевной его ужъ дожидаются. И задалъ капитанъ такую загадку царевнѣ: „ѣхали мы, говорить, по дорогѣ встрѣтили зло, взяли зло да зломъ и убили“. Задалъ капитанъ загадку и отправился въ свои комнаты во дворцѣ. На другой день приходитъ онъ опять къ царю, а тамъ ужъ царевна дожидается: всю ночь билась она, не могла отгадать загадки. Разказалъ тутъ капитанъ, какъ встрѣтили они на дорогѣ змѣю — зло, какъ взяли плеть — зло да убили плетью змѣю—убили зломъ зло. Отгадалъ капитанъ загадку и задалъ царевнѣ новую: „ѣхали мы, говорить, по дорогѣ видимъ въ добрѣ добро, взяли зло да и выгнали зломъ изъ добра добро“. Загадалъ капитанъ загадку и отправился къ себѣ въ комнаты. Всю ночь билась царевна, не могла отгадать загадки. Приходитъ къ царю поутру капитанъ, а тамъ ужъ царевна дожидается, отгадки спрашиваетъ. И разказалъ капитанъ, какъ они встрѣтили быка въ овсѣ — добро въ добрѣ, взяли плеть — зло да и выгнали зломъ изъ добра добро. Загадалъ, наконецъ, капитанъ въ послѣдній разъ загадку: „ночевали, говорить, мы не на землѣ, не на водѣ, умывались водой студеной, а утирались не бранымъ, не тканымъ“. Загадалъ капитанъ загадку, а самъ отправился къ себѣ въ покои. Наутро приходитъ капитанъ къ царю, а тамъ ужъ царевна дожидается, спрашиваетъ у капитана отгадки. Разказалъ тутъ капитанъ, какъ ночевали они не на землѣ, не на водѣ, а на лодкѣ, какъ утирались не бранымъ, не тканымъ, а конскимъ хвостомъ. Такъ и не отгадала царевна ни одной загадки. Пришлось царевнѣ плохо: по уговору надо идти замужъ за капитана, а капитанъ былъ и некрасивъ да и въ годахъ — годковъ сорокъ съ хвостикомъ было ему. И приступила царевна къ отцу перемѣнить уговоръ. „Пускай, говорить, тотъ будетъ моимъ мужемъ, кто съумѣетъ розсмѣшить меня“.

Сказано—сдѣлано. Помѣстили царевну въ одной комнатѣ, а капитанъ рядомъ въ другой, дверь изъ комнаты въ комнату не затворили. Приходитъ вечеръ, надо стлать постель.

„Петрушка!“ закричалъ капитанъ, „постели мнѣ постель“. Слушаетъ царевна, что дальше будетъ. А Петрушка принесъ тѣмъ временемъ большую, пребольшую охапку дровъ и грохнулъ её изо всей силы на полъ. „Готово, ваше б-родіе, спокойной ночи“. Не вытерпѣла царевна и разсмѣялась. Нечего дѣлать, пришлось царевнѣ держать свое слово, да только самъ капитанъ не захотѣлъ губить ея молодость, взялъ съ нея выкупъ и сталъ богатымъ, пребогатымъ.

Помехонскій у. 1889 г.

170. [Волкъ дурень].

Жилъ-былъ на свѣтѣ волкъ старый, престарый: зубы у него поломались, лапы ослабли, глаза плохо видятъ. Плохо приходится волку: хотъ ложись да помирай съ голоду. И пошелъ волкъ къ Егорью и завылъ жалобно, прejalaбно: „Егорей, Егорей, я ѣсть хочу!“... Сжалился Егорей надъ волкомъ и велѣлъ ему идти въ поле, „тамъ встрѣтишь, говоритъ, жеребенка, возьми и съѣшь его“. Пошелъ волкъ въ поле, и вправду, тамъ жеребенокъ ходитъ. Подошелъ онъ къ жеребенку да и говоритъ: „жеребенокъ, жеребенокъ, я тебя съѣмъ“. — „Эхъ, ты старый, ты старый, гдѣ тебѣ съѣсть: у тебя и зубовъ то нѣтъ!“... — „Анъ, есть!“... — „А, нѣтъ!“... — „Покажи-ка?“... Оскалилъ волкъ зубы, а жеребенокъ лягнулъ изо всѣхъ силъ по оскаленой его мордѣ да и былъ таковъ. Не взвидѣлъ волкъ свѣту Божьяго, упалъ наземъ да такъ и пролежалъ часа два. Очухался наконецъ волкъ, поднялся кое-какъ на ноги: голова трещить, ноги еле держать, въ брюхѣ караси съ голоду ходятъ. Голодъ не тетка: побрелъ нашъ волкъ опять къ Егорью и закричалъ: „Егорій, Егорій, я ѣсть хочу!“... Сжалился Егорій надъ волкомъ и сказалъ ему: „ступай въ лѣсъ, а въ томъ лѣсу дорога, а по той дорогѣ идетъ портной-забулдыга домой на побывку—возьми и съѣшь его. Побрелъ волкъ въ тотъ лѣсъ, на которой указалъ Егорій, видитъ—въ лѣсу дорога, пошелъ волкъ по дорогѣ, а навстрѣчу ему портной. Остановился волкъ посередь дороги да и говоритъ: „портной, портной, я тебя съѣмъ“. Остановился портной, посмотрѣлъ на волка да и говоритъ: „какъ тебѣ меня ѣсть? вѣдь я въ твое брюхо

не уберусь. Давай-ка, раскрой сначала ротъ, я помѣрю, войду ли я въ тебя“. Раскрылъ волкъ пасть, а портной засунулъ туда руку глубоко, схватилъ за кишки да всѣ ихъ и вывернулъ вонъ. Такъ тутъ волкъ и духъ выпустилъ.

Пошехонскій у. 1889 г.

171. [Волкъ].

Жилъ-былъ старикъ со старухой, были у нихъ мальчикъ да дѣвочка, семь овецъ, восьмой жеребецъ. Разъ пришелъ къ избѣ ихней волкъ да и завылъ: „дворецъ, дворецъ, соломенной крылецъ, у тебя есть семь овецъ, восьмой жеребецъ,—дай мнѣ овечку.

Жалко было старику овечки, да нечего дѣлать, взялъ да и отдалъ волку овечку. На другой день пришелъ опять волкъ къ избѣ и завылъ: „дворецъ, дворецъ, соломенной крылецъ, у тебя есть шесть овецъ, седьмой жеребецъ, мальчикъ да дѣвушка, старикъ да бабушка,—дай мнѣ овечку“. Нечего дѣлать, выкинулъ старикъ волку еще овечку. На третій день опять пришелъ волкъ и завылъ: „дворецъ, дворецъ, соломенной крылецъ, у тебя есть пять овецъ, шестой жеребецъ, мальчикъ да дѣвушка, старикъ да бабушка,—дай мнѣ овечку!“ Выкинули волку опять овечку. На четвертый день приходитъ опять волкъ и поетъ старую пѣсню: „дворецъ, дворецъ, соломенной крылецъ, у тебя есть четыре овцы, пятой жеребецъ, мальчикъ да дѣвушка, старикъ да бабушка—дай мнѣ овечку!“ Выкинули старикъ со старухой волку опять овечку. На пятой день приходитъ опять волкъ и поетъ старую пѣсню: „дворецъ, дворецъ, соломенной крылецъ, у тебя есть три овцы, четвертый жеребецъ, мальчикъ да дѣвушка, старикъ да баушка—дай мнѣ овечку!“ Нечего дѣлать, выкинули волку овечку. На шестой день приходитъ опять волкъ и воетъ: „дворецъ, дворецъ, соломенной крылецъ, у тебя есть двѣ овцы, третій жеребецъ, мальчикъ да дѣвушка, старикъ да баушка—дай мнѣ овечку!“ — Выкинули волку овечку. На седьмой день приходитъ волкъ и поетъ: „дворецъ, дворецъ, соломенный крылецъ, у тебя есть овца, другой жеребецъ, мальчикъ да дѣвушка, старикъ да баушка—дай мнѣ овечку!“—Выкинули

волку овечку. На восьмой день приходитъ волкъ къ избѣ и воетъ: „дворецъ, дворецъ, соломенный крылецъ, у тебя есть жеребецъ, мальчикъ да дѣвушка, старикъ да баушка—дай мнѣ жеребеночка!“... Отдали волку и жеребеночка. На девятый день пришелъ опять волкъ и завылъ: „дворецъ, дворецъ, соломенный крылецъ, у тебя есть мальчикъ да дѣвушка, старикъ да баушка, дай мнѣ мальчика!“ Отдали волку и мальчика. На десятый день пришелъ волкъ къ избѣ и запѣлъ: „дворецъ, дворецъ, соломенный крылецъ, у тебя есть дѣвушка, старикъ и баушка,—дай мнѣ дѣвушку!“ Отдали старики и дѣвушку. На одиннадцатый день приходитъ волкъ и поетъ: „дворецъ, дворецъ, соломенный крылецъ, у тебя есть старикъ и баушка,—дай мнѣ баушку!“... Жалко стало старику старухи — крѣпко-накрѣпко заперся онъ въ своей избѣ, а волку старухи не отдалъ. Провылъ волкъ цѣлую ночь да такъ ни съ чѣмъ и ушелъ въ лѣсъ. Съ тѣхъ поръ и ходить пересталъ къ избѣ.

Пошехонскій у. 1889 г.

172. [Мальчикъ съ пальчикъ].

Жилъ-былъ мужикъ съ женой да семеро ребятъ, жили они бѣдно-пребѣдно. Рубила разъ баба капусту да и отрубила себѣ палецъ. Завернула палецъ въ тряпку и положила на залавокъ, а сама знай себѣ рубить да рубить капусту. Вдругъ услышала она, что на залавкѣ кто-то плачетъ. Подошла къ залавку, развернула тряпицу, а тамъ лежитъ вмѣсто пальца „мальчикъ съ пальчикъ“. Удивилась баба, испугалась, кричать было хотѣла, да мальчикъ съ пальчикъ заговорилъ съ ней: „не бойся, баба, я мальчикъ съ пальчикъ, изъ твоего же пальца родился“. Подивилась баба чуду, пришелъ мужъ, и рассказала ему баба про диво-дивное, чудо-чудное да и „мальчика съ пальчикъ“ показала. Подивился мужикъ немало. И оставили они мальчика съ пальчикъ расти со своими дѣтками. Рости мальчикъ не выросъ, а разумомъ сразу умнѣе большого оказался.

Долго-ли, коротко-ли такъ пожилъ мужикъ съ бабой, только настала трудная тяжелая пора: хлѣба не уродилось, а дѣтокъ груды, что хочешь, то и дѣлай. Думали, думали

мужъ съ женой — ничего не придумали. Вотъ и говоритъ однажды жена мужу: „нечего дѣлать, ступай, поѣзжай въ лѣсъ, возьми съ собой ребятъ да и оставь ихъ тамъ въ лѣсу“. Подслушалъ это мальчикъ съ пальчикъ, подслушалъ, только никому не сказалъ ничего. На другой день собрался мужикъ въ лѣсъ, забралъ своихъ ребятъ и поѣхалъ. ъдетъ мужикъ, а мальчикъ съ пальчикъ еще раньше набралъ полные карманы камешевъ: ъдетъ онъ съ мужикомъ, а самъ камешекъ за камешкомъ кидаетъ на землю. Завезъ мужикъ ребятъ далеко, далеко въ лѣсъ, ссадилъ ихъ на землю и сказалъ, что скоро опять за ними пріѣдетъ, а самъ поѣхалъ домой.

Долго ждали ребята, скоро-ли пріѣдетъ батько, а батьки нѣтъ, какъ нѣтъ. Вотъ собралъ ихъ всѣхъ мальчикъ съ пальчикъ и повелъ ихъ домой, а дорогу онъ узналъ по тѣмъ камешкамъ, которые кидалъ онъ, какъ ѣхалъ въ лѣсъ.

Такъ и всплеснули руками мужъ съ женой, какъ увидали, что ребята цѣлымъ цѣлехоньки идутъ домой...

Пожили ребята дома недѣльку—другую, собрался мужикъ опять въ лѣсъ и захватилъ всѣхъ ребятъ съ собой. А мальчикъ съ пальчикъ раньше набралъ себѣ полные карманы хлѣба—зналъ онъ, что ихъ опять повезутъ въ лѣсъ да оставятъ тамъ.

Поѣхалъ мужикъ съ ребятами въ лѣсъ, а мальчикъ съ пальчикъ корочка за корочкой, кусочекъ за кусочкомъ, знай себѣ кидаетъ да кидаетъ хлѣбъ на дорогу. Завезъ мужикъ ребятъ въ дремучій, темный лѣсъ, ссадилъ съ телѣги и сказалъ, что скоро опять за ними пріѣдетъ, а самъ нахлесталъ лошадь да и уѣхалъ домой. Ждутъ ребятки часъ, ждутъ другой, а батьки нѣтъ, какъ нѣтъ. Собралъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ мальчикъ съ пальчикъ, собралъ да и повелъ домой по дорогѣ, по которой кидалъ кусочки хлѣба, только глядь—а кусочковъ то и нѣтъ: всѣ вороны склевали. Сбились ребятки съ дороги, долго путались они по лѣсу, наконецъ мальчикъ съ пальчикъ остановилъ ребятъ и полѣзъ самъ на высокую, высокую ель. Влѣзъ онъ на самую верхушку и увидалъ вдали огонекъ. Слѣзъ мальчикъ съ пальчикъ съ елки и повелъ ребятъ въ ту сторону, гдѣ свѣтился огонекъ.

Долго шли они лѣсомъ; наконецъ, пришли къ избѣ. Ве-

лѣлъ мальчикъ съ пальчикъ постучаться да попроситься ночевать, а самъ залѣзъ къ одному изъ нихъ въ карманъ и не велѣлъ про себя никому сказывать. Постукались ребята, и вышла къ нимъ старуха старая, престарая, страшная, жена людоеда великана. Самого людоеда въ то время дома не было.

Разсказали ребята старухѣ, какъ они въ лѣсу заблудились, и просили ее пустить къ себѣ ночевать. Повела ихъ старуха въ избу, а у старухи было тоже семеро дѣтокъ, почти ровесники братьямъ мальчика съ пальчикъ. Привела старуха ребятъ въ избу, накормила, напоила да и спать уложила вмѣстѣ съ своими дѣтками. Спать ребятки, не спитъ одинъ мальчикъ съ пальчикъ. Въ полночь слышитъ онъ, какъ вошелъ въ избу и самъ людоедъ. — „Славная дичина привалила къ намъ“, сказала старуха людоеду, будетъ намъ и на обѣдъ, и на ужинъ“... Поглядѣлъ людоедъ на спавшихъ, воротился опять къ старухѣ за перегородку и сказалъ: „ну, жена, накорми ты ихъ завтра хорошенько, чтобы поразжирѣли да въ банѣ вымой, а какъ улягутся спать и прирѣжь ихъ. Уйду я на всю на ночь, утромъ приду, зажарю ихъ да и съѣмъ“.

Поговорили людоедъ со старухой и залегли спать. Не спалъ только мальчикъ съ пальчикъ: думалъ думушку, какъ бы ему избавить братьевъ отъ бѣды неминуемой.

Поутру рано ушелъ людоедъ въ лѣсъ и сказалъ старухѣ, что вернется только на другой день. Проснулись и дѣтки. Старуха накормила ихъ, въ банѣ выпарила и отпустила играть со своими дѣтками. Играютъ дѣтки, а мальчикъ съ пальчикъ все примѣчаетъ да все высматриваетъ. Замѣтилъ онъ, что въ избѣ у людоеда много золота и серебра наложено, замѣтилъ онъ, что дѣтки старухи всѣ ходятъ въ шапочкахъ и шапочекъ этихъ они не снимали и прошлую ночью, замѣтилъ онъ, что у каждого надѣты на ноги сапоги-скороходы, зашагаетъ мальчишка въ нихъ, не успѣешь взглянуть на него, а ужъ онъ и изъ глазъ вонъ... Вотъ насталъ и вечеръ, накормила старуха дѣтокъ да и спать уложила, а сама стала точить свой большущій ножъ. Уснули дѣтки, не уснулъ только мальчикъ съ пальчикъ. Взялъ онъ тихонько, снялъ со старухиныхъ ребятъ шапочки и надѣлъ на своихъ братьевъ.

Наточила старуха свой ножъ и пошла къ ребятамъ, чтобы зарѣзать ихъ, и огня съ собой не взяла: не захотѣла будить своихъ дѣтокъ. Подошла къ постели, ощупала одного: безъ шапочки—хватила ножемъ и не пикнулъ, потомъ другого, третьяго—такъ и прирѣзала всѣхъ своихъ дѣтокъ.

Вытерла старуха ножъ и пошла опять къ себѣ за переборку тихонько, чтобы дѣтокъ не разбудить, завалилась на печь и захрапѣла тамъ на всю избу. Слышитъ мальчикъ съ пальчикъ, что разоспалась старуха, разбудилъ тихонько своихъ братьевъ и велѣлъ имъ одѣться. Одѣлись тихонько ребята, надѣли сапожки хозяйкиныхъ дѣтокъ, наклали полные карманы золота и серебра и вышли тихонько изъ избы. Ничего не слыхала старуха: крѣпко размарило её на печи.

Вышли ребята изъ избы и побѣжали въ сапогахъ-скороходахъ быстрѣе вѣтра буйнаго, скорѣе птицы перелетной. Живо выбѣжали они изъ лѣса и выбѣжали по счастію прямо на то мѣсто, гдѣ жилъ ихъ батько съ маткой. А тѣ ужъ горевали о своихъ дѣткахъ, думали, что растерзали ихъ волки голодные. Пришли ребята въ избу, рассказали батьку съ маткой все, что съ ними было, и выложили изъ кармановъ золото да серебро, что взяли у людоеда. Обрадовались мужъ съ женой. И стали они съ тѣхъ поръ жить въ достаткѣ, стали жить да поживать да добра наживать.

Сказка вся, и вратъ нельзя; тебѣ сказка, а мнѣ кренделей связка; тебѣ уголекъ, а мнѣ денегъ уголокъ; тебѣ курица, а мнѣ денегъ улица.

Пошехонскій у., 1889 г.

Словарь къ сказкамъ Ярославской губерніи.

Копыль — то же, что донце, на которое навязываютъ пряхи лень.

Липовый отопокъ — изношенный лапоть.

Подполье — или „подъизбица“ — помѣщеніе подъ поломъ крестьянской избы, въ которое на зиму ставятся телята и овцы.

Владимирская губерния.

173. Лиса и Волкъ.

Вотъ въ одной деревнѣ на задворкѣ стояли стога сѣна зимой, и на одинъ изъ нихъ взобралась лисица, доставшая гдѣ то себѣ рыбки. А тутъ же случилось проходить ночью волку, увидавшему лису. Онъ сказалъ ей: „здорово, кумушка!“ Она отвѣчала: „здравствуй, куманіюкъ!“ Спросилъ: — „что ты ѣшь?“ — „Рыбку“. — „Да гдѣ ты взяла?“ „Наловила въ прудѣ“. — „Какимъ ѣто способомъ?“ — „Коли хочешь, то научу“. — „Спасибо скажу; пойдемъ“. И повела кума къ пролуби. „Вотъ садись и хвостъ опусти въ воду, а рыбка и вползетъ на него грѣться“. Кумъ сѣлъ и хвостъ опустил въ пролубь, а кума ворчитъ: „ясни, ясни на небѣ, мерзни, мерзни, волчей хвостъ!“ — „Да что ты, кума, говоришь? — „И, батъко, скликаю рыбку то тебѣ“ — „Ну спасибо“. И она, увидавши, что уже пролубь замерзла, сказала: „побегу въ деревню за мѣдомъ и принесу, да и следъ простылъ. А обманутаго волка съ примерзшимъ хвостомъ оставила въ добычу мужикамъ, убившимъ его на прудѣ. Побасенка къ ней: я тамъ былъ да мѣодъ пилъ, по усамъ текло и въ ротъ не кануло“.

Г. Владимиръ, 1847 г.

174. [К о з а].

Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.
Добро же ты, коза,
Нашлю на тя волковъ.

Припѣвъ:

Волки нейдутъ козы ѣсть,—
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.
Добро же вы, волки,
Нашлю на васъ людей.

Припѣвъ:

Люди нейдутъ волковъ го-
нять,
Волки нейдутъ козы ѣсть,—
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.
Добро же вы, люди,
Нашлю на васъ медвѣдь.

Припѣвъ:

Медвѣдь неидетъ людей ла-
мать,

Люди нейдутъ волковъ гонять,
Волки нейдутъ козы ѣсть,—
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.
Добро же ты, медвѣдь,
Нашлю на тя огонь.

Припѣвъ:

Огонь нейдетъ медвѣдь па-
лить,
Медвѣдь нейдетъ людей ла-
мать и т. дал. съ преды-
дущ. куплета.
Добро же ты, огонь,
Нашлю на тя воду.

Припѣвъ:

Вода нейдетъ огонь лить,
Огонь нейдетъ медвѣдь па-
лить,
Медвѣдь нейдетъ людей ла-
мать и проч.
Добро же ты, вода,
Нашлю на тя быковъ.

Припѣвъ:

Быки нейдутъ воду пить,
Вода нейдетъ огонь лить и
проч.
Добро же вы, быки,
Нашлю на васъ тростникъ.

Припѣвъ:

Тростникъ нейдетъ быковъ
бить,
Быки нейдутъ воду пить
и проч.
Добро же ты, тростникъ,
Нашлю на тя топоръ.

Припѣвъ:

Топоръ нейдетъ тростникъ
рубить,
Тростникъ нейдетъ быковъ
бить и проч.
Добро же ты, топоръ,
Нашлю на тя камень.

Припѣвъ:

Камень нейдетъ топоръ во-
стричь,
Топоръ нейдетъ тростникъ
рубить и проч.
Добро же ты, камень,
Нашлю на тя червей.

Припѣвъ:

Червинейдутъ камень точить,
Камень нейдетъ топоръ во-
стричь и проч.
Добро же вы, черви,
Нашлю на васъ гусей.

Припѣвъ:

Гуси нейдутъ червей клевать,
Черви нейдутъ камень точить
и проч.
Добро же вы, гуси,
Нашлю на васъ дѣвокъ.

Припѣвъ:

Дѣвки нейдутъ гусей гнать,
Гуси нейдутъ червей клевать
и проч.
Добро же вы, дѣвки,
Нашлю на васъ парней.

Припѣвъ:

Парни пошли дѣвокъ гнать,
Дѣвки пошли гусей гнать,

Гуси пошли червей клевать,
 Черви пошли камень точить,
 Камень пошелъ топоръ во-
 стрить,
 Топоръ пошелъ тростникъ ру-
 бить,
 Тростникъ пошелъ быковъ
 бить,
 Быки пошли воду пить,

Вода пошла огонь лить,
 Огонь пошелъ медвѣдь па-
 лить,
 Медвѣдь пошелъ людей ла-
 мать.
 Люди пошли волковъ гонять,
 Волки пошли козу ѣсть.—
 Вотъ коза съ орѣхами,
 Вотъ коза съ калеными.

Г. Владимиръ, 1856 г.

175. Сказаніе о сынкѣ Иванушкѣ.

Жили-были старикъ со старухой. У нихъ былъ одинъ сынъ Иванушка. Жили они ни бѣдно ни богато. Всего у нихъ было въ достаткѣ, а большаго не было. Жилъ сынъ Иванушко, приходилъ во лѣта; пришелъ въ пору, не по-правилось ему житѣе у отца съ матерью. Пошелъ Иванушко въ чужу сторону поглядѣть, какъ другіе люди живутъ, погуливаютъ. Входитъ Иванушко въ одно смирно село, глядь—навстрѣчу ему мужики тащутъ на веревкахъ козла на конекъ избы. Остановился Иванъ да и спрашиваетъ, а самъ себѣ дивуется: „для чего тащутъ козла на конекъ избы?“ Отвѣчаютъ мужики Иванушкѣ: „тащимъ мы козла траву травить. На конькѣ избы трава выросла“. Дивуется Иванъ да и думаетъ: „а лучше бы скосить траву да и дать козлу“. Подумалъ Иванушко да и пошелъ далѣ. Идетъ по другому селу и видитъ—плотники бревно тянутъ. Остановился Иванъ да и спрашиваетъ, а самъ себѣ дивуется: „для чего плотники бревно тянутъ?“ Отвѣчаютъ мужики Иванушкѣ: „окоротили мы бревно, растянуть думаемъ, чтобы было бревно въ длину гоже“. Дивуется Иванъ да и думаетъ: „гожѣ бы друго бревно тамъ вставить, гдѣ бы нужно короченое, а короченое въ иную мѣсь“ (мѣсто). Подумалъ Иванушко и пошелъ далѣ. Шелъ, шелъ и завернулъ къ старухѣ въ избу. Поклонился Иванушко старухѣ, поздоровался и видитъ—старуха пѣсокъ сыплеть, а сама въ пѣсокъ глядитъ и думаетъ. Спрашиваетъ Иванъ старуху,

а самъ себѣ дивуется: „для чего старуха песокъ сыплеть?“ Отвѣщаетъ старуха Иванушкѣ: „сыплю песокъ, время мѣряю“. Поклонился Иванушко старухѣ и вышелъ вонъ изъ избы. Подивился, подивился и пошелъ домой, а самъ себѣ думаетъ: „нѣтъ умнѣе мово батюшки, нѣтъ умнѣе моей ма-тушки“. Пришолъ Иванушко домой, рассказалъ, что видѣлъ, и остался жить съ отцомъ, съ матерью.

Владимирскій у., с. Вагачово (Запись 50-хъ годовъ).

176. [О калиновой дудкѣ].

Жилъ-былъ старичекъ. У него было двѣ дочки да сынъ. Сталъ онъ сряжаться въ городъ, а дѣти говорятъ: „ба-тюшка, батюшка, что ты намъ купишь?“ — „Вамъ, дѣвки, куплю по платочку, а тебѣ, сынъ, серебряное блюдечко да золотое яичко. А вы мнѣ за то наберите ягодъ по кув-шинцу“. И далъ имъ по кувшинцу-то. И пошли они въ лѣсъ. Мальчикъ-отъ набралъ ягодъ, а дѣвки все съ молодцами проиграли. Вотъ онѣ взяли да убили брата-то, схоронили подъ кочку у дороги, а ягоды его взяли къ себѣ въ кув-шинцы и принесли домой. Пріѣхалъ отецъ. „Вотъ, батюшка, говорятъ, мы набрали ягодъ“. — „А гдѣ, говоритъ, парнишко-то?“ — „Да мы, говорятъ, кричали, кричали ему, не откли-кается“. Онъ и отдалъ имъ все, и золотое яблочко съ сереб-реннымъ блюдечкомъ.

Долго-ли, коротко-ли, на могилкѣ-то у мальчика и вы-росъ дягилекъ. Шелъ старичекъ дорогой, сломилъ этотъ дягилекъ, сдѣлалъ дудочку и заигралъ на ней. А она и стала высвистывать:

„Ахъ ты, дѣдушка,
Ахъ ты, батюшка,
Ты не прытко свищи,
Потягохоньку,
Полёгохоньку.
Ужъ не ты меня губилъ,
Ужъ не ты меня давилъ.
Какъ губили меня
Двѣ милы сестры,
Двѣ голубушки,
За блюдечко серебряное
За яблочко золотинокъ“.

Старикъ пришелъ въ деревню, попросился ночевать у отца этого паренька. Его пустили. Вотъ онъ вошелъ, помогилъ Богу, поклонился на всѣ четыре стороны, раздѣлся, разулся и полѣзъ на печь.—„А сыграть-ли вамъ, говорить, на дудочкѣ?“ — „Охъ, намъ не до дудочки“, говорить отецъ.—„Нѣтъ, говорить старикъ, вы послушайте-ко!“ Да и заигралъ. А дудочка-то и засвистала опять:

„Ахъ ты, дѣдушка,
Ахъ ты, батюшка,
Ты не прытко свищи,
Потихохоньку,
Полегохоньку.
Какъ не ты меня губилъ,
Какъ не ты меня давилъ.
Какъ губили меня
Двѣ милы сестры,
Двѣ голубушки,
За блюдечко серебряное,
За яблочко золотенькое“.

И полюбилось отцу. И онъ взялъ дудочку и заигралъ а она и запѣла:

„Охъ ты, батюшка,
Ты родимой мой!
Ты не прытко свищи,
Потихохоньку,
Полегохоньку.
Вѣдь не ты меня губилъ,
Какъ не ты меня давилъ.
Какъ губили меня
Двѣ милы сестры,
Двѣ голубушки,
За блюдечко серебряное,
За яблочко золотенькое“.

Вотъ отецъ велѣлъ и старшей дочери на этой дудочкѣ заиграть. Дудочка-то и запѣла:

„Ахъ ты, сестрица,
Ты родимая,
Ты попрытче свищи,
Ты погромче свищи.
Ужъ какъ ты меня губила,
Ужъ какъ ты меня давила

Съ меньшей сестрой,
Со голубушкой,
За блюдечко серебряное,
За яблочко золотенькое*.

Отецъ заставилъ и меньшую-то дочь играть; и у ней тоже пропѣла. Взялъ ихъ отецъ да на ворóтяхъ и разстрѣлялъ.—Вотъ тебѣ сказка, а мнѣ кринка масла.

(Слово въ слово съ разсказу 8-ми-лѣтняго мальчика). Переславскій у. 1848 г.

Тверская

губерния.

177. [Чудесная птица].

Жилъ купецъ, богатой, пребогатой. Отправился онъ на охоту, три дня пробродилъ, ничего не убилъ. „Пойду съ горя жену прибую“. Выходить на край лѣсу, сидитъ диковинная птица. Онъ хотѣлъ ее убить, а она: „не бей меня, возьми живьемъ, я тебѣ пригожусь: если кто мою голову съѣстъ, тотъ будетъ царемъ; кто крылья съѣстъ, тотъ будетъ свѣтлѣйшимъ княземъ“. Купецъ съ радостью ее взялъ, принесъ домой, забылъ трехдневное горе и усталость, посадилъ въ клѣтку, давай за ней ухаживать. Черезъ нѣкоторое время поѣхалъ на корабляхъ съ товаромъ за границу, женѣ наказалъ: „если будѣтъ пожаръ, первымъ деломъ старайся спасти Божье милосердіе и птицу, остальное все будетъ при насъ“. Черезъ нѣкоторое время жена попросила себѣ отъ скуки отца дьякона въ гости, приготовила самоварчикъ и графинчикъ, сама давай за нимъ ухаживать.—„Полно хлопотать, садись!“ — „Какъ же не хлопотать, о. дьяконъ, мужъ наказалъ, отъ грѣшнаго случая икону и птицу спасать“.—„Что за чудо? Дай я посмотрю“. Посмотрѣлъ, тоже прочиталъ означенныя слова.—„А что, вы меня любите попрежнему, началъ спрашивать дьяконъ, если такъ, то зажарьте птицу“. Она говоритъ: „никакъ не могу“.—„Если не можете, то я, значить, вамъ и не другъ“. Три дня думала она отъ мужа это дѣло сдѣлать, наконецъ согласилась птицу для дьякона зажарить, велѣла повару; двое дѣтей у нея училось въ сельскомъ училищѣ, пришли: „мамаша, кушать хотимъ“. Она спросила, какой имъ задали урокъ. Они рассказали, что задано. „Дѣточки, мнѣ некогда, ступайте къ повару, онъ дастъ вамъ кушать“. Они не застали повара въ кухнѣ; по дѣтской глупости, увидали жа-

реную птицу, разорвали пополамъ и съѣли, ушли гулять. Позвала она дьякона въ гости. „А что, птицу изготовили для меня?“ — „Готова. Горничная, вели подавать“. Поваръ хватъ, похватъ—птицы нѣту. „Какъ ты смѣлъ! куда же дѣлась?“ — „Сударыня, безъ меня дѣти ваши скушали“. — „Ахъ они проклятые“. Мать волосы драла на себѣ. „Если вы за такую дерзость ихъ не накажете, то я васъ любить не буду“. — „Что же вы мнѣ прикажете дѣлать съ этимъ?“ — „У одного вели отрѣзать руки, а у другаго вели ожарить голову“. — „Какъ это можно, о. дьяконъ?“ — „Очень просто“. Затѣмъ посылаетъ повара за дѣтьми въ училище: „попроси дѣтей у учителя, что отецъ прислалъ письмо изъ-за границы, дабы мнѣ прочитать, а я выслушала“. Поваръ приводитъ ихъ на кухню и натачиваетъ ножикъ, а самъ плачетъ. „Поваръ, объ чемъ ты плачешь, что у насъ случилось?“ — „Да мать велѣла васъ зарѣзать обоихъ“. — „Дядинька родимой, отпусти насъ“. — „Дѣлать нечего, ребята, ступайте въ садъ и въ заднюю калитку, я васъ выпровожу, болѣе въ городѣ не показывайтесь, идите, куда глаза глядятъ, а то мнѣ и вамъ бѣда будетъ“. Проводя, поваръ снялъ съ цѣпи дворовую собаку, освѣжевалъ, какъ человѣчью голову и двѣ переднія лапы изрубилъ по частно и ожарилъ. Доносить хозяйкѣ, что жаркое готово. „О. дьяконъ, я не могу быть при этомъ“. — „Дѣло ваше“. Дьяконъ нѣсколько разъ закусилъ и сказалъ: „выбросьте собакамъ“. Дѣти съ плачемъ пустились бѣжать, сами не знаютъ куды. Бѣгли полями и лѣсами, нѣсколько днѣй перебѣжали, нѣсколько разъ случалось въ лѣсу ночевать. Наконецъ въ ночное время добрались до огня, пошли на огонь и много увидели огней. Это была столица, наподобіе Москвы. Тутъ они пристали въ ветхую лачужку, попросились ночевать у старика со старухой. „Откуда, дѣтушки, идѣте, куды путь держите?“ — „Бабушка, убѣгли мы отъ матери, хотѣла насъ зарѣзать въ удовольствіе своему любовнику-дьякону“. — „Боже мой, вотъ какія матери есть“. Напоили, накормили и спать уложили. Утромъ старуха спрашиваетъ: „куда же вы, дѣтушки, пойдете?“ — „Да и сами не знаемъ, куды идти“. — „А что, старикъ, возьмемъ мы этихъ дѣтей себѣ, подъ старость хоть испытъ подадутъ, а можетъ быть, и кормильцы будутъ“. — „Да-къ что, старуха, давай не-то оставимъ“.

Поживши нѣсколько лѣтъ, не случилось въ той столицѣ царской фамиліи. Избирали въ цари такъ: проѣзжали всѣ чины въ ворота, тутъ передъ иконою стояла свѣчка; уговоръ былъ такой: надъ кѣмъ свѣчка затеплится, тому быть царемъ, а пропускали поодиначкѣ. Имъ было тогда одному лѣтъ 17, а другому 16. „Подите, дѣтушки, что тамъ такое, посмотрите и скажите, кого выберутъ въ цари“. Собрано многое множество народу; шли по порядку графы, и министры, и генералы, затѣмъ купцы, и мѣщане, и вся чернядь. Дошла очередь и до нихъ; старшій пошелъ, во время это затеплилась свѣчка. „Остановить его!“ . Эту свѣчку сняли съ огнемъ, поставили другую, второй разъ велѣли идти, свѣча во второй разъ засвѣтилась. Всѣ провозгласили: „Богъ показалъ намъ Царя! Кто ваши родные?“ Указали на старика и старуху. Меньшой братъ съ обидчивостью говоритъ: „братъ, прощай!“.— „Что же ты меня хошь оставить, не хошь раздѣлить со мною моего счастія“. — „Прощай да и все“. Затѣмъ скрылся, а братъ его сдѣлался царемъ.

Меньшой братъ пошелъ на произволь судьбы, куда глаза глядятъ. Зашелъ въ лѣсъ и заблудился, напалъ на троихъ разбойниковъ. Дѣлили они краденое добро и межъ себя спорили. Всѣмъ нравилось всё одно. „Что спорите, добрые люди“, подошелъ онъ.— „Да вотъ нажили добро, не знаемъ, какъ поровну раздѣлить“. — „Ахъ, господа, сдѣлайте вы себѣ лукъ, еще три стрѣлы по числу васъ троихъ, которая вамъ вещь нравится, стрѣляйте въ этотъ предметъ: кто попадетъ, тому достанется коверъ-самолетъ, а ниже его попадетъ, боченочекъ разводной, а выше этаго предмета попадетъ, кошелекъ-самотрясъ“. — „Ахъ, малый говоритъ правду, давай, ребята, сдѣлаемъ такъ“. Бросились отъ вещей: кто стрѣлу дѣлать, кто лукъ. Въ это время онъ обобралъ эти вещи, потому что они были невелики, и убѣжалъ. Они его догнать не могли, потому что былъ лѣсъ, роса опала. Въ концѣ концовъ пришелъ онъ въ столицу. Правительница была принцесса. Онъ вздумалъ наняться въ кучера. Парень онъ былъ молодой, красивый, она его приняла за красоту, за ловкость въ кучера. Вздумалъ онъ кучеровъ попотчивать, т. е. сдѣлать литки при поступленіи на должность: „Извольте, я васъ угощу“. А тѣ и рады. Недолго думая, взялъ свой боченочекъ, повернулъ, яви-